

РЕГИОНОЛОГИЯ

Научно-
публицистический
журнал

Учредители:

Министерство
образования
и науки
Российской
Федерации

Правительство
Республики Мордовия

НИИ регионологии
ГОУВПО «Мордовский
государственный
университет
им. Н. П. Огарева»

Журнал издается
с октября 1992 г.

Выходит 1 раз
в квартал

2/2010
(№ 71)

СОДЕРЖАНИЕ

Проблемы федерализма

- 4 **К. С. Пузырев.** Европейский регионализм: от концепта к реальности
- 15 **Е. Н. Чернова.** Реализация принципа федерализма при переходе России к информационному обществу

Политическое пространство региона и территориальное управление

- 25 **В. И. Гостенина, С. А. Шилина.** Коммуникативный код управления субъекта власти: формирование идиостиля
- 34 **А. Е. Лапин, Ю. С. Санникова.** Эволюция нормативно-правового обеспечения разработки программ и стратегий социально-экономического развития субъектов Российской Федерации
- 45 **В. П. Миничкина, М. В. Якушкин.** Мониторинг эффективности деятельности органов местного самоуправления региона
- 65 **Д. Ю. Файков, О. С. Раткевич.** Формирование стратегии развития закрытых административно-территориальных образований

Экономика региона

- 71 **С. В. Булярский, С. А. Булярская, А. О. Синицын.** Правовые основы формирования территориальных экономических кластеров
- 78 **Н. Д. Найденов, Е. Н. Новокшопова.** Территориальное распределение инвестиций в регионе
- 83 **Н. Н. Семенова, О. И. Еремина.** Государственная инвестиционная поддержка сельского хозяйства региона
- 93 **Л. И. Зинина, Т. В. Глухова.** Формирование системы регулирования регионального продовольственного рынка
- 103 **А. А. Дьяконов.** Оценка уровня социально-экономического развития г. Кирова в сравнении с административными центрами регионов Приволжского федерального округа

Редколлегия:

А. И. СУХАРЕВ
(главный редактор)
П. Ф. АНИСИМОВ
Н. М. АРСЕНТЬЕВ
И. В. БАХЛОВ
С. М. ВДОВИН
В. Д. ВОЛКОВ
Н. И. ВОРОНИНА
В. И. ГРИШИН
Д. В. ДОЛЕНКО
В. В. ИВАНОВ
Л. В. КАЛАЧИНА
(ответственный секретарь)
Б. Ф. КЕВБРИН
В. В. КОЗИН
(заместитель главного редактора)
В. В. КОНАКОВ
Н. С. КРУТОВ
Г. Ф. КУЦЕВ
Н. П. МАКАРКИН
В. В. МАРЕСЬЕВ
М. В. МОСИН
В. А. НЕЖДАНОВ
В. А. НЕЧАЕВ
С. В. ПОЛУТИН
В. А. ЮРЧЕНКОВ

Региональные проблемы науки и образования

- 110 **С. В. Полутин, А. В. Седлецкий.** Анализ инновационного потенциала региона
- 117 **О. Н. Владимирова.** Проблемы формирования и функционирования инновационной инфраструктуры в регионе
- 123 **Г. В. Барсуков, В. Т. Смирнов, С. И. Пахомов, Е. Ю. Степанова.** Современное состояние и перспективы развития подготовки научно-педагогических кадров в докторантуре
- 137 **Т. В. Клюкина.** Информационная культура и профессиональное творчество студентов-гуманитариев: теория и практика образовательной деятельности в регионе
- 149 **Е. Г. Тихонова.** Особенности адаптации иностранных студентов в вузе региона

Социология региона

- 156 **М. В. Тингаева.** Соотношение денежных доходов населения России и Республики Мордовия
- 165 **Р. С. Чумаков.** Территориальные аспекты качества жизни в регионе
- 176 **Е. Е. Горина.** Служба занятости: проблемы формирования и оптимизация функционирования
- 187 **Д. М. Борисов.** Положение гастарбайтеров в регионе
- 195 **В. Ф. Юнусбаева.** Проблемы обновления трудовых ресурсов на селе
- 200 **Л. В. Пустынникова.** Развитие молодежного общественного движения на территории городского округа г. Саров
- 207 **Т. Н. Иванова.** Социально-экономические аспекты профессиональных устремлений молодежи (на примере Тольяттинского государственного университета)
- 213 **Ю. В. Зеткина.** Социальная профилактика наркотизма в регионе

Информационное пространство региона

- 225 **К. В. Дементьева, П. Ф. Потапов.** Региональный аспект взаимодействия прессы и власти

Народы России: возрождение и развитие

- 230 **Л. И. Никонова, В. П. Савка, А. И. Карьгин.** Связующая нить прошлого и настоящего: к истории переселения мордвы на Дальний Восток
- 245 **Н. Ф. Беляева.** Этническая культура в процессах этнической идентификации и культурного диалога
- 257 **Н. А. Галактионова.** Особенности современных процессов регионализации и формирования региональной идентичности
- 265 **Т. Н. Сукопкина.** Формирование мультикультурного общества в регионе
- 275 **В. И. Добрынина, Н. С. Кулешова.** Этносоциокультурный потенциал государств постсоветского евразийского пространства
- 283 **Т. Х. Салькаев.** Специфика конфессиональной культуры Поволжья

Философия в регионе

- 289 **А. В. Лебедев.** Религиозная культура как транслятор духовно-нравственных ценностей общества
- 300 **З. Н. Хабибуллина.** Диалог мировоззрений «Восток — Запад — Россия» через призму русского космизма
- 308 **А. А. Юдин.** Региональные аспекты преодоления морального отчуждения

Региональная история и историография

- 314 **В. А. Ломшин.** Денежная реформа 1947 г. и отмена карточной системы

Провинциальная культура

- 321 **В. С. Святогорова.** Творческая интерпретация мифологии мордвы в этнофутуризме
- 331 **Е. М. Мелякина.** Становление и развитие народно-певческой культуры в регионе
- 338 **В. В. Леонов.** Образы природы в мордовской мифологии как основа формирования нравственных ценностей
- 345 **Е. А. Тинякова.** Мемориальные музеи провинции как элемент русской культуры

350

Рецензии

358

Памяти ученого

К. С. ПУЗЫРЕВ **ЕВРОПЕЙСКИЙ РЕГИОНАЛИЗМ:
ОТ КОНЦЕПТА К РЕАЛЬНОСТИ**

Ключевые слова: европейский регионализм, европейская интеграция, децентрализация, Европа регионов, региональные актеры, национальные государства, малые государства, безгосударственные нации

Key words: European regionalism, European integration, decentralisation, Europe of regions, regional actors, national states, small state, non-state nations

Современная социологическая и политическая наука отмечает значительные перемены в структуре общества в связи с феноменом глобализации, которая «разрушает индустриальное общество и другие формы Модерна по мере своего вступления в жизнь»¹. Это существенно изменило существовавшую структуру социальных, экономических и политических отношений, вызвав тектонические сдвиги². В рамках этого процесса постепенно уменьшается вес четырех ключевых атрибутов, составлявших раньше основание мощи и влияния государственной власти: контроль за экономикой, существование армии как универсального символа национальной славы, непроницаемых и твердо установленных границ, а также национальной культуры. Экономика подвержена процессам глобализации, вооруженные силы становятся по преимуществу функциональным элементом, границы трансформируются во все более проницаемые и условные, а культура все сильнее подвергается глобальным влияниям.

Развивая этот подход, С. Петчен выделяет три модели, сосуществующие в рамках современного политического процесса: традиционная, государственно-централизованная модель, которая делит планетарное человеческое сообщество на суверенные государства; модель, отрицающая географическую связь и исходящая из человеческой индивидуальности; модель регионов, которая постепенно, в особенности в Европе, побеждает³.

ПУЗЫРЕВ Константин Сергеевич, соискатель кафедры политических наук Кемеровского государственного университета.

Особую актуальность в этих условиях приобрели понятие «регион» и связанная с ним концепция «регионализации». При этом следует оговориться, что концепции «региона» и «регионализма» не являются тождественными друг другу по смыслу. Особенно это заметно при описании феномена Европы. Так, Европа может быть описана как группа стран, из чего не следует, что эти страны формируют регион, так как между ними существует много различий (культурных, политических, экономических и др.). Именно из-за этих различий Европу достаточно сложно рассматривать в качестве «когерентного региона».

При этом сама концепция «Европы» как некоторого условного целого существует достаточно давно. Исторически менялся лишь смысл этой «целостности». Так, к началу XIX в. Европа представляла собой континент, состоящий из большого количества стран. Эти страны сильно различались и имели мало общего друг с другом. Некоторые из европейских стран были сверхдержавами (Великобритания, Германия, Франция). Если статус этих держав был именно таким, то возникавшие между ними конфликты интересов приводили к войнам. При этом масштабы сотрудничества между ними были незначительными.

После Второй мировой войны начался процесс становления единой Европы в качестве акрорегиона. Европейский союз (ЕС) как формирующийся макрорегион генерировал по преимуществу экономические и политические интересы отдельных стран. Вместе с тем утверждение ЕС привело к повышению «веса» регионов более «низкого уровня». Постепенно границы между государствами союза становились все более прозрачными, что приводило к формированию так называемых «трансграничных регионов». Все это позволило экспертам заявить о складывании «Европы регионов», где территориальное измерение политики приобретало все большее значение⁴.

Приверженцы этой концепции высоко оценивают заслуги «локальной демократии», поскольку она оказывается ближе к рядовым гражданам, нежели парламентская демократия, чересчур отдаленная от нужд простых людей⁵. В свою очередь в «новом» регионализме политологи начинают видеть системы и структуры, имеющие более локализованный и открытый для взаимодействия характер, благодаря чему

существующие различия между регионами становятся важными для географических и политических исследований. Как предполагается, «новый» регионализм задает новый уровень и масштаб, в рамках которых протекают основные политические процессы⁶.

В свою очередь Б. Хокинг, характеризуя роль регионов в современной системе международных отношений, предпочитает говорить о таких феноменах, как децентрализованное управление (Non-central government), трансформация регионов в «транснациональных актеров». Кроме того, он говорит о регионах как о «мостах» и «привратниках» в разделенном границами мире, возрастающей потребности в координации в условиях ослабления роли централизованных государств, «каталитической дипломатии», в рамках которой именно регионы выступают инициаторами новых связей и отношений, формируя новые механизмы «трансграничного взаимодействия».

В связи с этим актуализируется концепция собственно «европейского регионализма». Развивая регионалистский подход, еще в 1963 г. Д. де Ружмон характеризовал государственные границы как гибкие и подвижные, жесткость которых постепенно преодолевается. При этом источником силы будущих «еврорегионов» станет не их закрытость, а способность к взаимодействию друг с другом. По мнению Д. де Ружмона, переход от нации к регионам станет «величайшим феноменом XX века»⁷.

Маастрихтский договор 1992 г., формирование ЕС и повышение роли регионов отчасти подтвердили правоту Д. де Ружмона, который, следует напомнить, связывал протекание процессов «европейской регионализации» с всеобщим переходом от суверенитета к компетенции, подвижностью границ и утверждением плюралистической модели индивидуальной идентичности.

Рассмотрим процесс регионализации в рамках общеевропейского политического процесса, выделив характерные особенности последнего.

Следует отметить, что Европа являет собой понятие, предполагающее относительную историческую проницаемость и подвижность границ. Сегодня эти границы являются особенно прозрачными, поскольку Европа все активнее проникает в окружающий мир. Такая Европа достаточно хрупка

и уязвима, однако не может отказаться от своей миссии в условиях глобализации пространства, децентрализации власти и фрагментации авторитета.

Следует помнить, что рассмотрение регионов как средства преодоления чрезмерной централизации в системе государственного управления актуализировалось в Европе в конце XIX в. Она не была непосредственно связана с обще-европейскими проблемами, но последовательно проявилась в Бельгии, Шотландии, Каталонии, Стране Басков, она вошла в общеевропейскую политическую повестку, побуждая к переменам. Австрия приступила к территориальным преобразованиям в 1920 г., создав систему земель с высоким уровнем автономии со статусом субъекта федерации. Реорганизованная в посленацистский период Германия решила многие свои проблемы в 1949 г., передав значительную часть властных полномочий землям. Италия начала постепенно «прощаться» с централизмом в 70-е гг. XX в.

Лишь на более поздней стадии движущей силой процесса регионализации стал сам ЕС, попытавшийся воздействовать на этот процесс. Его непосредственным интересом, помимо утверждения демократии, являлось стимулирование политической эмансипации регионов. Б. Колер-Кох отмечает повышение роли регионов в системе европейской политики. В итоге Еврокомиссия заявляет о необходимости создания долговременной политической схемы с учетом усложнившихся социально-экономических и политических условий. В современной ситуации, как заключает комиссия, сети между различными территориальными уровнями (супранациональным, национальным, региональным, местным) следует создать для сохранения процесса регионализации управляемым и эффективным. При этом границы между формальным воздействием и неформальным влиянием в сетях все более стираются⁸.

В рамках процессов евроинтеграции происходят усиление политического веса регионов, его превращение в ключевого субъекта согласования и представительства интересов, партнерское управление (в рамках партнерского союза «государство — гражданское общество»), вовлечение региональных актеров в европейский процесс, доминирование государственных актеров⁹.

Создается впечатление, что формирующаяся институциональная модель имеет двойственный характер, не предполагает ввода в политику ЕС новых фигур, не обеспечивает равновесия между уже сложившимися и вводимыми сегодня институтами. Так, в течение последних пятнадцати лет, как считают эксперты, ЕС так и не сформулировал четкой платформы по этому вопросу. Хотя некоторая ясность все же проявляется. В силу этого следует обратиться к истории формирования концепта «Европы регионов».

Изначально отцы-основатели европейской интеграции были настроены антinationалистически, рассматривая национализм в качестве главной причины «Европейской гражданской войны» 1933—1945 гг., и сделали ставку на «надгосударственную» централизацию¹⁰. Европейское соглашение по углю и стали было нацелено на то, чтобы поставить ключевые отрасли индустрии под наднациональный контроль. Создание Евроатома вдохновлялось подобными целями. Европейская интеграция была направлена на ослабление суверенитета европейских национальных государств, и поэтому амбиции регионов, ставших государствами в XIX в., воспринимались как анахронизм.

Европейская интеграция представляла собой централизацию процесса принятия политических решений. Подобная централизация распространялась на сферы экономической и монетарной политики, включала в свою орбиту сферы внешней политики, национальную оборонную и внутреннюю безопасность. Этот процесс, с одной стороны, заполнял разрыв между населением регионов и потребителями общественных благ, с другой — главные центры принятия решений соотносились с различными группами населения.

Европейская интеграция генерировала ряд политических вызовов регионам, поскольку проводимая ЕС политика способствовала деэволюции регионов многих государств в направлении федеративного статуса (ст. 146 Маастрихтского договора допускала право региональных министров представлять свои территории в Европейском совете министров по вопросам собственной компетенции). В дополнение к этому ключевым каналом влияния европейских регионов на центры принятия решений в рамках ЕС оставались их национальные правительства. Чем лучше региональные интересы были выражены в рамках национальных политических систем,

тем более эффективно они отстаивались в Брюсселе¹¹. При этом, несмотря на то, что процессы евроинтеграции объективно подрывали интересы многих целевых групп, интересы которых выражали этнорегионалистские партии, эти партии постепенно вырабатывали с момента проведения первых выборов в Европейский парламент благоприятное отношение к процессам европейской интеграции.

Целями Демократической партии народов Европы (Европейского свободного союза народов, основанного на принципах солидарности и субсидиарности; защита прав человека и прав народов, особенно права на самоопределение; защита окружающей среды и обеспечение устойчивого развития; создание общества, основанного на солидарности и прогрессивной политике, социальном сотрудничестве и равных возможностях для всех граждан. Эти принципы были подтверждены и закреплены в манифесте Европейского свободного Альянса, подготовленном в 1996 г. на межправительственной конференции, уточнившей имидж партий проинтеграционистского и федералистского толка.

При этом далеко не все этнорегионалистские партии, официальное руководство которых поддерживает процесс евроинтеграции, являются евроэнтузиастами. Некоторые из них (например, «Лига Севера») менее склоняются к созданию наднациональной Европы и скорее склоняются к межправительственной или конфедеративной модели, в рамках которой эти регионы могли бы конституировать самостоятельные государства-нации. Кроме того, даже когда многие из подобных партий склоняются к идее «Европы регионов», федеративная модель из двух уровней (Европа и регионы) не предполагается ими с очевидностью. Таким образом, ликвидация государств, к которым они принадлежат, открыто не заявляется, вследствие чего этнорегионалистские партии требуют более широкого представительства их региона в составе делегаций, представляющих их страны в рамках институтов ЕС.

Наряду с этим европейская интеграция вместе с другими формами международной интеграции и кооперации, расширением масштаба традиционных государственных функций, а также глобализация экономики ослабили классические аргументы против «малых государств»¹². Во-первых, созда-

ние таможенного и монетарного союзов включило в общий экономический контекст страны с незначительным производственным потенциалом. Продукция их производств получила доступ на обширные рынки, в то время как крупные производители нашли малые страны привлекательными для своих инвестиций в той мере, в какой последние стали частью открытой экономики и были готовы защищать интересы бизнеса в рамках специальных экономических программ. Во-вторых, для регионов, стремившихся к независимости, введение евро решило проблему проведения расчетов, что поставило новые независимые регионы-государства перед задачей создания собственной валюты и продвижения ее на мировых рынках в рамках переходного периода, традиционно характеризующегося напряжением и хаосом, типичными для сепаратистских процессов. В свою очередь расширение НАТО постепенно сосредоточило в руках альянса оборонительные функции, ранее присущие национальным государствам. В известном смысле «большие» государства тоже стали «малыми», неспособными осуществлять классические государственные функции должным образом.

Однако новый международный институциональный контекст, с одной стороны, позволяет западноевропейским государствам выживать и процветать¹³ (и не только для малых стран, подобных Бенелюксу, Дании или Ирландии, но и для более крупных стран), с другой — это уменьшило экономическую и военную цену за выбор «независимости в рамках Европы».

Наряду с этим европейская интеграция приводила к ослаблению национальных государств. Так, передача компетенций с национального уровня на уровень ЕС и другим национальным организациям, подобным НАТО, последовательно ослабляла национальное государство «сверху». В то же время во многих странах, столкнувшихся с этно-региональной мобилизацией, унитарное государство было ослаблено «снизу» посредством процесса «асимметричной федерализации» (Бельгия, Испания), регионализации или деэволюции (Франция, Италия, Великобритания).

Внедрение принципа субсидиарности, изначально предполагавшего только урегулирование процесса разделения полномочий между ЕС и национальными государствами, приобрело расширенное толкование благодаря Комитету регионов

и другим региональным структурам и включило в себя разделение полномочий между регионами, с одной стороны, и между ЕС и национальными государствами — с другой. Так или иначе, в относительном смысле региональный уровень приобрел значимость как уровень принятия властных решений по отношению к уровню национальных государств.

В то же время реализация принципов регионализма в Европе столкнулась с рядом кризисных и конфликтных ситуаций. Политический процесс во многих случаях приобретает регионально-национальное измерение. Формирующиеся национальные движения выражают интересы «субгосударственных меньшинств», пытающихся защитить региональную идентичность в противостоянии процессам гомогенизации и механизмам «надзора» со стороны национальных государств. Подобные движения приобретали разнообразные формы, нередко доходя до политической стадии самовыражения. Так или иначе, с 1960-х гг. XX в. произошло оживление ряда национально-региональных движений, связанных с инстинктом самосохранения в отношении утрачиваемой национальной идентичности, которая постепенно переходила в контрнаступление. Последнее в этот период имело место в Бретани, Эльзасе, на Корсике, во Фландрии, Валлонии, Уэльсе, Шотландии, Стране Басков, Каталонии. Аналогичные движения в не столь ярко выраженной форме возникли и в таких децентрализованных государствах, как Германия и Италия, будучи выражением региональных идентичностей, избежавших ассимиляции со стороны централизованного государства.

Помимо этого, под сенью национальных государств Западной Европы все более отчетливо проявляются внутринациональные течения, стремящиеся сохранить (иногда в рамках тех же наций, иногда в противостоянии с государствами) поликультурный характер этих наций. Национальное государство начинает восприниматься как своеобразный «сэндвич», сжатый этими набравшими силу течениями, к которым добавляются пока еще слабые течения супранационального характера, связанные в том числе и с процессами набирающей ход европейской интеграции. В итоге консолидированные на региональном уровне «безгосударственные нации» (каталонцы, баски, фламандцы, корсиканцы) могут реализовать свою национальную специфику и региональные

интересы через структуры ЕС, не прибегая к демонтажу национальных государств, в состав которых они входят.

Другой существенной проблемой европейского регионализма являются усиливающиеся межрегиональные различия. Европейская интеграция углубляет межрегиональные диспаритеты и до известной степени делает более «периферийными» маргинальные регионы, параллельно усиливая сильные регионы¹⁴. Так, вскоре после создания ЕС и объявления им курса на регионализацию чехи отказались платить за словаков, а словенцы — за македонцев, что привело к демонтажу бывших Чехословакии и Югославии. Сегодня итальянцы Севера отказываются платить за «негров Юга», и следует ожидать, что ЕС и Еврокомиссия должны осудить подобную позицию как антиевропейскую. Если в 90-е гг. «вирус» европейского национализма был в тени, то на рубеже 2000-х гг. он все активнее пытается подчинить себе идею регионализма, угрожая базовым принципам построения ЕС. Поэтому ЕС не может поощрять Фландрию и ряд действующих в ней политических сил, стремящихся к отделению от Бельгии и пытающихся соединить в своей деятельности экстремистский национализм и выгоды от принадлежности к европейской супранациональной инстанции.

Несмотря на риторику и предпринимаемые ЕС усилия, бюджет, направляемый на устранение региональных диспаритетов, был недостаточным. В дополнение к этому экономические диспаритеты усиливались политическими: в наиболее отстающих регионах, в которых дотации ЕС составляли значительную часть ВВП, политическая этнорегиональная мобилизация была достаточно слабой, в то время как этнорегионалистские партии набирали силу именно в процветающих регионах¹⁵.

Опыт отдельных стран в реализации модели европейского регионализма сегодня неоднозначен. Современная практика предлагает различные пути реализации идеи регионализма в Европе. Хорошо известна считающаяся почти эталонной швейцарская модель регионализма. Так, швейцарские германофоны и франкофоны, живущие в автономных территориальных общинах (коммунах), почти не знают языка друг друга. С другой стороны, возникает общеевропейская рефлексия по поводу лингвистических проблем. Бельгия первоначально являлась централизованной монархией на

французский манер, в которой доминировали франкофоны, не признававшие до конца XIX в. официального статуса нидерландского языка. Демонтаж централизма и переход к федеративному устройству актуализировали ряд проблем, не проявлявшихся ранее. Именно бельгийцам предстоит определить сегодня, куда они желают идти¹⁶.

Очевидно, что сегодня в рамках формирующейся общеевропейской конструкции невозможно выстроить единую модель государственно-территориального устройства. Федерация с множеством народов, как видно на примерах бывших СССР и Югославии, сформированные в том числе и посредством насильственных методов и бывшие вполне функциональными в рамках авторитарных режимов, пришли к быстрому распаду вследствие произошедшей либерализации. В связи с этим возможно лишь отчасти определить атрибуты итоговой модели формирующегося «европейского федерализма». Иные из моделей, подтвердившие свою прочность и опирающиеся на более чем столетнюю традицию (подобно Швейцарии), являют собой уникальный случай и едва ли могут быть широко употребляемыми. Бельгийская модель, порожденная этнолингвистическими противоречиями и нацеленная на проведение отчетливой этнолингвистической границы между фламандцами и валлонами, также едва ли может считаться универсальной для Европы. Испанская модель «государства автономий», выделяющая субъекты на национальной и территориальной основе и отражающая тем самым этнолингвистическую специфику территорий (Страны Басков и Каталонии), не может считаться базовой в силу сохраняющегося этнополитического напряжения.

Так или иначе, модель регионов не является жестким «корсетом» для народов Европы, и сам регионалистский подход способен привести процесс строительства общеевропейского пространства как к успеху, так и к неудаче. Моделью регионов могут воспользоваться все народы, используя регионализм не столько как структуру, сколько как политическую концепцию, способствующую преодолению издержек чрезмерного администрирования и недостаточной гибкости в системе государственно-территориального управления.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Beck U. Risk Society. Towards a New Modernity. L.: Sage, 1992. P. 10.

² См.: Cockerham W.C. The Global Society. An Introduction to sociology. Birmingham: University of Alabama, 1995. P. 6.

³ См.: Petchen S. Nationalismus und das Evropa der Regionen // Welt Trends. 1994. № 4. S. 123.

⁴ См.: Gilbert A. The new regional geography in English and French speaking countries // Progress in Human Geography. 1988. Vol. 12. P. 208—228.

⁵ См.: Giblin B. Langues et territoires: une question géopolitique // Herodote. 2002. Avril. P. 3—14.

⁶ См.: Sayer R.A. The «new» Regional Geography and problems of narrative // Environment and Planning. D: Society and Space. 1989. Vol. 7. P. 253—276.

⁷ См.: Rougemont D. De. Vers une fédération des régions // Naissance de l'Europe des Régions. Genf, 1968. P. 35.

⁸ См.: Kohler-Koch B. Regionen als Handlungseinheiten in der europäischen Politik // Kraemer R. (Hrsg.). Regionen in der Europäischen Union. Berlin: Berliner Debatte Wissenschaftsverlag, 1998. S. 51.

⁹ Op. cit. S. 55—60.

¹⁰ См.: Lynch P. Co-operation between Regionalist Parties at the Level of the European Union // De Winter L., Turksan H. (eds.). Regionalist Parties in Western Europe. L.: Routledge, 1998. P. 179.

¹¹ См.: Keating M. The New Regionalism in Western Europe. Territorial Restructuring and Political Change. Cheltenham, 1998. P. 66.

¹² См.: Hobsbawm E.J. Nations and Nationalism since 1780. Programme, Myth, Reality. Cambridge: Canto, 1992. P. 31.

¹³ См.: Milward A. The European Rescue of the Nation-State. L.: Routledge, 1992. P. 300—317.

¹⁴ См.: De Grauwe P. Monetary Policy in Euroland. Papers of Vlaams Wetenschappelijk Economisch Congress, 2000. 26 p.

¹⁵ См.: Fearon J., Van Houten P. The Politicization of Cultural and Economic Differences. Papers for delivery at the 1998 annual meeting of the American Political Science Association. Boston, September, 1998. P. 16—18.

¹⁶ См.: Pomian K. En Belgique, c'est l'Europe qui se joue // Le Monde. 2008. 21 janvier.

Поступила 24.02.10.

Е. Н. ЧЕРНОВА

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПА ФЕДЕРАЛИЗМА ПРИ ПЕРЕХОДЕ РОССИИ К ИНФОРМАЦИОННОМУ ОБЩЕСТВУ

Ключевые слова: федерализм, информационное общество, цифровое неравенство, региональная информатизация

Key words: federalism, informational society, digital inequality, regional informatisation

Необходимость модернизации социально-экономического развития России определяется формированием информационного общества. Под ним понимается определенный этап развития современной цивилизации, характеризующейся увеличением роли информации и знаний в жизни общества; возрастанием доли информационных коммуникаций, продуктов и услуг в ВВП; созданием глобального информационного пространства, обеспечивающего эффективное информационное взаимодействие людей, их доступ к мировым информационным ресурсам и удовлетворение их социальных и личностных потребностей в информационных продуктах и услугах¹.

Процесс вхождения в информационное общество является сложным, нелинейным, противоречивым, и его определяющими факторами наряду с наукой и техникой являются системы разнообразных экономических, культурных, идеологических, политико-правовых ресурсов, взаимодействующих посредством механизмов обратных связей. В Российской Федерации действуют нормативно-правовые акты всех уровней, определяющие процесс вхождения страны в глобальное информационное общество. Среди них основополагающими являются Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации, Концепция региональной информа-

ЧЕРНОВА Елена Николаевна, аспирант кафедры социально-гуманитарных дисциплин Саранского кооперативного института.

тизации, Концепция формирования в Российской Федерации электронного правительства.

На основе анализа этих документов можно сделать вывод, что большинство принципов государственной политики в сфере информатизации исходит из ключевого для российской государственности принципа федерализма. Обеспечение выравнивания темпов вхождения отдельных регионов в информационное общество является стратегической задачей, проявляющей себя сквозь призму укрепления основ федерализма, хотя прямо в этом аспекте не постулируемой. Глубинная связь процессов информатизации и федерализации в последнее время начинает осознаваться исследователями при столкновении с так называемым региональным «цифровым неравенством». Поэтому мы считаем, что теоретикам и практикам построения информационного общества в России крайне важно учитывать специфику российской модели федерализма.

Современная наука рассматривает федерализм как принцип, режим и форму государственного устройства, позволяющие обеспечить единство и разделение государственной власти в условиях ее территориальной организации на нескольких уровнях. При этом федерализм как принцип ушел далеко за рамки применения только во внутригосударственных отношениях. Понятие федерации перестало ассоциироваться только с государством. «Оно стало использоваться для характеристики такой организационной структуры, в которой, во-первых, существует общий центр, реализующий устойчивые общие интересы всех входящих в организацию единиц, и, во-вторых, объединившиеся единицы сохраняют достаточно широкие полномочия для выражения политических и иных интересов своего населения»².

Идеи федералистского толка не сдерживаются пределами государственных границ и формами государственного устройства. Многие правовые институты федерации присутствуют во всех цивилизованных государствах независимо от того, какая форма государственного устройства в них официально провозглашена.

Современными исследователями используется термин «федерализация», т. е. внедрение принципов федерализма в государственное строительство, а также в организацию негосударственных и межгосударственных образований. По

мнению Л. М. Карапетяна, понятие «федерализм» применимо лишь к состоявшемуся государству. «Понятие „федерализм“ содержит философию качественно определенного государственного устройства, оно составляет теоретико-методологическую основу организации федеративного устройства. А „федерация“ — тип реальной государственной организации, соответствующей всем принципам федерализма и являющейся воплощением его философии»³. В. Е. Чиркин и И. А. Умнова рассматривают федерализм и федерацию как самостоятельные явления. Основными положениями такого подхода является то, что понятие «федерализм» шире, чем «федерация»; федерализм соотносится с процессом, динамикой, развитием явлений, а федерация характеризует статическое, организационное, институциональное состояние; федерализм — это теория и практика государственного строительства не только федераций, но и конфедераций, и унитарных государств, тогда как федерация не может быть учреждена на принципах иных, нежели основные принципы федерализма⁴. Вторую точку зрения разделяет большинство российских исследователей.

Для североамериканских и западноевропейских научных школ характерно разграничение между федерализмом как нормативной и философской концепцией и федерацией как описательным термином обозначения особого типа институциональных отношений. П. Кинг, Д. Элейзер, Р. Уоттс в рамках нормативистской концепции трактуют федерализм как средство обеспечения одновременно политической интеграции и политической свободы в сочетании в одном случае с разделением управления (компетенции), в другом — с самоуправлением⁵.

Обобщая взгляды современных зарубежных исследователей, можно выделить несколько принципов федерализма: наличие у двух уровней управления (федерации и ее субъектов) прямого выхода на граждан; распределение законодательных и исполнительных полномочий и финансовых годовых доходов между уровнями власти; представительство регионов в федеральных властных институтах; отказ от «жесткой» конституции, исключающей возможность адаптации к требованиям членов союза; наличие посредника в форме суда или референдума между двумя уровнями власти; поддержка межправительственных отношений федерации с регионами

и регионов между собой; разделение властей в регионах; единство политического режима по всей вертикали власти.

В любом случае внимательное отношение к теории и учет практики федерализма в США, Канаде и других ведущих странах мира необходимы в процессе совершенствования федеративных отношений в России. Многолетний процесс федеративного строительства государств обогащает теорию федерализма новыми подходами, определениями, которые постепенно внедряются в отечественную науку и практику. Понятие «федерализм» тесно связано с демократией, самоуправлением, правами и свободами человека и гражданина и не сводится лишь к форме государственного устройства — федерации. В настоящее время наиболее предпочтительной является децентрализованная федерация, федеративные отношения, основанные на принципе субсидиарности.

Симметричная федерация предполагает однопорядковый конституционный статус субъектов, асимметричная — наличие частей с неодинаковым правовым статусом. Первая модель характеризуется тем, что наряду с субъектами федерации в состав государства входят другие территориальные образования: федеральный округ, «ассоциированные государства», федеральные территории (США). Вторая модель включает только субъекты, но они неодинаковые (Россия).

Подход к построению федерации может быть территориальным (США) или национально-территориальным (Российская Федерация). Национальный принцип федеративного устройства, по мнению большинства исследователей, недопустим. Причину распада СССР, Чехословакии, Югославии они видят в гипертрофированной роли национального фактора, положенного в основу федерации⁶.

Территориальный принцип не предполагает учета национального фактора и тем самым способствует укреплению государственности, но тяготеет к излишней централизации, так как не учитывает коллективные права компактно проживающих национальных групп. В настоящее время большинство федераций основано на территориальном принципе, который складывался исторически и решал задачи централизации и интеграции. В необходимых случаях территориальный подход к федерации должен быть дополнен культурно-национальной автономией.

Национально-территориальный подход к строительству федерации соответствует международно признанному коллективному праву народов на самоопределение, он способствует интеграции частей распавшегося унитарного государства, ускорению экономического и культурного развития окраинных регионов, а также способен снять противоречия между национальностями. Однако с течением времени он может порождать сепаратистские тенденции. Российская Федерация базируется на трех принципах: территориальном (края, области), этнотерриториальном (автономная область, автономный округ), национально-государственном (республики).

В. Е. Чиркин пишет о том, что тенденция развития федерализма последних десятилетий XX в. «заключалась в сочетании принципов кооперативного федерализма (сотрудничества федерации и субъектов) с усилением централизации по принципиальным вопросам политического значения и децентрализацией по социально-экономическим вопросам. Поскольку эта тенденция подтверждена временем и опытом самых различных федераций, ее, видимо, следует иметь в виду, определяя пути развития Российской Федерации»⁷.

В истории современного российского федерализма легко различимы два этапа. Децентрализация государственной власти 1991—1999 гг. привела к появлению дезинтеграционных процессов в федеративных отношениях. Этап централизации, начавшийся с 2000 г., характеризуется кардинальным реформированием сложившихся федеративных отношений в России.

В настоящее время идут сложные процессы формирования отношений в федеративном государстве на новых демократических принципах равноправия субъектов федерации, разграничения предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и ее субъектов, равноправия и самоопределения народов, разделения властей на законодательную, исполнительную и судебную, разнообразия форм государственной власти на региональном уровне, отделения местного самоуправления от государственной власти. В этих условиях последовательная реализация принципа федерализма в решающей степени обусловлена устойчивостью информационного взаимодействия между центром и регионами, всеми ветвями и уровнями федеральной и региональной власти, исключением

любых проявлений информационного сепаратизма, попыток нарушить единое информационное пространство страны, общегосударственную информационную инфраструктуру и систему национальных информационных ресурсов.

Проблема цифрового неравенства остро стоит на международном уровне и внутри отдельно взятого государства. Ключевой проблемой реализации принципа федерализма в процессе информатизации является разноскоростная интеграция российских регионов в информационное общество. Социальное неравенство предстает в новой, информационной форме и имеет два вида: «knowledge gap» — расслоение по уровню знания, образования и «digital divide» — разрыв в уровне возможностей доступа к информационно-коммуникационным технологиям (ИКТ)⁸. Наряду с бюджетным неравенством региональное цифровое неравенство порождает реальную опасность расшатывания основ федеративного устройства, политического и экономического единства страны.

Региональное информационное неравенство является следствием разноуровневых процессов. Во-первых, это неравномерность развития информационной инфраструктуры как условия вхождения в информационное общество. К настоящему времени 50 % регионов разработали и утвердили программы по развитию информационного общества, более половины из которых сводятся к внедрению информационных технологий в органах государственной власти. Комплексные программы утверждены в 21 субъекте, и лишь в четырех регионах они соответствуют требованиям Правительства РФ⁹. Во-вторых, это разрыв в уровне проникновения в жизнедеятельность региона информационных технологий. По отдельным показателям разрыв составляет десятки раз, а в отдельных случаях — сотни. Обеспечение надлежащих правовых гарантий информационной безопасности является необходимым условием повышения доверия населения к инновациям. В настоящее время не оформлено законодательство по электронному документообороту, поэтому, в частности, оплата в электронном виде государственной услуги при помощи портала государственных услуг (www.gosuslugi.ru) остается вопросом будущего¹⁰. В-третьих, это разрыв в уровне «присутствия» субъектов в федеральном центре, когда учет локальных предпочтений зависит от доступа к соответствующим региональным информаци-

онным ресурсам. В регионах-лидерах уже осуществлена компьютеризация органов власти, работают их интернет-представительства.

В осуществлении комплексного подхода к построению информационного общества в России необходим учет особенностей регионов (например, возможность получать информацию на региональных сайтах на родном для местных жителей языке). В интернет-пространстве регионов, в которых наиболее эффективно реализуются задачи по информационному образованию, необходимо организовать отдельные блоги, где специалисты смогут переписываться и обмениваться опытом.

Следует отметить, что среди лидеров региональной информатизации находятся не самые финансово-благополучные регионы, многое зависит от эффективности работы региональных органов государственной власти, правильной расстановки приоритетов. Информатизация регионов связана с развитием не только ИКТ, но и человеческого потенциала, бизнес-среды. Количественные изменения, даже такие ключевые, как рост финансирования, не могут привести к успеху в краткосрочной перспективе. Развитие и функционирование информационно-коммуникационной инфраструктуры невозможно без перехода на иной качественный уровень в технологии управления, правовом регулировании, производстве знаний, подготовке профессионалов.

Без целенаправленного развития науки и образования информатизация региона может быть подменена псевдоинформатизацией, наличием формальных структур, распространением информационных продуктов и услуг низкого качества. Показательно, что в республиканской целевой программе «Формирование информационного общества в Республике Мордовия до 2015 года» улучшение условий становления информационного общества напрямую связывается с состоянием человеческого капитала, под которым понимается совокупность знаний и навыков населения, используемых в трудовой деятельности и способствующих развитию информационного общества, эффективному использованию ИКТ в различных сферах деятельности¹¹.

Федеративные отношения должны эволюционировать по мере внедрения ИКТ в государственное строительство и общественную жизнь. Взаимодействие власти, гражданского

общества, бизнеса, осуществляемое в ходе беспрепятственной коммуникации на основе полноты и всеобщей доступности информации, несомненно, трансформирует систему федеративных отношений. Единое пространство федеративного государства предстает как единое информационное пространство, в котором сосуществуют вектор интеграции и дезинтеграции, превалирования национальных особенностей и интересов. Прогрессивный потенциал «общества знания» может быть в полной мере раскрыт при объединении государственных и негосударственных информационных ресурсов, информационно-коммуникационных сетей и систем в единую общегосударственную информационно-коммуникационную инфраструктуру и систему национальных информационных ресурсов. В то же время необходимо избежать противоречащих принципу федерализма последствий неравномерной информатизации: усиления контроля и централизации власти; поддержания информационной зависимости менее развитых регионов; нивелирования региональных особенностей в унифицированном коммуникационном пространстве; информационной изоляции отдаленных регионов; информационных угроз целостности и безопасности федеративного государства; обострения межрегиональной конкуренции.

Таким образом, от своевременного решения проблемы цифрового неравенства зависит геополитическая стабильность федеративной структуры.

Единство правового и экономического пространства страны во многом обеспечивается актуальностью прогнозов социально-экономического развития территорий. В информационном обществе возрастает эффективность формирования программ развития регионов, так как создаются необходимые условия для функционирования целостной информационной системы выработки социально-экономической политики, единых методов сбора и анализа информации. В правовом поле, например, разрешается проблема неоднозначного толкования региональными органами государственной власти и управления общих рекомендаций федерального центра по заполнению прогнозных форм. Обработка информации эффективнее осуществляется на уровне регионов, что показывает целостную картину состояния субъекта федерации. Информатизация открывает широкие возможности управления региональным развитием в оперативном режиме, на подробно

разработанном с позиции науки и практики уровне. Замена централизованного планирования комплексной, основанной на системном подходе к развитию регионов политикой повышает результативность федеративного сотрудничества.

Небывалое ранее расширение возможностей доступа к информации и мгновенной коммуникации в мировоззренческом плане трансформирует представления об укреплении федеративной системы как усилении «вертикали» власти. На первый план при реализации принципа федерализма выходит теперь поддержание непосредственных связей с местными сообществами и гражданами, учет интересов которых выражает сущность федеративной организации государства. Федерализация «сверху», без учета локальных предпочтений, вступает в противоречие с децентрализованными, гибкими, дифференцированными связями и отношениями информационной эры. Федеративное государственное строительство в новой цивилизации закономерно обновляется по мере усиления гражданского общества.

Теоретически сконструированные Э. Тоффлером и И. Масудой принципы организации информационного общества (полицентризм, отсутствие жесткой иерархии, сотрудничество) отчетливо выражают идеал развития и функционирования федеративной системы. Поддержание баланса сил и интересов за счет большей самостоятельности регионов осмысливается теоретиками федерализма уже не только с политико-правовых позиций, но и с социально-философской точки зрения¹². Информационное общество и федерацию мы можем рассматривать как саморазвивающуюся систему, в которой противостоят тенденции интеграции и дифференциации, стремление к единству и автономии, усиление связей, взаимообусловленности и стремление к сохранению неповторимости собственной организации.

Рассмотрение процессов информатизации и федерализации, на наш взгляд, способствует пониманию специфики вхождения России в глобальное информационное общество, позволяет приблизить концептуальные построения к реальной практике российской государственности. Цивилизационную, экономическую, политическую, духовно-культурную и другие составляющие современного федерализма необходимо рассматривать в русле региональной информатизации, обладающей огромным прогрессивным потенциалом системной

реконструкции российского федерализма. В то же время процесс информатизации порождает неустойчивость и риски, новое социальное неравенство, угрожающие политическому и экономическому единству федерации.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Русско-английский глоссарий по информационному обществу. URL: <http://www.iis.ru/glossary/infosociety.ru.html> (дата обращения: 01.02.2010).

² Крылов Б.С. Федерализм и его будущее // Журн. рос. права. 1999. № 1. С. 108.

³ Карапетян Л.М. Федеративное устройство Российского государства. М.: Изд-во НОРМА, 2001. С. 5.

⁴ См.: Чиркин В.Е. Современное федеративное государство. М.: Изд-во Моск. независимого ин-та междунар. права, 1997. 124 с.; Умнова И.А. Конституционные основы современного российского федерализма. М.: Дело, 1998. 278 с.

⁵ См.: Кинг П. Классифицирование федераций // Полис. 2000. № 5. С. 6—18; Элейзер Д. Сравнительный федерализм // Полис. 1995. № 5. С. 106—115; Силинов П.М. О некоторых концепциях федерализма в зарубежной литературе // Государство и право. 2000. № 5. С. 85—87.

⁶ См.: Чиркин В.Е. Модели современного федерализма: сравнительный анализ // Государство и право. 1994. № 8/9. С. 150—158; Российский федерализм. Экономико-правовые проблемы. СПб.: Ин-т экономики РАН, 2008. 320 с.

⁷ См.: Чиркин В.Е. Российский федерализм и международный опыт // Журн. рос. права. 1997. № 4. С. 71.

⁸ См.: Белова Л.Г., Стриженко А.А. Информационное общество: трансформация экономических отношений в мировой экономике. М.: МГУ, 2007. С. 141.

⁹ См.: Шадрина Т. Субъект в Интернете. URL: <http://www.rg.ru/printable/2010/04/20/rejting.html> (дата обращения: 20.03.2010).

¹⁰ См.: Справочно-информационный портал государственных услуг. URL: <http://www.gosuslugi.ru/ru/clients/reg> (дата обращения: 01.03.2010).

¹¹ См.: Официальный сайт органов государственной власти Республики Мордовия. URL: <http://www.e-mordovia.ru/main/pravitelstvo/pages/docs/nauka/1.php> (дата обращения: 01.03.2010).

¹² См.: Глигич-Золотарева М., Добрынин Н. Федеративное государство и самоорганизация: опыт синергетического анализа // Федерализм. 2007. № 1. С. 5—28.

Поступила 30.03.10.

В. И. ГОСТЕНИНА

С. А. ШИЛИНА

КОММУНИКАТИВНЫЙ КОД УПРАВЛЕНИЯ СУБЪЕКТА ВЛАСТИ: ФОРМИРОВАНИЕ ИДИОСТИЛЯ

Ключевые слова: идиостиль, субъект власти, коммуникативный код
Key words: ideo-style, power body, communicative code

Современный процесс нелинейного развития создает плюрализм социально-экономических отношений, обусловленных новыми правилами управления, которые в России формируются быстро и хаотично. Спонтанная трансформация российского общества приводит к неравновесности рыночного института управления и объектов управления, обуславливая необходимость изучения социального управления многосторонне¹. Интегральное значение социального управления заставляет обратиться к языку как речевому общению, целевая установка которого — коммуникация, необходимая для управления связанного кооперативными потребностями коллектива.

ГОСТЕНИНА Валентина Ивановна, заведующая кафедрой рекламы и связей с общественностью Брянского государственного университета, доктор социологических наук, профессор.

ШИЛИНА Светлана Александровна, доцент кафедры русского языка Брянского государственного университета, кандидат филологических наук.

Речь как феноменологическая интерсубъективность, данная человеку через социолингвистический код коммуникации, изучающая широкий комплекс социолингвистических проблем², связана с механизмом управления, в котором понимание смысла аналогично кибернетической трактовке процесса передачи информации с помощью кодирования-декодирования. Результатом управления является предвидение, последующее конструирование будущего положения вещей и достижение объектом управления прогнозируемого состояния. Попытки синтезировать социологическую и естественно-историческую мотивировку управления социальными явлениями в контексте языковой деятельности приводит сторонников этой концепции не только к фонетической и морфологической теориям, но и к соотношению мышления языковыми образами с современными кодовыми информационными технологиями управления.

Обратимся к функционированию власти в «ипостаси» «генерализованного средства информации» Н. Лумана. Власть необходима потому (и в этом «оправдание» ее бытия), что она «своей обоюдонаправленной селективностью... упорядочивает социальные ситуации»³. Через одно из важнейших понятий в теории Н. Лумана — «двойную контингенцию» — следует трактовать коммуникативный код субъекта власти и, как его следствие, необходимость для субъекта власти нахождения общего языка с народом и необходимость поисков оптимального решения вопроса о государственном (-ых) языке (-ах). Проблема «двойной контингенции» решается Н. Луманом в аксиологическом плане, а именно: обращением к гипотетической сумме общих норм и ценностей. «Двойная контингенция» диктует ориентации коммуникаций на общепринятый в данном социуме коммуникативный код. В социолингвистике ее называют бинарным кодом языка. Код заключается в том, что для всего, что говорится, язык предлагает позитивную и негативную редакции⁴. Вывод Н. Лумана о смысловой бинарности языка возможно трактовать и как наличие в равной возможности выражать и «да», и «нет».

Анализ такой перспективы в российских условиях обусловлен социальными факторами формирования идентичности предмета субъект-объектного коммуникативного взаимодействия.

Исходная форма выражения языковой личности субъекта власти определяется коммуникационным кодом как особым способом отражения реальности. Идентификация властвующего субъекта с объектами управления в повседневной социальности реализуется с помощью метакода, который предстает модусом повседневной фактичности, наполненным двусмысленностью. Функциональное использование кода коммуникации осуществляется вне зависимости от семантики произнесенного и отражает комбинацию или смену комбинаций знаков.

Код коммуникации может быть использован и для анализа бинарности иного порядка, где смыслозначимым оказывается выбор кода субъекта власти как принадлежность к одной из сторон в бинарном поле «свое — чужое». Именно такой подход позволяет говорить о конструировании социальной реальности, что предполагает выработку единомотивированности, формальной идентичности, содержательной адекватности властно-коммуникативных интенций. Таким образом, мы всегда связаны с определенностью вещей через речь и вовлечены в коммуникацию как обращение со смыслами, предполагающими определенную интерпретативность, присутствующую пониманию. Власть не сможет реализовать собственную сущность, если в своем соционормативном компоненте игнорирует сенсорные языковые «формулы власти». Н. Луман проясняет глубинный механизм подобного коммуникативного фиаско, доказывает, что оно носит универсальный характер. В случае пренебрежения «формулами власти» произойдет разрушение «смысловых идентичностей», которые «могут породиться лишь рекурсивно». Однако, согласно закону о единстве и борьбе противоположностей, некое разрушение и «стилистический шум» в коммуникации могут служить и делу обретения «смысловых идентичностей».

Для решения практических задач управления важность приобретает вопрос о языке власти, но не в смысле «власти» языка, а в том, как через язык власть объективирует и реализует себя и как социальный институт, и как важнейшее коммуникативное средство. Представленные интенции коммуникационного кода позволяют продолжить исследование, представленное в ряде публикаций⁵, и рассмотреть контекст вербальных и невербальных семантических единиц субъекта власти с позиций социологии управления в каче-

стве комплекса связанных между собой денотатов (различных явлений действительности) на предмет идентификации власти и управляемых ею объектов. Основанием для такого исследования служит онтологический анализ посланий, представляемых властвующим субъектом Президентом РФ ежегодно Федеральному Собранию.

Необходимо, на наш взгляд, рассмотреть понятие «субъектность», перенесенное из современной социологической теории структурализма, в которой оно трактуется как обладающая парадоксальным и противоречивым значением, на лингвистическую основу, где определяется в качестве синонима «личности» или «деятеля». Сложность понимания субъектности обусловлена неоднозначностью деятельности, действия, авторства, а также отражения состояния подчинения (subjection), так как использование в социологии дефиниции «субъект» предполагает как деятельность, так и подчинение. В данном контексте субъектность возможно рассматривать как самосознание субъектов в социальной конструкции, принимающей формы, соответствующие различным типам управления, существующим в обществе. В этом смысле понятие субъектности пересекается с определением идентичности.

Пример текстов посланий Президентов РФ (Б. Н. Ельцина, В. В. Путина, Д. А. Медведева) отражает идентификацию личности Президента со страной, народом, от чьего имени ведется повествование. «Однако одной из серьезнейших ошибок было другое — мы убедили людей в том, что процесс преобразований пройдет легко и быстро»⁶ — эти слова в Послании Б. Н. Ельцина подтверждают его уверенность в легковёрности адресатов, в безоговорочном доверии людей власти, от имени которой изложено Послание. Самосознание главенства (primasy) властвующего субъекта представлено в традиционном допущении приравнивания и некотором возвышении властного субъекта над всеми ветвями власти. «Вторым фактором, приведшим к кризису, стала слабость самого государства. Она выразилась в неспособности ветвей власти принять согласованное решение даже под угрозой острейшего финансового кризиса»⁷. Еще один аспект идентификации (Мы=страна) подтверждает следующий контекст: «...основным смыслом развития страны, главной идеей нашего вхождения в XXI век должно стать повышение конкурентоспособности российской экономики»⁸.

Стратегическая направленность идентификации Президента РФ с государством, гражданами, страной, обществом в целом заключена и в других текстах. Однако управленческие тексты как результат властного взаимодействия не должны пониматься лишь как следствие теоретико-познавательного анализа, поскольку познание предметностей — это не просто интеллектуальная функция, но и осмысленное жизненное свершение, которое может быть понято исходя из способа управления, обусловленного процессом передачи и восприятия информации в условиях межличностной и массовой коммуникации при помощи различных коммуникационных средств.

Речевое поведение властного субъекта в данных контекстах раскрывает языковую личность в аспекте индивидуального словесного творчества, и речь приобретает не безличный, а персонифицированный оттенок, характеризуя «языковую личность», понятие, которое занимает важное место в социологии и лингвистике. Языковая личность включает ряд характеристик, например, индивидуальное словесное творчество, имеющее не безличностный, а персонифицированный характер; неотъемлемую часть языка личности представляет умение проявлять интеллект через использование языка, способность человека создавать и воспринимать речевые произведения, способность приспособляться к новым языковым условиям, перманентно адаптируясь к различным внешним влияниям.

Идиостиль отражает творческий, личностный и через него общественный уровень представлений и отношений к миру изображаемому и миру реальному, к событиям и идеям определенной эпохи, «сыном» которой является автор. Считаем возможным ограничиться рассмотрением таких важных констант идиостиля, реализуемых средствами лексического уровня, как специфика экспликации субъективной позиции автора в контексте, «пристрастие к определенным приемам создания образности в контекстах»⁹.

Идиостиль обнаруживает себя в результате текстопорождающей и эстетической деятельности личности и отражается в интеграции предпочтительных жанров, средств и приемов, необходимых для построения текста и передачи не только информации, но и эмотивно-экспрессивных компонентов. Состав языковых средств — материальное воплощение установок и взглядов человека на то, в какую «упаковку»

следует облечь то или иное содержание. Установки зависят от целей, замысла, взглядов автора на языковую материю и проявляются в тенденциях отбора и сочетания средств, предназначенных для их воплощения. «Состав средств идиолекта в силу этого оказывается относительно очерченным, допускающим учет, классификацию, описание и сравнение / сопоставление, и, безусловно, отличным от состава идиолекта любой другой языковой личности»¹⁰.

Наиболее заметное место занимает в нем, по нашему убеждению, лексика определенных пластов — стилистически окрашенная, призванная усилить или передать то или иное впечатление, оценку, характеристику, художественно-эстетический эффект и т. п., ибо одной из особенностей текста любого жанра является передача не только эксплицитной, ко и имплицитной информации, отражающей именно субъективно-личностный аспект. Предпочтение определенных кодифицированных языковых средств, устанавливаемое по их частотности, представляет собой особенность идиостиля¹¹. В исследованиях Е. И. Дибровой идиостиль как стилистический параметр относится к способу выражения содержания текста в коммуникативно-когнитивной модели текстопорождения¹². Подчеркнем — индивидуально, выявляющему субъективные пристрастия через предпочтение.

Идиостиль проявляется также в предпочтении традиционной или расширяющей валентные связи слов синтагматики, в пристрастии к определенным сцеплениям, в тяготении к отдельным типам сочетаемости, управления формами, т. е. идиостиль проявляется в приемах «сцепления» слов. Предпочтительное использование каких-либо приемов и способов их введения составляет несомненный признак идиостиля. Итак, идиостиль — это «индивидуально устанавливаемая языковой личностью система отношений к разнообразным средствам и способам авторепрезентации через идиолект»¹³.

Актуальность исследования идиостиля Президента РФ как субъекта власти обусловлена решением социальных проблем, которые зависят от ситуаций, существующих в обществе, и властных отношений, реализуемых в коммуникации. Современные информационные технологии управления основаны на различных кодах, в этом контексте важно рассмотреть общее направление исследования коммуникаций как сенсорного (смыслового) кода, который помогает разобраться

в отношениях субъекта и объекта власти. В связи с этим социолингвистические аспекты феномена власти имеют в современном мире особое значение, которые к тому же обусловлены и языковой ситуацией.

Исходная задача субъекта власти состоит в том, чтобы выстроить коммуникативные «горизонталы» и «вертикали». В результате должна сложиться не только единая команда профессионалов-управленцев, но и единообразное коммуникативное поле, в котором бы начальный коммуникативный импульс находил свое развитие и продолжение во всех структурных субъектах власти и воспринимался бы объектом управления как коллегиальное решение, обязательное для исполнения.

Это предполагает выработку единомотивированности, формальной единообразности, содержательной адекватности властно-коммуникативных интенций. Для устранения коммуникативных помех и барьеров необходима четкая регламентация обязанностей, полномочий, ответственности и должностных лиц, и коллегиальных субъектов власти. При этом основные компоненты властно-коммуникативных действий должны находить адекватное отражение в содержании управленческих текстов, в их устной или письменной форме. Управленческие тексты должны быть коммуникативно маркированными и в известной степени отражать избранный стиль руководства. Начало формирования такого стиля находим в посланиях Президента РФ Д. А. Медведева. «Политические свободы граждан и их частная собственность — неприкосновенны»¹⁴. Использование высокой лексики, что характерно для политического дискурса, придает высказыванию торжественность и демонстрирует подчеркнуто уважительное отношение к реципиенту.

В нижеприведенном контексте соседство высоких (книжных) и сниженных (разговорные фразеологизмы) элементов языка создает впечатление глубокой заинтересованности адресанта Послания в постулируемых положениях, передает его равнодушное, эмоционально окрашенное отношение к высказываемому: «В основе моего представления о будущем глубокая убежденность в необходимости и возможности обретения Россией статуса мировой державы на принципиально новой основе. Престиж Отечества и национальное благосостояние не могут до бесконечности определяться

достижениями прошлого, ведь производственные комплексы по добыче нефти и газа, обеспечивающие львиную долю бюджетных поступлений... создано большей частью еще советскими специалистами, иными словами, это создано не нами. И хотя до сих пор удерживает нашу страну, что называется, „на плаву”, но стремительно устаревает... Настало время нам, то есть сегодняшним поколениям российского народа, сказать свое слово, поднять Россию на новую, более высокую ступень развития цивилизации»¹⁵.

В следующем примере мелиоративно окрашенные определения призваны подчеркнуть важность тех мыслей, которые стремятся донести до адресата через Послание В. В. Путина: «Хотел бы отметить, что духовное единство народа и объединяющие нас моральные ценности — это такой же важный фактор развития, как политическая и экономическая стабильность. Убежден, общество лишь тогда способно ставить и решать масштабные национальные задачи — когда у него есть общая система нравственных ориентиров. Когда в стране хранят уважение к родному языку, к самобытным культурным ценностям, к памяти своих предков, к каждой странице нашей отечественной истории»¹⁶.

Как видно из приведенных отрывков, главная установка адресантов Послания — передача не только эксплицитной, но и имплицитной информации, отражающей субъективно-личностный аспект. Предпочтение определенных кодифицированных языковых средств, устанавливаемое по их частотности, представляет собой особенность идиостиля. Опираясь на размышления Е. Д. Поливанова о языковой эволюции, можно констатировать, что в процессе речевой коммуникации происходят изменения, позволяющие делать «...определенный выбор (в составе символа)», который «уже предопределен семантическим заданием и решение (выбор того или другого порядка слов) зависит не от творчества говорящего индивидуума, а от социально существующей системы языка»¹⁷.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Пригожин А.И. Организационная культура и ее преобразование // Обществ. науки и современность. 2003. № 5. С. 12—23; Кравченко С.А. Нелинейная социокультурная динамика: играйзационный подход. М.: МГИМО — Университет, 2006. 169 с.; Гостенина В.И., Корюкин А.П.

Социальное партнерство в управлении корпоративной культурой. М.: Прометей, 2005. 119 с.

² См.: Швейцер А.Д. Социоллингвистика // Русский язык: энцикл. / гл. ред. Ю.Н. Караулов. М.: Науч. изд-во «Большая Российская энциклопедия»; Издат. дом «Дрофа», 1997. С. 523—525; Поливанов Е.Д. Статьи по общему языкознанию. М.: Гл. ред. вост. лит-ры изд-ва «Наука», 1968. 376 с.

³ Луман Н. Власть / пер. с нем. А.Ю. Антоновского. М.: Праксис, 2001. С. 17—18.

⁴ См.: Его же. Медиа коммуникации / пер. с нем. А. Глухов, О. Никифоров. М.: Изд-во «Логос», 2005. 280 с.

⁵ См.: Гостенина В.И., Шилина С.А. Код вербальной коммуникации субъекта власти как отражение языковой личности // IV Всерос. науч. конф. Сорокинские чтения «Отечественная социология: обретение будущего через прошлое». Рязань, 2008. С. 81—83; Их же. Управление вербальным социоллингвистическим кодом субъекта власти в коммуникативном процессе. М.: Изд-во «МГИМО — Университет», 2008. 207 с.; Шилина С.А. Анализ социоллингвистического кода субъекта власти как социальной характеристики коммуникационного процесса // Социология власти. 2009. № 6. С. 88—95.

⁶ Послание Президента России Бориса Ельцина Федеральному Собранию РФ: Россия на рубеже эпох. 1999 год. URL: <http://www.intelros.ru> (дата обращения: 13.11.2009).

⁷ Там же. С. 4.

⁸ Там же. С. 9.

⁹ См.: Леденева В.В. Особенности идиолекта Н.С. Лескова. М.: МПУ, 2000. 185 с.

¹⁰ Там же. С. 126.

¹¹ Там же. С. 127.

¹² См.: Диброва Е.И. Коммуникативно-когнитивная модель текстопорождения // Семантика языковых единиц: доклады V Междунар. конф. М., 1996. Т. 2. С. 133—139.

¹³ Леденева В.В. Особенности идиолекта ... С. 128.

¹⁴ Полный текст Послания Д. Медведева Федеральному Собранию // Финмаркет. 05.11.2008. 16:34. Главные новости. С. 3.

¹⁵ Медведев Д.А. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации 12 ноября 2009 года, 13:45. Москва, Большой Кремлевский дворец. URL: <http://www.kremlin.ru/transcripts/5979> (дата обращения: 13.11.2009).

¹⁶ Послание Федеральному Собранию Российской Федерации Президента России Владимира Путина // Рос. газ. Федер. вып. № 4353. 2007. 27 апр. С. 2.

¹⁷ Поливанов Е.Д. Статьи по общему языкознанию ... С. 58—59.

Поступила 25.11.09.

А. Е. ЛАПИН

Ю. С. САННИКОВА

ЭВОЛЮЦИЯ НОРМАТИВНО-ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ РАЗРАБОТКИ ПРОГРАММ И СТРАТЕГИЙ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Ключевые слова: программа социально-экономического развития субъекта РФ, региональная экономическая политика, государственное регулирование, прогноз территориального развития, эффективность региональных органов исполнительной власти

Key words: programme for social and economic development of the Russian Federation constituent entity, regional economic policy, state regulation, forecast for territorial development, efficiency of regional state power bodies activities

Вопросам совершенствования управления региональным развитием традиционно уделяется значительное внимание при осуществлении государственного регулирования экономики, а также административных реформ. При этом для проблемных регионов использование программно-целевого подхода считается одним из основных и эффективных инструментов подъема экономики¹. Однако для результатив-

ЛАПИН Анатолий Евгеньевич, заведующий кафедрой экономического анализа и государственного управления Ульяновского государственного университета, доктор экономических наук, профессор.

САННИКОВА Юлия Сергеевна, аспирант кафедры экономического анализа и государственного управления Ульяновского государственного университета.

ной разработки и реализации целевых программ (и других аналогичных документов долгосрочного характера действия) необходимо представлять эволюцию их нормативно-правового обеспечения на федеральном уровне, задающем основные требования и критерии. Предпримем попытку систематизации и упорядочивания федерального законодательного обеспечения программно-целевого развития субъектов РФ. В этом контексте мы выделяем три этапа, у каждого из которых есть свои особенности.

I этап (1991—1999 гг.) характеризуется становлением в России системы управления региональным развитием, поиском путей и способов взаимодействия различных уровней власти. Главным актом, имеющим наивысшую юридическую силу на всей территории страны, является Конституция РФ, устанавливающая территориальное деление страны на республики, края, области, города федерального значения, автономные области, автономные округа. Они имеют свой устав (конституцию), законодательство, равенство в своих взаимоотношениях с федеральным центром. В Конституции РФ четко прописаны федеративное устройство страны, иерархия государственной власти и вопросы, связанные с разграничением предметов ведения, согласно которым федеральные программы в области государственного, экономического, экологического, социального, культурного и национального развития страны находятся в ведении РФ.

Одним из первых официальных документов, регулирующих порядок разработки прогнозов и программ социально-экономического развития России, стал Федеральный закон от 20 июля 1995 г. № 115-ФЗ «О государственном прогнозировании и программах социально-экономического развития Российской Федерации». Согласно этому закону, программа социально-экономического развития представляет собой комплексную систему целевых ориентиров социально-экономического развития и планируемых государством эффективных путей и средств достижения указанных ориентиров. Под концепцией социально-экономического развития понимается система представлений о стратегических целях и приоритетах социально-экономической политики государства, важнейших направлениях и средствах реализации указанных целей. Разработка концепции социально-экономического развития РФ происходит на основе прогноза социально-экономического развития на долгосрочную перспективу. В кон-

цепции социально-экономического развития конкретизируются варианты социально-экономического развития страны, определяются возможные цели социально-экономического развития, а также пути и средства достижения указанных целей. Программа социально-экономического развития на среднесрочную перспективу разрабатывается на период от трех до пяти лет и ежегодно корректируется.

Для реализации вышеуказанного федерального закона в том же 1995 г. было утверждено Постановление Правительства РФ от 27 ноября 1995 г. № 1170 «О разработке прогноза и программы социально-экономического развития Российской Федерации на 1996—2000 годы, прогноза и концепции социально-экономического развития Российской Федерации на 1996—2005 годы». В документе определялись мероприятия по реализации поставленной задачи, а также закрепление соответствующих федеральных органов исполнительной власти, каждый из которых должен был подготовить аналитические и статистические материалы и предложения по развитию своей отрасли на перспективу. На основе собранной и обработанной информации было произведено описание исходного состояния российской экономики к 1996 г., проведен комплексный анализ ее состояния и взаимодействия основных элементов социально-экономической системы. В ходе анализа учитывались не только базовые характеристики экономики, но и особенности переходного периода, связанные с расширением сферы рыночных отношений. Выявлены аспекты, требующие более глубокой проработки, которые должны были осуществляться с привлечением министерств, ведомств и научных организаций.

Следующим шагом в процессе нормативно-правового развития регионального планирования стало Письмо первого заместителя министра экономики РФ от 25 декабря 1995 г. «О нормативно-методических материалах для разработки прогнозов социально-экономического развития Российской Федерации на 1996—2000 годы и на 1996—2005 годы». Оно было подготовлено для обеспечения работы по разработке программ и прогнозов социально-экономического развития. В состав указанных материалов входили формы и состав показателей для разработки прогнозов, перечень утвержденных федеральных целевых программ, информация об их предполагаемом финансировании и основные положения

системы разработки государственных прогнозов социального и экономического развития. Материалы охватывали вопросы взаимодействия федеральных органов исполнительной власти и органов исполнительной власти субъектов Федерации по разработке прогнозов социально-экономического развития, отражали основные методические подходы к прогнозированию.

Перед органами исполнительной власти субъектов РФ ставилась задача разработать варианты сценарные отраслевые, секторальные и региональные долгосрочные и среднесрочные прогнозы. При этом необходимо было обеспечить соблюдение подхода, согласно которому цели и приоритеты среднесрочного прогноза являлись конкретизацией долгосрочных целей и приоритетов. Средства и пути достижения долгосрочных целей должны быть конкретизированы в среднесрочном периоде и т. д.

Общеметодологический подход к разработке программ должен был формироваться на основе выявления проблем и угроз развития соответствующей отрасли, сектора, сферы экономики региона. Затем с учетом общих целей и приоритетов развития экономики определялись цели и приоритеты для каждого объекта. Далее на основе сопоставления проблем и угроз с целями и приоритетами определялись средства и методы достижения целей и приоритетов с учетом необходимости решения имеющихся социально-экономических проблем и наличия общих ограничений (ресурсных, финансовых, кадровых и т. д.). Одновременно с разработкой прогнозов определялись перечни социально-экономических проблем, которые следует прорабатывать дополнительно, и предложения по их решению.

С точки зрения формирования системы управления региональным развитием в РФ особо следует выделить Указ Президента РФ от 3 июня 1996 г. № 803 «Об основных положениях региональной политики в Российской Федерации». Главными целями предстоящего десятилетия были стабилизация производства, возобновление экономического роста в каждом из регионов России, повышение на этой основе уровня жизни населения, создание научно-технических предпосылок укрепления позиций России в мире. Для решения задач территориального развития требовалось усовершенствовать механизм реализации региональной

экономической политики, а с 1996 г. акцент в реализации региональной экономической политики сместился на прогнозирование и программирование.

При разработке общероссийских прогнозов и программ особое место было отведено региональному аспекту, что должно было дать регионам необходимые ориентиры, позволяющие им определить общероссийские тенденции, свое место в межрегиональном разделении труда, наметить и скорректировать в прогнозируемой динамике собственные регулирующие воздействия на экономические и социальные процессы. В проектах долгосрочных и среднесрочных программ, согласно этому Указу, необходимо отражать вопросы совершенствования региональной экономической политики.

Среди форм реализации региональной политики особое место отводилось разработке и реализации федеральных целевых программ (ФЦП) социально-экономического развития регионов. Перечни ФЦП определялись при подготовке общероссийских концепций и программ на среднесрочную и долгосрочную перспективы и входили в состав данных документов. Большое внимание в Указе уделено регулированию международной и внешнеэкономической деятельности регионов, при этом была обещана государственная поддержка программам регионального развития субъектов РФ, предусматривающим укрепление экспортного потенциала и становление импортозамещающих производств.

В 1996 г. также вышло Постановление Правительства РФ от 7 декабря 1996 г. № 1450 «О совершенствовании механизма государственной поддержки развития регионов Российской Федерации», отражающее попытку создания механизма оказания государственной помощи регионам России различного типа в условиях их усиливающейся дифференциации. С этой целью Правительство РФ постановило организовать Правительственную комиссию по государственной поддержке развития регионов страны, в обязанности которой входили подготовка для предоставления в Правительство РФ предложений по определению приоритетных направлений регионального развития на перспективу; рассмотрение проектов ФЦП развития регионов РФ и предоставление Правительству РФ заключений по этим проектам; подготовка на этапе составления проектов годовых прогнозов социально-экономического развития РФ, перечня ФЦП развития регионов, подлежащих

финансированию за счет средств федерального бюджета; организация работ по совершенствованию системы мониторинга социально-экономического развития регионов РФ и др.

Следующим шагом в данном направлении стал Федеральный закон от 22 января 1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации». С точки зрения регионального программирования этот закон важен тем, что регламентирует действия лиц, ответственных за процесс разработки, утверждения и финансирования программ социально-экономического развития. Формирование и осуществление мер по обеспечению комплексного социально-экономического развития субъекта РФ закреплены за высшим исполнительным органом государственной власти субъекта, который несет ответственность за разработку для предоставления высшим должностным лицом субъекта в законодательный орган государственной власти проектов программ социально-экономического развития субъекта РФ. К полномочиям законодательного органа государственной власти субъекта РФ относится утверждение в виде закона субъекта РФ программ социально-экономического развития региона, предоставленных высшим должностным лицом субъекта РФ. Законы субъекта РФ (в том числе программы), принятые законодательным органом государственной власти, возвращаются высшему должностному лицу региона для обнародования.

Финансирование мероприятий программы, находящихся в полномочии органов государственной власти региона, происходит ими самостоятельно, т. е. за счет средств бюджета субъекта РФ. Осуществление мероприятий программы может дополнительно финансироваться за счет средств федерального бюджета и федеральных государственных внебюджетных фондов, в том числе в соответствии с федеральными целевыми программами.

На II этапе (2000—2006 гг.) с 2000 г. происходят усиление роли России на международной арене и стабилизация экономики внутри страны. В этих условиях становится понятно, что для каждого субъекта РФ необходим индивидуальный подход, но в то же время он должен соответствовать определенной модели. В связи с этим было принято Распоряжение Правительства РФ от 14 июня 2001 г. № 800-р,

в котором говорилось о том, что для совершенствования процесса разработки, утверждения и реализации программ экономического и социального развития необходимо утвердить их порядок согласования с федеральными органами исполнительной власти, а также утвердить типовой макет таких программ, обеспечить регистрацию и учет программ, включающих мероприятия, финансируемые с использованием средств федерального бюджета.

Для исполнения указанного распоряжения был издан Приказ Министерства экономического развития и торговли РФ от 17 июня 2002 г. № 170 «О совершенствовании разработки, утверждения и реализации программ экономического и социального развития субъектов Российской Федерации». В нем утверждены и порядок согласования мероприятий, содержащихся в программах и имеющих федеральное значение, и типовой макет программы развития региона.

Приложение 1 к этому приказу содержит информацию о порядке согласования с федеральными органами исполнительной власти региональных программ социально-экономического развития, имеющих федеральное значение и предлагаемых к финансированию с использованием средств федерального бюджета. Приложение 2 посвящено типовому макету программы экономического и социального развития субъекта РФ, главное назначение которого состоит в обеспечении методологического единства региональных программ и согласовании их с государственной стратегией экономического и социального развития.

Основное содержание программы социально-экономического развития региона, согласно типовому макету, должно иметь соответствующую структуру: социально-экономическое положение и основные направления развития субъекта России (положение региона, проблемы развития, оценка мер по улучшению положения); цели, задачи, сроки и этапы реализации программы; система программных мероприятий; механизм реализации программы; ресурсное обеспечение программы; оценка эффективности, социально-экономических и экологических последствий от реализации программы; организация управления программой, контроль за ее реализацией.

Осенью 2001 г. с целью сокращения различий в уровне социально-экономического развития регионов России Постановлением Правительства РФ от 11 октября № 717

2001 г. была утверждена Федеральная целевая программа «Сокращение различий в социально-экономическом развитии регионов Российской Федерации (2002—2010 годы и до 2015 года)», основными целями которой были сокращение различий в социально-экономическом развитии регионов, уменьшение разрыва по основным показателям социально-экономического развития между наиболее развитыми и отстающими регионами, формирование условий развития регионов-аутсайдеров, создание благоприятной среды развития в них предпринимательской деятельности, улучшение инвестиционного климата и повышение эффективности государственной поддержки регионов.

Мероприятия, разрабатываемые в рамках реализации ФЦП, должны были быть направлены на улучшение условий жизни в наиболее отстающих регионах. Механизм реализации предполагал проведение отбора регионов для оказания им государственной поддержки. В структуре финансирования программы было выделено два приоритетных направления: поддержка социальных проектов и строительство объектов инженерной инфраструктуры. Обязательным условием для отбора регионов являлось наличие проектов, демонстрирующих возможность уменьшения различий в социально-экономическом развитии регионов и содержащих перечень необходимых мер, расчеты требуемых для этого финансовых ресурсов и обоснование невозможности решения проблемы самостоятельно, без использования средств федерального бюджета. Объекты программы должны были отбираться по результатам конкурса проектов, предоставленных регионами. Несмотря на явно возрастающий уровень региональной дифференциации, Распоряжением Правительства РФ от 20 октября 2006 г. № 1454-р реализация этой ФЦП была остановлена.

Последним документом, относящимся ко второму этапу, является Градостроительный кодекс РФ, утвержденный 29 декабря 2004 г. ФЗ № 190-ФЗ. Согласно кодексу, территориальное планирование в стране направлено на определение назначения территорий исходя из «совокупности социальных, экономических, экологических и иных факторов в целях обеспечения устойчивого развития территорий, развития инженерной, транспортной и социальной инфраструктур, обеспечения учета интересов граждан и их объединений».

Реализация схемы территориального планирования осуществляется на основании «пакета» документов, среди которых обязательно должна присутствовать программа социально-экономического развития субъекта РФ.

III этап (с 2007 г. до настоящего времени) характеризуется, во-первых, внесением дополнений в уже разработанные акты и, во-вторых, разработкой комплексных программ социального и экономического развития на долгосрочную перспективу. Для обеспечения более эффективной разработки программ социально-экономического развития был подписан Приказ Министерства регионального развития РФ от 27 февраля 2007 г. № 14 «Об утверждении требований к стратегии социально-экономического развития субъекта Российской Федерации». Впервые было предложено разрабатывать именно стратегию социально-экономического развития, опирающуюся на долгосрочные приоритеты, цели и задачи. В стратегии рекомендовалось отражать существующее состояние региона, основные проблемы, сценарии и приоритетные направления развития региона как социально-экономической единицы, объединяемой территорией и административными структурами управления. Несколько пунктов приказа посвящено процессу разработки стратегии и основному ее содержанию.

В качестве механизмов реализации стратегии необходимо разрабатывать экономическую, энергетическую и бюджетную политику органов исполнительной власти региона, также предусмотреть разработку необходимых региональных целевых программ и включение в стратегию ФЦП. Стратегия должна включать в себя общие параметры бюджетного финансирования, разделенные по приоритетным направлениям и отдельным мерам государственного управления.

Также Президентом РФ подписан Указ от 28 июня 2007 г. № 825 «Об оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов РФ», согласно которому был утвержден соответствующий перечень показателей. Один из его пунктов посвящен вопросу финансирования программ развития субъектов РФ. В нем говорится о доле расходов консолидированного бюджета региона России, формируемой в рамках программ развития, в общем объеме расходов консолидированного бюджета субъекта РФ. Таким образом, чем выше этот показатель, тем более прогрессивным в субъекте РФ считается выбранная модель, а также инструменты управления региональным развитием.

Все нормативно-правовые акты, разрабатываемые Правительством РФ на протяжении последних лет, были использованы при разработке Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г., утвержденной Распоряжением Правительства РФ от 17 ноября 2008 г. № 1662-р. Главной целью разработки Концепции было «определение путей и способов обеспечения в долгосрочной перспективе (2008—2020 годы) устойчивого повышения благосостояния российских граждан, национальной безопасности, динамичного развития экономики, укрепления позиций России в мировом сообществе». В соответствии с этой целью в Концепции были сформулированы основные направления долгосрочного социально-экономического развития страны с учетом вызовов предстоящего периода; стратегия достижения поставленных целей, включая способы и этапы; формы и механизмы партнерства государства, бизнеса и общества; цели, приоритеты и основные задачи долгосрочной государственной политики в научной, социальной сферах, а также структурных преобразований в экономике; цели и приоритеты внешнеэкономической политики; параметры территориального развития российской экономики.

Были подведены итоги социально-экономического развития России в 1990—2007 гг., характеризующиеся переходом к рыночной экономике, обеспечением макроэкономической стабильности, преодолением спада производства и потребления; рассмотрены основные вызовы, с которыми может столкнуться Россия, и заданы целевые ориентиры достижения уровня экономического и социального развития, соответствующего статусу России как ведущей мировой державы XXI в.

Целый раздел Концепции посвящен региональной политике в РФ, направленной на обеспечение сбалансированного социально-экономического развития субъектов РФ, сокращение уровня межрегиональной дифференциации в социально-экономическом состоянии регионов и качестве жизни. Все усилили регионов направляются на обеспечение *инновационного* характера долгосрочного социально-экономического развития страны. Для этой цели планируются развитие научно-технического и образовательного потенциала крупных городских агломераций; формирование территориально-производственных кластеров, ориентированных на высокотехнологичные производства в приоритетных отраслях экономики; образование и развитие туристско-рекре-

ационных зон с высоким уровнем оказания услуг сервиса на территориях с уникальными природно-климатическими условиями; развитие крупных транспортно-логистических и производственных узлов в рамках формирования опорной национальной транспортной сети; значительное снижение межрегиональной и внутрирегиональной дифференциации в уровне и качестве социальной среды и доходах населения, а также сближение стандартов жизни между столичными регионами и провинцией, крупными и малыми городами, городским и сельским населением.

Таким образом, на протяжении последних 18 лет в России была проделана большая работа по формированию нормативной базы, отражающей этапы разработки, согласования, утверждения, финансирования и реализации программ экономического и социального развития регионов. Каждый из рассмотренных актов вносил дополнения, которые можно рассматривать в качестве «методических рекомендаций», позволяющих разработать более или менее эффективную программу развития территории. Однако до сих пор остается открытым вопрос о том, какие проблемы требуют решения именно программно-целевыми методами, а какие могут быть решены без разработки столь масштабного документа. Кроме этого, в рассмотренных нормативно-правовых актах не отражены критерии, которые в обязательном порядке должны быть включены в программу развития региона. Особенно следует отметить, что до настоящего времени процесс нормативно-методологического обеспечения разработки и реализации территориальных программ не дошел до уровня муниципальных образований, хотя Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131 «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ», введенный в полном объеме на территории всех регионов с 1 января 2009 г., об этом непосредственно говорит. Вышеупомянутые проблемы требуют своего скорейшего решения, что позволит усовершенствовать систему нормативно-правового обеспечения программно-целевого регулирования регионального развития в России.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ См.: Лапин А.Е. Причины и последствия ульяновского варианта «мягкого» вхождения в рынок // Регионоведение. 2002. № 3. С. 76—86.

Поступила 24.12.09.

В. П. МИНИЧКИНА М. В. ЯКУШКИН

МОНИТОРИНГ ЭФФЕКТИВНОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ РЕГИОНА

Ключевые слова: местное самоуправление, показатели, оценка эффективности, экономическое развитие, здравоохранение, образование, жилищно-коммунальный комплекс, жилье, муниципальное управление, муниципальные районы, механизмы, доля, значение

Key words: local self-government, indices, efficiency evaluation, economic development, healthcare, education, housing and public utilities, housing, municipal administration, municipal districts, mechanisms, share, importance

Одним из важнейших направлений развития современной российской государственности является оптимизация деятельности органов местного самоуправления. Широкое вовлечение граждан в решение проблем местной жизни, удовлетворение повседневных потребностей населения, соблюдение законов и поддержание баланса государственных и местных интересов способны заложить фундамент гражданского согласия.

МИНИЧКИНА Валентина Павловна, заместитель директора по научной работе Научного центра социально-экономического мониторинга Республики Мордовия, кандидат экономических наук.

ЯКУШКИН Максим Васильевич, заведующий отделом мониторинга социальных процессов Научного центра социально-экономического мониторинга Республики Мордовия, кандидат философских наук.

28 апреля 2008 г. Президента РФ был подписан Указ № 607 «Об оценке эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов». Указом утвержден перечень показателей оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления и установлена «принципиальная схема» проведения оценки.

Для обеспечения реализации этого Указа в Республике Мордовия были приняты Указ Главы Республики Мордовия от 16 июня 2008 г. № 122-УГ «Об оценке эффективности деятельности органов местного самоуправления в Республике Мордовия», Постановление Правительства РМ от 10 марта 2009 г. № 78 «Об оценке эффективности деятельности органов местного самоуправления городского округа Саранск и муниципальных районов Республики Мордовия», Указ Главы РМ от 30 апреля 2009 г. № 93-УГ «Об утверждении Порядка организации проведения социологических опросов для определения уровня оценки населением результатов деятельности органов местного самоуправления городского округа Саранск и муниципальных районов Республики Мордовия» и др.

Оценка эффективности деятельности органов местного самоуправления городского округа (ГО) Саранск и муниципальных районов Республики Мордовия осуществлялась Научным центром социально-экономического мониторинга Республики Мордовия (НЦСЭМ РМ).

Говоря об экономическом развитии республики, следует отметить, что наиболее высокое отношение среднемесячной номинальной начисленной заработной платы работников муниципальных учреждений к среднемесячной номинальной начисленной заработной плате работников крупных и средних предприятий и некоммерческих организаций в 2008 г. наблюдалось в Zubovo-Polyanskom (88,6 %) и Большеигнатовском (84,6 %) муниципальных районах. У большей части районов этот показатель составляет более 70 %. Принятые в муниципальных районах меры по повышению уровня среднемесячной заработной платы работникам бюджетной сферы способствовали приближению их заработной платы к уровню среднемесячной заработной платы работников крупных и средних предприятий. В ряде районов уровень заработной платы работников бюджетной сферы достаточно

далек от уровня среднемесячной заработной платы работников крупных и средних предприятий: 52,3 % — в Чамзинском, 55,0 % — в Рузаевском муниципальных районах, 56,4 % — в ГО Саранск, 58,0 % — в Торбеевском, 63,6 % — в Теньгушевском, по 65,0 % — в Лямбирском и Большеберезниковском, 67,6 % — Кадошкинском муниципальных районах.

При анализе показателя «Число субъектов малого предпринимательства в расчете на 10 тыс. чел. населения» муниципальные районы Мордовии были условно разделены на три группы. Отдельно был выделен Ичалковский район с рекордно низким показателем — 2,1 ед. Причиной сложившегося положения является то, что число трудоспособного населения района составляет всего 47 % (из 22 тыс. чел. всего населения), а занятых в экономике и того меньше — 38 %. Следует отметить, что основная масса трудоспособного населения района сосредоточена на крупных промышленных предприятиях.

Значение показателя Кочкуровского района превышало почти в 20 раз показатель Ичалковского. Кочкуровский район открывает так называемую «группу аутсайдеров» из трех районов, в который еще вошли Zubovo-Polyansky и Старошайговский муниципальные районы. Значение искомого показателя Кочкуровского района составило 40 ед. Следующим в этой группе оказался Zubovo-Polyansky район. Несмотря на то, что район является наиболее развитым в отношении количества субъектов малого бизнеса, значение показателя составляет лишь 43 ед. Это объясняется высокой плотностью населения района (более 65 тыс. чел.), причем его большая часть занята вне сферы малого бизнеса. Значение показателя Старошайговского района составило 84,8 ед.

Во вторую группу вошли муниципальные районы со значением показателя, не превышающим 200 ед., а именно: Ардатский, Атяшевский, Большеберезниковский, Большеигнатовский, Дубенский, Инсарский, Темниковский, Торбеевский, Чамзинский, Ельниковский. Темниковский район в этой группе является лидером, значение показателя составило 195 ед. Наименьший показатель у Дубенского района (106 ед.).

В числе передовых оказались Кадошкинский, Краснослободский, Лямбирский, Ромодановский, Ковылкинский, Рузаевский муниципальные районы и ГО Саранск. ГО Са-

ранск — безусловный лидер как в этой группе, так и в республике, здесь показатель составил 330,2 ед. Из муниципальных районов первое место занял Ромодановский район (258,8 ед.). В целом можно сказать, что население района ориентировано на частную инициативу. Наибольшее количество субъектов малого бизнеса района сосредоточено в сфере торговли и услуг. Замыкает авангардную группу Кадошкинский район (211 ед.). Своим высоким местом в рейтинге исследуемого показателя район обязан в большой степени низкой плотности проживающего населения — около 9,5 тыс. чел.

По показателю «Доля среднесписочной численности работников (без внешних совместителей) малых предприятий в среднесписочной численности работников (без внешних совместителей) всех предприятий и организаций» первое место в 2008 г. занимал Старошайговский район (40 %). Такое положение дел вполне закономерно, так как три четверти наиболее успешных предприятий района относятся к сфере малого бизнеса. На втором месте — Темниковский район (37 %). Вновь на высоком, третьем, месте оказался Кадошкинский район (34,4 %). Достаточно высокий показатель у ГО Саранск (33,2 %).

В группу районов со средними значениями показателя (от 18 до 30 %) вошли Атяшевский, Ичалковский, Дубенский, Кочкуровский, Лямбирский, Торбеевский, Чамзинский, Ковылкинский, Ельниковский и Рузаевский муниципальные районы. Возглавил эту группу с показателем 27,4 % Ельниковский район. Замыкает группу Большеберезниковский район (18 %).

В группу районов с невысокими показателями (до 18 %) вошли 6 муниципальных районов: Ардатовский, Большеигнатовский, Zubово-Полянский, Инсарский, Краснослободский, Ромодановский. Значение показателя 18 % было выбрано в качестве порогового как среднее по республике. С максимальным показателем в этой группе находится Большеигнатовский район (17,6 %), с минимальным — Инсарский (4,4 %).

Анализируя вышеприведенные показатели в районном разрезе в целом, необходимо отметить следующее. Числовые значения показателей говорят о недостаточном развитии малого бизнеса в муниципальных районах. Особенно это

заметно по показателю «Доля среднесписочной численности работников (без внешних совместителей) малых предприятий в среднесписочной численности работников (без внешних совместителей) всех предприятий и организаций». Здесь наибольшее значение показателя (у Старошайговского муниципального района) не поднимается выше 50 %. Кроме того, следует отметить, что разница значений показателей по районам находится в гораздо большей зависимости от плотности населения районов, а также численности трудоспособного населения, нежели от реального количества субъектов малого бизнеса либо численности работников малых предприятий.

Особое значение для стабилизации экономической ситуации в районах имеет развитие транспортной инфраструктуры. Капитальный ремонт автомобильных дорог общего пользования местного значения с твердым покрытием произведен в 2008 г. в ГО Саранск (отремонтировано 6,5 % автомобильных дорог общего пользования местного значения с твердым покрытием), в Рузаевском (4,0 %) и Теньгушевском (0,9 %) муниципальных районах. Текущий ремонт в отношении 10,2 % автомобильных дорог общего пользования местного значения с твердым покрытием произведен в 2008 г. в Рузаевском, 6,8 % — в Теньгушевском, 4,3 % — в Атяшевском муниципальных районах, 1,2 % — в ГО Саранск.

В 2008 г. долгосрочные договоры на техническое обслуживание автомобильных дорог местного значения с твердым покрытием со специализированными организациями заключались только в Рузаевском муниципальном районе. В этом районе 98 % автомобильных дорог местного значения с твердым покрытием переданы на техническое обслуживание немуниципальным и / или государственным предприятиям на основе долгосрочных договоров (свыше трех лет).

Эффективность деятельности органов местного самоуправления в отношении дорожного хозяйства и транспорта отражает наиболее полное удовлетворение потребностей населения в дорожных услугах. Так, в Zubово-Полянском муниципальном районе все население имеет регулярное транспортное сообщение с административным центром. В ГО Саранск только 0,1 % населения проживает в населенных пунктах, не имеющих регулярного транспортного сообщения с административным центром, 0,36 % всего на-

селения — в Инсарском, 0,5 % — в Теньгушевском, 0,55 % — в Чамзинском, 0,6 % — в Рузаевском муниципальных районах. В большей части муниципальных районов от 1 до 5 % населения проживает в населенных пунктах, не имеющих регулярного транспортного сообщения с административным центром. Значительная часть населения не имела регулярного автобусного сообщения с административным центром в Темниковском (32,8 %), Торбеевском (21,0 %), Краснослободском (21,0 %), Большеигнатовском (20,2 %) и Ельниковском (11,0 %) муниципальных районах.

В 2008 г. наибольшая площадь земельных участков предоставлена для строительства в ГО Саранск (81,2 га). Среди муниципальных районов наибольшие площади земельных участков предоставлены для строительства в Zubovo-Полянском (22,3 га), Лямбирском (21,53 га), Инсарском (21,2 га), Краснослободском (17,5 га), Старошайговском (17,16 га), Кочкуровском (12,03 га) муниципальных районах. В большей части муниципальных районов площадь земельных участков, предоставленных для строительства, составила 3—7 га. Наименьшие площади земельных участков выделены для строительства в Ромодановском (0,27 га), Рузаевском (0,88 га), Большеигнатовском (1,34 га) муниципальных районах.

Права собственности на земельные участки оформлены на 98 % территории Чамзинского муниципального района. Значительная доля площади земельных участков, являющихся объектами налогообложения, находится в общей площади территории в Рузаевском (84,9 %), Дубенском (84,4 %), Старошайговском (73,8 %) и Атюрьевском (73,0 %) муниципальных районах. В основной части 40—60 % площади земельных участков являются объектами налогообложения. Наименьшая часть земельных участков оформлена в собственность в Большеберезниковском (27,0 %), Краснослободском (28,5 %), Ельниковском (31,7 %) и Темниковском (36,0 %) муниципальных районах. Одной из главных проблем в данной области является сложность оформления земельных участков в собственность.

Наименьший период с даты принятия решения о предоставлении земельного участка для строительства или подписания протокола о результатах торгов (конкурсов, аукционов) по предоставлению земельных участков до даты получения разрешения на строительство в 2008 г. наблюдался

в Атюрьевском и Атяшевском муниципальных районах и составлял 45 дней. В большинстве муниципальных районов продолжительность этого периода составила 58 дней. Наибольшая продолжительность периода составила 60 дней в Большеберезниковском, Большеигнатовском, Кадошкинском, Чамзинском, Ковылкинском, Рузаевском муниципальных районах. В целом в муниципальных районах административные условия для строительства благоприятные, в частности, небольшими являются сроки выдачи разрешений на строительство.

Для роста уровня и темпа экономического развития районов органам местного самоуправления необходимо создавать условия и стимулы для привлечения инвестиций, поддерживать предпринимательскую активность, развивать малый и средний бизнес, формировать соответствующую инфраструктуру, создавать условия для снижения безработицы и административных барьеров. Кроме того, районам следует развивать оформление права собственности на земельные участки с целью получения дополнительных налогов в бюджет. Оказание органами местного самоуправления помощи сельскохозяйственным предприятиям и гражданам упростит оформление земель в собственность.

В настоящее время в республике наблюдается тенденция к сокращению общей смертности. В 2008 г. коэффициент смертности составил 15,7 умерших на 1 тыс. чел. Самое неблагоприятное положение в 2008 г. сложилось в Большеберезниковском (27,6 умерших на 1 тыс. чел.) и Темниковском (23,9) муниципальных районах.

В 2007 г. по сравнению с 2006 г. число умерших в целом по республике сократилось на 4,7 % и составило 13 320 чел., из них 51,7 % — это мужчины, 48,3 % — женщины (в 2006 г. это соотношение составило 49,8 и 50,2 % соответственно). В пределах республики коэффициент смертности ниже среднереспубликанского показателя только в ГО Саранск, Лямбирском и Zubovo-Полянском муниципальных районах. Наибольший показатель смертности отмечен в Большеберезниковском и Ельниковском (выше среднереспубликанского в 1,6 раза), Ковылкинском (в 1,5 раза), Дубенском и Кадошкинском (в 1,4 раза) муниципальных районах.

В структуре смертности по-прежнему лидирует смертность от болезней кровообращения (в 2008 г. — 53,4 % от

общего числа умерших). Заболеваемость всего населения от болезней системы кровообращения выросла за 2005—2008 гг. на 5,6 %. Особенно опасными заболеваниями, связанными с высокой смертностью, являются гипертоническая болезнь (инсульт) и ишемическая болезнь (инфаркт). Коэффициент смертности от болезней системы кровообращения составил 97,4 %, если сопоставить 2007 г. по отношению к 2008 г. Несмотря на незначительное увеличение доли умерших от указанной причины в общей смертности, абсолютное число зарегистрированных случаев смерти от болезней системы кровообращения сократилось.

Сокращение смертности от указанной причины наряду с ростом заболеваемости отчасти указывает на успешность проведения лечебных мероприятий. Согласно ведомственной целевой программе «Развитие системы здравоохранения в Республике Мордовия в 2007—2009 гг.», доля населения, охваченного профилактическими осмотрами, по республике составила 95,8 % в 2009 г. Поэтому основной задачей органов местного самоуправления является сохранение показателя на прежнем уровне за счет проведения дополнительной диспансеризации и углубленных медицинских осмотров работающего населения в рамках реализации приоритетного национального проекта «Здоровье».

По показателю доли населения, охваченного профилактическими осмотрами, муниципальные районы можно разделить на три группы: районы, в которых показатель выше значения, запланированного Министерством здравоохранения РМ; районы, в которых показатель несущественно ниже запланированного значения; районы, в которых показатель существенно ниже запланированного значения.

К первой группе относятся Ардатовский (98,3 %), Атюрьевский (100 %), Атяшевский (99,8 %), Большеберезниковский (98,1 %), Большеигнатовский (97,1 %), Ичалковский (99,8 %), Дубенский (99,8 %), Инсарский (97,0 %), Кочуровский (100 %), Краснослободский (100 %), Лямбирский (98,8 %), Старошайговский (99,2 %), Темниковский (99,0 %), Торбеевский (99,5 %), Чамзинский (99,9 %), Ковылкинский (99,0 %), Ельниковский (97,2 %), Рузаевский (97,1 %) муниципальные районы, ГО Саранск (97,8 %). Ко второй группе относятся Zubovo-Полянский (94,1 %), Ромодановский (92,7 %), Теньгушевский (91,0 %) муниципальные районы. Третью группу

составляет Кадошкинский район, который отстает от всех остальных с существенным отрывом.

Таким образом, в большинстве районов показатель доли населения, охваченного профилактическими осмотрами, выше запланированного Министерством здравоохранения РМ значения (95,8 %) и достигает в отдельных районах максимального — 100 %. Лишь в Кадошкинском районе доля населения, охваченного профилактическими осмотрами, существенно ниже, чем в большинстве районов республики.

По результатам сложившейся ситуации районам из первой группы рекомендуется сохранять охват населения профилактическими осмотрами на том же уровне; муниципальным районам из второй группы необходимо расширить охват населения за счет неработающего населения, проживающего в отдаленных поселениях; единственному району из третьей группы (Кадошкинскому) необходимо выявить основные причины, не позволяющие проводить профилактические осмотры на должном уровне, и сделать профилактические осмотры населения приоритетным направлением в сфере медицинского обслуживания населения района.

Практически во всех муниципальных районах республики показатель доли муниципальных медицинских учреждений, применяющих медико-экономические стандарты оказания медицинской помощи, выполнен на 100 %, кроме Кочуровского (80 %) Краснослободского (80 %), Лямбирского (нет данных), Темниковского (66,7 %), ГО Саранск (нет данных). По показателю доли муниципальных медицинских учреждений, переведенных на оплату труда по результатам деятельности, большинство районов находится на уровне 100 %, кроме Краснослободского (нет данных), Темниковского (66,7 %), ГО Саранск (96,0 %). В настоящее время переход на новую (отраслевую) систему оплаты труда, ориентированную на результат, продолжается в большинстве муниципальных районов.

Таким образом, районы находятся на стадии реформирования системы здравоохранения, но значительных «перекосов» и отставания одних районов от других не отмечается.

Определяющими приоритетами государственной политики в сфере образования являются устойчивое и постоянное развитие системы российского образования, обеспечение современного качества образования на основе сохранения

его фундаментальности и соответствия актуальным и перспективным потребностям личности, общества и государства. Особое значение для развития системы образования в муниципальных районах республики имеет фактор доступности дошкольного образования для различных слоев населения. Доступность и стабильно высокое качество дошкольной услуги позволит сформировать у детей равные стартовые возможности при поступлении в начальную школу.

Муниципальные районы Мордовии неоднородны в плане охвата детей дошкольным образованием. Доля детей, получающих дошкольную образовательную услугу и / или услугу по их содержанию в организациях различной организационно-правовой формы и формы собственности, в общей численности детей от трех до семи лет наиболее высока в ГО Саранск (93,6 %), Рузаевском (86,4 %), Чамзинском (85,3 %), Инсарском (81,6 %), Кадешкинском (80,2 %) муниципальных районах. Достаточно стабильна ситуация в Лямбирском (76,5 %), Большеберезниковском (75,0 %), Теньгушевском (72,0 %) и Старошайговском (67,9 %) муниципальных районах. Проблемная ситуация с вовлеченностью детей в процесс получения дошкольного образования наблюдается в Кочкуровском (56,9 %), Ельниковском (54,3 %), Темниковском (54,2 %) и Большеигнатовском (51,9 %) муниципальных районах.

Дошкольные учреждения республики продолжают получать финансовую поддержку из бюджетов городского округа и муниципальных районов на оказание профильных услуг. В большинстве районов республики доля детских дошкольных муниципальных учреждений, получающих соответствующую бюджетную поддержку, равна 100 %. Исключения составляют ГО Саранск (97 %) и Рузаевский район (70,2 %).

Ключевым механизмом реформирования общего образования является совершенствование контроля за его качеством. Экспериментальной формой контроля качества образования в Мордовии выступил Единый государственный экзамен (ЕГЭ). Положительная динамика, демонстрируемая в ряде районов, позволяет прогнозировать стабильность этого показателя в условиях внедрения ЕГЭ как части общей системы образования в России.

Наиболее высокие результаты по удельному весу лиц, сдавших ЕГЭ, от числа выпускников общеобразовательных муниципальных учреждений наблюдаются в Ичалковском

и Теньгушевском (100 %) районах, а также в Рузаевском (99,0 %) районе и ГО Саранск (98,4 %). Достаточно высокие показатели в Кадешкинском (98,0 %), Дубенском (97,3 %), Кочкуровском (95,7 %) муниципальных районах. К средней группе можно отнести Ардатовский (68,2 %), Темниковский (64,0 %), Краснослободский (62,0 %) районы. Среди муниципальных районов, демонстрирующих наименьшие показатели, следует отметить Ромодановский (42,0 %), Большеигнатовский (33,0 %) и Ельниковский (30,0 %).

В сфере образования Мордовии достаточно активно внедряются управленческие и экономические модели стимулирующего характера. Большинство муниципальных общеобразовательных учреждений в районах полностью переведено на нормативное подушевое финансирование. Исключения составляют Кочкуровский (16,7 %) и Теньгушевский (11,76 %) районы. На новую (отраслевую) систему оплаты труда, ориентированную на результат, также в полной мере переведено большинство образовательных учреждений муниципальных районов. Менее интенсивно этот процесс проходит в Теньгушевском (88,24 %) и Кочкуровском (83,3 %) районах.

Для повышения эффективности деятельности органов местного самоуправления в сфере образования необходимо, на наш взгляд, развивать в республике новые формы и структуры, осуществляющие дошкольное образование; повышать уровень существующих форм аттестации и контроля качества общего образования; формировать в системе образования нормативно-правовые и организационно-экономические механизмы привлечения и использования внебюджетных ресурсов.

Приоритетной задачей в процессе реформирования системы ЖКХ является завершение процесса перехода от административных методов управления к рыночным механизмам функционирования в жилищно-коммунальной сфере. Развитию конкурентной среды и повышению эффективности управления жилищным фондом способствует внедрение передовых методов управления многоквартирными домами. В Мордовии эти методы внедряются с разной степенью интенсивности. Наиболее высокая доля многоквартирных домов, в которых введено непосредственное управление собственниками, в Большеигнатовском (81,4 %) и Ромодановском (61,3 %) муниципальных районах. К средней группе относятся Инсарский (49,2 %), Краснослободский (44,9 %),

Большеберезниковский (44,03 %), Старошайговский (42,0 %) муниципальные районы. К районам, где эта форма управления была внедрена наиболее слабо, относятся Zubovo-Полянский (0,92 %), Ковылкинский (0,76 %) и Лямбирский (0,5 %) муниципальные районы.

В республике в 2008 г. управление многоквартирными домами посредством товарищества собственников жилья или жилищным кооперативом, или иным специализированным потребительским кооперативом было в целом развито недостаточно. Наибольших успехов в данной области добились Лямбирский (15,1 %), Рузаевский (13,35 %), Дубенский и Кочкуровский (по 12,5 %), Кадошкинский (12,2 %) муниципальные районы. Положительную динамику следует отметить в Ардатовском и Инсарском (по 10,8 %) районах, ГО Саранск (10,3 %), а также в Ичалковском и Чамзинском (по 10,0 %) районах. К районам с наименьшей долей многоквартирных домов, охваченных этими формами управления, относятся Zubovo-Полянский (1,38 %), Теньгушевский (2,46 %), Темниковский (4,0 %) и Краснослободский (5,0 %) муниципальные районы.

Развитие частно-государственного партнерства выступает в качестве важнейшего фактора, способствующего оптимизации финансового состояния сферы ЖКХ и притоку в отрасль частных инвестиций. В настоящее время партнерство реализуется посредством передачи муниципальных объектов коммунальной инфраструктуры по договору аренды или концессии частным организациям коммунального комплекса. В Мордовии наибольшая доля организаций коммунального комплекса (с долей участия субъекта РФ в уставном капитале не более 25 %), использующих объекты коммунальной инфраструктуры на праве частной собственности, по договору аренды или концессии, зафиксирована в Ичалковском, Дубенском, Старошайговском, Торбеевском, Ельниковском и Рузаевском (по 100 %) муниципальных районах. Оптимальные показатели демонстрируют Теньгушевский (83,3 %), Атяшевский и Кадошкинский (по 80,0 %) районы. Более низкие показатели отмечены в Краснослободском, Лямбирском, Чамзинском и Ковылкинском (по 60,0 %) районах, а также в Темниковском районе (50,0 %) и ГО Саранск (57,1 %).

Финансовая состоятельность организаций в сфере ЖКХ зависит от платежной дисциплины населения. Организации,

предоставляющие качественные услуги, вправе рассчитывать на высокий уровень собираемых платежей. Муниципалитеты с растущими долгами населения являются непривлекательными для частных инвестиций, развитие конкурентной среды в них невозможно.

Наиболее высокий уровень собираемости платежей за предоставленные жилищно-коммунальные услуги в 2008 г. отмечался в Ичалковском и Темниковском (по 99 %) районах. Достаточно благоприятная ситуация в ГО Саранск (98,8 %), Теньгушевском (98,2 %), Ардатовском и Zubovo-Полянском (по 97,0 %) районах. К средней группе можно отнести Атяшевский, Большеигнатовский, Инсарский, Кочкуровский и Торбеевский (по 95,0 %) районы. Более низкая по сравнению с другими муниципальными районами собираемость платежей в Большеберезниковском (90,6 %) и Старошайговском (90,0 %) муниципальных районах.

Предприятия жилищно-коммунального хозяйства республики задействованы в реализации Республиканской программы «Энергосбережение в Республике Мордовия на 2006—2010 гг.». Участие в ней позволяет существенно снизить потребление энергоресурсов за счет выполнения мероприятий по внедрению передовых энергосберегающих технологий и оборудования на объектах и инженерных сооружениях коммунального назначения, а также в жилищном фонде.

В республике доля объема отпуска коммунальных ресурсов, счета за которые выставлены по показаниям приборов учета, наиболее высока в Кочкуровском (90 %), Большеберезниковском (80 %), Zubovo-Полянском (77 %), Дубенском и Ельниковском (по 72 %) районах. К средней группе относятся Ардатовский (60,0 %), Теньгушевский (58,65 %), Ромодановский (56,8 %), Краснослободский (54,0 %) и Атяшевский (52,64 %) районы. Наиболее низкие показатели отмечены в Кадошкинском (24 %), Большеигнатовском (22 %), Темниковском (20 %), Рузаевском (12 %) и Инсарском (10 %) муниципальных районах.

Для повышения эффективности деятельности органов местного самоуправления в сфере ЖКХ следует активизировать деятельность по созданию на территории муниципальных образований ТСЖ; повышать уровень информированности граждан о современных способах управления многоквартирными домами; проводить мероприятия по

модернизации инфраструктурных объектов с последующей передачей их частным организациям на правах аренды или концессионных соглашений; осуществлять деятельность по повышению уровня сбора коммунальных платежей; активно внедрять энерго- и ресурсосберегающие технологии.

Обеспечение всего населения жильем, отвечающим современным требованиям, является одной из важнейших социально-экономических задач государства. Обусловлено это тем, что жилищная проблема является первой и наиболее значимой в числе других социально-экономических проблем, так как в ней переплетаются важные социально-экономические взаимосвязи. От решения жилищной проблемы во многом зависят повышение качества жизни населения, социальное самочувствие и социальная безопасность граждан, демографическая ситуация в стране.

Анализ результатов многих исследований позволяет утверждать, что одним из наиболее важных факторов, оказывающих непосредственное влияние на степень комфортности проживания и на состояние здоровья человека, является площадь жилого помещения, приходящаяся на одного жителя. Для характеристики степени удовлетворенности жилищных потребностей человека ООН и ЮНЕСКО разработали международный стандарт качества жилья, который необходим для обеспечения жизнедеятельности людей. Этим стандартом определяется, что на каждого жителя должны приходиться не менее 30 м² общей площади. В Мордовии этому стандарту соответствует обеспеченность населения жильем лишь в двух районах — Дубенском и Темниковском, где на каждого жителя в среднем приходится 33,1 и 30,7 м² общей площади жилых помещений соответственно. Атюрьевский и Атяшевский районы немного не дотягивают до данного показателя. Так, в Атюрьевском районе общая площадь жилых помещений, приходящаяся в среднем на одного жителя, составляет 29,7 м², в Атяшевском — 29,76 м². К группе «районов-середняков» относятся Краснослободский (27,2 м²), Торбеевский (26,2 м²), Ичалковский (25,9 м²) районы. Наиболее низкие значения этого показателя наблюдаются в Zubovo-Полянском муниципальном районе (19,6 м²), ГО Саранск (20,7 м²). Также к группе аутсайдеров относятся Теньгушевский и Рузаевский муниципальные районы (23,3 и 23,6 м² соответственно). Правда, следует отметить, что в

Zubovo-Полянском районе низкий показатель обеспеченности населения жильем во многом обусловлен наличием значительного массива исправительных учреждений.

Об обеспеченности населения жильем свидетельствует и такой показатель, как количество жилых квартир в расчете на 1 тыс. чел. В целом по республике значения этого показателя весьма неплохие. Самые высокие наблюдаются в Дубенском (602,1) и Темниковском (597,2) муниципальных районах. К группе лидеров следует отнести и Кочкуровский район — 565,5. Наихудшая ситуация отмечена в Zubovo-Полянском, где рассматриваемый показатель составляет лишь 385,3 (о причинах уже было упомянуто), и Теньгушевском (411,9) муниципальных районах, а также в ГО Саранск (403,8). В остальных районах картина достаточно ровная — значения данного показателя колеблются от 450 до 550 квартир на 1 тыс. жителей.

Анализ выявил расслоение между отдельными группами населения при сравнительно благополучных показателях средней обеспеченности населения жильем. Из него видно, что показатель обеспеченности населения жильем в сельской и городской местностях заметно различается — в сельской местности он выше. При этом очевидно, что показатели средней обеспеченности населения жильем еще не дают полного представления о ситуации в жилищной сфере, поскольку уровень обустройства жилья различными видами инженерного оборудования (следовательно, качество жизни населения) существенно различается в городах и сельской местности.

Во многом ситуация в жилищной сфере определяется объемами жилищного строительства. Крах финансирования строительства и развал производственных комплексов стали причиной резкого падения темпов строительства жилья в 90-х гг. XX в. Однако в последние годы во многом благодаря ПНП «Доступное и комфортное жилье — гражданам России» в республике наметилась устойчивая тенденция увеличения объемов жилищного строительства.

Больше всего жилья строится в ГО Саранск — 89 106,4 м², или 1 194 квартиры. На втором и третьем местах находятся Рузаевский (19 465 м², или 267 квартир) и Лямбирский (19 152 м², или 230 квартир) муниципальные районы. Наименьшие объемы жилищного строительства наблюдаются в Темниковском (770 м², или 11 квартир) и Кадошкинском

(1 970 м², или 21 квартира) муниципальных районах. К районам со средними показателями жилищного строительства следует отнести Атяшевский (5 180 м², или 65 квартир), Инсарский (5 400 м², или 68 квартир) и Чамзинский (5 411,2 м², или 72 квартиры). При этом наивысшие объемы жилищного строительства в расчете на душу населения наблюдаются в ГО Саранск, где строится 0,5 м² жилья на человека в год. Меньше всего жилья в расчете на одного жителя было введено в Ромодановском (0,1 м²) и Чамзинском (0,17 м²) районах. В остальных районах значения этого показателя находятся в диапазоне от 0,2 до 0,4 м².

Однако, согласно международным нормам, годовой объем строительства жилой недвижимости должен держаться на уровне 1 м² на человека. Очевидно, что для удовлетворения потребностей населения республики в жилой недвижимости необходимы объемы строительства, существенно превышающие нынешние. Таким образом, достигнутые объемы строительства в республике вряд ли можно считать удовлетворительными.

Для повышения эффективности деятельности органов местного самоуправления Мордовии в сфере жилищного строительства и обеспеченности населения жильем целесообразным представляется устранение любых ограничений на рост предложения строящегося жилья; переход к современным ресурсосберегающим архитектурно-строительным решениям и формирование эффективного рынка строительной индустрии; более активное развитие рыночных механизмов финансирования жилищного строительства, в первую очередь долгосрочное ипотечное кредитование; рекомендовать хозяйствующим субъектам принимать корпоративные программы обеспечения жильем своих работников, нуждающихся в улучшении жилищных условий.

Кадастровый учет, содержащий данные о границах земельных участков, их владельцах и правилах использования, представляет собой главный инструмент административного управления земельными ресурсами муниципального образования. Степень развития кадастра во многом определяет уровень активности земельного и финансового рынка территорий. Поэтому доля многоквартирных домов, расположенных на земельных участках, в отношении которых осуществлен государственный кадастровый учет, является важным пока-

зателем, позволяющим оценить эффективность управления земельными ресурсами муниципальных районов.

С точки зрения охвата земель под многоквартирными домами системой кадастрового учета ситуация в Мордовии предстает неоднородной. Наиболее благоприятное положение дел в Ельниковском (где доля многоквартирных домов, расположенных на земельных участках, в отношении которых осуществлен государственный кадастровый учет, составляет 95,6 %), Ичалковском (61,8 %) и Краснослободском (61,5 %) районах. Неплохая ситуация наблюдается в Zubovo-Полянском (30,6 %), Ромодановском (37,6 %), Чамзинском (26,2 %) и Кочкуровском (25,0 %) районах. Меньше всего кадастровым учетом охвачены земли под многоквартирными домами Старошайговского (0 %) и Ковылкинского (0,75 %) муниципальных районов, а также ГО Саранск (0,5 %). При этом по значительной части муниципальных образований подобная информация отсутствует.

Для повышения эффективности деятельности органов местного самоуправления республики в сфере землепользования, на наш взгляд, необходимо, чтобы системой кадастра были охвачены все земельные участки по всей территории муниципальных районов, поскольку, помимо задач по обеспечению защиты прав владения землей и содействию формирования земельного рынка, кадастровый учет способствует получению сведений обо всех земельных участках для их налогообложения, что несет в себе многочисленные социальные и экономические выгоды. Кроме того, необходимо разработать меры по упрощению процедуры государственной регистрации земель; стремиться к тому, чтобы величина сборов за кадастровый учет способствовала расширению сектора земель, прошедших официальный учет, а не препятствовала ему; содействовать тому, чтобы кадастровая информация была доступна для граждан, организаций, официальных кредитных систем, которые должны иметь возможность по приемлемой цене получать необходимые им данные из кадастра.

В условиях мирового финансового кризиса остро стоят вопросы стимулирования бюджетных учреждений к повышению качества оказываемых ими услуг, а также эффективности бюджетных расходов. Одним из возможных механизмов реализации этой задачи является преобразование бюджетных

учреждений в автономные в тех сферах предоставления государственных (муниципальных) услуг (работ), где это может создать стимулы для повышения эффективности и результативности деятельности.

В настоящее время механизм сметного финансирования не стимулирует повышение качественного уровня оказываемых населению муниципальных услуг и выполняемых работ, не заинтересовывает в этом руководителей учреждений. Однако реальная с организационной и финансовой точки зрения альтернатива бюджетным учреждениям появилась только с введением в законодательство новой организационно-правовой формы государственных и муниципальных учреждений — автономного учреждения (Федеральный закон от 3 ноября 2006 г. № 174-ФЗ «Об автономных учреждениях»).

В Мордовии процесс перевода части муниципальных учреждений в автономные муниципальные учреждения начал осуществляться с 2008 г. Так, в ГО Саранск доля муниципальных автономных учреждений от общего количества муниципальных учреждений составила 0,9 %, в Чамзинском муниципальном районе — 1,2 %. Рассматривают возможность перевода муниципальных учреждений в новый тип государственного и муниципального управления и другие районы республики.

Таким образом, органам местного самоуправления муниципальных районов Республики Мордовия следует активизировать работу по созданию автономных муниципальных учреждений, а именно: осуществить оценку муниципальных услуг, оказываемых бюджетными учреждениями, на предмет возможности их оказания автономными учреждениями; рассмотреть возможности создания автономных учреждений путем изменения существующих муниципальных бюджетных учреждений, оказывающих муниципальные услуги; организовать публикации в СМИ и Интернете планируемых и фактических результатов создания автономных учреждений.

По показателю удовлетворенности населения деятельностью органов местного самоуправления в 2008 г. лидировал Ельниковский район (75,1 %). Далее шли Инсарский (64,8 %), Торбеевский (63,8 %) районы. По 62,8 % этот показатель составил в ГО Саранск, Ромодановском и Старошайговском районах. В средней группе находятся Краснослободский (59,7 %), Атяшевский (59,0 %), Атюрьевский (58,2 %) рай-

оны. Замыкают список Чамзинский (52,4 %), Ичалковский (51,9 %), Ардатовский (50,1 %) районы. Среднереспубликанский показатель составил 60,3 %. Таким образом, в целом по республике показатель удовлетворенности населения деятельностью органов местного самоуправления находится на довольно низком уровне. Во многих районах он составил чуть больше 50 %. Поэтому необходимо применять меры для повышения эффективности деятельности органов местного самоуправления, в том числе используя механизм поощрения лучших.

По показателю удовлетворенности информационной открытостью первое место разделили Темниковский и Теньгушевский районы (по 59,8 %). Немного отстали Чамзинский (59,6 %), Старошайговский (59,2 %) и Рузаевский (58,9 %) районы. К средней группе отнесены Атюрьевский (53,2 %), Ельниковский и Ковылкинский (по 52,9 %), Инсарский (52,4 %) районы. Меньше всего этот показатель в Кадошкинском районе (44,2 %).

Свои сайты в 2008 г. имели только 8 органов местного самоуправления Мордовии (35 % от общего количества оцениваемых органов местного самоуправления): администрация Большеберезниковского, Зубово-Полянского, Инсарского, Кочкуровского, Лямбирского, Рузаевского, Теньгушевского районов, администрация ГО Саранск. Таким образом, информация об их деятельности, если и доступна, то из источников, требующих дополнительных финансовых затрат или прямого обращения к держателям информации, что увеличивает время доступа.

Органами власти и местного самоуправления не выработан основанный на требованиях нормативного акта единый подход к формированию структуры своих официальных сайтов. Большинство имеющихся официальных сайтов остается в начальной стадии своего развития. Значительное количество органов исполнительной власти не воспринимает свои официальные сайты в качестве эффективного средства распространения информации о своей деятельности и обеспечения доступа граждан и организаций к общедоступным государственным информационным ресурсам и пользуется ими лишь как информационными табло или досками объявлений.

Отсутствие прямых официальных каналов обратной связи государственных служащих, представителей местного са-

моуправления и граждан, а также получение информации через каналы СМИ или пиар-службы свидетельствуют о неудовлетворенности граждан доступом к информации о деятельности исполнительных органов государственной власти и местного самоуправления и росте недоверия к ним.

Для повышения открытости органов власти и местного самоуправления в Мордовии следует принять региональный закон об открытости или доступе к информации о деятельности органов государственной власти и органов местного самоуправления, расположенных на территории республики. Каждый орган государственной власти с учетом своей компетенции должен определить в нормативном правовом акте порядок доступа к информации о своей деятельности. Необходимо определить и закрепить в соответствующем нормативном акте правовые, технологические, программные, лингвистические и организационные требования, предъявляемые к официальным сайтам органов государственной власти.

Работа по повышению открытости органов власти и местного самоуправления должна вестись дифференцированно, в зависимости от того, в какой из групп по уровню развития находится тот или иной орган. То, что для одних является перспективной задачей, для других будет пройденным этапом. Для оценки информационной открытости органа власти следует проводить социологические опросы населения, выступающего потребителем информации, и государственных служащих, отвечающих за ее предоставление.

Таким образом, проведенное исследование позволило выявить проблемные зоны в развитии муниципальных образований, что позволит внести коррективы в социально-экономическую политику органов местного самоуправления.

Оценка будет инициировать соревновательность между администрациями муниципальных районов республики, позволит выявить положительный опыт эффективности решения проблем и упущения по конкретным направлениям, а также будет способствовать принятию решений и мер по дальнейшему совершенствованию муниципального управления.

Поступила 16.02.10.

Д. Ю. ФАЙКОВ

О. С. РАТКЕВИЧ

ФОРМИРОВАНИЕ СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ ЗАКРЫТЫХ АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ

Ключевые слова: стратегия развития, закрытые административно-территориальные образования, социальный контракт

Key words: development strategy, administrative and territorial entities of closed type, social contract

Сложилась ситуация, когда закрытые административно-территориальные образования (ЗАТО), созданные государством с определенными целями, не имеют стратегии своего развития. Необходимость формирования такой стратегии неоднократно подчеркивалась на различных уровнях. В этом отношении сегодня важной задачей является определение научно обоснованных подходов к выработке такой стратегии.

ФАЙКОВ Дмитрий Юрьевич, доцент кафедры экономической теории финансов и бухгалтерского учета Саровского физико-технического института — филиала Национального исследовательского ядерного университета «МИФИ», кандидат экономических наук (г. Саров).

РАТКЕВИЧ Ольга Сергеевна, специалист Центра международных связей Российского федерального ядерного центра — Всероссийского научно-исследовательского института экспериментальной физики (г. Саров).

Необходимость стратегии можно обосновать с разных точек зрения. С точки зрения системного подхода ЗАТО можно рассматривать как подсистему атомной отрасли. Любая система для нормального функционирования нуждается в управлении, обозначении цели своего развития. С точки зрения институционального подхода стратегия необходима как формализация сложного социального контракта, обеспечивающего не только жизнедеятельность города, но и деятельность стратегически важных для государства объектов. Для этого необходимо дать точную характеристику соответствующих социальных институтов, прежде всего, самого института ЗАТО.

Статус ЗАТО присваивается населенному пункту не по его желанию, а исходя из интересов высшего, государственного, порядка. Иными словами, с точки зрения государства разные ЗАТО образуются для выполнения схожих целей. ЗАТО, градообразующие предприятия которых принадлежат одному министерству (отрасли), с точки зрения государства представляют *отдельную экономическую систему*. У этой системы должны быть цель, задачи, стратегия, ресурсы и т. д. В силу стратегической важности государство в лице федеральной власти должно быть единственным субъектом управления. В силу того, что государство — понятие широкое, должен существовать единый орган координации за деятельностью ЗАТО от имени государства, т. е. субъект управления также должен быть институционализирован.

Это касается и объекта управления — самих ЗАТО. Во-первых, необходимо однозначное определение понятия «закрытое административно-территориальное образование», без разночтений в институциональном (юридическом) смысле, в том числе его полномочиях, способах ресурсного обеспечения, выполняемых функциях и т. д. Во-вторых, ЗАТО как объект управления имеет двойственный характер: с одной стороны, это предприятие федерального подчинения, с другой — муниципальное образование. Деятельность этих двух «частей» объекта управления должна координироваться *социальным контрактом* при посредничестве субъекта управления, обеспечивающего взаимодействие государственных органов, ответственных за деятельность предприятий и жизнеобеспечение городов.

На систему ЗАТО огромное влияние оказывает внешнее окружение: геополитические условия, военные доктрины

(национальная, вероятного противника, потенциальных союзников или противников), развитие фундаментальной науки и конкретных видов вооружений, экономическое состояние государства и т. д.

ЗАТО различаются локальными внешними условиями: географическим положением, климатом, характеристиками субъекта Федерации, в котором расположены, ближайшим окружением и т. д. При этом каждое из ЗАТО зависит и от глобальной внешней среды.

Несмотря на одинаковый статус, каждое ЗАТО является отдельным населенным пунктом, т. е. отдельной экономической системой более низкого уровня. Она имеет свои внутренние элементы, взаимосвязи, локальное внешнее окружение. Основу различий ЗАТО составляют разные градообразующие предприятия, от которых зависит численность населения, его профессиональный состав, уровень доходов, качество взаимодействия с органами местного самоуправления и т. д. Особенность моноспециализированной экономики ЗАТО в том, что местная власть не имеет средств прямого воздействия на градообразующее предприятие. Однако в отличие от большинства других моноспециализированных городов статус ЗАТО и включение в экономическую систему (атомную отрасль) более высокого уровня не только упрощает процесс взаимодействия органов местного самоуправления и градообразующего предприятия, но и делает его обязательным. Одной из современных особенностей закрытых городов является то, что муниципальная власть в ЗАТО вынуждена решать сложную двуединую задачу, с одной стороны, поддерживать особый статус ЗАТО, с другой — расширять собственные экономические возможности города в условиях заданных ограничений.

Общие задачи, стоящие перед градообразующими предприятиями ЗАТО, единство геополитической внешней среды, наличие у закрытых городов общих проблем говорят о том, что подход к формированию стратегии развития должен иметь две составляющие: общую стратегию для всех ЗАТО и индивидуальную, зависящую от предприятия, региона, особенностей размещения, населения и т. д.

Общая стратегия основана на государственном целеполагании и необходимости институционального определения ЗАТО. Закрытое административно-территориальное образование — это правовой режим, статус, присваиваемый

населенному пункту в связи с нахождением на его территории стратегически важного для страны объекта оборонного значения. Правовой режим подразумевает набор правил, которыми определяется жизнедеятельность этого населенного пункта. С институциональной точки зрения правовой режим ЗАТО можно представить как отдельный институт. Одинаковый правовой статус населенного пункта не должен изменяться в зависимости от названия, местоположения, размера этого населенного пункта.

С учетом таких рассуждений первый шаг, который должен быть сделан при формировании стратегии развития закрытых административно-территориальных образований (конечно, после определения государственной цели их существования), — это их институционализация, учитывающая общие интересы самих городов, градообразующих предприятий, региона нахождения ЗАТО и Федерации в целом. Второй шаг — на основе общих принципов должны формироваться конкретные мероприятия развития каждого ЗАТО в отдельности, в зависимости от его внутренних и внешних особенностей. Эти мероприятия выстраиваются на основе программно-целевого подхода.

Для любого муниципального образования, в том числе и для ЗАТО, важен вопрос о взаимодействии органов местного самоуправления и промышленности. Особенно важен этот вопрос в городах с моноспециализированной экономикой, каковыми ЗАТО и являются. Местные органы власти обычно имеют мало инструментов влияния на промышленные объекты, в то время как от их деятельности во многом зависит жизнь всего города. В институциональных терминах это можно охарактеризовать как несимметричный контракт.

С учетом изложенных выше подходов предлагается следующий алгоритм выработки стратегии развития ЗАТО. Он состоит из двух блоков, условно названных нами «Государственный» и «Местный».

Государственный блок включает в себя целеполагание для системы ЗАТО на государственном уровне, исходя из внешних геополитических условий и контроль выполнения этих целей и задач. В этот блок также входит институционализация ЗАТО, включающая как формирование самого института ЗАТО, так и всей институциональной среды, в которой эти образования функционируют. В том числе подра-

зумевается институционализация субъекта управления. В этот же блок входит контроль за состоянием градообразующего предприятия. В случае его неудовлетворительного состояния (ликвидация, банкротство и пр.) населенный пункт теряет статус ЗАТО, что само по себе также является важным институтом и должно устанавливаться государством.

Пересечением государственного и муниципального блоков является постановка целей и задач конкретного ЗАТО, исходя из государственной стратегии, взаимодействия с градообразующим предприятием и местных условий. Этот шаг тесно связан с состоянием градообразующего предприятия. Цели и задачи ЗАТО должны согласовываться с федеральными органами, ответственными за их функционирование.

Местный блок начинается с целей и задач конкретного ЗАТО, согласованных с государством и градообразующим предприятием. Для ЗАТО принципиально важна деятельность градообразующего предприятия. Поэтому в этом блоке мы факультативно оставили оценку состояния предприятия и обратную связь к целеполаганию. Смысл этой связи в том, что город и предприятие в ЗАТО обязаны договориться друг с другом о путях развития. Если же такая договоренность ни при каких условиях на местном уровне достигнута быть не может, то разрешение вопроса должно передаваться на государственный уровень.

Дальнейшее построение стратегии основано на известных инструментах управления: анализ внешней среды, например, с помощью известного метода, получившего название «STEP-анализ». Анализ внутренней среды, основанный обычно на оценке социально-экономического положения города, формализованного в настоящее время набором индикаторов эффективности деятельности органов местного самоуправления¹. Далее собранные данные обобщаются, ранжируются, на их основе проводится анализ, формируются общие направления стратегии. Для этого возможно применение SWOT-анализа. Этот метод получил широкое распространение благодаря своей простоте, наглядности, отсутствию специальных требований к уровню подготовки исследователей.

На основании собранных и проанализированных данных, установленных целей и задач, имеющихся ресурсов формируются конкретные программы развития. *Программно-целевой метод* подразумевает наличие портфеля программ,

направленных на выполнение отдельных задач. Этот шаг формирования стратегии принципиально важен. Формирование программ должно строиться на целевых установках, согласованных с государством и градообразующим предприятием. В более широком понимании портфель программ развития — это формализованный социальный контракт, учитывающий интересы города, предприятия и жителей. Если программы рассматривать именно с этих позиций, то они должны, во-первых, охватывать все возникающие отношения, во-вторых, иметь четкие индикаторы выполнения, в-третьих, быть обеспечены ресурсами, в-четвертых, описывать обязанности и ответственность, в-пятых, содержать механизмы выполнения, а также механизмы наказания в случае нарушения контракта.

Алгоритм включает также двухуровневую *систему контроля*. Первый уровень — местный контроль, второй — государственный. В силу применения программно-целевого метода местный контроль выполняет функцию оценки выполнения конкретных программ и общей стратегии, сформированной на местном уровне. Результаты этого контроля являются составной частью государственного контроля, который оценивает результаты выполнения целевой функции всей системы ЗАТО.

Формирование стратегии развития закрытых административно-территориальных образований является составной частью формирования системы национальной безопасности. С современной точки зрения национальная безопасность включает в себя экономическую, оборонную, общественную, экологическую, политическую, информационную безопасность². Мы считаем, что предложенные в статье принципы и алгоритм формирования стратегии развития ЗАТО могут способствовать укреплению национальной безопасности.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Указ Президента Российской Федерации от 28 апреля 2008 г. № 607 «Об оценке эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов».

² См.: Кортунов С.В. Национальная и международная безопасность: концептуальные основы: учеб. пособие. М.: Издат. дом ГУ-ВШЭ, 2007. С. 20.

Поступила 15.03.10.

С. В. БУЛЯРСКИЙ, С. А. БУЛЯРСКАЯ, А. О. СИНИЦЫН ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ КЛАСТЕРОВ¹

Ключевые слова: экономические кластеры, некоммерческие организации, договор стратегического партнерства

Key words: economic clusters, non-commercial organisations, agreement on strategic partnership

Конституция Российской Федерации (ст. 5 и гл. 3) закрепляет территориальное деление государства, состоящее из республик, краев, областей, городов федерального значения, автономной области, автономных округов — равноправных субъектов РФ. В каждом субъекте РФ есть свое правительство, законодательное собрание, система региональных законов, имеются свои границы, т. е. вся атрибутика обособленной территории. Успешное развитие субъекта Федерации требует проведения единой экономической политики, которая необходима для рационального использования местных ресурсов. Проще всего это сделать путем формирования регионального экономического кластера. Однако все не так просто. В регионах самые сильные в экономическом отношении предприятия входят в государственные либо частные российские и международные корпорации, сформированные в виде холдингов, с центральным аппаратом управления, находящимся за пределами региона, и зарегистрированные в том же месте. В большинстве случаев остается средний и малый бизнес, который в России пока слаб. В связи с этим необходимо рассмотреть правовые основы интеграции предприятий, находящихся на территории субъекта Федерации, в экономический кластер.

БУЛЯРСКИЙ Сергей Викторович, заведующий кафедрой инженерной физики Ульяновского государственного университета, доктор физико-математических наук, профессор.

БУЛЯРСКАЯ Светлана Алексеевна, доцент кафедры инженерной физики Ульяновского государственного университета, кандидат экономических наук.

СИНИЦЫН Антон Олегович, аспирант Ульяновского государственного университета.

На современном этапе развития страны наблюдается процесс автономизации региональных экономик. Это проявляется в увеличении доли самостоятельности регионов, появлении внутренних рынков, региональных инновационных систем, осуществляющих координацию и кооперацию деятельности предприятий, образующих некоторую систему. Она часто возникает в форме экономических кластеров. Стремление региональных и муниципальных образований к расширению управленческой самостоятельности связано с невозможностью центральной власти централизовать доходы от налогов и прибыли. Кроме того, центральная власть не может обеспечить сохранение и развитие социальных стандартов в регионах, в силу чего не только уступает в этом прерогативу местным органам власти, но настоятельно делегирует им функцию социальной поддержки и защиты населения.

Региональный кластер в широком смысле — это динамическая открытая бизнес-система, основанная на организации юридически независимыми предприятиями общего информационного и географического пространства с целью совместного использования своих ресурсов для реализации выполнения проекта на всех этапах его выполнения. В основу идеи создания кластера положен принцип формирования единой организационно-технологической и информационной среды за счет объединения ресурсов отдельных предприятий. Объединение этих ресурсов виртуальное в том смысле, что находится на балансе отдельных предприятий, однако в результате внутрикластерного взаимодействия происходит тесная интеграция, приводящая к положительным синергетическим эффектам². Сотрудничество в кластере строится на учете взаимных интересов участников, которые в первую очередь являются экономическими.

При умелом использовании экономических методов управления преодолевается инертность в реализации общих для кластера задач, усиливается самоконтроль, до минимума снижается необходимость в административном контроле. Чем шире применяются экономические методы управления, тем большее количество вопросов решается непосредственно в основных звеньях кластера, ближе к источнику информации.

В рыночных условиях экономическая интеграция территорий основана на взаимной долгосрочной заинтересованности

в стабильных, надежных экономических связях в широком рынке сбыта. Возможность преодоления дезинтеграционных тенденций в основном связана с возобновлением экономического роста, созданием вертикально интегрированных компаний, проведением политики регулирования тарифов естественных монополий.

Экономические региональные кластеры принимают различные формы. Например, ассоциации экономического взаимодействия в федеральных округах. Их деятельность способствует решению многих задач: рациональному размещению производительных сил и развитию оптимальной территориальной специализации, развитию межрегиональной инфраструктуры, обеспечению нормальной жизнедеятельности населения, формированию и поддержанию функционирования единого правового и экономического пространства страны. Правовой основой создания экономических кластеров может служить Федеральный закон «О некоммерческих организациях»³. Анализ показывает, что три экономико-правовые формы некоммерческих организаций могут использоваться для формирования территориального экономического кластера: фонд, некоммерческое партнерство, ассоциация⁴.

Ролевая направленность фонда состоит в управлении инвестиционными потоками. Его «минимаксная» структура состоит из инвесторов и потребителей инвестиции в лице социальных и промышленных организаций. Фонд является средой, формирующей инвестиционные потоки путем формирования программ, состоящих из отдельных проектов, распределяемых на конкурсной основе. В свою очередь фонд окружен внешней средой, с ним взаимодействующей. Из этой модели вытекает ряд свойств фонда как субъекта управления регионального экономического кластера. Фонд формирует научно-техническую политику некоторого сегмента сферы услуг путем управления процессом распределения средств. В результате этого инвестиции достаются тому или иному исполнителю. Заметим, что каждый исполнитель решает проблему по-своему, что в целом приводит к определенной направленности программы. Поэтому в итоге не инвесторы, а фонд определяет результат исполнения программы. Основную роль в распределении средств территориальных фондов играют властные структуры. Таким образом, возникает один из рычагов управления организациями, находящимися на территории региона.

Ролевая направленность некоммерческого партнерства связана с внедрением инноваций. Модель включает производителей инновационных идей (научные организации), потребителей этих идей (промышленные предприятия), инновационную среду осуществления этого процесса (некоммерческое партнерство) и внешнюю среду, с которой инновационная среда взаимодействует. Из этой модели также вытекает ряд свойств как субъекта управления.

Умелый менеджмент и активная маркетинговая политика некоммерческого партнерства способна обеспечить повышенную проводимость инновационной среды и ускоренную реализацию инновационного процесса. Деятельность такого НКО способствует развитию горизонтальных связей, преодолению корпоративного консерватизма, обеспечению наибольшего благоприятствования инновационным процессам. Использование высокотехнологичных информационных продуктов для построения баз данных, осуществления коммуникаций и т. п. обеспечивает развитие информационной среды и повышает информационную культуру общества в целом. Деятельность таких НКО приводит к активизации производства инновационных идей в научных организациях и университетах, способствует развитию высокотехнологичной инфраструктуры внешней среды, а также развитию инновационной культуры производителей промышленной продукции. Влияние внешней среды на некоммерческие партнерства осуществляется в той же степени, что и на коммерческие организации, в силу сходства их деятельности, а также благодаря равнодушию общества к инновационной деятельности.

В Ульяновской области действует несколько таких партнерств, образованных под контролем администрации области. Например, создано партнерство «Совет директоров». Эта организация объединяет всех крупных производителей Ульяновской области вне зависимости от того, в какую корпорацию или холдинг эта организация входит и какое подчинение имеет. Такое партнерство является центром координации территориального экономического кластера. Инструментами управления являются административный ресурс властных органов и умелое использование инструмента регионального налогообложения.

Ролевая направленность ассоциации состоит в защите интересов учредителей и координации их действий. Этой модели также характерен ряд свойств. Так как ассоциация является союзом равноправных членов, то она должна придерживаться сбалансированной модели управления, способствующей преодолению конфликта интересов, принятию согласованных решений в короткие сроки, для того чтобы оперативно реагировать на изменяющиеся условия внешней среды. Оперативность принятия решений заставляет использовать высокотехнологичные информационные средства, а также алгоритмы согласования вопросов, обеспечивающие общение членов ассоциации, географически удаленных друг от друга. Такая модель управления называется коммуникативной, а создание ассоциаций неизбежно приводит к поиску новых методов и приемов, обеспечивающих развитие этого типа управления. Так как ассоциация создается с участием властных органов, то она, как и некоммерческое партнерство либо фонд, играет роль центра координации деятельности регионального экономического кластера.

Деятельность подобных организационных структур сталкивается с трудностями, связанными с отсутствием законодательного оформления механизмов практической реализации принимаемых ими решений, а также с отсутствием механизмов связи деятельности таких организационных структур с единой системой государственного территориального управления в России. Преодоление этих трудностей связано с дальнейшим совершенствованием правового поля действия подобных структур.

Реальной продукцией таких координирующих органов являются программы регионального развития, под которые выделяют ресурсы. Так, в Краснодарском крае, как и в других регионах РФ, активизировалась деятельность органов государственной власти по модернизации инновационной инфраструктуры и переходу к активному построению региональной инновационной экономики. Разработана «Стратегия социально-экономического развития Краснодарского края до 2020 года», которая ставит перед органами власти и бизнес-сообществом региона задачу увеличения к 2020 г. объема реализованной продукции на вновь созданных производственных фондах в несколько раз (до 1 трлн руб.) относительно 2008 г. (до 0,2 трлн руб.)⁵.

Заявленное многократное увеличение производства новой продукции не может быть достигнуто только через инвестиционный рост традиционного производственного комплекса края по причине ресурсных ограничений. Необходимо создание качественно новых (инновационных) производственных фондов, т. е. создание в крае инновационной экономики.

Координирующие региональную экономику структуры применяют несколько методов управления экономикой территориального кластера: создание благоприятных экономических и правовых условий для привлечения инвестиций и внедрения инноваций через создание законодательных механизмов стимулирования участников кластера; государственное финансирование либо софинансирование инновационных проектов и предоставление налоговых льгот; субсидирование процентной ставки по кредитам за счет средств краевого бюджета и обеспечение финансовых гарантий; венчурное финансирование за счет средств государственных венчурных фондов.

Разновидностью формирования описанных выше координирующих структур является модель формирования территориально-производственных комплексов на основе стратегических альянсов⁶. Правовые основы этой модели формирования органов управления экономическим кластером без образования юридического лица подробно описаны⁷. Правовой основой образования консорциума служит договор о стратегическом партнерстве. Главным отличием такого договора от договора простого товарищества является то, что он не предусматривает вкладов для организации совместной деятельности. Договор о стратегическом партнерстве с правовой точки зрения является предварительным и предусматривает, что в будущем в результате совместной деятельности будет заключена система договоров, регламентирующих совместную деятельность. Сроки, объемы и характер договоров при этом не оговариваются. Предусматривается, что если совместная скоординированная деятельность приведет к получению прибыли одним из партнеров проекта, то этот проект будет выполняться совместно. При этом будут заключены договора на оказания услуг, купли-продажи и т. д., которые будут регламентировать взаимную ответственность сторон. Так как договор о стратегическом партнерстве не обуславливает объединение вкладов, то он

не может содержать взаимных обязательств, не исполнение которых может повлечь материальную ответственность. В то же время договор не является офертой (ст. 435 ГК РФ), так как он, хотя и содержит намерения о заключении договоров в перспективе, не предусматривает существенных условий будущих договоров, тем более о времени, месте их заключения, начале и окончании срока действия. В соответствии с п. 2,3 ст. 421 ГК РФ он имеет свою собственную силу и является юридическим актом, выражающим добровольное согласие сторон сотрудничать для решения проблем, которые определяются в данном договоре.

Таким образом, правовой основой создания территориальных экономических кластеров могут служить и Федеральный закон «О некоммерческих организациях», и договор стратегического партнерства.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Работа выполнена при поддержке грантов 09-06-00088-а РФФИ и 07-02-00213а РГНФ.

² См.: Булярский С.В. Инновационные организации образовательных и научных учреждений. Ульяновск: Изд-во УлГУ, 2005. 459 с.

³ См.: Федеральный закон от 12 января 1996 г. «О некоммерческих организациях».

⁴ См.: Булярский С.В., Жуков А.В., Булярская С.А. и др. Некоммерческие организации в образовании и науке. Управление, экономика, право. Ульяновск: УлГУ, 2002. 617 с.; Булярская С.А., Булярский С.В. Правовое регулирование организации и управления некоммерческими организациями сферы науки и образования. Ульяновск: УлГУ, 2004. 192 с.

⁵ См.: Диденко Д.А., Шудренко А.А. О теоретических основах эффективного управления инновационной экономикой муниципального и регионального уровня // Наука Кубани. 2008. № 1. С. 65—67.

⁶ См.: Бегиева А.Ш. Модели формирования территориальных научно-производственных комплексов на основе стратегических альянсов // Труды Междунар. конф. «Инноватика — 2009». Ульяновск, 2009. С. 67—72.

⁷ См.: Булярский С.В. Инновационные организации образовательных и научных учреждений ...

Поступила 24.09.09.

Н. Д. НАЙДЕНОВ Е. Н. НОВОКШОНОВА

ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ИНВЕСТИЦИЙ В РЕГИОНЕ

Ключевые слова: инвестиции, Республика Коми, энтропия территориального распределения инвестиций, оптимизация территориального распределения инвестиций

Key words: investments, the Republic of Komi, entropy of territorial allocation of investments, optimisation of territorial allocation of investments

Неотъемлемым элементом региональной экономической политики выступает территориальное размещение инвестиций, которое имеет важное значение в экономическом росте страны. Размещение инвестиций весьма значимо в условиях пространственных преобразований страны.

Согласно принципам либерализма, выбор локализации инвестиций определяется ранжированием мест в зависимости от наличия и стоимости факторов производства, сырья и энергии. При прочих равных условиях выбор дополняется качественными признаками факторов производства.

НАЙДЕНОВ Николай Дмитриевич, заведующий кафедрой бухгалтерского учета, анализа и аудита Коми филиала Вятской государственной сельскохозяйственной академии, доктор экономических наук, профессор (г. Сыктывкар).

НОВОКШОНОВА Елена Николаевна, аспирант кафедры банковского дела Сыктывкарского государственного университета.

Необходимо также иметь в виду, что при прочих равных условиях инвестор дополнительно обременен издержками, не отделимыми от обмена, такими как транспорт, страхование, торговые издержки.

В теоретическом плане к размещению инвестиций по территории РФ существуют два подхода. Первый опирается на теорию иерархически организованной структуры поселений: города-центры и обслуживающие поселения. Второй подход основывается на предпосылке равномерности расселения. Первый подход сводится к мнению, что инвестиции следует направлять туда, где они наиболее эффективны, т. е. в точки роста, которые не многочисленны и сосредоточены в крупнейших городах, месторождениях полезных ископаемых. Второй подход предполагает направление инвестиций в соответствии с задачей выравнивания уровней социально-экономического развития регионов и означает широкое использование инвестиций в отстающих и депрессивных регионах с мягкими бюджетными ограничениями. Взятые в последовательном виде оба подхода ведут страну в тупик¹.

На наш взгляд, на практике *необходим компромисс концепции точек роста и концепции выравнивания*. Он возможен, если предпринимать усилия в поиске равномерно распределенных точек роста по территории страны и связывании этих точек инвестициями в инфраструктурные объекты. Тем самым будет достигнуто приемлемое сочетание эффективности и равномерности в размещении инвестиции без смягчения инвестиционных бюджетных ограничений.

К предложению инвестиционных ресурсов в Республике Коми можно отнести финансовые ресурсы региона за вычетом расходов на социальные нужды плюс инвестиции из-за пределов региона. К спросу на инвестиционные ресурсы можно отнести долю инвестиций в составе регионального продукта (региональный продукт минус потребление).

Следует отметить, что доля инвестиций в региональных финансовых ресурсах с 2000 по 2006 г. была довольно неустойчивой. Она колебалась от 45 до 90 %, что показывает высокую зависимость региона от поступлений внешних инвестиций. Доля инвестиций в ВРП более устойчива. Она колебалась от 26 до 47 %. Основным потребителем инвестиций в Республике Коми является нефтедобывающая

отрасль. Слабая диверсификация обуславливает низкую степень устойчивости инвестиционного процесса.

При общем падении инвестиций в основной капитал на 16 % увеличили инвестиции большинство сельских районов и такие города, как Сыктывкар, Вуктыл, Сосногорск, Усинск. На падение общего объема инвестиций оказало влияние падение инвестиций в г. Ухте (45 %). В сельских районах падение инвестиций составило 81 %. Основную роль в этом падении сыграло снижение инвестиций в Княжпогостском районе (до 25 % к уровню 2006 г.)².

Доли административно-территориальных образований по Республике Коми в 2006—2007 гг. (период, когда произошло снижение уровня инвестиций), т. е. территориальное распределение инвестиций имели ярко выраженный точечный характер. В общем объеме инвестиций существенно менялись доли Усинска, Ухты и Сыктывкара. Доля городов повышалась, доля районов снижалась. Ведущими центрами инвестиций были Ухта и Усинск.

Население Республики Коми уменьшается. Но по различным городам и районам картина неоднозначная. Выделяются две зоны: с ростом населения (Сыктывкар, Ухта, Удорский и Сыктывдинский районы) и с уменьшающимся населением (все остальные районы и города). Следует отметить, что взаимосвязи убыли населения и климатических зон нет.

Однако, как показывает наш анализ, нет прямой связи между динамикой убыли населения и инвестициями. Последние по административно-территориальным единицам на душу населения являются крайне дифференцированными. Например, в городах в 2007 г. они составили 89 202 руб., а в районах — 19 430 руб. на душу населения³. На наш взгляд, важным является метод анализа энтропии. Она показывает меру хаоса, которая складывается из взаимодействия интегрирующей, направленной на укрепление целостности явления, и дезинтегрирующей, направленной на разрушение явления, сил. Расчет энтропии инвестиционного процесса по территории мы предлагаем производить по формуле:

$$E = \sum_{i=1}^n P(x) \log_2 P(x) ,$$

где E — показатель энтропии, $P(x)$ — доля i -го элемента в системе из n элементов (интегрирующая сила); $\log_2 P(x)$ — логарифм $P(x)$ с основанием 2 (дезинтегрирующая сила).

Расчет энтропии территориального распределения инвестиций по территории Республики Коми показал, что она составляла в 2006 г. 2,7819, а в 2007 г. — 2,942. Разница составляет 0,16, или 5 %. Отмеченные небольшие изменения в худшую сторону можно трактовать как свидетельство высокой устойчивости территориального распределения инвестиций по Республике Коми за рассматриваемый период.

Расчеты показали, что энтропия по городам составляла 1,967 в 2006 г. и 2,365 в 2007 г.; по районам — 0,554 в 2006 г. и 0,513 в 2007 г.; в зоне с приростом населения — 0,961 в 2006 г. и 0,992 в 2007 г.; в зоне с убылью населения — 1,890 в 2006 г. и 1,669 в 2007 г. Поскольку энтропии по годам несильно отличаются друг от друга, то здесь также можно сделать вывод об относительно высокой устойчивости инвестиционных процессов в республике. Но при этом нельзя не отметить, что энтропия территориального размещения инвестиций растет, что свидетельствует о необходимости принятия мер по оптимизации территориального размещения инвестиций по территории региона.

В среднем по промышленности и сельскому хозяйству в Республике Коми в 2008 г. износ основного капитала составил 55 и 70 % соответственно, а коэффициент использования производственных мощностей — 45 и 40 %. Это говорит о том, что экономика республики характеризуется слабой загруженностью производственных мощностей, неполной занятостью, низким уровнем производительности капитала не только в отраслях, ориентированных на внутреннее потребление, но и в отраслях, продукция которых составляет ведущие статьи регионального экспорта. Экономика Республики Коми пока не готова к замещению импорта собственной продукцией. Предложение импортозамещающих производств оказывается недостаточным для повышения устойчивости экономики региона.

В Республике Коми разработана схема размещения и развития производительных сил на период до 2020 г.⁴ В целом по региону формируются стратегия развития и набор проектов (программ) по реализации стратегии, что нельзя сказать о многих сельских районах. Целесообразно, на наш взгляд, формировать пакеты документов по местной инвестиционной политике применительно к сельским населенным пунктам.

Основой государственной поддержки инвестиционной деятельностью в республике до 2020 г. являются наиболее крупные промышленные проекты со сроками окупаемости до 10 лет с общим объемом инвестиций более 410 млрд руб. (в том числе 150 млрд руб. — требуемый заемный капитал и более 300 млрд руб. — потребность для проектов развития инфраструктуры и сферы услуг). Перечень проектов включает 41 наименование. Особенно крупными являются проекты по строительству лесопромышленного комплекса в Троицко-Печорском районе республики (совокупная стоимость составляет 67 млрд руб., срок окупаемости — 13,5 лет), проект по улучшению обеспеченности ОАО «Монди Сыктыварский ЛПК» целлюлозой и оптимизации использования существующих мощностей (совокупная стоимость проекта 500 млн евро), проект строительства железнодорожной магистрали «Соликамск-Гайны — Сыктывкар — Карпогоры — Архангельск» (совокупная стоимость проекта 70 млрд руб., срок окупаемости — 6,5 лет)⁵.

Обеспечению эффективности инвестиционных процессов и выравниванию уровней социально-экономического развития регионов может служить методология формирования пакетов инвестиционных проектов, позволяющих изыскать финансовые источники инвестиций и обеспечить устойчивость инвестиционных процессов в территориальном аспекте путем осторожного размывания точечной локации инвестиций в Республике Коми.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Бочкова С.В. Методика формирования оптимального портфеля инвестиционных проектов // Вузовская наука — региону: материалы VI Всерос. науч.-техн. конф.: в 2 т. Вологда: ВоГТУ, 2008. Т. 2. С. 11—13.

² См.: Республика Коми — 85 лет. Историко-статистический сб. Сыктывкар, 2006. С. 27.

³ См.: Краткая схема размещения и развития производительных сил в Республике Коми на период до 2020 г. URL: <http://forumrkomu.ru/prez/ordea.ppt#28219> (дата обращения: 17.08.2009).

⁴ Там же.

⁵ См.: Стратегия экономического и социального развития Республики Коми на 2006—2010 годы и на период до 2015 года. Сыктывкар, 2006. 156 с.

Поступила 16.09.09.

Н. Н. СЕМЕНОВА

О. И. ЕРЕМИНА

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ИНВЕСТИЦИОННАЯ ПОДДЕРЖКА СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА РЕГИОНА

Ключевые слова: государственная поддержка, инвестиции, сельское хозяйство, государственная программа, приоритетный национальный проект

Key words: state support, investments, agriculture, state programme, priority national project

Агропромышленный комплекс является важнейшей составной частью экономики России и определяет состояние всего народно-хозяйственного потенциала, уровень продовольственной безопасности государства и социально-экономическую обстановку в обществе. Необходимо отметить, что ведущая отрасль АПК — это сельское хозяйство.

Независимо от национальной принадлежности, уровня развития, форм собственности, методов организации сельское хозяйство имеет специфические, присущие только ему особенности, существенно отличающие его от других отраслей. Они наиболее значимо проявляются в условиях рыночной

СЕМЕНОВА Надежда Николаевна доцент кафедры финансов и кредита Мордовского государственного университета, кандидат экономических наук.

ЕРЕМИНА Ольга Ивановна, доцент кафедры финансов и кредита Мордовского государственного университета, кандидат экономических наук.

экономики при свободной конкуренции и недостаточном регулировании государством происходящих процессов. К ним относятся сезонный характер сельскохозяйственного производства; использование природных ресурсов, состояние которых может непредсказуемо измениться; немонопольный характер сельскохозяйственного производства; диспаритет цен на промышленную и сельскохозяйственную продукцию; экологизация сельскохозяйственного производства; значительный размер капитальных затрат на осушение, орошение земель, реконструкцию действующих мелиоративных систем, известкование почв, что отражается на себестоимости и цене сельскохозяйственной продукции; слабая привлекательность сельскохозяйственного труда и инвестиций в сельское хозяйство (из-за высокой капиталоемкости отрасли, низкой прибыльности инвестиций и большого срока их окупаемости)¹.

Следует отметить, что агропромышленный комплекс занимает особое место, не позволяющее в силу его специфики в полной мере и на равных участвовать в межотраслевой конкуренции. В результате сельское хозяйство оказывается в ущемленном, неравноправном положении по сравнению с другими сферами. Такая ситуация обусловлена самим рыночным механизмом, при котором цены в монополизированном секторе промышленности растут быстрее, чем в немонополизированном аграрном секторе. В результате сельское хозяйство оказывается в «ценовых тисках» как внутри самого АПК, так и в рамках народно-хозяйственного комплекса. Однако нельзя забывать о том, что сельское хозяйство, требуя единовременно крупных вложений для начала производственного процесса, имеет замедленный оборот капитала и более продолжительный период окупаемости вложений, чем другие отрасли, что в большей степени и сдерживает приток капитала в отрасль.

Необходимость государственной поддержки сельского хозяйства вызвана также и тем, что инновационный процесс в этой отрасли проявляется в гораздо меньшей степени, чем в промышленности. В результате производительность труда в промышленности растет более быстрыми темпами. Кроме того, производительность труда в сельском хозяйстве ограничена физическими возможностями земли. Все это приводит к тому, что себестоимость сельскохозяйственной продукции не снижается, а существенно увеличивается.

В итоге относительные доходы промышленников растут, а сельскохозяйственных товаропроизводителей — падают.

Специфика функционирования сельскохозяйственных организаций предполагает существенное участие государства в регулировании их деятельности и обеспечении финансовой устойчивости. У сельского хозяйства есть особенность, которая состоит в том, что приток денежных средств из государственного бюджета должен превышать их отток в бюджет благодаря государственной поддержке.

Во всех развитых странах с помощью различных экономических и финансовых механизмов и приемов (дотации и компенсации, освобождение от налогов, кредитование с компенсацией из бюджета и т. д.) осуществляется стабильная государственная поддержка сельского хозяйства путем перераспределения доходов из более монополизированного промышленного сектора. Это дает возможность не только обеспечивать продовольствием население стран, в том числе тех, которые являются несоизмеримыми по плотности населения с Россией (Китай, Япония, страны Западной Европы и др.), но и экспортировать большие объемы сельхозпродукции и продуктов питания, безусловно, поддерживая уровень продовольственной безопасности своих стран.

На наш взгляд, развитие сельского хозяйства в России должно стать альтернативой сырьевой экономики и обеспечить продовольственную независимость страны. В экономической политике государства приоритетное развитие сельского хозяйства нашло отражение в ряде нормативно-правовых документов. Согласно Федеральному закону от 29 декабря 2006 г. № 264-ФЗ «О развитии сельского хозяйства», государственная поддержка производства сельскохозяйственной продукции, устойчивое развитие сельских территорий осуществляются по нескольким направлениям: обеспечение доступности кредитных ресурсов для сельскохозяйственных товаропроизводителей, производящих сельскохозяйственную продукцию, осуществляющих ее переработку и оказывающих соответствующие услуги, для граждан, ведущих личное подсобное хозяйство (ЛПХ), крестьянских (фермерских) хозяйств (КФХ), а также сельскохозяйственных потребительских кооперативов; развитие системы страхования рисков в сельском хозяйстве и развитие племенного животноводства и элитного семеноводства; обеспечение произ-

водства продукции животноводства, закладки многолетних насаждений и уход за ними, обновления основных средств сельскохозяйственных товаропроизводителей, мероприятий по повышению плодородия почв, устойчивого развития сельских территорий, в том числе строительство и содержание в надлежащем порядке связывающих населенные пункты автомобильных дорог; предоставление консультационной помощи сельскохозяйственным товаропроизводителям, подготовка и переподготовка специалистов для сельского хозяйства; информационное обеспечение при реализации государственной аграрной политики².

В 2006—2007 гг. в Республике Мордовия, как в целом по России, реализовывался приоритетный национальный проект (ПНП) «Развитие АПК», который включает в себя три основные направления: ускоренное развитие животноводства; стимулирование развития малых форм хозяйствования; обеспечение жильем молодых специалистов (их семей) на селе. Необходимость разработки таких комплексных мероприятий в сельском хозяйстве обусловили общий кризис в 90-х гг. и неудовлетворительная ситуация, сложившаяся на селе к началу XXI в. Однако осуществлению действенной экономической политики в то время препятствовало то, что на протяжении многих лет власти не удавалось сделать однозначный выбор в пользу конкретных направлений и мер бюджетной поддержки сельского хозяйства.

Для развития сельскохозяйственной отрасли экономики Мордовии, повышения эффективности производства продукции животноводства, стимулирования развития малых форм хозяйствования, улучшения занятости и благосостояния сельских жителей было заключено Генеральное соглашение о сотрудничестве по его реализации между Правительством РМ и ОАО «Российский сельскохозяйственный банк». Предметом соглашения стало сотрудничество сторон, направленное на выполнение проекта, поддержку и финансовое развитие сельскохозяйственных предприятий, личных подсобных и фермерских хозяйств, а также на улучшение условий проживания на селе, реализуемое через совместные программы финансирования и кредитования.

Благодаря расширяющейся государственной инвестиционной поддержке агропромышленный комплекс республики имеет положительную тенденцию производственно-экономи-

ческого развития. Производство продукции сельского хозяйства за два года реализации проекта в республике увеличилось на 30 % и составило в 2007 г. 20,8 млрд руб.³

В 2006—2007 гг. в реализации ПНП приняли участие 80 сельскохозяйственных предприятий Мордовии, которыми осуществлялись 92 инвестиционных проекта по строительству, реконструкции и модернизации животноводческих комплексов. В рамках проекта были заключены договоры на получение инвестиционных кредитов сроком до 8 лет на 4,4 млрд руб. Благодаря проекту в республике были введены в эксплуатацию 47 животноводческих комплексов.

В реализации второго направления ПНП «Развитие АПК» в Мордовии участвуют более 18 тыс. личных подсобных хозяйств (10,6 % от их общего количества), 144 крестьянских (фермерских) хозяйств. На начало 2008 г. в республике организованы 237 сельскохозяйственных потребительских кооперативов, 145 из них получили кредиты. За два года реализации национального проекта малые формы хозяйствования в Мордовии в совокупности получили кредитов в размере 2,6 млрд руб. Объем кредитования в 2007 г. составил 1 751,8 тыс. руб., число заемщиков превысило 12 тыс. По сравнению с 2006 г. объем кредитования увеличился более чем в два раза, в том числе по ЛПХ — на 96 %, по потребительским кооперативам — в 4 раза, по КФХ снизился на 13 %. Владельцы личных подсобных хозяйств заключили 12 785 кредитных договоров на общую сумму 1 009 366 тыс. руб.

Средний размер суммы кредита, приходящийся на 1 кредитный договор с ЛПХ, составил 78,9 тыс. руб., с КФХ — 1,1 млн руб., с СХПК — 5,5 млн руб. кредитных средств. Удельный вес ЛПХ в общей сумме привлеченных кредитов в 2007 г. составляет 57,6 %, КФХ — 7,2 %, СХПК — 35,2 %.

На субсидирование процентных ставок по кредитам коммерческих банков, полученным ЛПХ и КФХ и создаваемыми ими сельскохозяйственными потребительскими кооперативами в 2006—2007 гг. из федерального бюджета выделены 204,4 млн руб., из республиканского — 10,6 млн руб. Особую роль в реализации проекта играет ОАО «Россельхозбанк». На его долю пришлось 76,9 % выданных в Мордовии кредитов, на долю Сбербанка — 18,4 % от общей суммы кредитов для малых форм хозяйствования, АКТИВ БАНКА — 1,7 %.

Несмотря на увеличение общей суммы средств, направленных на финансирование сельского хозяйства в области кредитования, льготные кредиты могут получить лишь хозяйства, которые удовлетворяют свои текущие потребности в финансах. Неплатежеспособность и огромная кредиторская задолженность сельскохозяйственных организаций в значительной степени являются следствием привлечения кредитов на простое воспроизводство и отсутствие средств на их погашение, т. е. большинство хозяйств не может обеспечить возврат средств, привлеченных на решение текущих задач. Поэтому использование кредитных ресурсов является обоснованным лишь при условии, что деятельность предприятия платежеспособна. Далеко не все прибыльные сельскохозяйственные организации можно считать платежеспособными, так как у большинства из них имеется огромная кредиторская задолженность, а той прибыли, которую они получают, не хватает даже на текущие нужды. В силу этих обстоятельств ряд сельскохозяйственных товаропроизводителей остается без кредитов.

В рамках реализации стратегии устойчивого развития АПК важное значение имеет принятая в 2007 г. Государственная программа «Развитие сельского хозяйства и регулирование рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2008—2012 гг.». В ней намечены три основные цели: устойчивое развитие сельских территорий, рост занятости и уровня жизни населения; повышение конкурентоспособности российской сельскохозяйственной продукции на основе финансовой устойчивости и модернизации сельского хозяйства, а также ускоренного развития приоритетных подотраслей сельского хозяйства; сохранение и воспроизводство используемых в сельскохозяйственном производстве земельных и других природных ресурсов⁴.

В результате реализации программы предполагается достичь прироста физического объема продукции сельского хозяйства на 23,4 % и довести инвестиции в основной капитал в сельское хозяйство в 2008—2012 гг. до 946,8 млрд руб. В плане ресурсного обеспечения этой программы на указанные цели предусматривается выделение значительных финансовых средств. В 2008—2012 гг. общий объем финансирования программы за счет средств федерального бюджета составит 551,3 млрд руб. Для формирования консолидирован-

ного бюджета программы субъектами РФ предусматривается выделение из бюджетов субъектов 544,3 млрд руб., в том числе в 2008 г. — 83 млрд руб., 2009 г. — 99,4 млрд руб., 2010 г. — 108,3 млрд руб., 2011 г. — 121,2 млрд руб. 2012 г. — 132,4 млрд руб.

За 2008 г. малыми формами хозяйствования в рамках госпрограммы Мордовии было привлечено кредитов на сумму 1,34 млрд руб. Доля ЛПХ в общей сумме привлеченных кредитов составляет 42 %. Увеличивается также кредитный портфель КФХ (9 %), СХПК (49 %) и крупных кредитов, которые идут на реализацию масштабных проектов предприятий аграрного сектора. За 2008 г. КФХ заключено 77 кредитных договоров на сумму 123 млн руб., владельцами личных подворий — 4 942 кредитных договоров на общую сумму 559 млн руб., 121 договор заключили потребительские кооперативы на сумму 663 млн руб. Сумма привлеченных кредитов по малым формам хозяйствования на одного сельского жителя республики в рамках реализации программы за 2008 г. составила в среднем 4 070 руб. (прогноз выполнен на 87,9 %).

В 2009 г. в связи с кризисной ситуацией в стране и регионе мероприятия госпрограммы были профинансированы лишь на 84,2 %, или на 2 986,2 млн руб., в том числе за счет средств федерального бюджета на 88,9 %, республиканского — 72,5 %, средств местных бюджетов — 76,0 %, или на 2 206,8 млн руб., 661,2 млн руб. и 118,2 млн руб. соответственно. Отметим, что направление «Регулирование рынка сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия» профинансировано не было. «Устойчивое развитие сельских территорий» было профинансировано на 64,6 %, или 300,3 млн руб.; «Создание общих условий функционирования сельского хозяйства» — на 83,4 %, или 413,6 млн руб.; «Развитие приоритетных подотраслей сельского хозяйства» — на 73,5 %, или 329,5 млн руб.; «Достижение финансовой устойчивости сельского хозяйства» — на 91,2 %, или 1 942,8 млн руб.

В 2010 г. в сельское хозяйство республики продолжается поступление энергонасыщенной и ресурсосберегающей техники. Всего за период реализации программы будут приобретены более 3 520 тракторов и 878 зерноуборочных комбайнов. Обновление парка с учетом списания этой тех-

ники составит в отношении тракторов 70,8 %, зерноуборочных комбайнов — 70,4 % (к уровню 2006 г.). Учитывая, что республика полностью обеспечивает себя продукцией животноводства, рост объемов производства мяса и молока позволит к 2012 г. увеличить вывоз мяса и мясопродуктов (в пересчете на мясо) с 33 % от объемов производства в 2006 г. до 48 % в 2012 г., молока и молокопродуктов (в пересчете на молоко) — с 38 до 54 %.

Следует отметить, что в последние годы наблюдаются положительные тенденции стабилизации и повышения эффективности агропромышленного производства. Целевые показатели ПНП «Развитие АПК» на 2006—2007 гг. выполнены. В программу развития сельского хозяйства на предстоящее пятилетие вошли все направления этого проекта и реализуемые федеральные целевые программы по социальному развитию села и повышению плодородия почв. Вместе с тем кризис в мировой продовольственной системе и неутешительные прогнозы на ближайшую перспективу вызывают необходимость принятия дополнительных, более радикальных мер по защите населения страны от потрясений в мировой экономике.

Улучшение ситуации видится в разработке и использовании новых организационных и экономических механизмов. Такие механизмы, на наш взгляд, должны иметь мобилизационную направленность за счет более активного участия государства в трех ключевых звеньях инновационного процесса: разработка и освоение новых видов техники и технологий, продвижение их на рынок, освоение инноваций в сельскохозяйственных предприятиях. В этих звеньях должны появиться новые организационные структуры.

Необходимо создать государственно-частную корпорацию по разработке и производству современной техники. Такая корпорация может действовать по образцу создаваемых корпораций в судостроении и авиастроении. В настоящее время начинает возрождаться рынок сельскохозяйственной техники. В 2007 г. сельскохозяйственные организации приобрели 15 тыс. тракторов и 6,5 тыс. зерноуборочных комбайнов. Большая часть приобретенной техники — это техника иностранного производства. Ориентация на использование импортной техники и импортных технологий не дает возможности укреплять отечественный научно-технический потенциал.

Важно организовать новые и поддержать действующие компании по разработке и внедрению новых технологий по отраслям сельскохозяйственного производства. Такие организации могут создаваться с участием государственных научных учреждений; передовых хозяйств, освоивших инновационные технологии и готовых их реализовать в другие хозяйства; частных фирм по реализации семян; отдельных видов техники и другой научно-технической продукции. На рынке действуют разрозненные фирмы. Научные учреждения пока не могут обеспечить современный маркетинг. Между ними и сельскохозяйственными товаропроизводителями действуют многочисленные посредники, удорожающие инновационную продукцию. Участие науки в таких комплексных компаниях будет способствовать востребованности уже выполненных разработок и дополнительному финансированию новых. Незрелость внедренческих структур приводит к тому, что отечественный рынок инноваций все в большей мере захватывают западные фирмы.

В сельскохозяйственном производстве должны получить распространение организационные структуры холдингового типа, способные привлечь крупные инвестиции и осуществить модернизацию хозяйств с отсталой материально-технической базой. Как показала практика, частные решения по поддержке несостоятельных хозяйств (пролонгация долгов, выделение субсидий, строительство жилья для отдельных специалистов) в большинстве случаев малоэффективны. В таких хозяйствах подвержены деградации материально-техническая база, кадровый потенциал, система организации и управления производством. Существует необходимость выработки специальной государственной политики в отношении этих хозяйств. В настоящее время они лишены возможности участия в реализации принятого национального проекта и государственной программы по развитию сельского хозяйства, поскольку не могут выполнить условия, заложенные в механизмах финансирования.

Целесообразно осуществить на федеральном уровне мероприятия по стимулированию объединительных и поглочительных процессов в сельском хозяйстве. В настоящее время ситуация выглядит, с точки зрения потенциального инвестора, абсурдно. Помимо средств для восстановления утраченного за годы реформ материально-технического по-

тенциала присоединяемых хозяйств, инвестора ждет мало-привлекательная перспектива расплачиваться за долги, к накоплению которых он не имел никакого отношения. Для экономического развития отсталых производств частным инвесторам необходимо предоставить налоговые льготы. К сожалению, налоговая система государства носит преимущественно фискальный характер. Хотя в сельском хозяйстве она считается щадящей, но для убыточных и низкорентабельных хозяйств является непосильной.

Таким образом, более широкое использование целевых программ и национальных проектов в АПК позволит расширить горизонты финансирования этого сектора экономики. Вполне ощутимый результат в дополнение к бюджетному финансированию дает развитие краткосрочного и среднесрочного кредитования села с бюджетной компенсацией процентных выплат. Все это создает возможности для накопления собственных финансовых ресурсов и дальнейшего развития агропромышленного комплекса.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Семенова Н.Н. Бюджетная поддержка сельского хозяйства: вопросы теории и практики. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2010. С. 7—8.

² См.: Федеральный закон Российской Федерации от 29 декабря 2006 г. № 264-ФЗ «О развитии сельского хозяйства» // Справочно-правовая система «Консультант Плюс».

³ См.: Реализация приоритетного национального проекта «Развитие АПК» в Республике Мордовия: стат. сб. / Территор. орган Федер. службы гос. статистики по РМ. Саранск, 2008. 24 с.

⁴ См.: Постановление Правительства РФ от 14 июля 2007 г. № 446 «О Государственной программе развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2008—2012 гг.» // Справочно-правовая система «Консультант Плюс».

Поступила 07.04.10.

Л. И. ЗИНИНА

Т. В. ГЛУХОВА

ФОРМИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНОГО ПРОДОВОЛЬСТВЕННОГО РЫНКА

Ключевые слова: продовольственный рынок, государственное регулирование, потребительский спрос, продовольственные связи, экономическая доступность продовольствия, мониторинг продовольственного рынка, продовольственные ресурсы, инструменты регулирования, прогнозирование спроса

Key words: food market, state regulation, consumer demand, food links, economic availability of food stuff, monitoring of food stuff, food resources, instruments of regulation, prognostication of demand

Система организации и регулирования продовольственного рынка направлена на обеспечение экономической и продовольственной безопасности страны. Эффективность функционирования продовольственного рынка во многом определяется степенью участия государства в формировании и использовании продовольственных ресурсов. Реализация потенциальных возможностей увеличения производства раз-

ЗИНИНА Любовь Ивановна, заведующая кафедрой информационных систем в экономике и управлении Мордовского государственного университета, доктор экономических наук, профессор.

ГЛУХОВА Татьяна Васильевна, доцент кафедры информационных систем в экономике и управлении Мордовского государственного университета, кандидат экономических наук.

личных видов продовольствия и создания его государственных резервов возможна при активизации регулирующей роли государства.

Состояние продовольственного обеспечения показывает острую необходимость реализации целенаправленной социально ориентированной продовольственной государственной политики. Именно государство должно стать гарантом последовательного осуществления задач хозяйственного регулирования, координировать процессы рыночных преобразований в агропродовольственной системе. Однако признание необходимости государственного регулирования продовольственного рынка не дает ответов на вопросы, каким должен быть его механизм. Зарубежный опыт в этой области не всегда может быть применим к условиям России. В системе государственного регулирования продовольственного рынка наряду с традиционными важно формировать более прогрессивные инструменты с учетом национальных, исторических, социально-экономических особенностей конкретных регионов и современных требований общественного развития.

В работах отечественных и зарубежных ученых обоснованы принципиальные положения формирования, развития и функционирования продовольственного рынка, развития его инфраструктуры в период реформирования и трансформации экономических отношений¹. В то же время многие стороны этой сложной проблемы требуют дальнейшего исследования, особенно в региональном аспекте. Важное научное и практическое значение имеют дальнейшее совершенствование инструментариев экономического механизма регулирования регионального продовольственного рынка, изыскание более рациональных способов товародвижения, формирование социально-экономической системы распределения ресурсов продовольствия.

Исследование системы регулирования регионального рынка продовольствия позволило выявить несовершенство ценовой политики, финансово-кредитных и внешнеэкономических инструментов его регулирования. Равновесие спроса на продовольственные товары и его предложения устанавливается в условиях низкой покупательной способности населения. Происходит неоправданное наращивание цен реализации продуктов питания из-за увеличения количества посреднических звеньев. Действует сложная, с элементами

дублирования, и весьма несовершенная система контроля безопасности и качества продовольственных товаров. Функции регулирования производства продовольствия, торговли продовольственными товарами и предоставления услуг сосредоточены между различными ведомствами. Недостаточно развита экспортная инфраструктура, направленная на продвижение продовольственных товаров на межрегиональный и международный рынки.

Анализ позиций, существующих в области развития продовольственного рынка, позволил сделать вывод о том, что он исследуется преимущественно на общероссийском уровне. Однако в последние годы агроэкономические преобразования в значительной степени переносятся в регионы, где производится товарная продукция, осуществляются экономические связи между сельхозтоваропроизводителями, перерабатывающими предприятиями, заготовительными организациями и сферой торговли. Регионы вступают в прямые экономические отношения не только друг с другом, но и с зарубежными странами. В связи с этим понятие «*региональный продовольственный рынок*» следует рассматривать как целостную, территориально обособленную систему социально-экономических отношений по производству, формированию, обмену, распределению и потреблению продовольственных ресурсов и продуктов питания, функционирование которой обусловлено во многом спецификой действия региональных агроэкономических условий и производственных факторов, а также направлено на активизацию производственных и обменных процессов, межрегиональных продовольственных связей, обеспечение социально-экономической эффективности и продовольственной безопасности региона.

Способы воздействия государства и используемые при этом инструменты различаются в зависимости от целей, которые должны быть достигнуты при регулировании рынка продовольствия. В связи с этим государственное регулирование продовольственного рынка нами рассматривается как механизм, основанный на использовании инструментов экономического воздействия на развитие процессов производства, формирования, обмена, распределения, потребления продовольственных ресурсов и направленный на формирование стратегических и оперативных продовольственных ресурсов и рациональной системы их распределения; наращивание

объемов собственного производства и использование возможностей межрегиональных продовольственных связей и мирового рынка; восстановление уровня потребления основных продуктов питания и повышение экономической доступности продовольствия; создание и поддержание фондов продовольствия для государственных нужд; формирование условий производства социально значимых продуктов питания и роста продовольственной самообеспеченности региона.

Мы считаем, что необходимо формирование комплексной системы государственного регулирования регионального продовольственного рынка, включающего специализированные меры по формированию продовольственных потребностей и возможностей региона, стимулированию спроса на продовольствие с ориентацией на обеспечение приоритета потребителя, а также формированию условий для роста предложения продовольственных товаров и продуктов питания с учетом экономических интересов товаропроизводителей. При этом особое внимание акцентируется на необходимости активизации внешнеэкономических продовольственных связей и интенсивном формировании специализированной инфраструктуры продовольственного рынка.

Анализ уровня самообеспечения региона продовольственным сырьем и продуктами питания показывает, что обеспечение продовольственными товарами населения Республики Мордовия осуществляется в основном за счет собственного производства. При этом уровень самообеспечения предлагается определять на сложившемся уровне потребления и на нормативном. Следует определять коэффициенты фактического ($У_{с.факт}$) и нормативного ($У_{с.норм}$) уровня самообеспечения региона продовольственными ресурсами с учетом медицинских норм потребления:

$$У_{с.факт} = \frac{\text{производство} - \text{производственное потребление} - \text{потери} - \text{вывоз (включая экспорт)}}{\text{личное потребление населения}} ;$$

$$У_{с.норм} = \frac{\text{производство} - \text{производственное потребление} - \text{потери} - \text{вывоз (включая экспорт)}}{\text{личное потребление населения в соответствии с медицинскими нормами}} .$$

Расчеты по этим формулам позволяют сделать вывод, что фактический уровень самообеспечения региона продовольствием по всем видам продукции, кроме картофеля, значительно ниже нормативного уровня (особенно по мясу и овощам).

Исследования в области оценки уровня доступности продовольствия для населения республики позволили выявить, что в настоящее время почти решена проблема физической доступности продовольствия, но уровень его среднестатистического потребления не повышается. Это обусловлено низкой экономической доступностью продовольствия, отражающей возможности населения и спецпотребителей приобретать необходимые продукты питания в соответствии с уровнем их доходов. Однако в условиях значительной его дифференциации наблюдается не только количественное сокращение потребляемых продуктов, но и качественное ухудшение структуры питания: в пищевом рационе уменьшилась доля высокобелковых продуктов и возросла доля крахмалосодержащих, что оказывает неблагоприятное воздействие на здоровье и продолжительность жизни населения.

По десяти основным видам продовольствия дополнительная емкость продовольственного рынка Мордовии составляет 8 869,3 млн руб. (в ценах 2007 г.). Это означает, что для обеспечения экономической доступности социально значимых продуктов питания в соответствии с медицинскими нормами в среднем на одного жителя республики требуются дополнительные денежные средства в размере 843,63 руб. в месяц. Для 7,2 % населения с наименьшими доходами эта сумма составляет 1 520,70 руб. в месяц². Именно на эту категорию населения в основном ориентирована предлагаемая социально-экономическая модель целевой продовольственной помощи, направленная на расширение емкости продовольственного рынка и обеспечение физической и экономической доступности продовольствия населению региона в соответствии с рекомендуемыми нормами потребления (рисунок).

В основу механизма реализации предложенной модели, направленной на обеспечение баланса социально-экономических интересов производителей, торговли и потребителей, должно быть положено соглашение между Министерством сельского хозяйства и продовольствия РМ, Министерством торговли и предпринимательства РМ, республиканской и районными администрациями. Совместная комиссия по внедрению модели осуществляла бы квалифицированный отбор предприятий-поставщиков; присваивала им звание госагента; определяла номенклатуру и минимальные объемы производства продукции, предназначенные для социальных

целей (учитывая при планировании необходимых объемов производства численность населения с низкими доходами, принятые нормы потребления продуктов и другие условия); утверждала годовой региональный социальный заказ; определяла минимальные гарантированные цены на сырье и представляла их на согласование в Министерство экономики РМ и Министерство сельского хозяйства и продовольствия РМ; определяла и утверждала сбалансированные нормативные сроки взаиморасчетов между госагентами; ежегодно представляла региональному законодательному собранию предложения по выделению средств на формирование региональных социальных фондов.

Реализация вышеназванной модели предполагает предоставление системы дотаций, субсидий, льготных кредитов товаропроизводителям для осуществления обязательств госагента; размещение социального заказа на крупных предприятиях перерабатывающей промышленности и создание предпосылок к устойчивому производству, гарантированному сбыту продукции, полной загрузке производственных мощностей; снижение затрат населения на основные продукты питания и изменение структуры питания в сторону увеличения потребления белковосодержащих продуктов.

В современных условиях необходимо выделение в качестве отдельного объекта управления и регулирования не только производства, но системы сбыта и продвижения продовольствия. Регулирующие меры могут быть разделены на две группы. Первая — оперативные меры воздействия на производственный сектор, направленные на поддержание доходности товаропроизводителей, а также меры по расширению сбыта отечественной продукции на внутреннем рынке и создание условий для нормальной конкуренции товаропроизводителей на внешнем рынке, которые должны предусматривать сохранение (с учетом инфляции) государственной бюджетной поддержки товаропроизводителей; реструктуризацию задолженности субъектов хозяйственной деятельности при условии принятия ими определенных обязательств; регулирование импорта и экспорта продовольствия для развития нормальной ценовой конкуренции продовольствия с импортным преимущественно посредством таможенно-тарифной политики (введение сезонных пошлин на импорт готового продовольствия, временный отказ от та-

моженных пошлин на сырье, поступающее на переработку); регламентацию правил торговли продовольствием (лицензирование оптовой торговли по базовым видам продукции, введение прогрессивной шкалы налогообложения торговых предприятий в зависимости от величины торговых надбавок); формирование условий для активизации межрегиональных поставок продовольствия на основе частичных государственных гарантий или страхования рисков неплатежей за продукцию, передаваемую на переработку и реализацию; принятие мер по обеспечению свободного перераспределения продукции внутри страны.

Вторая — комплексное решение вопросов долгосрочного характера, поддерживающее стабильность производства и развитие инфраструктуры продовольственного рынка. Приоритетное значение здесь имеют адресная государственная помощь и дотирование товаропроизводителей; законодательная регламентация использования бюджетных средств на приобретение продовольствия для государственных нужд (закупки продукции у отечественных товаропроизводителей по гарантированным ценам и передача средств для авансирования производства сырья и продовольствия); формирование финансово-кредитного механизма обслуживания товаропроизводителей, адекватного рынку (создание системы страхования сельскохозяйственной деятельности, расширение сельской кредитной кооперации); стимулирование образования вертикально интегрированных аграрных формирований по технологической цепи «производство сырья — переработка — реализация»; разработка и реализация государственной программы развития инфраструктуры продовольственного рынка, включающей меры по созданию региональных оптовых рынков, развитию региональных розничных сбытовых сетей, производственной инфраструктуры.

Таким образом, государственное регулирование продовольственного рынка призвано обеспечить социальное товарное производство с ориентацией на доступность продовольствия. Основной формой продвижения к социальным целям, гарантирующей их полноценную и эффективную реализацию, должны стать государственные социальные программы, приоритет которых может быть поддержан целенаправленным использованием экономических регуляторов.

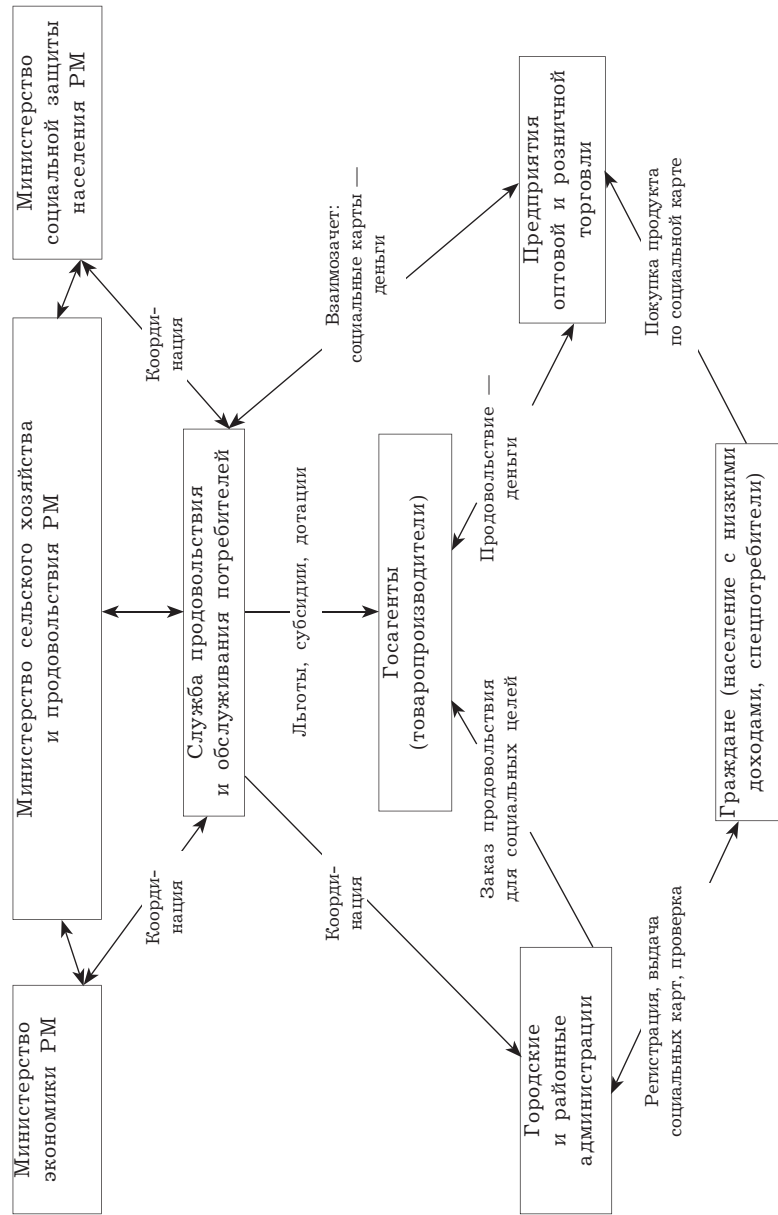

Рисунок. Организационная схема функционирования модели целевой продовольственной помощи на уровне региона

Система товародвижения должна обеспечивать баланс интересов всех ее участников: производителей, оптовиков, розничных торговцев, государства. При этом оптовая торговля, с одной стороны, должна полностью удовлетворять запросы розничной торговли и общественного питания на продовольственные товары по ассортименту, качеству, ценам и условиям их поставки; с другой — являться активным, экономически выгодным коммерческим посредником для товаропроизводителей, организующих продвижение товаров по каналам реализации. В качестве основных направлений развития оптовой торговли в регионе следует выделить оптимизацию состава операторов оптового рынка, а также реформирование каналов товародвижения и создание рыночной инфраструктуры.

Реализация мероприятий по перестройке системы товародвижения позволит снизить издержки обращения, сократить звенность налогового контроля над товарооборотом, стабилизировать цены на потребительском рынке региона, укрепить связи с региональными товарными рынками России и формировать более устойчивую ресурсную базу продовольственного снабжения региона.

Анализ функционирования продовольственного рынка в регионе подтверждает целесообразность организации системы его мониторинга, предполагающей сбор исходной информации, ее обработку, оценку потребностей региона в продовольственных ресурсах, прогнозирование параметров рынка продовольствия, анализ ценовой ситуации и процессов товародвижения для более эффективного использования продовольственного потенциала региона. В целях обеспечения субъектов продовольственного рынка объективной информацией о его текущем состоянии (предложение, спрос, цены, их тенденции, движение товарной продукции) на базе Научно-исследовательского института сельского хозяйства и Аграрного института Мордовского государственного университета предлагается организация информационно-консультационной службы типа «extension».

Таким образом, государственная продовольственная политика должна быть акцентирована на формирование социально ориентированного механизма регулирования продовольственного рынка для поддержания стабильного продовольственного обеспечения, что требует реализации адекватных мер по

обеспечению достаточности и экономической доступности продовольствия, предотвращению чрезвычайных продовольственных ситуаций и их отрицательных последствий. Необходимы комплексное воздействие на сферы производства, переработки, реализации и потребления продовольствия; осуществление системного подхода к регулированию соотношения спроса и предложения; сочетание федеральных и региональных мер экономического, нормативно-правового и административного характера; активизация продовольственных связей; формирование специализированной инфраструктурной среды. Это требует применения программно-целевого подхода в части разработки и реализации специализированных продуктовых программ по базовым видам продовольствия для более эффективного использования продовольственного потенциала региона.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Алтухов А.И., Макин Г.И., Бабков М.А. Развитие продовольственного рынка России. М.: Агри Пресс, 1999. 336 с.

² См.: Баранов А., Кушнов Г. Развитие продовольственного рынка региона // АПК: экономика. управление. 2006. № 3. С. 24—25.

Поступила 24.12.09.

А. А. ДЬЯКОНОВ

ОЦЕНКА УРОВНЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ г. КИРОВА В СРАВНЕНИИ С АДМИНИСТРАТИВНЫМИ ЦЕНТРАМИ РЕГИОНОВ ПРИВОЛЖСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА

Ключевые слова: интегральная оценка уровня социально-экономического развития городов, конкурентоспособность городов, балльная рейтинговая оценка городов, экспертно-параметрическое исследование, коэффициент удельного значения параметра, интегральный показатель относительной конкурентоспособности

Key words: integral evaluation of social and economic development level of cities, competitiveness of cities, grade rating evaluation of cities, expert and parameter research, coefficient of the specific parameter, integral index of relative competitiveness

Конкурентоспособность муниципального образования можно определить путем проведения сравнительного анализа социально-экономического развития с другими муниципальными образованиями, имеющими одинаковый административно-территориальный статус. Такой анализ позволяет установить позитивные и отрицательные факторы развития территории в определенной конкурентной среде: в пределах субъекта Федерации, федерального округа или в масштабах государства. Результаты такого анализа имеют важное значение для принятия важнейших стратегических решений по вопросам социально-экономического развития муниципального района.

Для проведения сравнительной оценки городов-центров ПФО использовались 15 макроэкономических показателей за 2008 г.¹, в числе которых 10 «положительных» показателей, воздействующих на экономику г. Кирова, и 5 «отрицательных», имеющих обратное воздействие на социально-экономическую ситуацию.

Дьяконов Алексей Андреевич, аспирант кафедры экономики Волго-Вятской академии государственной службы.

Дьяконов Алексей Андреевич, аспирант кафедры экономики Волго-Вятской академии государственной службы.

Для получения наиболее объективных и точных результатов, определяющих конкурентоспособность городов-центров субъектов ПФО, сравнительный анализ необходимо, на наш взгляд, проводить в три этапа. На первом осуществляется балльная рейтинговая оценка городов, на втором определяются весовые коэффициенты параметров с применением экспертно-параметрического метода, на третьем рассчитывается интегральный показатель относительной конкурентоспособности административных центров субъектов ПФО.

Для осуществления балльной рейтинговой оценки городов-центров ПФО значения по каждому из 15 параметров ранжируются от максимального к минимальному (по положительным показателям) или от минимального к максимальному (по отрицательным показателям). Далее с учетом результатов ранжирования городам присваиваются баллы. Чем меньше балл, тем лучше позиция города по данному показателю. Предельное количество баллов равно числу исследуемых территорий. После этого отдельно для каждого административного центра субъекта ПФО определяется общее количество баллов путем их суммирования по всем 15 параметрам. На основе общей суммы набранных баллов устанавливается рейтинг города².

По итогам рейтинговой оценки установлено, что самый высокий рейтинг у г. Уфы, на втором месте находится г. Оренбург, на третьем — г. Казань, на последнем — г. Йошкар-Ола (табл. 1).

Таблица 1

Общие итоги балльной рейтинговой оценки городов-центров регионов ПФО

Административные центры регионов ПФО	Общее количество баллов	Рейтинг территории
Уфа	69	1
Оренбург	74	2
Казань	80	3
Пермь	93	4
Нижний Новгород	99	5
Саранск	110	6
Пенза	116	7
Самара	119	8
Саратов	124	9
Ижевск	130	10
Чебоксары	131	11
Ульяновск	133	12
Киров	143	13
Йошкар-Ола	154	14

Следует отметить, что балльная рейтинговая оценка не является основным и единственным методом определения конкурентного статуса территории, так как, во-первых, эта методика не учитывает фактор приоритетности показателей или степень влияния параметров на общий уровень развития муниципального образования. Во-вторых, на основе балльной рейтинговой оценки выявляется лишь предварительная информация о конкурентных позициях городов, которая не позволяет получить результаты, формирующие более точную экономико-математическую оценку конкурентоспособности территорий.

В связи с этим целесообразно углубить сравнительный анализ городов-центров регионов ПФО, используя экспертно-параметрический метод для определения коэффициентов удельных значений параметров и рассчитав интегральный показатель относительной конкурентоспособности городов³. В качестве экспертов выступили руководители крупных предприятий г. Кирова, ученые-экономисты, независимый эксперт Правительства Кировской области. Экспертиза проводилась отдельно для блока «положительных» и «отрицательных» показателей. Каждый из экспертов, руководствуясь своими знаниями и опытом, устанавливал степень значимости параметров путем присвоения баллов. Максимальное количество баллов равно количеству исследуемых «положительных» либо «отрицательных» показателей. Оценочные баллы всех экспертов по каждому параметру суммировались, вычислялась средняя экспертная оценка параметра. Коэффициент удельного значения параметра определяется как отношение средней экспертной оценки к общей сумме средних экспертных оценок по всем параметрам. Расчет коэффициента удельного значения параметра можно описать с помощью следующей формулы:

$$K_n = C / \sum C,$$

где K_n — коэффициент удельного значения параметра, C — средняя экспертная оценка параметра, $\sum C$ — сумма средних экспертных оценок параметров.

Сумма коэффициентов удельных значений параметров должна быть равна единице (или 100 %).

По итогам расчета интегрального показателя относительной конкурентоспособности (ИПОК) муниципального

образования «Город Киров» и других административных центров субъектов ПФО первые места по уровню социально-экономического развития занимают Уфа, Оренбург, Пермь, Казань, Нижний Новгород. Эти города имеют преимущественное экономико-географическое положение, они вышли вперед за счет высокого уровня оборота организаций, инвестиций в основной капитал, объемов промышленного производства, выполненных работ по виду деятельности «Строительство», оборота розничной торговли⁴. В отстающих рядах рейтинга — города Ульяновск, Йошкар-Ола, Киров, Саратов, Пенза (табл. 2).

Таблица 2

Интегральный показатель относительной конкурентоспособности административных центров регионов ПФО

Административные центры регионов ПФО	Интегральный показатель относительной конкурентоспособности	Место города
Уфа	0,47	1
Оренбург	0,49	2
Пермь	0,51	3
Казань	0,61	4
Нижний Новгород	0,71	5
Самара	0,77	6
Саранск	0,85	7
Ижевск	0,90	8
Чебоксары	0,90	9
Пенза	0,91	10
Саратов	0,94	11
Киров	1,00	12
Йошкар-Ола	1,19	13
Ульяновск	1,27	14

Как показало исследование, МО «Город Киров» имеет достаточно слабые позиции по основным макроэкономическим показателям среди административных центров субъектов ПФО.

Так, удельный вес оборота организаций на душу населения по г. Кирову за 2009 г. составил 3,1 % от общего оборота организаций городов-центров ПФО на душу населения (10-е место). По объему отгруженных товаров и услуг на душу населения (94,77 тыс. руб. в 2009 г.) г. Киров превосходит только г. Йошкар-Ола. Заметно отстает в развитии сфера розничной торговли. Оборот розничной тор-

говли на душу населения по г. Кирову за 2009 г. составил 78,55 тыс. руб. (12-е место). Сальдированный финансовый результат на душу населения — 4,39 тыс. руб., что больше, чем в Саранске, а также меньше, чем в других административных центрах субъектов ПФО. Несколько лучшее положение (позицию «золотой середины») Киров занимает по уровню среднемесячной заработной платы, уровню доходов местного бюджета на душу населения, объему инвестиционных вложений в городскую экономику⁵.

Для получения более объективной и точной картины о конкурентном статусе г. Кирова необходимо сравнить его с городами-центрами регионов ПФО, имеющими примерно одинаковую численность населения и специализацию промышленного производства. К таким городам можно отнести такие города, как Пенза, Ульяновск, Ижевск, Чебоксары. Во всех этих муниципальных образованиях, включая и г. Киров, численность населения колеблется от 460 до 611 тыс. чел., а в промышленности преобладает доля обрабатывающих производств и электроэнергетики.

Интегральный показатель относительной конкурентоспособности Кирова и Ульяновска составляет 1,27, т. е. конкурентоспособность г. Кирова выше, чем г. Ульяновска. Киров превосходит Ульяновск по уровню инвестиций в основной капитал на 19 %, обороту розничной торговли — на 140 %, обороту общественного питания — более чем в 6 раз.

Интегральный показатель относительной конкурентоспособности г. Кирова и г. Пензы равен 0,91. Перевес в пользу Пензы достигается за счет более высокого уровня оборота розничной торговли на душу населения (на 31 %), сальдированного финансового результата организаций (34 %), доходов местного бюджета на душу населения (21 %), площади введенных в эксплуатацию жилых домов (46 %), объема отгруженных товаров и услуг (8 %). В то же время объем инвестиций в 2009 г. в г. Кирове превышает аналогичный показатель по г. Пензе на 96 %.

По уровню интегральной конкурентоспособности МО «Город Киров» уступает Ижевску (ИПОК составляет 0,90), что обусловлено превышением значений нескольких социально-экономических параметров г. Ижевска относительно г. Кирова: оборота организаций на душу населения — на 32 %; объема работ, выполненных по виду деятельности «Стро-

ительство», — на 44 %; сальдированного финансового результата на душу населения — на 84 %.

Интегральный показатель относительной конкурентоспособности г. Кирова и г. Чебоксары составляет 0,90, что свидетельствует о более сильных конкурентных позициях г. Чебоксары. Объем работ в строительстве по Кирову за 2009 г. меньше аналогичного показателя в г. Чебоксары на 44 %, сальдированный финансовый результат на душу населения по г. Чебоксары на 27 % больше, чем в г. Кирове. Естественный прирост в Чебоксарах положительный, тогда как в Кирове — отрицательный.

Таким образом, из пяти городов-центров ПФО, схожих по типу социально-экономического устройства, Киров занимает 4-е место по уровню конкурентоспособности, опережая в развитии Ульяновск и уступая Ижевску, Пензе и Чебоксарам.

В ходе исследования установлены некоторые позитивные факторы социально-экономического развития МО «Город Киров» в конкурентной среде. Во-первых, по некоторым отраслям экономики г. Киров занимает ведущие позиции среди городов-центров регионов ПФО. Киров является лидером в сфере сельскохозяйственного производства. Так, удельный вес оборота организаций по виду деятельности «Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство» составил 25,4 % от соответствующего агрегированного показателя по всем административным центрам субъектов ПФО. Киров входит в число лидеров по производству резиновых и пластмассовых изделий (24,5 %), кожи, изделий из кожи и обуви (14,5 %), обработке древесины и производству изделий из дерева (18,3 %), металлургическому производству и производству готовых металлических изделий (4,9 %).

Во-вторых, г. Киров характеризуется относительно невысоким уровнем социальной напряженности. В городе сложилась благоприятная ситуация в сфере обеспечения правопорядка и профилактики правонарушений. Количество преступлений в расчете на 10 тыс. чел. населения за 2009 г. по г. Кирову является одним из самых низких в ПФО (меньше только в Саранске и Ульяновске). Сравнительно устойчивую позицию среди городов-центров регионов ПФО Киров занимает по объему просроченной задолженности по заработной плате (7-е место в ПФО). Для снижения уровня

безработицы органы государственного и местного управления активно внедряют и реализуют программы по содействию занятости населения.

В-третьих, г. Киров отличается выгодное экономико-географическое положение, через него проходят важнейшие торгово-транспортные пути, город находится в относительной территориальной близости к административному центру ПФО и Москве. Это способствует формированию благоприятного инвестиционного климата в МО «Город Киров».

В-четвертых, г. Киров имеет серьезные достижения в сфере здравоохранения и в перспективе может стать крупнейшим медицинским центром в ПФО. С начала 2010 г. в Кирове запущен в эксплуатацию крупнейший в России завод по выработке плазмы крови, функционирование которого привлечет дополнительные финансовые вливания в укрепление и совершенствование инфраструктуры здравоохранения.

Таким образом, интегральная сравнительная оценка административных центров регионов ПФО позволила установить, что МО «Город Киров» — город с относительно низким уровнем конкурентоспособности. Однако он имеет определенный потенциал для развития. Поэтому основной задачей является обеспечение прогрессивного социально-экономического развития г. Кирова путем грамотного и рационального использования имеющихся конкурентных преимуществ.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Экономические и социальные индикаторы городов-центров регионов Приволжского федерального округа в январе—декабре 2008 года: стат. бюлл. Киров: Территориальный орган Федер. службы гос. статистики по Кировской области, 2008.

² См.: Жмачинский В.И. Стратегическое планирование: учеб. пособие. Н. Новгород: Изд-во ФГОУ ВПО ВГАВТ, 2007.

³ Там же.

⁴ См.: Кировская область в 2008 году: стат. ежегодник. Киров: Территориальный орган Федер. службы гос. статистики по Кировской области, 2009. 168 с.

⁵ Там же.

Поступила 15.03.10.

С. В. ПОЛУТИН А. В. СЕДЛЕЦКИЙ

АНАЛИЗ ИННОВАЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА РЕГИОНА

Ключевые слова: инновация, инновационная система, инновационный потенциал, инновационная инфраструктура, технопарки, бизнес-инкубатор, научные исследования, научные разработки, трансфер технологий

Key words: innovation, innovative system, innovative potential, innovative infra-structure, technoparks, business-incubator, scientific research, scientific research results, technologies transfer

Экономика России характеризуется возрастающей дифференциацией регионов по основным показателям социально-экономического развития и имеющемуся инновационному потенциалу. Последний как одно из основных понятий инновационной теории находится на стадии разработки и изучения российскими и зарубежными учеными, занимающимися проблемами инновационного развития. Особенно в работах последних лет наблюдается возрастающий интерес исследователей к понятию «инновационный потенциал» и к факторам, оказывающим влияние на инновационную деятельность.

ПОЛУТИН Сергей Викторович, профессор кафедры социологии Мордовского государственного университета, доктор социологических наук.

СЕДЛЕЦКИЙ Александр Викторович, доцент кафедры менеджмента Всероссийского заочного финансово-экономического института (филиал в г. Пензе), кандидат социологических наук.

Сравнительно недавно понятие «инновационный потенциал» стало вводиться в научный оборот как социологическая категория. В. Н. Гунин полагает, что инновационный потенциал — это предполагаемые или уже мобилизованные на достижение инновационной цели (реализацию инновационной стратегии) ресурсы и организационный механизм (технология деятельности и организационная структура)¹. С точки зрения Г. С. Гамидова, инновационный потенциал региона (отрасли) — это способность и готовность региона (отрасли) осуществлять эффективную инновационную деятельность². Инновационный потенциал содержит неиспользованные, скрытые возможности накопленных ресурсов, которые могут быть приведены в действие для достижения целей экономических субъектов³.

В процессе накопления и использования инновационного потенциала социума ресурсы являются материально-вещественной и информационной базой достижения целей инновационной деятельности.

Целенаправленное развитие инновационного потенциала общественного производства в современных условиях предполагает учет усложнения содержания, структуры и динамики ресурсной базы инновационного развития; повышения роли вероятностных факторов, связанных с определением путей использования ресурсов инновационного потенциала для достижения целей инновационной деятельности; усиления функций государственного регулирования и контроля инновационных ресурсов⁴.

Развитие технологий обуславливает существенные изменения механизмов и условий прогресса материального производства. Главными становятся не установление связи между природными процессами и техническими системами, не инженерное проектирование, а разнообразные комбинации уже созданных и функционирующих элементов, базисных процессов и принципов. Основными характеристиками инноваций в разных сферах деятельности являются новизна, потенциальная практическая полезность и конкурентоспособность, а также экономическая безопасность использования новшества; возможность использования инноваций в различных сферах общественно-полезного труда; потенциальная прибыльность новшества с учетом возможных рисков; ее экологическая безопасность, связанная с экологическими по-

следствиями использования инновации, а также с гарантиями безопасности людей и надежности техники в производстве; способность инновации включиться в технологическую систему с улучшением ее показателей; социальный эффект от использования инновации, заключающийся в повышении удовлетворенности труда, снижении текучести кадров, улучшении социально-психологического климата.

Фондом общественного мнения было проведено исследование по определению отношения населения регионов РФ к инновациям и к тому, как власти на местах стимулируют инновационное развитие. По степени инновационной продвинутости население разделили на 4 группы: «гасители», «мечтатели», «деятели», «предводители». Оказалось, что 67 субъектов РФ можно отнести к «мечтателям», т. е. имеющим абстрактное представление об инновациях. Как ни странно, наибольшее стремление к инновациям продемонстрировали жители регионов, где социальная ситуация является нестабильной. В регионах с высокой концентрацией образовательных учреждений (Москва и Томск) отношение к инновациям весьма индифферентное. Не менее парадоксально россияне оценивают вклад региональных администраций в развитие инноваций. Из трех определений «консервация», «модернизация», «реновация» жители 37 регионов выбрали первый ответ. Впрочем, население еще 28 регионов, которых по структуре экономики можно отнести к промышленно-сырьевым, выбрали ответ «модернизация». Только жители Белгородской и Томской областей верят, что власть регионов выбрала курс на реновацию⁵.

В соответствии со Стратегией социально-экономического развития Пензенской области именно инновационный сектор экономики должен определять будущее развитие региона на долгосрочную перспективу. К настоящему времени в области количество инновационных организаций среднего уровня, демонстрирующих динамичное развитие, составляет не более 40, большинство инновационных проектов выведены только на ранние стадии реализации.

Конкурентоспособную инновационную продукцию, создаваемую в области, поможет вывести на рынок комплексное развитие региональной инновационной системы, в которой финансовые средства и организационные меры будут направлены на объединение административного ресурса и

усилий предпринимательского сектора. Для решения этой задачи была разработана и принята долгосрочная целевая программа «Развитие инновационной деятельности в Пензенской области (2009—2013 годы)». На инновационное развитие экономики Пензенской области направлены мероприятия 47 региональных программ. В основном упор делается на создание новой импортозамещающей и экспортно ориентированной наукоемкой и высокотехнологичной продукции.

По сравнению с 2000 г. к 2009 г. количество использованных передовых производственных технологий выросло на 70 %. Кроме того, особое внимание уделяется повышению конкурентоспособности продукции за счет технического перевооружения производства, внедрению инноваций, дальнейшему развитию инфраструктуры промышленности, повышению инвестиционной активности организаций промышленности и сельского хозяйства. Результатом реализации инновационной программы «Государственная поддержка научно-технического творчества молодежи» станет создание научно-технических проектов студентами и выпускниками высших и средних специальных учебных заведений. Реализация программы «Энергосбережение в учреждениях и организациях бюджетной сферы Пензенской области» позволит внедрить реновацию систем отопления, автоматическое регулирование систем теплоснабжения, замену ламп накаливания на энергосберегающие, увеличение теплозащитных характеристик наружных конструкций.

Для создания эффективной системы исследований и разработок в области нанотехнологий на территории Пензенской области 8 организаций ведут разработки в области nanoиндустрии, в том числе ФГУП «Научно-исследовательский институт физических измерений» (НИИФИ), ФГУП «Научно-исследовательский институт электронно-механических приборов» (НИИЭМП), ФГУП «Производственное объединение „Старт“» (ПО «Старт»), ФГУП «Пензенский научно-исследовательский электротехнический институт» (ПНИЭИ)⁶.

Правительство Пензенской области в течение последних лет активно формирует региональную инновационную систему на основе комплексного подхода. Она включает элементы поддержки инноваций от «рождения» идеи до ее коммерциализации. Научными исследованиями и разра-

ботками занимаются 23 специализированные организации, численность работников которых составляет 7 119 чел.⁷ Численность персонала, занятого исследованиями и разработками, за последнее время существенно сократилась, что связано, во-первых, с переходом специалистов в другие сферы экономики, во-вторых, с сокращениями (увольнениями) работников, в третьих, с эмиграцией за рубеж. Однако удельный вес организаций, осуществлявших технологические инновации, в общем количестве организаций составляет не более 7,3 %. Рост объема выполненных научных работ за последние 4 года составил более 40 %. Количество созданных и используемых в области объектов интеллектуальной собственности ежегодно увеличивается в среднем на 10 %⁸.

На территории Пензенской области находятся 7 крупных отраслевых НИИ, в которых работают ведущие специалисты в сфере вычислительной и измерительной техники, автоматики, микроэлектроники, аппаратуры связи, лазерной техники и др. Большинство институтов обладает единственными в своих отраслях технологиями, уникальным градуировочным и испытательным оборудованием, специальными испытательными базами. В частности, в Пензе находится основной разработчик и изготовитель авиационных тренажеров России ОАО «Пензенское конструкторское бюро моделирования» (ПКБМ). ФГУП «Научно-исследовательский институт электронно-механических приборов» (НИИЭМП) является головным институтом по резистивной тематике в электронной отрасли, ФГУП «Научно-исследовательский институт физических измерений» (НИИФИ) — по датчикопреобразующей аппаратуре ряда физических величин, ОАО НПП «Рубин» — по специальным автоматизированным системам управления.

Пензенская область обладает высоким кадровым потенциалом и имеет положительную динамику его роста. Только за 2009 г. количество защит на соискание ученой степени кандидата наук увеличилось почти в три раза, доктора наук — на 20 %. Это свидетельствует о развитой инновационно-ориентированной системе образования и подготовки кадров. Активно создается инновационная инфраструктура при вузах. На базе высших учебных заведений функционируют Центр трансфера технологий ПГУ, Инновационный и научно-технологический центр Пензенского государственного

университета архитектуры и строительства, Центр инноваций Пензенской государственной технологической академии, Научно-производственное предприятие «Иннауагроцентр» Пензенской государственной сельскохозяйственной академии. К основным направлениям их деятельности относятся координация научной, научно-технической и инновационной деятельности подразделений и научных коллективов высших учебных заведений; трансфер технологий; коммерциализация результатов научных исследований и разработок; образование новых технологических компаний и др.

В Пензенской области ведется активная работа по созданию двух технопарков: в сфере высоких технологий (микроэлектроника и приборы нового поколения, информационные технологии, новые материалы) и в сфере высоких медицинских технологий (изготовление высокотехнологичных изделий медицинского назначения). В результате реализации проектов предполагается создать более 2 400 рабочих мест, годовой объем выпускаемой продукции составит не менее 5,6 млрд руб. Создание технопарков включает развитие благоприятной инновационной бизнес-среды с высокой степенью доступности информационных и технологических ресурсов, низкой стоимостью инфраструктурного и кадрового обеспечения, оптимальной логистической схемой; увеличение объемов инвестиций, привлекаемых в экономику области.

На территории Пензенской области создается сеть бизнес-инкубаторов, основной целью которых является поддержка предпринимателей на ранней стадии их деятельности путем предоставления в аренду помещений и оказания консультационных, бухгалтерских и юридических услуг, необходимых для успешного создания и развития бизнеса. В регионе успешно функционируют около 20 бизнес-инкубаторов, в том числе инновационный, молодежный бизнес-инкубаторы, а также опытно-экспериментальный участок бизнес-инкубатора, выполняющий функции минитехнопарка.

В 2008 г. для продвижения инноваций создан региональный клуб «Фабрика идей», деятельность которого направлена на обеспечение благоприятной среды профессионального общения и взаимодействия авторов перспективных идей, потенциальных инвесторов и менеджеров инновационных и инвестиционных проектов⁹.

Проведенное исследование показало, что развитие инноваций в регионах тормозит низкий уровень конкуренции и административные барьеры. Кроме того, в сознании большей части населения России понятие «инновационное развитие» все еще воспринимается как «абстракция». Инновационная модель поведения бизнеса пока еще не является гарантом успеха в России, как следствие, бизнес предпочитает работать в более прибыльных секторах. Необходимо сформировать инструменты стимулирования для регионов и муниципалитетов. Следует более детально в федеральной программе поддержки малого бизнеса проработать конкретные меры, стимулирующие развитие малого и среднего бизнеса в инновационной сфере.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Гунин В.Н., Баранчев В.Н., Устинов В.А. Управление инновациями. М.: Инфра-М, 2000. С. 34.

² См.: Гамидов Г.С. и др. Основы инноватики и инновационной деятельности. СПб.: Политехника, 2000. С. 10.

³ См.: Уткин Э.А. Инновационный менеджмент. М.: АКАЛИС, 1996. 207 с.

⁴ См.: Радченко М.В. Интеллектуальная собственность и инновационная деятельность в учреждениях образования и науки. Устойчивое развитие региона в условиях экономической интеграции России в мировое хозяйство: материалы 50-й юбилейной науч.-метод. конф. «Университетская наука — региону», посвященной 60-летию Победы в Великой Отечественной войне. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2005. С. 253—257.

⁵ См.: XII Инновационный форум с международным участием // Стимулов для развития инноваций в регионах недостаточно. URL: <http://tomskforum.ru/ru/media/news/russia/2009/08/08-27.html> (дата обращения: 10.03.2010).

⁶ См.: Северо-Западный Центр венчурных инвестиций // Инновационная деятельность Пензенской области. URL: <http://www.spb-venchur.ru/regions/7/innovatepo.htm> (дата обращения: 10.03.2010).

⁷ См.: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2007. Стат. 14. сб. М.: Росстат, 2007. С. 36.

⁸ Там же. С. 37.

⁹ См.: Северо-Западный Центр венчурных инвестиций ...

Поступила 17.03.10.

О. Н. ВЛАДИМИРОВА

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ИННОВАЦИОННОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ В РЕГИОНЕ

Ключевые слова: инфраструктура инновационная, принципы формирования, институты инновационной инфраструктуры, нормативное обеспечение

Key words: innovative infra-structure, principles for formation, innovative infra-structure institutes, normative provision

Эффективность функционирования региональных инновационных систем во многом определяется наличием развитой региональной инновационной инфраструктуры. В настоящее время проблемам формирования и развития инновационной инфраструктуры посвящено значительное количество научных публикаций, обзор которых позволяет выделить два основных подхода к трактовке этого термина.

В первом случае акцент делается на институциональную составляющую. Например, в толковом словаре «Инновационная деятельность» инновационная инфраструктура определяется как совокупность организаций, обслуживающих и обеспечивающих инновационную деятельность предприятий (организаций) и отдельных инноваторов¹. Во втором случае используются формулировки официальных документов законодательного характера федерального и регионального уровней. В частности, в законе Томской области от 4 сентября 2009 г. № 186-ОЗ «Об инновационной деятельности в Томской области» применяется несколько иное словосочетание — «инфраструктура инновационной системы», которая определяется как совокупность субъектов инновационной деятельности, способствующих осуществлению инновационной деятельности, включая предоставление услуг по созданию и реализации инновации: офисы коммерциализации раз-

ВЛАДИМИРОВА Ольга Николаевна, профессор кафедры финансов и кредита Красноярского государственного торгово-экономического института, кандидат экономических наук (г. Красноярск).

работок, бизнес-инкубаторы, инновационно-технологические центры, центры трансфера технологий, технопарки, центры подготовки кадров для инновационной деятельности, венчурные фонды².

Эти примеры позволяют обозначить проблему, связанную с формированием и функционированием рассматриваемого направления: отсутствие теории инновационной инфраструктуры, в том числе концепции формирования и развития региональной инновационной инфраструктуры. Процесс создания инновационной инфраструктуры занимает длительное время. В США, Германии, Японии этот период составил около 10—15 лет, в Китае — меньше, там учли положительный опыт развитых стран. В России сейчас наблюдается фаза ее активного формирования на национальном и региональном уровнях. Особое внимание необходимо обратить на мезоуровень, так как именно деятельность регионов образует каркас национальной инновационной инфраструктуры.

По нашему мнению, формирование инновационной инфраструктуры на региональном уровне должно осуществляться на принципах активной поддержки со стороны государства в программно-целевом обеспечении; учета специфики субъекта РФ с точки зрения географического, исторического, демографического, социального, экономического факторов; обеспечения соответствия направлений развития организаций инновационной инфраструктуры потребностям экономики региона; комплексности, способной оказывать услуги на всех этапах инновационного процесса; организации инновационной инфраструктуры должны иметь возможность координировать свои действия при оказании услуг, а также взаимодействовать с аналогичными организациями других регионов; обеспечения гибкости системы инновационной инфраструктуры, ее соответствия изменяющимся внешним условиям.

Реализация названных принципов позволит сформировать инновационную структуру, адекватную рыночной экономике. Необходимость инноватики как фактора повышения эффективности экономики подчеркивалась при различных типах государственного устройства. В России при административно-командной экономике организации инфраструктуры были представлены Госпланом, Госбанком, Арбитражем, министерствами и ведомствами, в современной экономике перечень институтов включает более 20 наименований.

Альтернативой исключительно государственной формы собственности становятся частная и смешанная. Директивные решения заменяются востребованностью рынком, реальным спросом. Таким образом, в современных условиях *цель инновационной инфраструктуры на мезоуровне заключается в обеспечении устойчивого сбалансированного экономического развития региона за счет создания условий для увеличения инновационного уровня и конкурентоспособности производства, выхода инновационной продукции на внутренний и внешний рынок.*

Анализ существующих теоретических подходов к формированию инновационной инфраструктуры и обзор опыта российских регионов показывают, что с точки зрения ресурсно-компонентного состава в нее должны входить финансовая, материальная, научная, информационная, кадровая, экспертно-консалтинговая и правовая составляющие. Однако практика свидетельствует о том, что существующая структура не соответствует указанному перечню. В качестве иллюстрации приведем в пример Сибирский федеральный округ (СФО).

Прежде отметим поступательную динамику формирования инновационной инфраструктуры, что подтверждается сопоставлением результатов мониторинга инновационной инфраструктуры научно-технической деятельности и региональных инновационных систем³ и данными, полученными нами на основе анализа информации сайта «Наука и инновации в регионах России»⁴. По состоянию на сентябрь 2007 г. в СФО в состав инновационной инфраструктуры входили 66 институтов производственно-технологического, экспертно-консалтингового, кадрового, информационного и финансового компонентов. В 2008 г. в регионах СФО осуществляли деятельность уже 187 организаций инновационной инфраструктуры, по организационной форме представляющих различные виды институтов с преобладанием организаций материальной, научной, кадровой направленности. В финансовом блоке на 12 субъектов приходится всего 10 организаций. Преимущественно это фонды с ограниченными ресурсами. В данном случае речь идет не о финансовых институтах кредитной системы, а о региональных и муниципальных структурах, призванных оказывать финансовую поддержку за счет специальных источников.

Придерживаясь предположения, что информация, представленная на сайте «Наука и инновации в регионах России», может содержать не полный состав, однако даже с учетом этой погрешности следует отметить слабое представительство организаций информационной и экспертно-консалтинговой составляющих, а также полное отсутствие обособленных институтов правового блока. Исходя из параметров инновационности отечественной экономики на современном этапе, можно бы допустить наличие такой институциональной несбалансированности, но опыт свидетельствует, что и этот фактор может стать тормозом на пути ее эффективного функционирования. Это еще одна важная проблема формирования и функционирования региональной инновационной инфраструктуры.

В «Концепции стратегии социально-экономического развития регионов Российской Федерации» отмечается, что неперенным условием развития является создание на территории страны зон инновационного развития, в том числе и наукоградов. На территории округа находятся 8 образований, имеющих статус наукоградов: в Томской области — ЗАТО «Северск», Томский Академгородок (ТНЦ СО РАН); в Новосибирской области — г. Краснообск, МО «Кольцово», Новосибирский Академгородок (ННЦ СО РАН); в Иркутской области — ИНЦ СО РАН; Красноярском крае — Красноярский Академгородок (КНЦ СО РАН); в Алтайском крае — г. Бийск. Таким образом, в СФО аккумулирована одна пятая часть всех российских наукоградов.

Достаточно высокая их концентрация теоретически позволяет обосновать наличие более высоких темпов инновационного развития территорий. В реальности ситуация складывается по-иному. Например, особый статус наукоградов предусматривает наличие ряда льгот, в том числе и в сфере налогообложения. В одном из городов приведенного перечня на местном уровне для инновационных предприятий была установлена не пониженная, а повышенная ставка налога на имущество. По нашему мнению, такие факторы позволяют определить следующую группу проблем.

Одним из инструментов формирования инновационной инфраструктуры является региональное законодательство в сфере инноваций. Данные, представленные на сайте «Наука и инновации в регионах России», свидетельствуют о недо-

статочном уровне внимания к вопросам регулирования инновационной деятельности и, соответственно, инновационной инфраструктуры. В ряде республик, краев и областей до сих пор не приняты базовые законы в сфере инноваций, у отдельных регионов они носят рамочный характер, часть субъектов РФ не имеет стратегий и планов развития инновационной деятельности.

М. В. Волынкина, анализируя законодательство в сфере инноваций, констатирует, что ведущаяся сегодня законодательная деятельность по вопросам инноваций является бессистемной. Отсутствие научно обоснованных практических рекомендаций для исполнительной и законодательной власти дает тот эффект, который сегодня отчетливо виден — инновационное законодательство развивается не только медленно и непоследовательно, но и без четкой концепции, вне определения методов, предмета и круга регулируемых отношений⁵.

Разделяя эту точку зрения, обратим внимание на важный, по нашему мнению, аспект: интенсивность процессов формирования инновационной инфраструктуры обуславливает необходимость выделения инновационного законодательства в отдельный блок, в компетенции которого находилось бы регулирование комплекса вопросов данного направления в сфере организационной, финансовой, кадровой и др.

Важной проблемой для уже созданных институтов инфраструктуры является низкая эффективность их деятельности. Многие процедуры, осуществление которых предусматривается соответствующей организацией, затянуты во времени, проходя всевозможные согласования и утверждения, во многом являются бюрократизированными, что приводит к устареванию технологических решений. С этой точки зрения, на наш взгляд, требуется разработка регламентов, устанавливающих более доступный и менее продолжительный процесс.

Наличие вышеназванных проблем обуславливает еще одну негативную тенденцию в формировании и функционировании инновационной инфраструктуры — нехватку высококвалифицированных кадров. С этой точки зрения целесообразно выделить несколько направлений: преобладание в подготовке специалистов нетехнических направлений; отсутствие стимулов материального вознаграждения выпускников, что определяет отток перспективной молодежи за рубеж и

достаточно высокий возрастной уровень профессионалов. Предпринимаемые государством меры позволили частично замедлить темпы подобной отрицательной динамики, но в целом явление характеризуется высокими показателями.

Формирование оптимальной инновационной инфраструктуры должно соответствовать приоритетам развития региона. Определение позиции субъекта РФ возможно при постоянном проведении мониторинга инновационности. На этом этапе выявляются проблемы, связанные с отсутствием методологии обследования. Опыт показывает, что перечень индикаторов, применяемых органами Росстата, имеет формализованный и не всеохватывающий характер, что не позволяет своевременно отразить реальное состояние. Частичное решение проблемы находят в разработке на мезоуровне системы дополнительных индикаторов статистического учета, являющейся обязательной для участников инновационной деятельности. В качестве примера такой деятельности можно привести Томскую область, где дополнительно к федеральным введены более 80 показателей. Сопоставление результатов, полученных при использовании официальной статистической базы и предлагаемой, показывает существенные расхождения. Обращение к опыту регионов по этому вопросу позволило определить «узкие» места с точки зрения теоретического, институционального и ресурсного компонентов.

Таким образом, выявление проблем формирования и функционирования региональной инновационной инфраструктуры позволит ускорить процесс их создания.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Толковый словарь «Инновационная деятельность». Термины инновационного менеджмента и смежных областей (от А до Я) / отв. ред. В.И. Суслов. Новосибирск: Сибирское науч. изд-во, 2006. 184 с.

² См.: Закон Томской области от 4 сентября 2009 г. № 186-ОЗ «Об инновационной деятельности в Томской области». URL: <http://duma.tomsk.ru/page/11140> (дата обращения: 03.01.2010).

³ См.: Наука и инновации в регионах России. URL: <http://regions.extech.ru> (дата обращения: 03.01.2010).

⁴ См.: Московкин В.М., Крымский И.А. Бенчмаркинг российской региональной инновационной инфраструктуры // Региональная экономика: теория и практика. 2008. № 4. С. 2—9.

⁵ См.: Волынкина М.В. Правовое регулирование инновационной деятельности: проблемы теории. М.: Аспект Пресс, 2007. 192 с.

Поступила 13.01.10.

Г. В. БАРСУКОВ,
В. Т. СМИРНОВ,
С. И. ПАХОМОВ,
Е. Ю. СТЕПАНОВА

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ПОДГОТОВКИ НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИХ КАДРОВ В ДОКТОРАНТУРЕ

Ключевые слова: научно-педагогические кадры, докторантура, научные исследования, инновационные разработки, новые технологии, интеллектуальная собственность

Key words: scientific and pedagogic personnel, doctorate, scientific researches, innovative development, new technologies, intellectual property

Современная государственная политика Российской Федерации направлена на развитие научных исследований и инновационных разработок с целью построения экономики, основанной на знаниях. В инновационной экономике центральной фигурой становится инноватор — творческий специалист, способный придумать, обосновать, разработать и осуществить инновационные проекты. Новые потребности, способы и средства удовлетворения потребностей, новые технологии и способы организации дела (инновационный подход) определяют сегодня положение и перспективы предприятий, регионов и стран. Инноваторы создают интеллектуальные продукты, закрепляют авторские права или права интеллектуальной собственности, определяющие конкурентный потенциал предприятия либо хозяйственного комплекса. Проведение научных исследований и подготовка диссертаци-

БАРСУКОВ Геннадий Валерьевич, заместитель проректора по научной работе Орловского государственного технического университета, доктор технических наук.

СМИРНОВ Владимир Тимофеевич, заведующий кафедрой экономической теории и управления персоналом Орловского государственного технического университета, доктор экономических наук, профессор.

ПАХОМОВ Сергей Иванович, заместитель начальника Управления Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки, доктор химических наук, профессор.

СТЕПАНОВА Елена Юрьевна, старший научный сотрудник отдела фундаментальных и прикладных научно-исследовательских работ Орловского государственного технического университета, кандидат экономических наук, доцент.

ции представляют собой особую форму освоения технологии инновационной деятельности в разных научных областях. Присуждение ученой степени кандидата или доктора наук подтверждает формирование и наличие творческих, креативных способностей по воспроизводству инноваций¹.

Выдвигается множество вариантов реформирования государственной системы подготовки и аттестации кадров высшей квалификации со степенью доктора или кандидата наук в России, ориентируясь на требования Болонского процесса. Вопрос о количестве ученых степеней имеет давнюю дискуссионную историю. К этой теме возвращались не раз на определенных этапах реформирования системы послевузовского образования. По итогам дискуссий, по мнению большинства экспертов, российская двухступенчатая система ученых степеней более совершенна, чем одноступенчатая, поскольку она стимулирует становление и совершенствование научных школ. Такая система помогает сохранять и развивать ведущие научные школы в системе науки и высшего образования. Именно из докторов наук формируются кадры интеллектуальных организаций, лабораторий, кафедр вузов, ведущие научные сотрудники, члены РАН.

За последние пять лет численность исследователей со степенью доктора наук возросла до 9,6 %². Только за 2006—2007 гг. прирост исследователей докторов наук составил 1 333 чел. Следует отметить, что рост исследователей со степенью доктора наук наблюдается на фоне общего снижения исследовательского персонала на 3 397 чел. (-8,2 %) (рис. 1).

Наибольший рост с 2003 по 2008 г. приходится на общественные науки (28 %) (354 чел.), далее — на сельскохозяйственные (20,5 %) (260 чел.) и гуманитарные (13,3 %) (230 чел.) (рис. 2). Следует учесть, что доля исследователей со степенью доктора наук в перечисленных областях науки в сумме не превышает 20 %. Так, хотя рост численности докторов наук в естественных науках составил 6,6 %, в технических — 9,6 %, в количественном выражении прирост составил 712 и 418 чел., поэтому их доля в сумме составляет более 60 %.

Несмотря на различный рост численности докторов по областям наук, пропорциональный баланс существенно не меняется с 2003 г. На долю естественных наук приходится около 45—46,5 % от общего числа исследователей, имеющих

степень доктора наук, технических — 18,5—19,5 %, медицинских — 15,5—16 %, сельскохозяйственных — 5,5—6 %, общественных — 5,5—6,5 % и гуманитарных — 7—7,5 %.

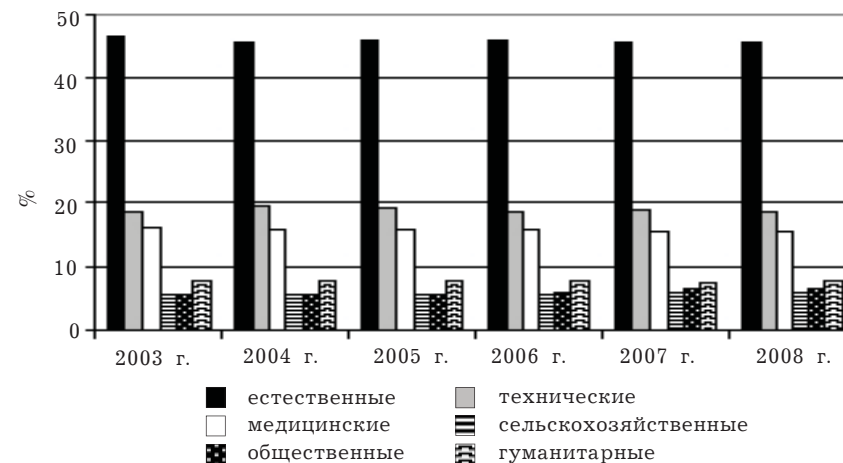

Рис. 1. Доля докторов наук по областям наук в общей численности исследователей с докторской степенью

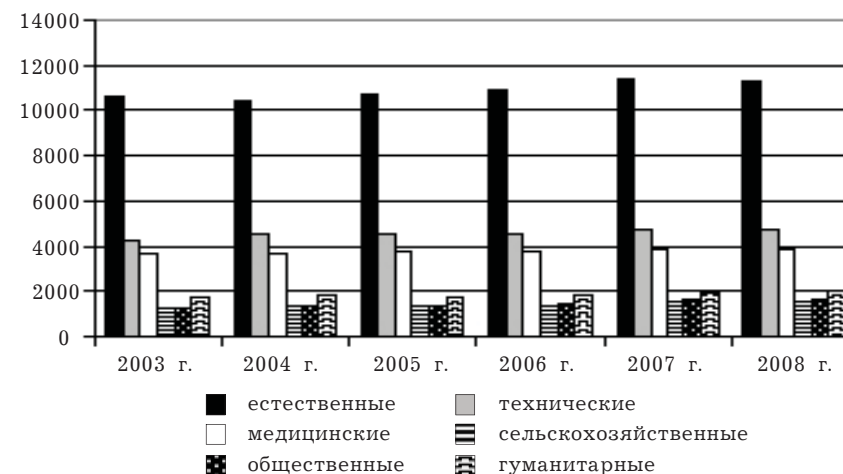

Рис. 2. Численность исследователей с ученой степенью доктора наук по областям наук

Если рассматривать с 2003 по 2008 г. долю докторов наук в общей численности исследователей, то лидером являются естественные науки 2,5—3 %, далее — технические 1—1,2 %, медицинские — 1 %, а сельскохозяйственные, общественные и гуманитарные в равных долях — около 0,5 % (рис. 3).

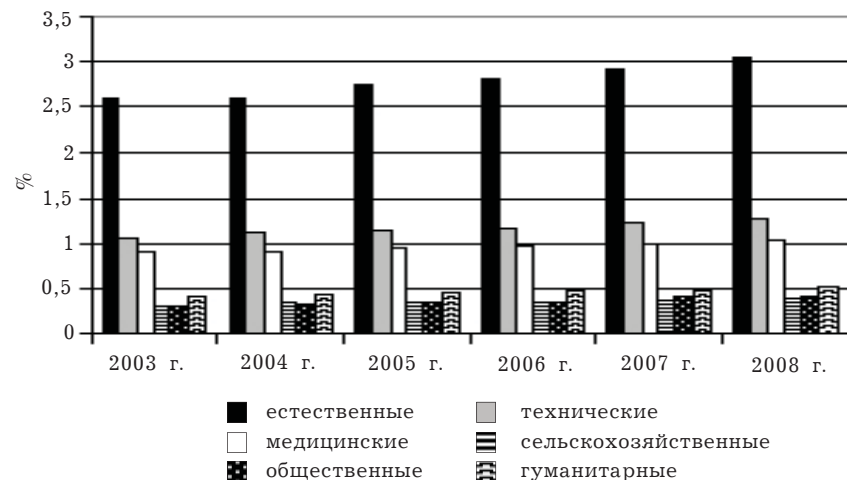

Рис. 3. Доля докторов наук по областям наук в общей численности исследователей

Процент исследователей со степенью доктора наук за последние пять лет имеет тенденцию к росту по всем областям науки в среднем на 440 чел. Численность профессорско-преподавательского состава (ППС) вузов, имеющего степень доктора наук, также ежегодно увеличивается. За последние пять лет в высших учебных заведениях в среднем рост составил 1 600 чел., а в негосударственных вузах — 1 700 чел. Однако процент преподавателей со степенью доктора наук в общей численности ППС практически не изменяется и составляет 11—12 % (рис. 4).

Около 90 % докторантов проходит подготовку в вузах. Численность докторантов планомерно возрастала до 2006 г. (4 567 чел.). Однако в 2007 г. общее число докторантов снилось на 458 чел. (–10 %). В вузах сокращение составило 7,42 %, а в НИИ — более значительно (на 30 %). В вузах прием докторантов за счет средств федерального бюджета

не снижался. Так, в 2006 г. контрольные цифры приема в докторантуру вузов РФ составляли 987 чел., 2007 г. — 1 034 чел., в 2008 г. — 1 060 чел. Таким образом, численность докторантов в вузах снижалась за счет уменьшения контингента, обучающегося на коммерческой основе. Значительно снизился (за три года на 40 %) прием в докторантуру в НИИ с 184 чел. в 2006 г. до 111 чел. в 2008 г.

Рис. 4. Численность ППС государственных и муниципальных вузов со степенью доктора наук

Более 40 % докторантов обучаются в Центральном федеральном округе, около 20 % — в Приволжском, менее 2 % — в Дальневосточном. На другие округа приходится приблизительно по 10—15 %. Выпуск из докторантуры увеличивался до 2006 г. и составлял 1 385 чел. В последующие годы этот показатель снижался и в 2008 г. составил 1 216 чел. (–12 %). Снижение выпуска докторантов с 2006 г. наблюдается как в вузах, так и в НИИ.

Эффективность работы докторантуры в среднем составляет 30—45 %. Такой процент защит характерен для вузов и НИИ. В 2008 г. произошло снижение количества защит по окончании докторантуры. За последние пять лет наибольшее количество защит в срок отмечается в 2005 г. — 516 чел. (рис. 5). В 2008 г. количество защит в срок снизилось до 297 чел. (–42 %). Основная причина спада заключается в

том, что в 2008 г. происходила реорганизация сети диссертационных советов, осуществлявшаяся в соответствии с приказом № 2 Минобрнауки России от 9 января 2007 г. «Об утверждении Положения о советах по защите докторских и кандидатских диссертаций». Согласно этому документу, было предписано привести до 1 июня 2007 г. все диссертационные советы в соответствие с новым Положением о них и прекратить деятельность тех советов, которые ему не соответствуют. Впоследствии, когда стало очевидно, что до 1 июня этот приказ выполнить не удастся, действие советов было продлено до 15 ноября 2007 г., но и эта дата также оказалась нереалистичной, и перестройка сети диссертационных советов продолжалась весь 2008 г., захватив начало 2009 г. При этом менее всего снизилось количество защит по естественным (-17 %) и техническим наукам (-24 %). Почти на 50 % снизилось количество защит по гуманитарным и на 40 % по общественным наукам. Наибольшее снижение наблюдается по медицинским наукам (78 %).

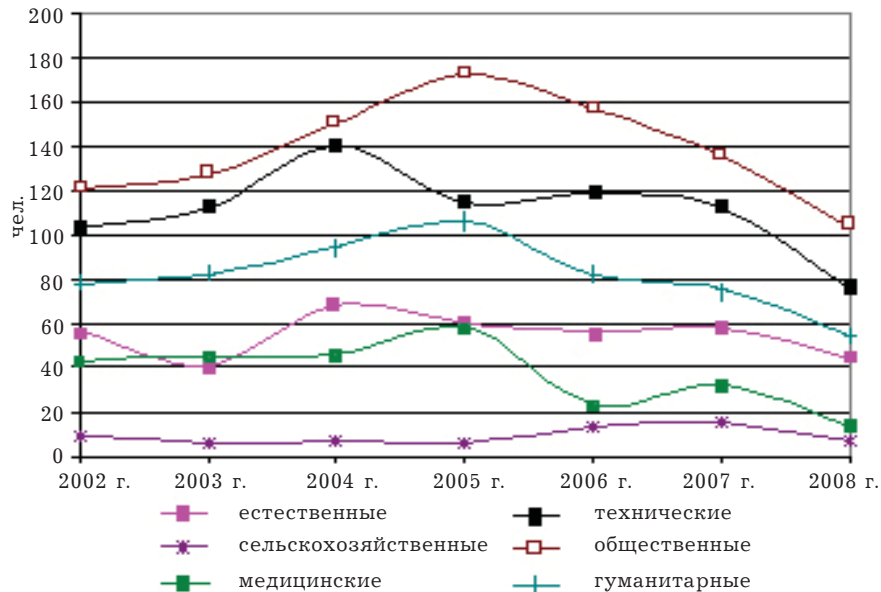

Рис. 5. Выпуск из докторантуры с защитой диссертации по областям наук

На фоне общего снижения количества защит докторских диссертаций в срок доленое распределение по областям наук не изменилось (рис. 6). Наибольшее количество защит приходится на общественные науки (35 %), технические (26 %), гуманитарные (18 %), естественно-научные (15 %), медицинские (4 %) и сельскохозяйственные (2 %).

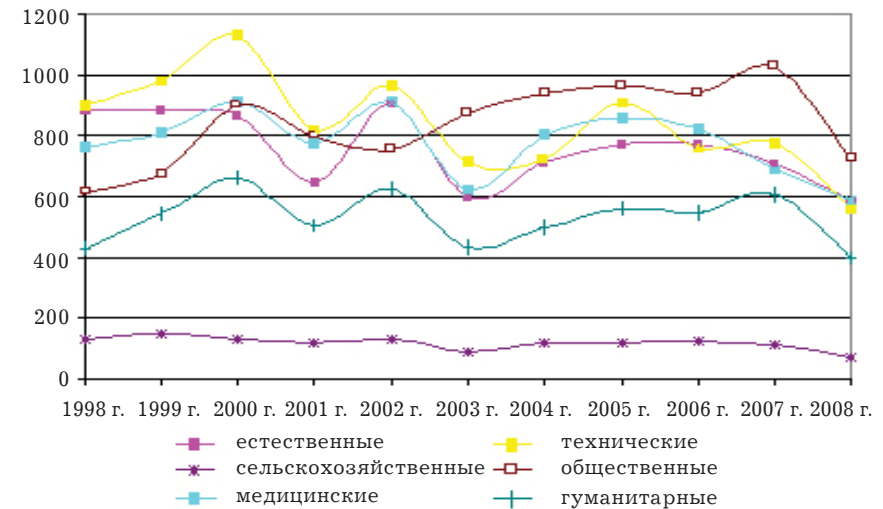

Рис. 6. Количество защит докторских диссертаций по областям наук

С 2005 г. снижается количество докторских диссертаций, утвержденных ВАК РФ. Так, в 2008 г. по сравнению с 2005 г. утвержденных докторских диссертаций стало меньше на 30 %.

Изменилось количество защит и по областям наук. Если в 2005 г. наибольшее количество приходилось на гуманитарные науки (18,8 %), то в 2008 г. — на общественные (14,3 %). Значительно снизилось количество защит по медицинским и сельскохозяйственным наукам. По другим наукам соотношение количества защит с общим количеством практически не изменяется: естественные науки — 7—8 %, технические 14—15 %.

Доля докторских диссертаций, защищенных в срок в общей численности, утвержденных ВАК, не превышает 10—14 %. Причем это соотношение в последние 4 года снижается и в

2008 г. составило 10,1 % (рис. 7, 8). Это негативно сказывается на омоложении научных кадров, так как, например, в 2008 г. около 25 % контингента, обучающегося в докторантуре, было в возрасте до 33 лет, 28 % — в возрасте от 34—40 лет, что составляет более половины обучающихся в докторантуре, и еще около 28 % — в возрасте 41—50 лет.

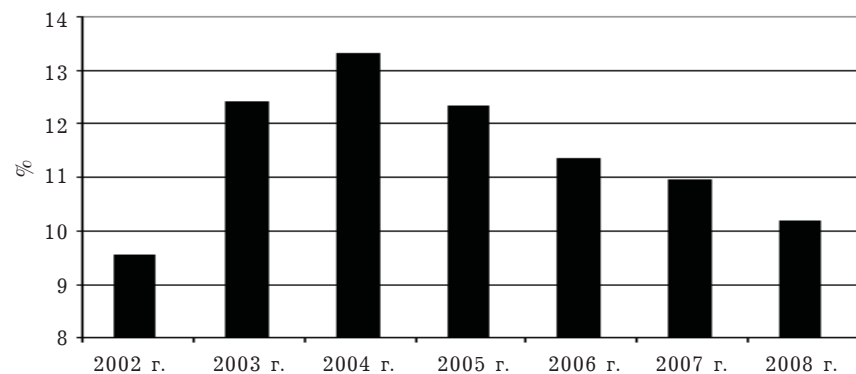

Рис. 7. Доля защит докторских диссертаций в срок после докторантуры в общей численности, рассмотренных ВАК

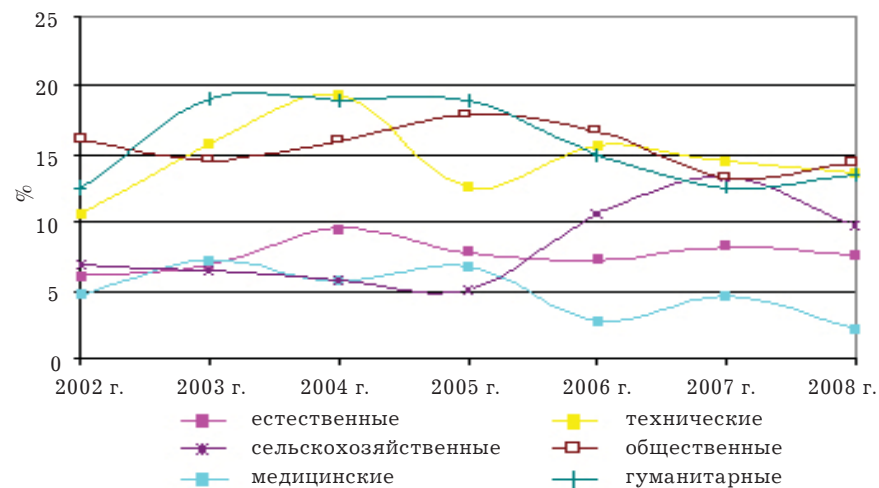

Рис. 8. Доля защит докторских диссертаций в срок после докторантуры в общей численности, рассмотренных ВАК по областям наук

Анализ ситуации показал, что за время обучения в докторантуре полностью выполнить докторскую работу у подавляющего числа докторантов не получается. Мало кто из докторантов перед началом исследований может сформулировать тему диссертации, проблему, цель исследования и т. д.³ Дело в том, что научный работник после защиты кандидатской диссертации продолжает вести исследования в своей или смежной области. Так как цель исследования еще не определена, то на этом этапе исследователь расширяет рамки своей деятельности. На пути исследования попадаются новые интересные явления и факты, которые сами по себе имеют большую ценность, поэтому изучаются подробнее. Постепенно круг его научных интересов расширяется. Отдельные результаты публикуются в печати и докладываются на конференциях различного уровня.

Эффективнее осуществляется работа докторанта в рамках научной школы. В ней воспроизводятся традиции научного поиска, обоснованнее выбирается тема диссертационного исследования, ведется свое исследование во взаимодействии с другими учеными. Докторант своим исследованием вносит свой вклад в деятельность научной школы и одновременно может использовать научный потенциал школы для ускорения и повышения качества своей диссертации. Кроме этого, снижается необходимость искать дополнительные приработки. Во-первых, в последнее время деятельность научных школ поддерживается на уровне государства в рамках грантов Президента РФ и Правительства. Во-вторых, авторитет и потенциал научной школы позволяет выигрывать финансирование на свои исследования в рамках ФЦП для молодых ученых.

Таким образом, *преддокторантура* дает возможность сконцентрировать свои силы на научных исследованиях и закрепиться в университете молодым ученым. Для эффективной работы в составе научной школы и своевременной подготовки докторской диссертации рекомендуется еще на стадии аспирантской подготовки использовать научный и методический потенциал научной школы с подбором темы исследования на перспективу ее дальнейшего развития в преддокторантский период.

Поскольку вузами в докторантуру принимаются граждане Российской Федерации — кандидаты наук, имеющие

научные достижения в избранной области, проявившие себя перспективными научно-педагогическими работниками, способными на высоком уровне проводить фундаментальные исследования и решать научные проблемы, имеющие важное народно-хозяйственное и социально-культурное значение, то, опираясь на результаты деятельности в преддокторантский период, можно сформулировать ряд критериев отбора кандидатов в докторантуру: наличие опубликованной монографии по теме диссертации (объем 7 и более печ. л.); наличие опубликованных научных статей в специальных журналах и других изданиях по теме диссертационного исследования (в докторантуру предоставляются списки опубликованных научных работ); получение заключения научно-технического совета о степени готовности диссертационной работы (не менее 40 %) и соответствии работы научным специальностям докторантуры; поступающие в докторантуру обязаны выступить с научным докладом на кафедре университета по теме будущей докторской диссертации.

В период докторантуры защищают диссертации 30—40 % докторантов, поэтому следует выделять и период *постдокторантуры*. На этапе постдокторантуры публикуются статьи в ведущих рецензируемых научных журналах и изданиях, рекомендуемых ВАК РФ, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций; подготавливается монография; ведется апробация работы на конференциях; подаются заявки на участие в научных конкурсах по различным программам и грантам, что способствует усилению значения и актуальности докторской диссертации.

Актуальность проведенных исследований докторантом необходимо связывать с уровнем внедрения результатов. Согласно требованию ВАК, определение уровня внедрения результатов диссертационного исследования возможно, если в диссертационной работе получено решение крупной научной проблемы, имеющей важное социально-культурное или хозяйственное значение; в диссертации разработаны теоретические положения, совокупность которых можно квалифицировать как новое крупное научное достижение; в диссертационной работе изложены научно обоснованные технические, экономические или технологические решения, внедрение которых вносит значительный вклад в развитие экономики страны или ее обороноспособности.

Таким образом, полученные результаты в докторской диссертации должны быть востребованы предприятиями и организациями соответствующей отрасли науки. К сожалению, даже при наличии интереса к разработке у предприятий нет средств для внедрения инноваций. Обычно диссертант в качестве положительной оценки своей работы получает акты о поддержке разработок, что служит обоснованием ценности результатов исследования.

Неблагоприятная ситуация с внедрением результатов зачастую связана с тем, что докторант должен самостоятельно решать все вопросы осуществления инновационного проекта: найти заказчика, оценить качество и конкурентоспособность проекта, составить бизнес-план, заключить контракты и контролировать их исполнение, своевременно получать полное вознаграждение (роялти), разрешать спорные вопросы. Практически не остается времени на собственно творческую деятельность и защиту докторской диссертации, тем более что при осуществлении нескольких проектов на разных предприятиях требуется профессиональное выполнение этих функций.

Университет является наиболее подходящим центром для формирования и обеспечения деятельности инновационной инфраструктуры. Поэтому целесообразно осуществлять подготовку докторантов в вузах и НИИ, имеющих развитую инновационную структуру. К ним можно отнести в первую очередь вузы, которые являются победителями конкурсов национальных исследовательских и инновационных университетов, а также вузы как учебно-научно-производственные комплексы, например, УНПК ОрелГТУ⁴.

В России сложилась ситуация, когда при низком интересе российского бизнеса к исследованиям и разработкам молодые доктора наук не продолжают работу в вузах и НИИ, а выбирают вид деятельности, никак не связанный с их научными изысканиями. Наличие ученой степени не гарантирует продвижения по карьерной лестнице. И наоборот, высшие позиции в науке сегодня открыты и для лиц, имеющих только кандидатские степени, а то и не имеющих таковых. Типовая «профессорская» карьера, хотя и возможна, но сделавший такую карьеру пополняет класс «работающих бедных», будучи не в состоянии обеспечить достойный уровень жизни, не прибегая к дополнительным приработкам.

Результаты социологического опроса, проведенного нами среди ведущих вузов г. Орла и г. Санкт-Петербурга, подтвердили тезис о том, что большинство научно-педагогических работников недовольны оплатой своего труда, а необходимость подрабатывать на стороне является причиной, ограничивающей профессиональный рост. В качестве основных показателей динамики карьеры были приняты возраст занятия должности, продолжительность работы в предыдущей должности до получения последующей. Из тех, кто занимал или занимает должность ассистента, 70 % получили ее в возрасте 22—25 лет. Средний возраст достижения должности старшего преподавателя — 28 лет, 60 % получили эту должность после 2—3 лет работы. Средний стаж работы до получения должности доцента — 5 лет. Средний возраст занятия должности доцента — 30 лет, в 55 % случаев — от 28 до 33 лет.

Выявились два возрастных пика получения должности профессора: 38—42 лет (30 %) и 53—55 (25 %), в среднем 45 лет. Продолжительность работы в должности доцента до получения должности профессора составляет в среднем 10—12 лет. Общая продолжительность преподавания в вузе до получения этой должности — 15 лет. В среднем преподаватели занимают свою нынешнюю должность около 5 лет. Стаж пребывания в должности составил у ассистентов 2,5 года, у старших преподавателей — 2 года, у доцентов — 11 лет. Следовательно, реальные возможности должностного продвижения снижаются с каждой должностной ступенью. Лишь около 6 % преподавателей указали, что у них есть реальные шансы получить повышение. По данным ряда исследований, задержка на одной должности более 5 лет ведет к неблагоприятным изменениям в мотивационной сфере работающего⁵.

Эти тенденции динамики профессионального роста НПП связаны прежде всего с малым количеством должностных ступеней в вузах. Причем большая часть НПП проходит далеко не каждую ступень. Так, 60 % доцентов и профессоров пропустили должность ассистента. Распространенным типом карьеры является двухступенчатая, например, «ассистент—доцент» или «старший преподаватель—доцент». Таким образом, многоступенчатая карьера НПП носит неполноценный характер и не является эффективным стимулом профессионального роста.

Организация зарплаты преподавателей не снимает, а скорее усугубляет эти недостатки. Они обусловлены существующей системой оценки научно-педагогического труда. Лишь 6 % респондентов удовлетворены ею. Наибольшую неудовлетворенность (54 %) вызывает отсутствие четких и обоснованных показателей оценки. Поскольку уровень зарплаты НПП невысок, многим из них приходится думать о дополнительных источниках доходов. Около 50 % опрошенных не удовлетворены материально-бытовыми условиями жизни.

Вопросы карьерной мотивации в науке начали рассматриваться только в последнее время. Не затрагиваются вопросы научной карьеры и в руководящих документах по преобразованию и развитию научной сферы. Вместе с тем за рубежом общеупотребимы термины «карьерный лифт», «ламинарная научная карьера», «стеклянный потолок». Наличие «карьерного лифта» означает, что существуют объективные факторы, способствующие переходу способных, талантливых людей на более высокие позиции в иерархии. В других сферах народного хозяйства «карьерный лифт» в какой-либо степени существует.

Таким образом, подготовка молодых профессиональных кадров со степенью доктора наук в ведущих научных коллективах на базе докторантур при национальных исследовательских и инновационных университетах, а также вузов как учебно-научно-производственных комплексов является перспективным направлением оптимизации возраста и повышения научного потенциала страны.

Анализ ситуации показал, что за время докторантуры полностью выполнить докторскую работу практически невозможно, необходимо при подготовке докторанта ввести период преддокторантуры и постдокторантуры. Следует предусмотреть возможность финансовой, информационной и организационной поддержки докторантов на всех этапах подготовки и защиты докторской диссертации.

Результаты исследования мотивации квалификационного развития научно-педагогических работников показали, что мотивация формируется на основе слабой установки на должностное продвижение. Молодые ученые не видят перспектив своего профессионального роста вследствие низкой зарплаты и отсутствия эффективной системы оценки и оплаты труда.

Анализ динамики квалификационного развития научно-педагогических работников показал, что стимулирующая составляющая профессионального роста, связанная со статусом доктора наук (должностной рост, повышение заработной платы, престиж и др.), не выполняет эффективно свои функции. Реальные возможности должностного продвижения в вузе снижаются с каждой должностной ступенью. Это снижает и без того слабое стремление к получению докторской ученой степени. Целесообразно введение дополнительных статусных ученых званий и должностей, обеспечивающих карьерный рост докторов: например, профессор вуза, профессор-исследователь, почетный профессор своего вуза, вузов России и других стран. Новые возможности общественного признания растущего статуса докторов наук создают государственные и общественные академии, опыт деятельности которых также требует обобщения.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Инновационные кадры России: инвестиции, инновации, инфраструктура, интеллектуальный капитал / под общ. ред. Ю.С. Степанова. М.: Машиностроение, 2009. 356 с.

² См.: Российский статистический ежегодник. 2008 г. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b08_13/Main.htm (дата обращения: 21.01.2010).

³ См.: Новиков А.М. Докторская диссертация?: пособие для докторантов и соискателей ученой степени доктора наук. М.: Эгвес, 2003. 120 с.

⁴ См.: Садков В.Г., Голенков В.А., Брехова Т.Б. Управление качеством образования в регионах России. М.: Прогресс, 2006. 168 с.

⁵ См.: Кугель С.А., Лысова М.Ю. Профессиональный рост преподавателей вузов: проблемы исследования и управления. СПб., Тольятти, 1994. 153 с.

Поступила 18.06.10.

Т. В. КЛЮКИНА

ИНФОРМАЦИОННАЯ КУЛЬТУРА И ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ТВОРЧЕСТВО СТУДЕНТОВ-ГУМАНИТАРИЕВ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РЕГИОНЕ

Ключевые слова: информация, культура, личность, образование, общество, процесс, регион, социум, трансформация

Key words: information, culture, personality, education, society, process, region, socium, transformation

Формирование информационной культуры студентов представляет собой сложное коммуникационное образование, состоящее из обучающей деятельности преподавателей и учебно-практической деятельности студентов как единство двух взаимозависимых и взаимообусловленных видов работы, причем каждый из которых является подсистемой и составляет устойчивую взаимосвязь организационно-функционального и оценочно-результативного элементов.

Специфика функционирования Мордовского государственного университета predetermined существованием собственного климата жизнедеятельности мордовского студенчества — собственной информационно-коммуникативной атмосферой. По утверждению Н. И. Ворониной, характеризующей содержательную полифункциональность вуза, «Мордовский университет обладает определенным культурно-историческим пространством (своего рода информационной средой)»¹.

Институт национальной культуры — уникальное звено в классической системе вузовского образования. Организованный в 1991 г., он стал главным центром подготовки кадров для учреждений культуры и искусства: руководителей профес-

КЛЮКИНА Татьяна Васильевна, заместитель директора Института национальной культуры по информатизации Мордовского государственного университета.

сиональных и народных музыкальных и хореографических коллективов, актеров, работников библиотек, культурологов, искусствоведов, дизайнеров, рекламных работников и пр. Это единственное в своем роде подразделение, на базе которого не только изучается и осваивается творческое ремесло, но и реализуются в жизнь инновационные стратегии, продукты информационно-культурной деятельности, воплощающиеся в учебно-образовательной и, что весьма важно, в практической профессиональной деятельности.

Феномен динамичной жизнедеятельности студента во время обучения в Институте национальной культуры требует выделения приоритетных характеристик — факторов становления гуманитарных ценностей. Профилирующими инструментариями развития информационной культуры студентов являются *научный и гуманитарный факторы*.

На базе института существует немало деятельностных форм, новаций, способствующих формированию личностных качеств студента, информационной культуры в собственно научном смысле, которые реализуются посредством трех способов взаимодействия: вербальном (получение информации в процессе межличностного общения); аудиовизуальном (способ предполагает воздействие звуковой и зрительной формы); графическом (получение научных, учебных знаний из лекций, книг, журналов, газет, докладов, тезисов в процессе интеракции). Эти способы одновременно воздействуют на студента. Студент, готовясь к практическому занятию, может применять аудиовизуальные, графические и мультимедийные средства передачи информации. Этому способствует процесс изучения курсов информационных технологий.

Понятие «информационные технологии» трактуется большинством студентов как использование, прежде всего, компьютера. Компьютер для студенческой молодежи — предмет первой необходимости, приоритет покупки, причем внимания в студенческой среде заслуживают лишь те информационные средства, которые обладают новейшими функциональными характеристиками и возможностью использования Всемирной компьютерной сети. Интернет — важное средство получения знаний, а также развлечений для молодежи, особенно в периферийном городе, где возможность выбора досуга не столь велика, как в мегаполисах. Студенты широко исполь-

зуют компьютерные сети как средство общения, предпочитая передавать сообщения не только с помощью электронной почты, но и в режиме реального времени, используя при этом чат-технологии и современные возможности Интернета, позволяющие наряду с текстом одновременно передавать звук и изображение. Пользователь Сети, находя, трансформируя, передавая, копируя информацию, сам того не замечая, совершенствуется, познает, обучается, приобретает определенный минимум знаний, но при этом Интернет сокращает затраты мыслительной деятельности пользователя, нивелирует творческую инициативу, поскольку предлагает уже готовые варианты заданий и ответов.

Использование учебных компьютеров предполагает знакомство с информацией, консультацию, ввод ответа, оценку. Работа на компьютерах позволяет выполнять образовательную функцию — приобретение студентами общего образования. Кроме того, информационно-образовательная функция в Институте национальной культуры чрезвычайно плодотворно реализуется при освоении студентами таких курсов, как «Основы информатики», «Информационные технологии», «Основы информационной культуры», «Компьютерная графика», «Компьютерный дизайн», «Web-технологии в социальной сфере», «Глобальные информационные сети в аналитической работе», «Информационное обеспечение автоматизированных библиотечно-информационных систем», «Электронные ресурсы информации», «Электронные библиотеки», «Информационные системы и сети», «Гипертекстовые и экспертные системы» и др. Как правило, первая часть курсов читается традиционным путем, следующие разделы — с использованием информационных технологий 3D-визуализации: создание блоков лекций в электронном виде с использованием программы Power Point, наполненных текстовой и графической информацией, а также блоков графических анимационных слайдов, блоков визуализации и т. д.

Специалистам гуманитарного профиля, создающим информационные ресурсы и использующим информационные системы в своей профессиональной деятельности, требуется, помимо глубоких знаний в конкретной области, высокий уровень владения информационными технологиями для решения прикладных творческих задач. Изучение актуальных направлений информационных технологий, таких

как оптимизация операционных систем и локальных сетей, создание проектов в редакторе трехмерной графики 3d Max, написание веб-страниц и др., дает хорошие результаты и гарантирует высокое качество профессионально-творческих продуктов.

Методика обучения информационно-компьютерным технологиям (ИКТ) в Институте национальной культуры рассматривается «с одной стороны, как набор технических средств, в качестве которых взяты технологии, с другой, как область знаний, связанная с закономерностями, принципами и организацией учебного процесса в целях его эффективного построения»². Среди многочисленных теорий обучения студентов ИКТ представляет интерес «теория поэтапного формирования», «управление поведением, умственным развитием» умений и навыков студентов³. Наиболее разработанной в этом направлении является система обучения, основанная на «теории поэтапного формирования умственных действий» П. Я. Гальперина⁴, «управление процессом усвоения знаний», сложившаяся на основе представлений Л. С. Выготского⁵ о «своеобразии формирования умственных действий» и в дальнейшем развитая в работах А. Н. Леонтьева⁶.

Согласно этой теории, в онтогенетическом развитии человека совершаются процессы интериоризации действий — постепенного преобразования внешних действий во внутренние, интроспективные. Например, одной из важнейших дисциплин, изучаемых в институте, является курс «Основы информационной культуры». Программа курса в теоретическом плане предполагает систематизированную совокупность знаний, умений, навыков, обеспечивающую оптимальное осуществление индивидуальной информационной деятельности, направленной на удовлетворение как профессиональных, так и непрофессиональных потребностей в информации. Владение информационной культурой отражает степень знаний студентов в области методов технологии работы с информацией, а также наличие опыта, навыков выполнения информационных процедур. В практическом плане это означает знание организации информационных процессов, владение приемами поиска, сбора, обработки, анализа и синтеза информации, умение применять технические средства, используемые в информационном процессе.

Изучение курса «Информационные технологии» дает возможность применения компьютера для поиска, сбора, обработки, хранения и предоставления информации. В результате студенты усваивают принципы работы по применению компьютера не только в учебной, но и в будущей профессиональной деятельности.

Не менее важной дисциплиной, ориентированной на формирование компьютерной грамотности, является курс «Информатика». Цель курса — освоение фундаментальных понятий об информации, методах ее получения, хранения, обработки, а также определение роли информации в современном обществе. В процессе обучения у студентов формируются познавательные навыки работы с операционной системой Windows и популярными офисными технологиями фирмы Microsoft: текстовым процессором Microsoft Office Word, табличным редактором Microsoft Office Excel, системой управления базами данных Microsoft Office Access, программой создания мультимедийных презентаций Microsoft Office Power Point и др.

Процессы модернизации учебно-образовательного процесса требуют от профессорско-преподавательского состава института более тщательной перепланировки и систематизации лекционных, практических занятий, графика самостоятельных работ студентов и пр. Необходимо отметить, что результаты этой работы положительны. Например, процессы модернизации и информатизации неизбежно влияют на технологии обучения, поэтому с недавних пор в институте практикуются электронные издания E-book, являющиеся инструментом обучения для студентов и преподавателей. За счет мобильности и удобства эксплуатации виртуальные книги уже завоевали приоритетные позиции на рынке образования вуза. Эволюционным развитием цифровых книг явилась концепция электронного курса (ЭК), представляющего собой совершенно новый формат электронных учебников, отличающихся полной интерактивностью. С помощью ЭК студенты имеют возможность самостоятельно изучать теоретический материал, представленный в виде гипертекста; иллюстрации (рисунки, слайды, графики, таблицы, диаграммы) повышают интерес к информации; краткие выводы по теме студент может воспринимать в виде текста и визуально; обучающийся может себя протестировать. Кроме

того, в большинстве ЭК содержатся словари специальных терминов с комментариями.

Большое внимание в учебном процессе уделяется семинарским занятиям, которые служат формой контроля знаний студентов, закрепления изученного материала, представления студентами докладов и обсуждения поставленных в них проблем в аудитории. Самостоятельная работа студентов включает изучение лекционного материала, учебников и учебных пособий, подготовку докладов и сообщений, выступление на групповых занятиях, выполнение практических заданий.

Чрезвычайно важны в формировании личности научные, научно-практические семинары, конференции, проводимые в рамках учебного процесса Института национальной культуры, а также мероприятия, связанные с определением научного потенциала студенческой среды. В институте действуют 14 научных кружков, студенческое научное общество. В 2008 г. в научной периодике опубликованы 70 студенческих статей и тезисов, 9 научных работ студентов представлены на Всероссийский конкурс Министерства образования РФ, 15 студентов принимали участие в зональных и российских олимпиадах по профилю специальностей.

Значительную роль при становлении культурного и научного потенциала играют научные студенческие конференции. С 2008 г. в институте кафедрой культурологии проводится межвузовская студенческая конференция «Дни науки». Этой кафедрой организована олимпиада для школьников «Мировая художественная культура» среди школ с углубленным изучением предметов гуманитарного цикла, а кафедрой дизайна и рекламы — республиканская олимпиада по рисунку для учащихся ДХШ, ДШИ и общеобразовательных средних школ и пр.

Уровень современной информационной подготовки специалиста в процессе учебы — важное условие, определяющее его успехи в профессиональной деятельности. Соответственно, информационной подготовке специалистов, становлению их как личностей, профессионалов следует уделять большое внимание. Предполагаемый современный уровень знаний и умений в сфере использования информационных ресурсов и информационного потенциала включает в себя знания о функциональных возможностях современной информацион-

ной техники массового применения; общие представления о существующих в мире глобальных информационно-телекоммуникационных системах; знания о предоставляемых ими информационных услугах; дополнительную профессиональную подготовку в области использования средств информационной поддержки той специфической области знаний (в данном случае гуманитарной), которая характерна для избранного вида профессиональной деятельности. Информационные технологии и средства вычислительной техники являются ядром процесса информатизации университетского образования.

Анализ проблем информатизации в аспекте формирования специалиста позволяет заключить, что процесс обучения происходит эволюционно, со сменой образовательных этапов и выступает как важнейшая закономерность развития всей системы университетского образования, а также и процесса социализации личности студента. Иными словами, проблема информационной индивидуальности студента гуманитарной сферы определяется его потребностью в информации, которая является субстанциональным атрибутом, так как процесс его жизнедеятельности во многом зависит от способности воспринимать внешнюю информацию и моделировать в соответствии с ней свое отношение не только к окружающему миру, но и к самому себе. Она проявляется в индивидуальной информационной культуре, которая определяется совокупностью информационных потребностей, а также в специализированной информационной культуре, представляющей собой интегративную качественную характеристику своеобразия процессов производства, преобразования, хранения, передачи и потребления профессиональной информации. Современный этап информатизации как составляющей профессионального мастерства студента-гуманитария характеризуется тем, что особо актуальной становится выработка нравственно-этических норм в системе информационных коммуникаций.

Учитывая то, что информация — основной ресурс современной эпохи, а информационные технологии обуславливают специфику современного социума, правомерно обозначить понятие «информационная культура» как смыслодержательную характеристику информационного общества и, в частности, характеристику сформировавшейся личности гуманитария. При этом культура как результат взаимодей-

ствия смыслообразующих субъектов предполагает не только социетальный, но и индивидуальный уровень использования этой категории. На уровне личности студента-гуманитария информационная культура воспринимается как вид специализированной культуры — это умения, навыки обращения с информацией, информационно-коммуникативными технологиями, т. е. «компьютерная» культура в технологическом и ценностно-нравственном понимании. Подобный подход актуализирует ведение спецкурсов в институте не только по информатике как техническому овладению программным обеспечением персонального компьютера и интернет-ресурсами, но и учебных дисциплин, раскрывающих гуманитарный контекст глобальной информатизации. С этой точки зрения представляется важным предложение членов Международной Академии Информатизации, находящейся в генеральном консультативном статусе ООН, «внести в учебные планы образовательных учреждений всех уровней дисциплину „Информационная культура личности“»⁷.

Значение информационных технологий заключается не только в компьютерной грамотности, умении организовать поиск необходимой информации, работать с ней и т. п., но и, учитывая специфику Института национальной культуры, в умении облекать творческим, активным, жизнеутверждающим содержанием собственные продукты информационно-профессиональной деятельности, поскольку отличительной особенностью обучения в институте является практическая направленность. За пять лет обучения студенты большинства специальностей неоднократно проходят практику, совершенствуя гуманитарные знания будущей профессии, участвуют в различных профессиональных мероприятиях городского, межрегионального и российского уровней.

Информационное поле института настолько широко и разнообразно, что студенты, вливаясь в него, получают огромный заряд для творчества, в то же время популяризация идей потенциала оптимизируется огромным количеством наград, дипломов, премий, которыми студенты и преподаватели отмечены за профессиональные достижения в гуманитарной сфере знания. Формирующее влияние на личность оказывают конкурсы различных территориально-типологических уровней. Например, кафедра дизайна и рекламы ежегодно проводит межрегиональный фестиваль социальной рекламы

«Гвоздь». Это наглядный результат приобщения студентов к многоуровневым атрибутам информационной культуры современного общества, «проба» профессиональной деятельности студентов.

Профессиональное творчество выражается также и в других мероприятиях, организованных студентами и преподавателями. Например, культура сознания, мышления, творчества студентов отражена в подготовке коллекции костюмов для участия в Международном конкурсе высокой моды народного костюма «Этно-Эрато» (г. Москва, 2009 г.). На этом мероприятии демонстрировалась коллекция женской этнической одежды «Велесовы дни». Участники яркого шоу проявили выдумку, фантазию, используя при моделировании ансамблей костюмов из павловских платков методы дизайн-проектирования, графического моделирования, фотографии, рисунка, графики и т. д. Взаимообусловленность творческого потенциала и образовательного информационно-технологического начала личности студента свидетельствует о том, что обучающиеся прекрасно овладели дисциплинами не только общеобразовательного культурологического цикла, но и курсов информационных технологий, дисциплинами профессиональной направленности «Основы рисунка и графики», «Основы дизайн-проектирования» и пр.

Оснащение института современной компьютерной техникой и соответствующим учебному плану специализированным программным обеспечением позволяет использовать информационные технологии на всех отделениях института. Так, в образовательный процесс направления «Музыкальное искусство» включена дисциплина «Музыкальная информатика». Это очень молодая и динамично развивающаяся область знаний, находящаяся на стыке техники и искусства. В музыкальную информатику включается изучение базовых составляющих мультимедийного компьютера, МИДИ-технологий, нотографии, музыкального программного обеспечения, основ звукорежиссуры, акустики музыкальных инструментов и др. В процессе обучения восстанавливаются и «реставрируются» архивные нотные материалы сольного, хорового, фольклорного народного пения, представляющие национальную ценность, входящие в республиканский и всероссийский фонды культуры. Подготавливается музыкальный фон для сопровождения концертной деятельности института.

Все проводимые в Институте национальной культуры мероприятия записываются на видео и фотографируются. Методика традиционно-оперативного фотографирования трансформируется студентами в инсталляционное отражение своеобразных компьютерных сюжетов, сформированных путем наложения друг на друга нескольких слоев фотографического изображения с помощью редактора мультимедийной графики Power Point. Видеоматериалы обрабатываются в программах для создания фильмов Windows Movie Maker, Pinnacle Systems STUDIO. Фантастические анимационные картинки, ирреальные видеоэффекты, шумовые спецэффекты, сопровождающий музыкальный фон, сложно сконструированные визуально-графические титры свидетельствуют о больших возможностях интеллектуального потенциала студентов института.

Следует отметить презентации, выполненные студентами в программе MS Power Point, рассказывающие о жизни и творчестве представителей национальной культуры. Например, это презентация творчества мордовского живописца Ф. В. Сычкова, включающая фоновое сопровождение на мордовском языке; тематические презентации «Верования мордвы»; «Национальная библиотека им. А. С. Пушкина», экспонирующая электронные экскурсии по залам библиотеки, выставки книг, новые поступления; «Времена года», в которой интересные фотосюжеты перелистываются на фоне музыки П. И. Чайковского «Времена года»; презентация испанского танца «Фламенко», где с помощью монтажа компьютерной графики раскрываются все фантастические особенности южного танца.

Кроме того, результатом креативно-практического подхода к обучению информационным технологиям являются ежегодные внутривузовские мероприятия. Это «Студенческая весна» как своеобразная творческая презентация жизнедеятельности института. Характерно то, что организация, подготовка и проведение «весны» полностью зависят от студентов. Одновременно участники являются режиссерами, хореографами, композиторами, звукорежиссерами, исполнителями художественно-творческих номеров, а также зрителями и слушателями. Результатирующим моментом этого мероприятия стал фильм для представления музыкальных номеров, смонтированный к студенческой весне 2008 г. В его

создании принимали участие студенты всех специальностей института. Дизайнерская графика, оформленная голосовым и музыкальным сопровождением, последующие сценические представления заслужили признание жюри. В результате студенческий коллектив Института национальной культуры был признан победителем в номинации «Использование современных информационных технологий».

Одним из действенных средств формирования информационной атмосферы института является также продолжающееся информационное издание «Перспектив Культуры». Сегодня издано несколько номеров институтской многотиражки. На издание возлагаются большие надежды, поскольку газета способна стать проводником всех творческих начинаний коллектива, агитатором новационных методик, организатором новых мероприятий, имеющих практическую значимость.

Единением теории и практики стала защита дипломных проектов первого выпуска дизайнеров в 2008 г. Выпускники представили макеты интерьеров, объектов ландшафтного дизайна и городской архитектуры, выполненные с помощью объемно-пространственного проектирования в программах компьютерной графики (3DStudioMAX, PhotoShop, ArchieCAD, AutoCAD, Solid Works).

В условиях формирования информационного общества информационное образование приобретает смысл «базисного» социального феномена. Развитие системы образования во многом определяется тем, какие мировоззренческие установки выступают ориентирами этого процесса. Ценности информационного образования всегда являлись выражением существующего образа мира и ментальности, а идеал образованности — выражением культурного стереотипа. Причем высший уровень ценностей личности сегодня включает в себя такие критерии, как творчество, активная жизнедеятельность, широта взглядов. Формирование ценностей зависит от образовательной динамики личности и ее социокультурного окружения, информационного образования. В Институте национальной культуры у студентов формируется потребность не только в получении информации в какой-либо области науки, но и в применении знаний в решении проблемы посредством знания дисциплины. Формируется также потребность в продуктивном диалоге обучающего и обучаемого на передачу и совместную выработку интеллектуального

поиска, направленного на реализацию знаний в практическом исполнении. Формирование информационной культуры, критического интеллекта обучающихся способствует плюрализации представлений о реальности, снятию неопределенности, что можно рассматривать как условие создания инновационного климата в обществе и формирования новой гуманитарной личности регионального социума, обладающей научно-рациональными, профессиональными качествами.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Воронина Н.И. Лики провинциальной культуры. Саранск: Тип. «Красный Октябрь», 2005. С. 173.

² Бочкова Р.В., Киселев Г.М. ЭВМ в учебном процессе: учеб. пособие. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1997. С. 76.

³ См.: Талызина Н.Ф. Управление процессом усвоения знаний. М.: Изд-во МГУ, 1984. 344 с.

⁴ См.: Гальперин П.Я. Основные результаты исследований по проблеме «Формирование умственных действий и понятий». М.: Изд-во МГУ, 1965. 52 с.

⁵ См.: Выготский Л.С. Проблемы развития психики // Выготский Л.С. Собр. соч.: в 6 т. М., 1982. Т. 3. С. 84.

⁶ См.: Леонтьев А.Н. Деятельность, сознание, личность. М.: Политиздат, 1975. 304 с.

⁷ Образование в информационном обществе XXI века. М.: Междунар. изд-во «Информациология», 2003. С. 93—95.

Поступила 29.03.10.

Е. Г. ТИХОНОВА

ОСОБЕННОСТИ АДАПТАЦИИ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ В ВУЗЕ РЕГИОНА

Ключевые слова: адаптация, высшее образование, иностранные студенты, личность, межличностные отношения, социокультурная среда

Key words: adaptation, higher education, foreign students, personality, interpersonal relations, socio-cultural environment

Интеграция современной российской системы высшего образования в европейскую ставит новые задачи и условия развития экспорта образовательных услуг. Это напрямую связано с повышением конкурентоспособности российских вузов на международном рынке образования, с экономической выгодой как образовательного учреждения, так и экономики страны. Помимо этого, обучение иностранных студентов является определенным показателем статуса учебного заведения. Для вузов в этих условиях одной из ключевых проблем стала адаптация иностранных студентов к новой социокультурной среде, так как от этого процесса зависит успешность их учебной деятельности.

Процесс адаптации личности к изменениям окружающей среды является предметом исследования представителей различных социологических направлений. А. А. Налчаджяном рассмотрены взгляды представителей школ интеракционизма и бихевиоризма¹. Представители интеракционизма, рассматривая адаптацию, отмечают, что этот процесс обусловлен внутриспсихическими и средовыми факторами, при этом адаптированность определяется двумя положениями. Во-первых, личность принимает социальные ожидания, с которыми сталкивается в обществе, отвечает им. Во-вторых, личность проявляет «гибкость» по отношению к изменившейся среде,

ТИХОНОВА Елена Геннадьевна, аспирант кафедры социальной антропологии и социальной работы Саратовского государственного технического университета.

сохраняя способность придавать событиям желательное для себя направление. Среди основных видов адаптированности интеракционисты называют «внеличностую», когда приобретаются профессиональные знания, умения, навыки, и «адаптированность в сфере личных взаимоотношений», где важную роль играют эмоциональные связи между людьми.

Бихевиористы определяют социальную адаптацию как процесс (или состояние, достигающееся как результат этого процесса) физических, социально-экономических или организационных изменений в специфически групповом поведении, социальных отношениях или культуре. Следует отметить, что бихевиористы говорят в основном о групповой, а не индивидуальной адаптации. Согласно точке зрения необихевиористов, адаптация — это, с одной стороны, состояние, в котором потребности личности и среды совпадают в итоге, с другой — процесс, в результате которого происходит это совпадение².

Можно выделить три основных типа адаптации иностранных студентов: 1) иностранный студент, попадая в новую социокультурную среду, полностью принимает обычаи, традиции, нормы, ценности и т. п., которые постепенно начинают доминировать над первоначальными этническими чертами; 2) происходит частичное восприятие новой социокультурной среды, которое проявляется в принятии «обязательных норм общества», но при этом сохраняются основные этнические черты посредством образования этнических групп; 3) происходит отказ или «обособление» от принятия культурных норм и ценностей, характерных для большинства представителей социального окружения³.

В исследовании М. И. Витковской и И. В. Троцук выделяются три вида адаптации иностранных студентов: физиологическая, психологическая и социальная. С нашей точки зрения, наибольший интерес представляет адаптация социальная, под которой понимают «вид взаимодействия личности или социальной группы с социальной средой, в ходе которого осуществляется согласование требований и ожиданий социальных субъектов с их возможностями и реальностью социальной среды»⁴.

Важную роль в процессе адаптации играет формирование или изменение социальных качеств субъекта под воздействием новой окружающей среды. О. В. Куликова к

элементам, формирующим социальные качества человека, относит «социально определенную цель его деятельности; занимаемые социальные статусы и выполняемые социальные роли; ожидания в отношении этих статусов и ролей; нормы и ценности (культура), которыми он руководствуется в процессе своей деятельности; система знаков, которую он использует; совокупность знаний; уровень образования и специальной подготовки; социально-психологические особенности; активность и степень самостоятельности в принятии решений»⁵. Говоря о межличностных отношениях, следует отметить, что основной их составляющей является эмоциональная сторона. В социальной психологии чаще всего говорится о чувствах индивида. Г. М. Андреева использует термины «конъюнктивные чувства» и «дизъюнктивные чувства». К конъюнктивным она относит чувства, которые сближают, объединяют людей, к дизъюнктивным — чувства, разъединяющие людей, «когда другая сторона выступает как неприемлемая, как... фрустрирующий объект, по отношению к которому не возникает желания к сотрудничеству и т. д.»⁶.

Адаптация иностранных студентов к российским условиям — процесс многоаспектный. Он включает в себя «приспособление к новой социокультурной среде, приспособление к новым климатическим условиям, времени, к новой образовательной системе, к новому языку общения, к интернациональному характеру учебных групп... приспособление к культуре новой страны»⁷ и т. д.

Целью нашего исследования было выявление основных проблем в процессе адаптации иностранных студентов на примере Саратовского государственного медицинского университета (СГМУ). При этом особое внимание уделялось физиологическим, социально-психологическим и профессиональным факторам. Многие вопросы разработанной нами анкеты подразумевали дополнительные комментарии, что позволяло респондентам выразить эмоциональное отношение. В анкетировании приняли участие 146 иностранных студентов от 18 до 30 лет с первого по пятый курс, они преимущественно из Индии и стран Африки. Эмпирические данные обработаны с применением статистического пакета программ для социальных наук SPSS13.

При ответе на вопрос о том, с какими трудностями столкнулись иностранные студенты в первый период после приезда в Россию, они отметили незнание русского языка (43,8 %), климатические условия (37,2 %), бытовые условия (15,3 %), трудностей не возникало у 3,8 % опрошенных. Основной проблемой в процессе адаптации иностранных студентов является недостаточное знание русского языка. Это обуславливает сложности в общении и усвоении материала на русском языке. Серьезные проблемы при усвоении учебного материала на русском языке отметили 39,1 %, значительные трудности испытывали 46,1 % респондентов, проблем не было у 14,8 %.

Эти сложности наблюдаются на протяжении всего периода обучения. Так, на первом курсе серьезные проблемы отметили 48 % иностранных студентов, значительные трудности — 48 %, не испытывали никаких сложностей 4 %. По ответам иностранных студентов второго курса можно отметить некоторые улучшения в усвоении учебного материала: 35 % опрошенных не испытывали проблем, у 36 % были некоторые проблемы, 29 % отметили серьезные трудности. У студентов третьего курса серьезные проблемы возникали у 22 %, некоторые проблемы отметили 63 %, отсутствие сложностей в усвоении учебного материала — 18 %. К четвертому и пятому курсу процент студентов, испытывающих сложности в учебе, возрастает: 47 % опрошенных четвертого курса и 46 % пятого сталкиваются с серьезными трудностями, примерно одинаковое число респондентов имеет некоторые проблемы — 39 и 38 %, нет проблем у 14 %.

Абсолютное большинство иностранных студентов проживает в общежитии, что, с одной стороны, способствует адаптации, с другой — является ее препятствием: 57 % опрошенных отрицательно отзываясь о бытовых условиях проживания, 28 % не устраивает стоимость проживания, 15 % отмечают отсутствие спокойствия, плохую работу охраны.

В процессе адаптации иностранных студентов возникают сложности социально-психологического характера. Получая образование в России, они сталкиваются с грубым и пренебрежительным (45 %), безразличным (37 %), с доброжелательным (12 %) отношением. К сожалению, следует отметить, что проявлению национализма и расизма были подвергнуты 69 % иностранных студентов, и только 31 % из них ответил на вопрос отрицательно.

В случае возникновения проблем поддержку от администрации вуза получили 42 % иностранных студентов, в то время как 36 % ее не получили, 22 % затруднились ответить. В начальном периоде обучения за помощью иностранные студенты обращаются в основном к студентам из своей страны. Так ответили 60 % первокурсников и 40 % второкурсников. Показательно, что к сокурсникам из России обращаются лишь 17 % иностранных студентов. Ситуация существенно меняется лишь к третьему курсу: к сокурсникам за помощью обращаются 30 % студентов-иностранцев третьего курса, 71 % — четвертого и 63 % — пятого. Рассматривая динамику отношений «иностранная студент—российский студент», можно отметить, что уже к четвертому курсу иностранные студенты СГМУ практически адаптируются в плане межличностных отношений.

Мотивирующими факторами приезда иностранных студентов на учебу в Россию являются получение высококлассного образования (45 %), доступная стоимость обучения (41 %), изучение русского языка (9 %), интерес к культуре страны (5 %).

На вопрос «Предоставляют ли Вам преподаватели дополнительные консультации после занятий?» 35 % иностранных студентов ответили «всегда», 36 % — «не всегда», 29 % — «нет». Несмотря на это, 43 % респондентов в случае сложностей с учебой обращаются за помощью именно к преподавателям, в то время как к руководству вуза — всего 8 %, к куратору — лишь 5 %, к друзьям или знакомым — 44 %. Наличие куратора отмечают 16 % иностранных студентов, 84 % говорят о его отсутствии или не знают о том, что у них есть куратор. Это позволяет говорить о низком уровне взаимодействия «куратор—иностранная студент».

Среди основных трудностей при первичной и последующей адаптации можно отметить питание, так как большинству иностранных студентов сложно привыкнуть к русской кухне. Так, 94 % опрошенных предпочитают готовить пищу самостоятельно, и лишь 6 % питаются в университетской столовой.

Одной из серьезных проблем является климат. Учитывая климатические условия родных стран студентов и Саратовской области, следует отметить, что процесс адаптации в этой сфере проходит достаточно сложно на протяжении всего

периода обучения. Так 40 % респондентов первого курса, 38 % второго курса, 38 % третьего курса, 35 % четвертого и 28 % пятого отмечают трудности в привыкании к погодным условиям. Сложнее всего к климатическим условиям адаптируются студенты из стран Африки (98 %). Менее болезненно адаптация к климату происходит у студентов из Индии (72 %). Несмотря на сложное восприятие климата, у иностранных студентов существенного ухудшения здоровья не наблюдается: 57 % респондентов оценивают состояние своего здоровья как отличное и хорошее, 37 % — как удовлетворительное, 6 % — как неудовлетворительное. При оформлении медицинской страховки среди основных проблем студентами названы высокая стоимость (25 %), бюрократизм, недостаток информации (35 %), отказ в медстраховании (10 %), сложностей не было у 30 %.

Таким образом, основное число иностранных студентов сталкивается с определенными трудностями, которые носят физиологический и социально-психологический характер. Среди трудностей физиологического характера основными являются привыкание к климату, русской кухне. Сложнее происходит адаптация к климатическим условиям.

Трудности социально-психологического характера обусловлены отношением окружающих, которое большинство иностранных студентов характеризует как грубое и пренебрежительное. Значительное место занимает приспособление к бытовым условиям проживания, новой для них системе образования. Сложности в общении с российскими студентами наблюдаются только на первом и втором курсе обучения. Выявлена высокая степень взаимодействия с преподавателями, достаточно низкое — с руководством вуза и очень низкое — с кураторами. К сожалению, большинство иностранных студентов сталкивалось с национализмом и расизмом.

Достаточно сложно происходит адаптация к учебной деятельности. Так, на протяжении практически всего периода обучения студенты испытывают трудности в усвоении материала на русском языке. Многие высказывают пожелания, чтобы вуз был обеспечен специальной литературой на иностранном языке. Следует отметить положительный результат преподавания в СГМУ ряда курсов на английском языке, которым владеет практически весь контингент иностранных

студентов. Тенденция к преподаванию на английском языке наиболее популярных курсов (например, подготовка магистров) в последние 10 лет широко распространена в европейских вузах, где этот язык не является государственным. Это позволяет увеличить приток иностранных студентов в эти учебные заведения.

В процессе адаптации иностранные студенты СГМУ частично воспринимают новую социокультурную среду, сохраняя при этом этническую самоидентичность. Кроме того, наблюдается и внеличностная адаптированность, когда в процессе обучения приобретаются профессиональные знания, умения и навыки.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Налчаджян А.А. Проблема социально-психической адаптации. URL: <http://ethnopsychology.narod.ru> (дата обращения: 10.05.2009).

² См.: Рубчевский К.В. Формы прохождения социализации личности // Психологическая наука и образование. 2002. № 2. URL: <http://psyjournals.ru> (дата обращения: 15.06.2009).

³ См.: Слепухин А.Ю. Высшее образование в условиях глобализации: проблемы, противоречия, тенденции. М.: ИД «Форум», 2004. С. 295.

⁴ Витковская М.И., Троцук И.В. Адаптация иностранных студентов к условиям жизни и учебы в России (на примере РУДН). URL: <http://articles.excelion.ru> (дата обращения: 15.05.2009).

⁵ Куликова О.В. Проблема адаптации иностранных студентов в процессе обучения в российском вузе. URL: <http://journal.org> (дата обращения: 20.06.2009).

⁶ Андреева Г.М. Общение и межличностные отношения. URL: www.i-u.ru/biblio (дата обращения: 15.05.2009).

⁷ Адаптация студентов-иностранцев к обучению в России. URL: <http://oneworld.bstu.ru> (дата обращения: 10.06.2009).

Поступила 07.12.09.

М. В. ТИНГАЕВА

СООТНОШЕНИЕ ДЕНЕЖНЫХ ДОХОДОВ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ И РЕСПУБЛИКИ МОРДОВИЯ

Ключевые слова: доходы населения, прожиточный минимум, дифференциация доходов населения, оплата труда, реальные располагаемые денежные доходы

Key words: population revenue, living wage, differentiation of population revenue, wages, real disposable income

За годы реформ большинство жителей России смогло убедиться в правоте У. Черчилля, сказавшего, что социализм — это равномерное распределение нищеты, а капитализм — неравномерное распределение богатства. В Мордовии, как и в России в целом, быстрый рост уровня бедности был обусловлен сокращением занятости, увеличением безработицы и существенным снижением трудовых доходов на начальном этапе социально-экономических реформ начала 90-х гг. XX в. в условиях неэффективной системы социальной защиты населения. Ситуация осложнялась тем, что увеличивающееся с каждым годом неравенство в трудовых доходах вызывало все большее недовольство и обеспокоенность населения страны. Низкий уровень доходов особенно характерен для занятых в бюджетном секторе экономики, сельской местности и в малых городах, для многодетных и неполных семей.

Низкий уровень доходов означает не просто низкий уровень текущего потребления, но качества жизни вообще, что обусловлено низкой имущественной, особенно жилищной, обеспеченностью людей. При этом на уровень доходов влияют не только объективные факторы, но и личностные характеристики людей, плохое здоровье, недостаточное об-

ТИНГАЕВА Мария Владимировна, специалист 2-го разряда Управления Федерального казначейства по Республике Мордовия.

разование, квалификация и, следовательно, неконкурентоспособность на рынке труда.

Ежегодный мониторинг уровня жизни населения показывает закрепление положительной динамики роста денежных доходов населения Республики Мордовия. Однако по размеру среднедушевых доходов населения в 2008 г. Мордовия находилась на 76-м месте среди регионов РФ. Соотношение среднедушевого денежного дохода в Мордовии по отношению к соответствующему среднероссийскому, выраженному в процентах, колебалось от 54 % (2002 г.) до 56 % (2008 г.). Денежные доходы в расчете на душу населения в России, по предварительным данным, в 2009 г. составили 16 846,0 руб. в месяц и увеличились по сравнению с соответствующим периодом 2008 г. на 12,8 %. Среднедушевые денежные доходы населения Мордовии по состоянию на июнь 2009 г. составили 9 466,8 руб.¹

Динамика темпов роста реальных располагаемых денежных доходов населения Мордовии и России в целом положительна. В России наиболее высокие темпы роста этого показателя были в 2003 г. (115 %), в Мордовии — в 2008 г. (116,4 %). В 2003—2006 гг. темпы роста реальных доходов населения в республике отставали от среднероссийских. В 2001—2002 гг. этот показатель в Мордовии был несколько выше среднероссийского, в 2008 г. — превысил его на 12,6 %. Реальные располагаемые денежные доходы населения, по предварительным данным, в России за 2009 г. увеличились на 2,3 % по сравнению с соответствующим периодом 2008 г.²

Соотношение среднедушевых денежных доходов населения с величиной прожиточного минимума в РФ увеличивается существенно быстрее, чем в Мордовии. Так, в целом по стране в 2001—2008 гг. среднедушевые денежные доходы населения в 2—3 раза превышали величину прожиточного минимума. В Мордовии среднедушевые денежные доходы составили более двух прожиточных минимумов лишь в 2008 г. Несмотря на положительную динамику, достичь среднероссийского уровня доходов республике пока не удается.

Важным показателем, характеризующим уровень бедности, является численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума. За 2001—2008 гг. в Мордовии, как и в России, доля бедного населения со-

кратилась более чем в два раза. Однако в республике на протяжении всего анализируемого периода этот показатель был в 1,5—1,8 раза больше, чем в среднем по стране, причем с годами ситуация не улучшается³. Следует отметить, что денежные доходы распределяются в обществе неравномерно. Для России и Мордовии характерно усиление дифференциации доходов. В республике уровень неравенства в распределении доходов значительно ниже, чем в целом по стране. Так, коэффициент фондов в 2008 г. в Мордовии был в 1,5 раза ниже, а коэффициент Джини — в 1,1 раза ниже, чем в России⁴. По предварительным данным, в 2009 г. коэффициент фондов в РФ составил 16,7, коэффициент Джини — 0,422⁵.

В России и Мордовии основную часть доходов населения составляет заработная плата (табл. 1). В 2008 г. в РФ этот источник обеспечивал 44,7 % совокупных денежных доходов населения, в Мордовии — 47,2 %. За рассматриваемый период структурная доля этого вида доходов возросла в обоих случаях. Доля доходов от собственности в России сократилась, а в Мордовии возросла. Однако для жителей республики этот источник доходов был и остается гораздо менее значимым, чем для других россиян. Показательно сокращение удельного веса доходов от предпринимательской деятельности в России и в Мордовии, что, на наш взгляд, можно объяснить слабым развитием этого сектора экономики; опережающим ростом других статей дохода; ростом издержек производства, вызванных увеличением выплат по ссудам, зарубежным и отечественным банкам и другим кредитным институтам; низкой эффективностью прямых инвестиций; недостаточным ростом производительности труда; падением фондоотдачи; высокой капиталоемкостью производства, связанной с нерациональными структурными сдвигами в экономике; относительно высокими темпами инфляции, вызвавшими удорожание факторов производства; отсутствием прогрессивных сдвигов в экономике.

Таблица 1

Структура денежных доходов населения в России и Республике Мордовия⁶

Регион	Доходы от предпринимательской деятельности		Оплата труда		Социальные выплаты		Доходы от собственности		Другие доходы (включая скрытую заработную плату)	
	Год									
	2000	2008	2000	2008	2000	2008	2000	2008	2000	2008
РФ	15,4	10,2	36,5	44,7	13,8	13,2	6,8	6,2	27,5	25,7
РМ	18,0	8,5	39,5	47,2	20,2	20,0	2,3	4,9	20,0	19,4

Примечательно и то, что доля социальных выплат в Мордовии, как и в России, за анализируемый период почти не изменилась. Этот источник доходов для населения республики гораздо более значим, чем доходы от предпринимательской деятельности и собственности вместе взятые⁷.

В структуре денежных доходов населения России, по предварительным данным, за 2009 г. по сравнению с соответствующим периодом 2008 г. возросла доля социальных выплат (14,5 % от общего объема денежных доходов) и оплаты труда (69,5 %) при снижении доли доходов от собственности (4,3 %) и доходов от предпринимательской деятельности (9,7 %)⁸.

Поскольку заработная плата является основным, а часто и единственным источником доходов, изучение уровня и дифференциации оплаты труда — одна из актуальных задач анализа. По данным Росстата, в 2001 г. средняя номинальная начисленная заработная плата в Мордовии была вдвое ниже, чем в среднем по России (табл. 2). В последующие годы на протяжении всего исследуемого периода этот разрыв имел достаточно устойчивую тенденцию к сокращению. В 2008 г. среднемесячная номинальная начисленная заработная плата в республике составляла 60 % среднероссийского показателя. С 2001 по 2008 г. темпы роста номинальной начисленной заработной платы в Мордовии были выше средних по России, максимальный прирост этого показателя наблюдался в 2002 г. — почти 50 %. Что касается темпов роста реальной начисленной заработной платы, то самого высокого значения показатель достиг в 2002 г. — 126 % к предыдущему году, что существенно выше, чем в среднем по России. В 2003 г.

рост реальной заработной платы в Мордовии также был более высоким, в 2004—2005 гг. реальная заработная плата в РМ отставала от среднероссийского показателя. Но за три последних года этот показатель вновь стал превышать среднероссийский уровень. Положительную тенденцию имеет и соотношение среднемесячной номинальной начисленной заработной платы в Мордовии по отношению к Российской Федерации. С 2001 по 2008 г. оно увеличилось более чем на 10 %⁹.

Таблица 2

Начисленная заработная плата по России и Республике Мордовия¹⁰

Год	Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата		Реальная начисленная заработная плата, % к предыдущему году	Соотношение среднемесячной начисленной заработной платы с величиной прожиточного минимума, %
	руб.	% к предыдущему году		
<i>Российская Федерация</i>				
2001	3240,4	145,7	120,0	199,0
2002	4360,3	134,6	116,0	222,0
2003	5498,5	126,1	111,0	239,0
2004	6739,5	122,6	111,0	259,0
2005	8554,9	126,9	113,0	263,0
2006	10663,9	124,7	113,0	288,0
2007	13527,4	126,9	116,0	325,0
2008	17290,1	127,2	111,5	373,0
<i>Республика Мордовия</i>				
2001	1635,8	147,7	117,1	129,5
2002	2444,1	149,4	126,0	152,6
2003	3251,6	133,0	118,0	179,5
2004	4013,6	123,4	109,1	197,3
2005	5060,7	126,1	111,5	206,1
2006	6358,4	125,6	115,6	228,2
2007	8103,0	127,4	117,3	258,1
2008	10530,5	130,0	113,7	280,8

Динамика соотношения среднемесячной начисленной заработной платы с величиной прожиточного минимума в Мордовии также свидетельствует о низком уровне заработной платы в регионе и недостаточных темпах ее роста. Так, в 2008 г. это соотношение в республике было ниже среднероссийского.

Различия в оплате труда по отраслям экономики в Мордовии весьма существенны. В 2001 г. среднемесячная

номинальная начисленная заработная плата была ниже среднереспубликанского уровня в таких отраслях, как сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство, рыболовство и рыбоводство, оптовая и розничная торговля, гостиницы и рестораны, образование, здравоохранение и предоставление социальных услуг, предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг. Такая ситуация сохранялась на протяжении всего анализируемого периода. В сфере добычи полезных ископаемых за 2001—2008 гг. средняя заработная плата была ниже среднереспубликанского уровня в 2005 г. и 2008 г. Обрабатывающие производства также попадали в черный список в 2002 г. и 2006 г., а операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг — в 2002 г. и 2007 г. Наиболее высоко оплачивается труд в финансовой сфере, средняя заработная плата работников этой отрасли превышает средний по республике показатель почти в два раза¹¹.

В Российской Федерации ситуация аналогичная. На протяжении всего анализируемого периода заработная плата в сельском хозяйстве была более чем в два раза ниже среднего показателя по экономике в целом. Заработная плата в обрабатывающих производствах с 2005 по 2008 г., несмотря на экономический рост в стране, была ниже, чем в среднем по экономике России. Уровень заработной платы на протяжении анализируемого периода был ниже среднероссийского в таких отраслях народного хозяйства, как оптовая и розничная торговля, гостиницы и рестораны, образование, здравоохранение и предоставление социальных услуг, предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг. В то же время средняя заработная плата в финансовой сфере была выше среднероссийской более чем два раза в 2001—2008 гг.¹²

В Мордовии разрыв в оплате труда между работниками различных отраслей в анализируемом периоде сохранился. Так, тенденция роста соотношения среднемесячной заработной платы работников отрасли со среднереспубликанским уровнем наблюдалась в сельском хозяйстве; охоте и лесном хозяйстве; строительстве; оптовой и розничной торговле; ремонте автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования; в сферах гостиниц и ресторанов; образовании. На протяжении

анализируемого периода уровень заработной платы был примерно равен среднереспубликанскому в таких отраслях, как обрабатывающие производства и операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг. Снижение соотношения средней номинальной начисленной заработной платы работников по сравнению со среднереспубликанским уровнем характерно для следующих видов экономической деятельности: рыболовство и рыбоводство; производство и распределение электроэнергии, газа и воды; транспорт и связь; финансовая деятельность¹³.

Темпы роста номинальной начисленной заработной платы в России и Мордовии за анализируемый период были примерно одинаковыми. Только в 2002 г. этот показатель в республике превысил среднероссийский на 14,8 %. Анализируя темпы роста заработной платы по отраслям экономики, следует отметить, что в Мордовии темпы роста заработной платы в 2001—2008 гг. были выше среднероссийских в таких отраслях, как сельское хозяйство; охота и лесное хозяйство; рыболовство и рыбоводство; добыча полезных ископаемых; обрабатывающие производства; производство и распределение электроэнергии, газа и воды; строительство; гостиницы и рестораны; транспорт и связь. Самые высокие темпы роста оплаты труда и в России, и в Мордовии наблюдались в 2001—2002 гг. В последующие годы темпы роста заработной платы в экономике замедлились¹⁴.

По предварительным данным, за 2009 г. в России среднемесячная номинальная начисленная заработная плата составила 18 795,1 руб., реальная заработная плата — 97,2 % к соответствующему периоду 2008 г.¹⁵ В Мордовии в декабре 2009 г. среднемесячная начисленная заработная плата рабочих и служащих на крупных и средних предприятиях республики составила 1 4204,3 руб. По сравнению с декабрем 2008 г. зарплата возросла на 10,8 %¹⁶.

Таким образом, несмотря на постоянный рост среднедушевых денежных доходов в Республике Мордовия, они продолжают оставаться почти в два раза ниже среднероссийских. Дифференциация доходов населения в Мордовии на протяжении всего анализируемого периода была значительно ниже, чем в целом по стране. В России и Мордовии основным источником доходов населения является заработная плата. Темпы роста среднемесячной номинальной и

реальной начисленной заработной платы в республике за весь анализируемый период были выше среднероссийских. Эта ситуация согласуется с ростом соотношения среднемесячной номинальной начисленной заработной платы в Мордовии по отношению к среднероссийскому показателю. Однако показатели динамики соотношения среднемесячной начисленной заработной платы с величиной прожиточного минимума в Мордовии свидетельствуют о низком уровне заработной платы в регионе.

В Мордовии самыми высокооплачиваемыми сферами экономики являются финансовая деятельность, государственное управление и обеспечение военной безопасности, обязательное социальное обеспечение. В России в этот список добавляется добыча полезных ископаемых. Самыми низкооплачиваемыми видами экономической деятельности в республике являются рыболовство и рыбоводство, образование, а в целом по стране — сельское хозяйство, образование, здравоохранение и предоставление социальных услуг. Следует отметить, что темпы роста заработной платы в сельском хозяйстве в Мордовии существенно выше среднероссийских.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Статистический обзор по Российской Федерации за 2009 г. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b10_06/IssWWW.exe/Stg/1/0-0.htm (дата обращения: 28.05.2010).

² Там же.

³ См.: Мордовия: стат. ежегодник / Мордовиястат. Саранск, 2006; Мордовия: стат. ежегодник / Федер. служба гос. статистики по РМ. Саранск, 2008; Мордовия: стат. ежегодник / Мордовиястат. Саранск, 2009.

⁴ Там же.

⁵ См.: Распределение общего объема денежных доходов населения. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b08_13/IssWWW.exe/Stg/d1/06-20.htm (дата обращения: 28.05.2010).

⁶ См.: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2007: стат. сб. / Росстат. М., 2007. С. 166. URL: <http://www.gks.ru> (дата обращения: 28.05.2010).

⁷ См.: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2007: стат. сб. / Росстат. М., 2007. С. 166; Структура денежных доходов и удельный вес расходов в денежных доходах населения. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b08_11/IssWWW.exe/Stg/d01/07-06.htm (дата обращения: 12.05.2009).

⁸ См.: Структура денежных доходов населения. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b10_06/IssWWW.exe/Stg/1/03-03.htm (дата обращения: 28.05.2010).

⁹ См.: Основные социально-экономические индикаторы уровня жизни населения. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b08_11/IssWWW.exe/Stg/d01/07-01.htm (дата обращения: 11.05.2009).

¹⁰ См.: Мордовия: стат. ежегодник, 2006. С. 129, 134; Мордовия: стат. ежегодник, 2008. С. 125, 130; Мордовия: стат. ежегодник / Мордовиястат. Саранск, 2009. С. 127, 130. URL: <http://www.gks.ru> (дата обращения:).

¹¹ См.: Мордовия: стат. ежегодник / Мордовиястат. Саранск, 2006 ...

¹² Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников организаций по видам экономической деятельности. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/B10_06/IssWWW.exe/Stg/1/03-08.htm (дата обращения: 28.05.2010).

¹³ См.: Мордовия: стат. ежегодник / Мордовиястат. Саранск, 2006 ...

¹⁴ Там же.

¹⁵ См.: Статистический обзор по Российской Федерации за 2009 г. ...

¹⁶ См.: Основные показатели по труду в Республике Мордовия (по крупным и средним предприятиям) в январе—декабре 2009 года: стат. бюлл. № 707 (12) / Мордовиястат. Саранск, 2010. С. 3.

Поступила 01.09.09.

Р. С. ЧУМАКОВ

ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ В РЕГИОНЕ¹

Ключевые слова: социальная политика, качество жизни, человеческое развитие, социальное благополучие, социальная напряженность

Key words: social policy, life quality, human development, social prosperity, social tension

Вопросы развития человеческого потенциала в России имеют региональное измерение. Учитывая разнообразие страны, не будет преувеличением утверждать, что возможности отдельного взятого гражданина в значительной степени зависят от того, в каком регионе он проживает. Так, в составе единого государства сосуществуют федеральная столица с постиндустриальной структурой экономики и патриархальные республики Северного Кавказа с незавершенным демографическим переходом².

Не меньшая степень территориальной дифференциации характерна и для муниципальных образований современной России. Сегодня большая часть социального и хозяйственного потенциала страны сосредоточена в нескольких десятках региональных столиц. Крупнейшие города концентрируют около трети всего населения, формируют 40—70 % валового продукта соответствующего субъекта РФ, привлекают 40—80 % региональных инвестиций. Здесь трудятся 80 % научных работников, оказываются наибольшие объемы платных услуг населению, получают очное высшее образование примерно 90 % российских студентов³.

В условиях аномально дисперсного распределения социально-экономической активности по территории страны многими учеными ставится вопрос о необходимости смягчения сложившихся пространственных диспропорций. В связи

ЧУМАКОВ Роман Сергеевич, аспирант кафедры государственного и муниципального управления Мордовского государственного университета.

с этим крайне важно различать понятия экономического и социального неравенства. В первом случае речь идет о концентрации хозяйственной деятельности в местах, обладающих объективными конкурентными преимуществами (природные ресурсы, выгодное географическое положение, агломерационный эффект, развитый человеческий капитал, благоприятная институциональная среда); во втором — о неравном доступе к удовлетворению разнообразных жизненных потребностей.

История экономической науки убедительно доказывает: сократить диспропорции в народном хозяйстве можно только за счет создания конкурентных преимуществ, снижающих издержки ведения бизнеса. Если регион не располагает перспективным природно-ресурсным потенциалом либо выгодным географическим положением, то единственной возможностью стимулировать экономический рост становится политика, направленная на улучшение факторов «второй природы», особенно качества человеческого капитала. Именно понятие последнего все чаще используется для характеристики такого типа экономики, в которой знания играют решающую роль в создании общественного богатства, выполняя функцию ключевого источника национального прогресса и конкурентоспособности. Вместе с тем человеческие ресурсы формируются в социальной сфере путем оказания образовательных, медицинских и культурно-рекреационных услуг населению. Поэтому важнейшей задачей государственного и муниципального управления становится снижение не столько экономического, сколько социального неравенства территорий. С одной стороны, это позволит расширить доступ людей к базовым ресурсам человеческого развития, с другой — создаст предпосылки устойчивого экономического роста за счет интенсивных факторов. Таким образом, в социальной сфере императив смягчения территориальных диспропорций неоспорим⁴.

По критерию индекса развития человеческого потенциала (ИРЧП), разработанного экспертами ООН в интересах сопоставления качества жизни в различных странах мира, регионы России подразделяются на три кластера. В состав первой группы входят немногочисленные регионы-лидеры (города федерального значения и регионы с экспортно-сырьевой экономикой), второй — неблагополучные субъекты

Федерации (Республики Северного Кавказа и юга Сибири), третьей — абсолютное большинство административно-территориальных единиц страны со значениями ИРЧП несколько ниже среднероссийского уровня. Устойчивое наращивание человеческого капитала населения РФ возможно на основе улучшения ситуации в регионах третьего кластера, к числу которых относится и Республика Мордовия.

В пространственном разрезе Мордовия располагается между субъектами срединной группы и регионами-аутсайдерами. Ее душевой ВРП, скорректированный на стоимость жизни, ровно в два раза меньше среднего значения показателя по РФ. Такое положение вещей обусловлено двумя обстоятельствами. Во-первых, республика практически полностью лишена запасов полезных ископаемых, востребованных на рынке. Во-вторых, до сих пор дает о себе знать фактор исторического наследия: поздняя индустриализация региона в рамках советской политики «подъема национальных окраин» заложила в основу хозяйства трудоемкие отрасли обрабатывающей промышленности, более всего пострадавшие в переходный период.

Мордовия состоит из 22 муниципальных районов и ГО Саранск (столица Мордовии). Как и практически везде, в России наибольший удельный вес социального и экономического потенциала республики приходится на ее административный центр. По состоянию на 2008 г. в Саранске проживали 40 % всего населения, трудились 48 % рабочей силы, вводился каждый второй квадратный метр жилой площади, концентрировались 50 % обрабатывающих производств, 62 % оборота розничной торговли и 75 % основных фондов⁵.

Следует отметить удачное географическое местоположение Саранска, его относительно развитую производственную, транспортную, социальную и финансово-экономическую инфраструктуру. Это делает региональную столицу особо привлекательной для субъектов частного предпринимательства, несмотря на сложности преодоления административных барьеров, дороговизну аренды земли и помещений, необходимость более высокой оплаты труда горожан.

Однако в соответствии с теорией человеческого развития сохранение чрезмерного социального неравенства между республиканской столицей и прочими муниципальными образованияами Мордовии недопустимо. Данное обстоятельство

требует сокращения территориальных диспропорций путем эффективного использования дефицитных ресурсов региона. Решение этой задачи возможно при обоснованной диагностике проблем и применении современных инструментов социальной политики.

В дальнейшем анализ проблем социального развития муниципальных образований Мордовии предлагается проводить по двум базовым критериям качества жизни: социальному благополучию и напряженности.

В число индикаторов социального благополучия вошли коэффициент рождаемости (на 1 тыс. чел.); среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников организаций (руб.); ввод в действие жилых домов (м² на 1 тыс. чел.); расходы местного бюджета на нужды образования, здравоохранения, культуры, жилищно-коммунального хозяйства, физической культуры и спорта (руб. / чел.); удельный вес победителей и призеров от района или городского округа в республиканском этапе Всероссийской олимпиады школьников (%); сводный индекс благоустройства жилищного фонда водопроводом, канализацией, отоплением и газом (%); обеспеченность населения врачами (на 10 тыс. чел.). Отличительной особенностью перечисленных показателей является положительная связь с человеческим развитием.

К индикаторам социальной напряженности отнесены уровень зарегистрированной безработицы (%), просроченная задолженность по заработной плате (руб. на одного работника), количество зарегистрированных преступлений (на 100 000 чел.), доля ветхого и аварийного жилья в общей площади жилищного фонда (%), заболеваемость туберкулезом (на 100 тыс. чел.), заболеваемость СПИДом (на 100 тыс. чел.), заболеваемость гепатитом В (на 100 тыс. чел.)⁶. Перечисленные показатели отличает отрицательная связь с человеческим развитием.

Все расчеты в состоянии на 2008 г. Однако в связи с тем, что индикаторы заболеваемости населения⁷, а также удельный вес победителей и призеров олимпиад⁸ сильно варьируют по годам, нами были рассчитаны средние значения признаков в динамике за несколько лет. Кроме того, приведенные выше показатели имеют отличные единицы измерения, поэтому требуется их приведение к сопоставимому виду путем реализации процедуры нормирования с учетом максимальных и минимальных значений по всей группе.

Так, стандартизацию индикаторов социального благополучия имеет смысл проводить по формуле вида:

$$y_{ij} = \frac{x_{ij} - \min(x_{ij})}{\max(x_{ij}) - \min(x_{ij})}, \quad (1)$$

где y_{ij} — нормированное значение j -го показателя для i -го района Мордовии, x_{ij} — фактическое значение j -го показателя для i -го района Мордовии.

В отношении характеристик социальной напряженности применялось преобразование типа $(1 - y_{ij})$. Затем нормированные значения показателей сводились в соответствующий индекс в форме среднеарифметической величины. По итогам расчетов исходная совокупность объектов была разбита на четыре кластера в среде ППП Statistica 8.0. (рисунок).

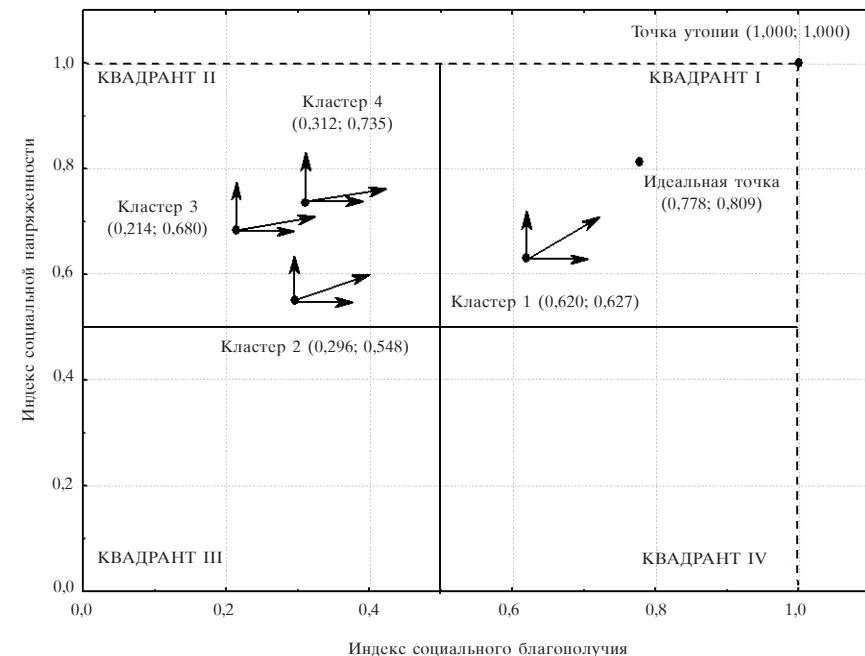

Рисунок. Граф распределения муниципальных образований Республики Мордовия по критериям качества жизни

На рисунке отмечены четыре области (квадранта), которые следует рассматривать как базовые классификационные группы административно-территориальных единиц со сходным социальным положением (таблица). Причем все кластеры расположены в верхней полуплоскости I и II квадрантов. По своим индивидуальным параметрам только Кадошкинский район (0,337; 0,435) попадает в состав III четверти. Для него характерен весь спектр проблем человеческого развития, начиная с незначительного уровня заработной платы, низкой бюджетной обеспеченности социальной сферы и заканчивая угрозами безработицы и социально значимых заболеваний. Плоскость IV квадранта остается полностью свободной от муниципалитетов, так как в республике нет ни одной территории с высоким уровнем благополучия и существенной степенью социальной напряженности.

Таблица

Состав муниципальных образований Мордовии в разрезе кластеров

Кластер № 1	Кластер № 2	Кластер № 3	Кластер № 4
ГО Саранск	Атюрьевский	Ардатовский	Атяшевский
Рузаевский	Зубово-Полянский	Большеберезниковский	Дубенский
Чамзинский	Кадошкинский	Большеигнатовский	Ельниковский
	Ковылкинский	Ичалковский	Инсарский
	Ромодановский	Старошайговский	Кочкуровский
	Темниковский		Краснослободский
	Торбеевский		Лямбирский
			Теньгушевский

Кластер № 1 объединяет самые успешные муниципальные образования Мордовии. Например, в ГО Саранск и Рузаевском районе более доступна медицинская помощь населению, оказываются качественные услуги в системе общего образования, концентрируются основные объемы жилищного строительства. Чамзинский район выделяется индикаторами бюджетного финансирования социальной сферы и благоустройства жилищного фонда. При этом отличительной особенностью кластера является относительно высокая заработная плата, превышающая аналогичное значение по республике в целом. Проблемы перечисленных муниципальных образований преимущественно связаны с социальной напряженностью — распространением преступности и некоторых опасных заболеваний. Кроме того, для Рузаевского района актуальна задача благоустройства

жилищного фонда, Чамзинского — наращивание объемов жилищного строительства, Саранска — локализация заболеваемости СПИДом и гепатитом В.

Абсолютное большинство муниципалитетов республики формируют пространство II квадранта, ключевыми признаками которого являются низкие значения социального благополучия и напряженности. Согласно рисунку, несколько более выгодную позицию в составе второй четверти занимает кластер № 4. Он опережает кластер № 2 по компоненте социальной напряженности (за счет меньшей безработицы и заболеваемости населения), а кластер № 3 — по компоненте благополучия (за счет лучших показателей рождаемости, заработной платы, благоустройства жилищного фонда).

Следует подчеркнуть, что выполненные расчеты не выявили однозначной взаимосвязи между предложенными критериями качества жизни. Об этом свидетельствуют и результаты регрессионного анализа: уравнение Y (индекс напряженности) = $0,704 - 0,161 \times X$ (индекс благополучия) не является статистически значимым. Однако обращает на себя внимание отрицательный коэффициент регрессии: по мере социального развития муниципальные образования республики часто сталкиваются с преступностью, а также со СПИДом. Этот факт подтверждается и общероссийским трендом, заключающимся в том, что вероятность ухудшения криминогенной обстановки и распространения ВИЧ-инфекции увеличивается именно в благополучных регионах страны с повышенными доходами населения.

Рассмотренный принцип выделения кластеров имеет смысл использовать как инструмент анализа достигнутого уровня качества жизни в административно-территориальных единицах Мордовии. Он дает возможность планировать дальнейшие перспективы каждого района в соответствии с принадлежностью к определенной классификационной группе, руководствуясь критерием Парето. Указанный критерий вводит понятие оптимума — социально-экономической ситуации, в рамках которой населению хотя бы одного муниципального образования невозможно предоставить дополнительное количество благ таким способом, чтобы при этом не ухудшить качество жизни на территории другого муниципалитета⁹.

Нахождение оптимума по Парето предполагает применение метода поиска «идеальной точки» (рисунок). Чаще всего координатами «целевой точки» выбирается сочетание наилучших значений всех критериев. В нашем случае самый высокий индекс социального благополучия зарегистрирован в Саранске (0,778), напряженности — в Дубенском районе (0,809).

Траектория повышения качества жизни муниципальных образований задается с помощью целевого вектора (С), начальными координатами которого выступают фактические характеристики социального благополучия и напряженности ($x_0; y_0$), а конечными — координаты идеальной точки или точки утопии ($x_1; y_1$). На наш взгляд, ориентиром для кластеров № 2, 3, 4 должны стать параметры идеальной точки ($x_1 = 0,778; y_1 = 0,809$), кластера № 1 — точки утопии ($x_1 = 1,000; y_1 = 1,000$). Направление вектора фиксируется углом α , принадлежащего диапазону от 0° до 90° в зависимости от количественного соотношения приростов обоих индексов:

$$\alpha = \arctg \frac{y_1 - y_0}{x_1 - x_0}. \quad (2)$$

Руководствуясь формулой (2), можно рассчитать величину α по кластерам: $\alpha_1 = 44,5^\circ$, $\alpha_2 = 28,4^\circ$, $\alpha_3 = 12,9^\circ$, $\alpha_4 = 9,0^\circ$.

Следующим шагом, зная координаты целевого вектора, будет определение оптимального соотношения прироста индексов социального благополучия и напряженности (V) по следующей формуле:

$$V = \frac{y_1 - y_0}{x_1 - x_0}. \quad (3)$$

Показатель V дает представление об имеющихся диспропорциях в области обеспечения качества жизни. Если $V > 1$, то это означает, что приоритеты при распределении средств важно сместить в сторону социальной напряженности, а если $V < 1$, то — в сторону социального благополучия.

Учитывая сформулированные выше ориентиры для выделенных кластеров, рассчитаем значения V в отношении каждой классификационной группы:

$$\begin{aligned} V_1 &= (1 - 0,627) / (1 - 0,620) = 0,982; \\ V_2 &= (0,809 - 0,548) / (0,778 - 0,296) = 0,541; \\ V_3 &= (0,809 - 0,680) / (0,778 - 0,214) = 0,229; \\ V_4 &= (0,809 - 0,735) / (0,778 - 0,312) = 0,159. \end{aligned}$$

Иными словами, приоритетным направлением распределения финансовых ресурсов во всех кластерах является социальное благополучие. Только республиканская столица по своим индивидуальным координатам (0,778; 0,537) должна стремиться к снижению напряженности.

Таким образом, существенная дифференциация муниципальных образований Мордовии по критериям качества жизни обуславливает необходимость учета территориального фактора в проведении региональной социальной политики. В целом ключевой задачей такой политики должно стать преимущественное решение проблем социального благополучия. В связи с этим административно-территориальные единицы в составе кластера № 1 имеют возможность опереться на собственные ресурсы. Напротив, Кадошкинский район, попавший в плоскость III квадранта, представляет собой наиболее проблемную зону, не способную развиваться без масштабной и долговременной поддержки за счет средств республиканского бюджета. Основной упор необходимо сделать на повышение качества жизни в кластерах № 2, 3 и 4 — подавляющей части районов, не имеющих необходимого объема собственных экономических ресурсов для решения наиболее сложных проблем и противоречий. Причем региональная социальная политика должна быть ориентирована не на прямое дотирование этих муниципальных образований, а на стимулирование роста собственных финансовых возможностей и активизацию усилий местных властей в области человеческого развития. Иными словами, повышение качества жизни требует не столько денежных вливаний со стороны государства, сколько создания системы стимулов и поддержки частной инициативы.

Как показывает международный опыт, сокращение социального неравенства возможно за счет двух инструментов: устойчивого экономического роста и эффективной бюджетной политики. Актуальность первого направления для муниципальных образований республики не вызывает сомнений, поскольку многие социальные проблемы Мордовии (низкая заработная плата, стабильный миграционный отток квалифицированной рабочей

силы, недостаточно развитая социальная инфраструктура) имеют под собой реальные экономические основания. В части межбюджетных отношений главным барьером по-прежнему остаются неадресный характер социальных трансфертов и низкая результативность расходования ограниченных бюджетных средств.

Итак, проведенное нами исследование позволяет сформулировать несколько выводов. Во-первых, следует различать между собой понятия экономического и социального неравенства. Первое предполагает концентрацию хозяйственной деятельности в местах, обладающих объективными конкурентными преимуществами. Второе означает неравный доступ к удовлетворению разнообразных жизненных потребностей. Если в научном сообществе вопрос о необходимости выравнивания пространственных экономических различий остается дискуссионным, то в социальной сфере императив смягчения территориальных диспропорций неоспорим.

Во-вторых, абсолютное большинство муниципальных образований Мордовии нуждается в приоритетном улучшении ситуации в сфере социального благополучия как составляющей качества жизни. Исключение составляет республиканская столица — единственный муниципалитет, в котором приоритеты человеческого развития необходимо переориентировать на решение задач, так или иначе связанных с социальной напряженностью.

В-третьих, региональная социальная политика в Мордовии должна быть ориентирована не столько на прямое дотирование административно-территориальных единиц, сколько на стимулирование роста собственных финансовых возможностей и активизацию усилий местных властей в социальной сфере. Анализ международного опыта показывает, что только сочетание экономического роста и позитивных социальных изменений в условиях и образе жизни населения обеспечивает устойчивое и динамичное повышение качества жизни.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 09-02-23204а/В.

² См.: Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации за 2006—2007 гг. / под общ. ред. С.Н. Бобылева и А.Л. Александровой. М.: Весь Мир, 2007. С. 10.

³ См.: Лексин В., Карачаровский В. Причины и последствия сверхконцентрации экономического и социального потенциалов России в ее крупнейших городах // Рос. экон. журн. 2007. № 1—2. С. 26—46.

⁴ См.: Зубаревич Н.В. Социально-экономическое развитие регионов: мифы и реалии выравнивания // Социальная политика: экспертиза, рекомендации, обзоры. 2008. № 9. С. 7—22.

⁵ См.: Регионы России. Основные социально-экономические показатели городов. 2007: стат. сб. / Росстат. М., 2008. 375 с.

⁶ См.: Мордовия: стат. ежегодник / Мордовиястат. Саранск, 2009. 431 с.

⁷ См.: Государственный доклад о санитарно-эпидемиологической обстановке в Республике Мордовия в 2008 г. Саранск, 2009. 202 с.

⁸ См.: Состояние и перспективы развития дошкольного и общего образования в Республике Мордовия: информ.-аналит. сб. Саранск, 2009. 39 с.

⁹ См.: Евченко А.В. Сравнительный анализ территориальной дифференциации и типология районов по уровням экономического и социального развития // Экономический анализ: теория и практика. 2006. № 5. С. 26—37.

Поступила 22.12.09.

Е. Е. ГОРИНА

СЛУЖБА ЗАНЯТОСТИ: ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ И ОПТИМИЗАЦИЯ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ

Ключевые слова: служба занятости, административные регламенты, государственная услуга, уровень безработицы, инспекция по труду

Key words: employment service, administrative regulations, state service, unemployment level, labour inspection

Проводимая в России административная реформа по улучшению качества и доступности государственных услуг коснулась института службы занятости. Более того, апробирование таковой в виде административных регламентов предоставления общественно значимых услуг государства населению проводилось на базе Федеральной миграционной службы, Федерального агентства кадастра объектов недвижимости, Федеральной регистрационной службы и Федеральной службы по труду и занятости.

28 июля 2005 г. было принято Постановление Правительства РФ № 452 (ред. от 20 февраля 2010 г.), утвердившее типовой регламент организации федеральных органов исполнительной власти, обязавший их разработать административные регламенты исполнения государственных функций и предоставления государственных услуг. В соответствии с этим документом было закреплено положение, что предоставление государственных услуг должно осуществляться на основе стандартов, устанавливающих необходимый уровень их качества и доступности. В период с 2006 по 2008 г. Министерством здравоохранения и социального развития РФ были приняты и введены в действие 9 административных регламентов предоставления государственных услуг в об-

ГОРИНА Елена Евгеньевна, ведущий инспектор Центра занятости населения г. Муром Департамента по труду и занятости администрации Владимирской области.

ласти содействия занятости населения. Со второй половины 2006 г. проводилось их внедрение в деятельность территориальных органов службы занятости населения — центров занятости. Одновременно с этим система службы занятости претерпевает значительные изменения: полномочия в области содействия занятости из федерального ведения передаются в регионы.

Предложение об отказе от поддержки безработных на федеральном уровне было представлено в проекте «Концепции действий на рынке труда в 2007—2010 гг.». На тот момент документ критиковался, высказывались мнения о нежизнеспособности многих положений, однако, как можно увидеть, в настоящее время многие предложения по реформированию в сфере занятости либо осуществились, либо находятся в стадии реализации. Так, в настоящее время за федеральным центром закреплены функции нормативно-правового регулирования в сфере труда и контроль за соблюдением трудового законодательства, а полномочия и финансирование службы занятости были переданы в регионы.

По мнению В. Позникова, целью разработки регламентов являются улучшение качества услуг, предоставляемых гражданам и предпринимателям; сокращение сроков их оказания; повышение прозрачности деятельности федеральных органов исполнительной власти; исключение избыточных административных действий и процедур; упрощение всей процедуры предоставления услуги для получателя¹.

Пока рано говорить о результатах проводимой реформы, однако можно упомянуть о том, что уже на первом этапе ее проведения возникло множество трудностей (в основном организационного характера), преодоление которых приводит к снижению качества предоставляемых населению услуг. Кроме того, в части «исключения избыточных административных действий и процедур» внедрение регламентов на практике приводит к прямо противоположному результату: увеличиваются время оказания услуги, количество необходимых документов, налицо ненужная бюрократизация.

Если анализировать официальные отзывы специалистов о работе службы в условиях административных регламентов и результаты опросов получателей государственных услуг, предоставляемых этим институтом, то можно сделать вывод, что административная реформа в сфере защиты от

безработицы имеет положительные результаты. Так, результаты реформы службы обсуждались на Всероссийском совещании, проведенном 5—6 декабря 2007 г. в Роструде, где Т. Голикова говорила о позитивных результатах такого делегирования, подтвержденных практикой 2007 г.²

В 2008 г. в регионах проводился анкетный опрос лиц, обращающихся в центры занятости, для оценки удовлетворенности получателей государственных услуг. С 9 по 20 июня 2008 г. подобное анкетирование было проведено во Владимирской области: опрашивались граждане, ищущие работу, и работодатели, обращающиеся в центр занятости за содействием в подборе необходимых работников. Объем выборочной совокупности составил 1 450 чел. (49 % мужчин и 51 % женщин). Из них в возрасте 14—18 лет — 10 %, 19—30 лет — 22 %, 31—45 лет — 38 %, 45—60 лет — 24 %, старше 60 лет — 6 %.

Взаимодействием с работниками центров занятости удовлетворены 99 % опрошенных, 97 % не сталкивались с необоснованными действиями в процессе предоставления государственной услуги. Организация очереди в центрах занятости удовлетворяет 97 % граждан, сроки предоставления государственной услуги удовлетворяют 98 %. Удовлетворены результатом предоставления услуги 88 %, скорее удовлетворены — 10 %, скорее не удовлетворены и не удовлетворены — менее 1 %.

Если говорить о результатах опроса работодателей, то в нем приняли участие 300 организаций различных видов деятельности. Наибольшее количество организаций относится к обрабатывающим производствам — 18 %, торговле — 20 %, строительству — 12 %. Практически всех работодателей (99 %) удовлетворяют график работы, комфортность и оснащенность центров занятости населения. Также высоко они оценивают взаимодействие с работниками центров занятости и не отмечают случаев необоснованных действий в процессе предоставления государственной услуги. 98 % работодателей считают информацию о предоставляемой государственной услуге достаточной. Удовлетворенность сроками предоставления услуги составила среди работодателей 99 %, удовлетворены результатом предоставления государственной услуги в целом 84 % работодателей, скорее удовлетворены — 13 %, скорее не удовлетворены — 3 %.

Подобный опрос, состоящий из пилотных опросов, проводился в органах службы занятости Свердловской области в январе—декабре 2007 г. Были опрошены 9 135 чел. Результаты показали, что 79,5 % граждан полностью удовлетворены полнотой и качеством предоставляемых услуг, 15,3 % — удовлетворены частично, не удовлетворены — 2,9 %, затруднились ответить — 2,3 %³.

Данные официальных оценок и опросов о результатах административной реформы службы занятости, по нашему мнению, не отображают реальной ситуации. Чтобы выявить объективные тенденции, необходимо провести экспертный опрос работников центров занятости.

Так, в апреле—ноябре 2008 г. был проведен экспертный опрос специалистов органов службы занятости Владимирской области. Большинство из них — это работники центра занятости г. Муром, трое — представители Департамента по труду и занятости администрации области, а также сотрудник центра занятости г. Горховца. Это рядовые сотрудники, непосредственно осуществляющие реализацию основных функций службы (в частности, ведущие прием граждан по вопросам подбора подходящей работы, профессиональной ориентации, социальной адаптации, общественных работ и т. п.), руководители низшего, среднего и высшего звена центров, а также представители департамента, который осуществляет общее руководство и контроль над центрами занятости области. Так, в выборку попали 3 представителя департамента, 3 руководителя, занятых общими вопросами, 6 руководителей, отвечающих за отдельные направления деятельности, а также 14 сотрудников центров занятости, занимающихся предоставлением государственных услуг населению.

Следует упомянуть, что было достаточно затруднительно получить ответы на поставленные вопросы: многие соглашались говорить открыто только при условии, что не будут раскрыты их фамилии. Вопросы формулировались индивидуально с учетом того, что эксперты специализировались по различным направлениям деятельности.

Необходимо отметить некоторую особенность: высказывания экспертов отличаются по степени жесткости суждения о регламентах в зависимости от положения, занимаемого опрашиваемым. Так, более «дипломатичными» можно назвать

ответы руководителей высшего звена и представителей региональной службы, в то время как мнения специалистов, непосредственно осуществляющих политику занятости на местах, отличаются четкостью и определенностью. Однако экспертные мнения сходятся в том, что реформа службы занятости не была продуманной до конца. Приведем некоторые мнения опрошенных о внедряемых в практику службы занятости административных регламентах:

Людмила В. (г. Муром): *«Качество... услуг ухудшилось, поскольку у меня нет достаточного количества времени для общения с клиентом».*

Наталья К. (г. Муром) полагает, что *«ситуация, когда во время тренинга с человеком, попавшим в тяжелую жизненную ситуацию, психологу приходится „подсовывать“ клиенту документы на подпись, не является оптимальной».* *«Изначально, услуга может быть предоставлена либо по личному заявлению безработного, либо по предложению инспектора центра занятости, с которым под подпись должен согласиться безработный. Однако не каждый клиент может признать наличие у него психологической проблемы; здесь будет действенным плавный переход от профориентации к психологической поддержке в рамках одной беседы. К сожалению, такой переход невозможен, поскольку регламент устанавливает четкую жесткую процедуру».*

Наталья Г. (г. Горховец) утверждает, что регламенты резко увеличили нагрузку на инспектора, время приема клиентов увеличилось, однако предоставление самой услуги не изменилось. *«Теперь я не могу принимать такое же количество клиентов, как было раньше, иначе приходится сокращать время беседы, так как время оформления бумаг сократить не представляется возможным».*

Ирина К. (г. Муром): *«Регламент по подбору гражданам подходящих вакансий нежизнеспособный, так как с лицами, имеющими иждивенческие строения и низкую мотивацию, он работу затрудняет, а с лицами, обратившимися в центр занятости за реальной помощью, — бюрократизирует».*

Если говорить об основных задачах службы, то видение основной целью деятельности этого института содействие трудоустройству граждан представляется слишком упрощен-

ным. Например, принять замечание руководителя службы занятости Иркутской области В. Макарова «Самое главное, что не зависит от временных привязок: и вчера, и сегодня, и завтра мы следуем закону о занятости населения, содействуя реализации гражданами их конституционного права на труд»⁴ можно лишь с некоторыми оговорками и уточнениями. На протяжении некоторого периода служба занятости не могла обеспечить работодателей необходимыми им работниками из числа граждан, состоящих на учете. Такая ситуация не объясняется только тем фактом, что граждане, обратившиеся в центр занятости, не желают трудоустроиться. Имеет место структурное несоответствие состоящих на учете граждан заявленным вакантным местам, а значит, потребностям рынка труда.

Выводы о том, что эта проблема появилась в последнее время, ошибочны. Так, А. Саушкин упоминал, что одной «из наиболее острых проблем российского рынка труда стал структурный дисбаланс спроса и предложения рабочей силы»⁵. С. Белозерова приводила такие данные: «Не заполняется каждое пятое рабочее место, с 2000 по 2002 г. количество вакансий возросло более чем в три раза, причем во Владимирской, Брянской, Белгородской областях — более чем в три раза, Ярославской — в четыре раза, Рязанской и Ивановской — более чем в пять раз»⁶.

Ситуация усугублялась с каждым годом, стала реальностью многих региональных рынков труда нехватка таких специалистов, как слесари, электросварщики, электромонтеры, каменщики и др. С высокой степенью вероятности можно утверждать, что ситуация в результате могла бы стать труднопреодолимой, однако во втором полугодии 2008 г. на общенациональном уровне разразился глубокий экономический кризис, затронувший все сферы жизнедеятельности общества, особенно рынок труда. Так, уровень безработицы во Владимирской области на конец 10 месяцев 2008 г. составлял 1,2 %, однако за два месяца показатель резко вырос, и на 1 января 2009 г. он составил 1,9 %⁷.

Интересен в данном контексте анализ показателя числа обратившихся граждан в органы по вопросам занятости: на 31 октября с начала 2008 г. он составил 54 030 чел. по области, к концу года показатель достиг 70 408 чел. Таким образом, за два последние месяца 2008 г. в центры заня-

тости области обратились 16 378 граждан, нуждающихся в работе, что составило 23,3 % от общего числа обратившихся за год. Причем в некоторых центрах занятости области процент обратившихся за последние два месяца 2008 г. превысил среднеобластной и составил, к примеру, в ЦЗН п. Красная Горбатка 29,9 %, в ЦЗН г. Петушки — 30 %, в Кольчугинском ЦЗН — 30,6 %.

Чтобы продемонстрировать рост востребованности службы в кризисный период, приведем аналогичный 2008 г. показатель обратившихся граждан в органы по вопросам занятости области в 2007 г. Всего с начала 2007 г. были поставлены на учет 65 989 чел., что на 6,23 % меньше, чем в 2008 г. Коэффициент напряженности на рынке труда на 1 января 2009 г. составил 2,8 чел., тогда как на 1 января 2008 г. этот показатель составлял 1,3 чел. С начала 2008 г. работодателями была заявлена потребность в 83 932 работниках, в 2007 г. в центры занятости области было заявлено о 81 939 свободных вакантных местах. На первый взгляд, динамика положительная, однако на конец 2007 г. центры занятости располагали 11 300 вакансиями, а на 31 декабря 2008 г. в банке вакансий центров области остались лишь 7 116 заявок, что свидетельствует о кризисе, заставившем многих работодателей отозвать заявки. Одновременно в органы по вопросам занятости стали поступать сведения о массовых высвобождениях работников с предприятий и организаций области.

Общероссийские показатели также подтверждают наличие отрицательных тенденций в сфере занятости. По данным Росстата, в соответствии с методологией МОТ в конце сентября 2008 г. насчитывалось 4,0 млн безработных, или 5,3 % экономически активного населения. В учреждениях службы занятости населения в качестве безработных были зарегистрированы 1,2 млн чел. На конец октября 2008 г. безработных, рассчитанных по методологии МОТ, насчитывалось уже 4,6 млн, хотя численность зарегистрированных в качестве безработных в установленном законом порядке по сравнению с предыдущим месяцем не изменилась. Однако уже в конце ноября 2008 г. этот показатель поднялся до 1,3 млн чел. при уровне безработицы, рассчитанной по методологии МОТ, 5,0 млн чел. В декабре 2008 г. в органах по вопросам занятости были уже зарегистрированы 1,5 млн чел.,

5,8 млн чел. классифицировались как безработные в соответствии с методологией МОТ⁸.

Анализируя перспективы развития института службы занятости, интересно предложение Т. Четверниной, которая видит два возможных варианта развития: либо дальнейшая деградация института с постепенным переводом ее в разряд «конторы», оказывающей социальную помощь безработным (главным образом, по выплате пособия по безработице), либо модернизация службы, укрепление ее позиций. При втором варианте событий необходимо восстановить Государственную службу занятости как самостоятельный институт, разрешить сотрудникам работать в статусе государственных служащих⁹.

По мнению В. Макарова, «при всех достоинствах централизации очевидно, что из Москвы труднее „разглядеть“ особенности каждой территории... Региональной власти виднее и понятнее процессы, происходящие на областном рынке труда...»¹⁰. Л. Чинова, Г. Сергеева и Н. Кулагина высказывают мнение, что функции главного субъекта в сфере занятости следует возложить на Правительство РФ, которое должно взять на себя контроль за «соответствием действий, осуществляемых в рамках своей компетенции различными министерствами и ведомствами, интересам достижения долгосрочных целей и текущих задач политики занятости»¹¹. На современном этапе развития службы такая инициатива видится недальновидной и трудноосуществимой, так как Правительство РФ в силу загруженности и специфики деятельности не сможет уделять достаточного внимания проблемам отдельной структуры. Перспектива воссоздания самостоятельного института с подбором высококвалифицированных кадров, знающих проблематику российского рынка труда, видится более приемлемой.

В рассматриваемом контексте следует проанализировать опыт регулирования рынка труда в Польше, где роль и задачи служб занятости определяются Законом от 20 апреля 2004 г. «О продвижении занятости и учреждениях рынка труда». Система службы занятости здесь децентрализована, базируется на структуре местного самоуправления. Службы занятости составляют повяттовые и воеводские управления занятости, управление по обслуживанию министра, компетентного по вопросам занятости, а также управления воево-

дами. Особенность состоит в том, что прямая подчиненность повятовых управлений занятости воеводским управлениям отсутствует. Эти учреждения сотрудничают друг с другом, следуя принципу партнерства и «мягкой координации». На каждом уровне созданы советы по вопросам занятости, которые являются совещательно-консультативными органами министра, маршала воеводства и старосты повята соответственно. За проблемы координации деятельности служб занятости отвечает министр труда и социальной политики.

Если анализировать этот опыт применительно к России, то можно отметить несколько недостатков такого пути развития. Во-первых, Россия является асимметричной федерацией. Более того, внутри самих субъектов муниципальные образования не являются идентичными друг другу. В соответствии с законодательством об организации муниципального самоуправления возможны городское или сельское поселение, муниципальный район, городской округ, внутригородская территория города федерального значения, бюджетные возможности, человеческие ресурсы и экономические особенности которых существенно отличаются друг от друга. Во-вторых, на практике не всегда за центром занятости закреплен рынок труда одного муниципального образования. Например, государственное учреждение «Центр занятости населения города Муром» выступает регулятором рынков труда ГО Муром и Муромского района Владимирской области, что является целесообразным и позволяет сократить расходы на содержание дополнительного центра, тогда как в крупных городах (например, в Москве) расположено несколько центров занятости. Это обеспечивает доступность получения государственных услуг населением из-за близости службы к месту проживания граждан, ищущих работу. Наконец, не секрет, что главы муниципальных образований имеют обыкновение перепоручать службам, входящим в состав местных администраций, несвойственные им функции (например, уборка прилегающих территорий), что при специфике работы службы занятости становится недопустимым и является помехой ее успешного функционирования.

Во всяком случае, развитие института службы занятости идет по отличающемуся от предлагаемых исследователями вариантов пути, реформирование не закончилось, не просматриваются предпосылки приближения к какой-либо из

моделей. Одним из предложений наиболее оптимального развития института службы занятости в России, по нашему мнению, может стать его объединение с инспекцией по труду в единый государственный орган с четким подчинением по вертикале. Объединение могло бы способствовать повышению качества исполнения как функций регулирования рынка труда, так и функций охраны труда и надзора за исполнением трудового законодательства. Например, о многих нарушениях в отношении работников (неправильном увольнении, задержки заработной платы и др.) узнают именно работники службы занятости, не имеющие реальных рычагов влияния на предприятия, организации и предпринимателей, нарушающих законодательство. Координация между двумя ведомствами отсутствует, не отрегулированы соответствующие механизмы. Предположение о том, что более легким мог бы стать путь четкой регламентации взаимодействия двух институтов, недалековидно, так как в данном случае не избежать возникновения ситуаций, когда каждая из структур, как и любой другой бюрократический аппарат, будет пренебрегать целями другой, а система решения проблем занятости (и регулирования рынка труда, и надзора за исполнением трудового законодательства), хотя и станет жизнеспособной, но останется громоздкой и неповоротливой.

Поддерживая предложения Т. Четверниной, отметим, что на федеральном уровне руководство над новым ведомством должно осуществляться самостоятельным специально уполномоченным на то органом, выделенным из структуры Минздравсоцразвития. Всем работникам новой структуры, безусловно, необходимо присвоить статус государственных служащих.

Передача полномочий в сфере занятости из федерального центра в регионы видится недопустимой. Решение проблем занятости на уровне регионов должно осуществляться в форме участия государственных органов субъектов РФ в создании общероссийских программ занятости. Кроме того, должна предусматриваться возможность разработки программ занятости субъектов РФ, при реализации которых предусматривалось бы финансирование федеральным центром отдельных, особо актуальных направлений в виде субвенций из средств федерального бюджета.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Понизов В. О работе Российской трехсторонней комиссии по регулированию социально-трудовых отношений в январе 2008 г. // Человек и труд. 2008. № 3. С. 26—30.

² См.: Делегирование полномочий себя оправдывает // Человек и труд. 2008. № 1. С. 16.

³ См.: Горлова Г. Комфортные регламенты: о ходе проведения административной реформы в органах службы занятости Свердловской области // Служба занятости. 2008. № 5. С. 37.

⁴ Макаров В. Политика занятости — связующее звено между экономической и социальной политикой // Человек и труд. 2007. № 12. С. 24.

⁵ Саушкин А. Рынок труда: спрос и предложение // Человеческие ресурсы. 2002. № 3. С. 4.

⁶ Белозерова С. Незаполняемость вакансий — тревожный симптом // Человек и труд. 2003. № 6. С. 60.

⁷ Все данные по Владимирской области предоставлены Департаментом по труду и занятости администрации Владимирской области.

⁸ Данные Росстата. URL: <http://www.gks.ru> (дата обращения: 24.01.2009).

⁹ См.: Четвернина Т. Российская служба занятости: деградация или ренессанс // Человек и труд. 2004. № 3. С. 53.

¹⁰ Макаров В. Политика занятости ... С. 28.

¹¹ Чижова Л., Сергеева Г., Кулагина Н. Политика занятости в контексте макроэкономического регулирования // Человек и труд. 2000. № 8. С. 34.

Поступила 26.02.09.

Д. М. БОРИСОВ

ПОЛОЖЕНИЕ ГАСТАРБАЙТЕРОВ В РЕГИОНЕ

Ключевые слова: гастарбайтер, иностранная рабочая сила, миграция, регион, рынок труда, Республика Мордовия

Key words: gastarbeiter, foreign labour force, migration, region, labour market, the Republic of Mordovia

Иностранные трудовые мигранты — широко распространенное социальное явление в современном российском обществе. В основе трудовой миграции (так называемого «гастарбайтерства») лежат социально-экономические факторы. Современные исследователи отмечают, что «гастарбайтерство» представляет собой набор форм и технологий приспособления человека к изменениям в сфере социально-экономических отношений¹. Само понятие «гастарбайтерство» достаточно новое для социологической науки. Этим понятием принято обозначать тех иностранных трудовых мигрантов, которые нелегально или, не имея трудовых контрактов и договоров, выезжают на заработки за границу. Формирование феномена гастарбайтерства началось в конце 50-х — начале 60-х гг. XX в. в послевоенный период подъема западногерманской промышленности. После возведения Берлинской стены стала ощущаться нехватка рабочей силы, что и повлекло за собой экспорт малоквалифицированных рабочих из южноевропейских стран, особенно из Турции, Югославии, Португалии, Греции. Мигранты, прибывающие из этих стран, работали нелегально, нарушая миграционное и трудовое законодательство стран-реципиентов и не имея возможности пользоваться там гражданскими и трудовыми правами. Таким образом, за понятием «гастарбайтер» закрепилось значение «рабочий гость», что подразумевало возвращение на место проживания по окончании контракта.

БОРИСОВ Дмитрий Михайлович, аспирант кафедры методологии науки и прикладной социологии Мордовского государственного университета.

По числу гастарбайтеров Россия занимает первое место в Европе и второе в мире после США. Вместе с тем вопрос оценки численности иностранных мигрантов в России неоднозначный, здесь просматривается ряд спекулятивных и конъюнктурных моментов. Оценки экспертов относительно численности иностранных трудовых рабочих в России отличаются друг от друга в несколько раз. Однако в последнее время из оценки экспертов стала исчезать ссылка на 10—15 млн нелегалов, находящихся на территории России. Численность иностранной рабочей силы, включая и легальных и нелегальных рабочих, по мнению экспертов, в сезон «пика» составляет 4—6 млн чел.² Проблем в миграционном учете крайне много. В 2007 г. впервые были введены квоты на использование трудовых мигрантов из ближнего зарубежья. Тогда она составила 6 млн чел. В 2008—2009 гг. квота составила около 3,97 млн чел.

Центром притяжения для гастарбайтеров выступают крупные города с более высоким качеством городской среды, большими возможностями для заработка. Вместе с тем в последние годы наблюдается существенное увеличение числа гастарбайтеров в Приволжском, Уральском, Сибирском и Северо-Западном федеральных округах. Не стала исключением и Республика Мордовия.

В последние годы в республике наблюдается тенденция к увеличению числа гастарбайтеров. Согласно данным ФМС, в течение 2006 г. в Мордовии осуществляли трудовую деятельность 899 иностранных граждан, в 2007 г. их число увеличилось почти в 1,8 раза. В 2008 г. было выдано разрешений на осуществление трудовой деятельности 3 557 иностранным гражданам (62,7 % от установленной квоты), за 2009 г. — 2 417 чел., что составило 67,9 % от уровня 2008 г. В Мордовии предусмотрены квоты на осуществление иностранными гражданами трудовой деятельности: в 2008 г. — 5 677 чел., в 2009 г. — 3 994 чел., 2010 г. — 2 583 чел. Соотношение численности привлекаемых иностранных работников к занятому населению в 2005 г. составило 0,2 %, в 2006 г. — 0,3 %, 2007 г. — 0,8 %, 2008 г. — 1,1 %. Численность иностранных граждан, зарегистрированных по месту пребывания в республике, в 2008 г. составила 12 621 чел., в 2009 г. — 8 901 чел.

Вместе с тем имеющиеся официальные данные не дают полного представления об истинном положении дел. Учитывая важность проблемы и крайне ограниченное количество официальной информации о масштабах, структуре трудовой миграции, социально-демографических характеристиках гастарбайтеров в республике, весьма важным представляется мнение экспертов. В опросе приняли участие 23 эксперта, которые представляют министерства, ведомства и организации, непосредственно связанные с вопросами регистрации, трудоустройства, контроля иностранных рабочих на территории Мордовии.

Согласно официальным данным, численность иностранных граждан, зарегистрированных по месту пребывания в республике, в 2008 г. составила 12 621 чел., в 2009 г. — 8 901 чел. По мнению большинства экспертов, число иностранных трудовых мигрантов превышает официально зарегистрированное число на 30—40 %. Численность гастарбайтеров из Узбекистана, Таджикистана в Мордовии опережает Украину, Азербайджан, Молдову. Эта тенденция имеет региональный характер, так как, например, в Москве гастарбайтеров из Украины больше, чем из других стран постсоветского пространства. Средняя продолжительность пребывания иностранного рабочего в республике, по мнению 60,9 % экспертов, составляет от 6 месяцев до 1 года.

С точки зрения половозрастного состава гастарбайтеров, выбирающих Мордовию для работы, обращает на себя внимание тот факт, что среди официально зарегистрированных гастарбайтеров отмечены только мужчины. Видимо, это вызвано тем, что пребывающие в республику трудовые мигранты являются представителями среднеазиатских стран, где сохраняется патриархальный тип гендерных отношений в семье, а также может быть обусловлено сферой занятости, имеющей маскулинный профиль. Эксперты указали на довольно широкий возрастной диапазон от 18 до 35 лет и более. В целом это указывает на то, что трудовые мигранты — это люди активного трудоспособного возраста. При этом 56,5 % экспертов считает, что гастарбайтеры, работающие на территории Мордовии, «не очень хорошо знают русский язык». 30,4 % отметили, что «те, кто постарше, знают язык хорошо, молодые знают его хуже».

На вопрос «Оцените уровень жизни трудовых мигрантов» 60,9 % экспертов выбрали вариант «бедные здесь, но обеспеченные за счет работы в России у себя на родине», 26,1 % экспертов считают, что «бедные и у себя на родине, и здесь», и только 13 % отметили «такой же уровень жизни, как и у большинства местного населения». Мнение экспертов указывает на экономический мотив, лежащий в основе трудовой миграции, необходимость «заработка на стороне» как способа выживания у себя на родине.

Основными сферами занятости трудовых мигрантов России являются строительство и торговля. По официальным данным, они составляют около 70 % общей численности мигрантов³. Результаты ряда исследований показывают, что постепенно в составе отраслей образуются экономические ниши, занятые преимущественно иностранными работниками. Что касается Мордовии, то, как показывают результаты экспертного опроса, можно отметить лишь «включение» гастарбайтеров в определенные экономические сферы. По их мнению, гастарбайтеры в республике заняты в строительстве сооружений и домов (91,3 %), торговле (43,5 %), ремонтных услугах (39,1 %), сельском хозяйстве (26,1 %), строительстве дорог (21,7 %). 52,2 % экспертов считают, что в основном в республику приезжают неквалифицированные рабочие, при этом 21,7 % считают, что «и среди нашего трудоспособного населения есть квалифицированные и неквалифицированные рабочие».

Существуют противоречивые мнения о влиянии гастарбайтеров на местное население. Одни исследователи указывают на отрицательное влияние миграции на рынок труда, другие — на положительное. «Сегодня абсолютное большинство экспертов-экономистов убеждены, что запланированный на ближайшую перспективу экономический рост, даже при реальном повышении производительности труда, невозможен без масштабного пополнения трудовых ресурсов за счет миграции»⁴. Есть исследования, которые показывают, что влияние миграции на безработицу и уровень зарплат незначительно. 60,9 % экспертов отрицают тезис о том, что «гастарбайтеры обостряют безработицу», 65,2 % не согласны с тем, что «гастарбайтеры снижают уровень заработных плат местного населения», 21,7 % экспертов по первому тезису и 26,1 % по второму выразили согласие, 13 и 8,7 % соответ-

ственно затруднились ответить. Более того, 47,8 % экспертов считают, что приток трудовых мигрантов в республику позитивно влияет на развитие экономики республики, по 26,1 % не согласны и затруднились ответить. Мы считаем, что истинное положение дел не столь однозначно. Дело в том, что значительная часть местного населения активного трудового возраста уезжает работать в Москву и другие регионы с более высоким уровнем жизни, освобождая места на региональном рынке труда. Таким образом, гастарбайтеры занимают те рабочие места, где не желает работать местное население (65,2 %). Отсутствие конкуренции между гастарбайтерами и местными работниками говорит о том, что иностранные рабочие работают в окружении таких, как они, гастарбайтеров. Можно предположить, что в будущем укрепление «мигрантских экономических ниш» в республике приведет к образованию сфер экономики, зависимых от притока иностранного труда.

Эксперты считают, что гастарбайтеры предпочитают трудоустроиваться в г. Саранске (47,8 %), но также разделяют позицию, что «они свободно перемещаются по территории республики туда, где есть работа» (26,1 %); 52,2 % экспертов считают, что гастарбайтеры «обычно приезжают на конкретное место».

Исследование МОМ показывает, что зарплата мигрантов в Москве на сентябрь 2006 г. составляла в среднем около 500 долл. США, что примерно в 2 раза ниже средней зарплаты по городу⁵. Разрыв в зарплате между мигрантами и местными работниками различается по регионам не столь сильно, но все же в Москве он несколько выше (1,5 раза), чем в Астрахани и Карелии (1,3 раза). Примерно о том же говорят и субъективные оценки⁶. Однако работают за эту зарплату мигранты в 1,6 раза больше местных работников. Мигранты в Москве работают в среднем 64 ч в неделю (при норме по трудовому законодательству — 40 ч), причем более 1/3 мигрантов имеют семичасовую рабочую неделю. Средняя почасовая оплата — около 2 долл. Е. В. Тюрюканова, комментируя эти данные, приходит к выводу, что «несмотря на то, что труд мигрантов отнюдь не является дармовым, как часто представляют обыватели, он, конечно, обходится работодателям дешевле, чем труд местных работников такой же квалификации, за счет экономии как на зарплате, так и налогах»⁷.

Наш опрос показал, что примерная продолжительность рабочего дня составляет 8—10 ч, при этом эксперты не исключают работу гастарбайтеров без выходных дней. Максимальный уровень трудовой нагрузки мигрантов отметили 47,8 %. Считают, что работают с нормальной нагрузкой 30,4 %, запредельной — 4,3 %, и 17,4 % отметили, что «работают так же, как и наши рабочие». А. В. Дмитриев и Г. А. Пядухов отмечают, что «в практиках работодателей тесно переплетены высокая степень эксплуатации, заниженная оплата труда и унижение человеческого достоинства. О степени эксплуатации можно судить по фактам, касающимся не мигрантов, а оплаты труда российских граждан. По мнению экспертов, в развитых странах доля заработной платы в конечной цене продукции составляет 65—75 %. В России, по официальной статистике, 24 % составляет фонд оплаты труда в ВВП, а на самом деле по отдельным отраслям эта доля составляет 7—12 % от цены продукции. То есть такой эксплуатации в России еще не было. Вполне резонно сделать вывод — если так обстоит дело с эксплуатацией и оплатой труда российских граждан, то какова степень эксплуатации мигрантов, которые получают на порядок меньшую зарплату (в таком же положении находятся и многие внутрироссийские трудящиеся-мигранты). Нередко работодатели занимаются прямым обманом, длительное время не выплачивают либо выплачивают заниженную заработную плату»⁸.

Экономическая мотивация, лежащая в основе гастарбайтерства, отражается на целевых установках и поведении мигрантов. Поэтому часто единственной и доступной для них стратегией заработка выступает согласие на тяжелый труд, более низкую оплату труда. 43,5 % экспертов считают, что гастарбайтеры иногда выполняют сверхурочную работу без оплаты, 26,1 % считают, что это приходится делать часто. Эксперты не исключают, что гастарбайтеры, работающие на территории Мордовии, сталкиваются с нарушениями условий труда, обманом при оплате, ограничением свободы (контроль над перемещениями мигрантов, содержание взаперти, изоляция от внешнего мира), использованием паспорта в качестве способа удержания работника, физическим насилием, угрозой депортации. Безусловно, эти противоправные действия вынуждены терпеть гастарбайтеры в силу своего, как правило, нелегального положения, а также имеющей-

ся конкуренции внутри мигрантского сообщества. Весьма неоднозначной предстает на экспертном уровне картина относительно вопроса, связанного с тем, куда обращаются гастарбайтеры в случае необходимости получения помощи, связанной с нарушением их прав. В первую очередь, по мнению экспертов (47,8 %), гастарбайтеры обращаются в государственные органы власти и организации. Также в качестве источника защиты используются знакомые из местного населения и членов диаспоры.

По мнению экспертов, население республики позитивно и толерантно относится к гастарбайтерам, так как это дешевая рабочая сила (39,1 %), дополнительная рабочая сила (13 %), а также оказание строительных и ремонтных услуг по низким ценам (4,3 %), они являются жителями бывшего СССР (4,3 %). При этом эксперты отмечают, что гастарбайтеры часто сталкиваются с предвзятым отношением. Ранжирование мнений экспертов выявило, что чаще всего предвзятое отношение к гастарбайтерам проявляется при приеме на работу (31,8 %), снятии жилья (22,7 %), в местах проведения досуга (18,2 %). Также не исключаются ситуации пренебрежительного отношения при оказании медицинских услуг, со стороны жителей города на улицах и в общественном транспорте, при оформлении миграционных документов. Эти мнения экспертов вполне определенно обозначают ключевую проблематику и круг задач, стоящих перед Федеральной миграционной службой. Вместе с тем в целом региональный контекст можно считать благоприятным, так как четко просматривается толерантное отношение, а также лояльное сочувствие как бывшим гражданам СССР, людям, оказавшимся в трудной жизненной ситуации.

В качестве мер, способствующих обеспечению прав иностранных трудовых мигрантов, находящихся на территории Мордовии, эксперты отметили совершенствование законодательства (69,6 %), укрепление законности на всех уровнях государственной власти (47,8 %), создание позитивного образа трудового мигранта СМИ (21,7 %), повышение правовой культуры граждан и представителей органов власти (13,0 %).

Можно предположить, что трудовые иностранные мигранты после определенного периода концентрации на определенных территориях России будут все активнее

включаться в трудовые отношения, что увеличится приток гастарбайтеров и на территорию Мордовии. От того, как принимающее сообщество будет оценивать причины, определять границы этого процесса, в немалой степени будет зависеть выработка мер и способов взаимодействия органов государственной власти и регионального социума с иностранными рабочими. Для этого требуются объективные данные о реальной ситуации, методы регулирования миграции с учетом особенностей регионального рынка труда и занятости, потребностей экономики региона. Система взаимодействия трудовых иностранных мигрантов и принимающего сообщества должна основываться на принципах взвешенности, соразмерности, неконфликтности, а также гуманности и уважения прав человека.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Губогло М.Н., Дубова Н.А. Предисловие // Гастарбайтерство. Факторы выталкивания и притяжения. М., 2006. С. 6.

² См.: Тюрюканова Е.В. Трудовые мигранты в Москве: «второе» общество // Иммигранты в Москве / под ред. Ж.А. Зайончковской. М., 2009. С. 151.

³ Там же. С. 155.

⁴ Российское экономическое чудо: сделаем сами. Прогноз развития экономики России до 2020 г. Центр макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования. Деловая литература. М., 2007. С. 155.

⁵ См.: Россия будет все сильнее зависеть от труда мигрантов. URL: <http://www.polit.ru/research/2008/01/21/demoscope315.html> (дата обращения: 21.01.2010).

⁶ Там же.

⁷ Тюрюканова Е.В. Трудовые мигранты в Москве ... С. 160—161.

⁸ Дмитриев А.В., Пядухов Г.А. Принимающий социум: практики взаимодействия с трудовыми мигрантами // Социол. исслед. 2009. № 10. С. 22.

Поступила 12.03.10.

В. Ф. ЮНУСБАЕВА

ПРОБЛЕМЫ ОБНОВЛЕНИЯ ТРУДОВЫХ РЕСУРСОВ НА СЕЛЕ

Ключевые слова: аграрный сектор, занятость, сельская молодежь, миграция, квалифицированные кадры, трудоспособный возраст

Key words: agrarian sector, employment, rural youth, migration, qualified personnel, employable age

Аграрный сектор играет значительную роль в экономике России (на селе проживают 38,4 млн чел., или 27 % населения страны)¹ и Республики Башкортостан, на долю сельского хозяйства которой приходится 9,3 % ВВП республики, а численность сельского населения составляет 1 631 090 чел., или 40,2 % общей численности населения². Изменение социально-экономических условий жизни на селе, сокращение объемов производства, тяжелое экономическое положение сельскохозяйственных предприятий, их неплатежеспособность привели к снижению уровня занятости сельского населения. С 2000 г. в Республике Башкортостан наблюдается сокращение численности лиц трудоспособного возраста, занятых в сельском производстве. В 2000 г. среднегодовая численность работников крупных и средних организаций, занятых в сельскохозяйственном производстве региона, составляла 220 тыс. чел., в 2003 г. — 126 тыс. чел., в 2006 г. — 87,7 тыс. чел.³ Сокращение численности рабочих мест, ухудшение качества жизни на селе, неактуальность сельскохозяйственного труда активизировали миграционные процессы трудоспособного населения. С 2005 по 2008 г. число лиц, занятых в сельском хозяйстве, сократилось с 308,9 тыс. чел. до 264,8 тыс. чел.⁴

Сокращение численности лиц трудоспособного возраста на селе не только видоизменяет половозрастную струк-

ЮНУСБАЕВА Венера Фависовна, аспирант сектора социально-правовых исследований Института социально-экономических исследований Уфимского научного центра Российской академии наук.

туру сельского населения, но и влияет на соотношение трудовых ресурсов во всех отраслях экономики. Проблема перемещения молодежи из села в город имеет объективные предпосылки, так как связана с повышением роли городов и удельного веса городского населения. Опережающий рост городского населения по сравнению с сельским является характерной чертой современной урбанизации. «Урбанизация страны характеризуется не только ростом размеров и численности городов, увеличением числа проживающего в них населения, но прежде всего формированием и все более широким распространением городского образа жизни, городской культуры»⁵.

Отток населения в город — это естественный процесс, характерный для всех развитых странах мира, когда в результате индустриального развития за счет совершенствования технологий, с одной стороны, повышается производительность сельскохозяйственного труда, с другой — возрастает потребность в рабочей силе со стороны промышленности. При этом патриархальный уклад, традиционно свойственный деревне, обеспечивает расширенное демографическое воспроизводство, позволяющее удовлетворять потребности и города, и самой деревни. Однако в результате реформ в стране наметились деструктивные тенденции с точки зрения задач социально-экономического развития села.

Современная демографическая ситуация на селе характеризуется сохраняющейся с 2000 г. высокой естественной убылью сельского населения (число лиц, родившихся в 2008 г., составило 22,8 тыс. чел., число умерших — 25,2 тыс. чел.), несмотря на определенный рост рождаемости⁶. Дестабилизация процессов демографического воспроизводства населения, изменение демографической структуры, прогрессирующее «старение» сельского населения создают дисбаланс между потребностью в молодых кадрах и их наличием. В структуре обеспеченности сельскохозяйственных организаций молодые специалисты моложе 30 лет составляют только 9,8 %⁷. По данным министерства сельского хозяйства Республики Башкортостан, на сельскохозяйственных предприятиях остаются вакантными должности агрономов, зоотехников, ветеринарных врачей, инженеров по механизации сельского хозяйства⁸. Прогнозы численности населения указывают, что население трудоспособного возраста в регионе сократится

к 2016 г. на 184 тыс. чел., к 2026 г. — на 400 тыс. чел.⁹ Число лиц пенсионного возраста увеличится к 2015 г. до 897,5 тыс. чел., к 2030 г. — до 1 165,1 тыс. чел. Доля лиц 20—30 лет в населении снизится к 2015 г. с 781,3 тыс. чел. до 740, 4 тыс. чел. в 2030 г.¹⁰

Старение населения, деформация процессов его воспроизводства, изменение качественного состава трудовых ресурсов актуализируют вопросы рационального использования и размещения квалифицированных кадров. Молодежь, входящая в трудоспособный возраст, является основным источником пополнения трудовых ресурсов в экономике за счет замещения рабочих мест выбывающих старших поколений.

В предыдущие годы увеличение доли населения трудоспособного возраста происходило за счет смены поколений. С 2009 г. демографическая обстановка характеризуется сокращением лиц трудоспособного возраста. В 2009 г. численность лиц в возрасте моложе трудоспособного в Башкортостане составила 722 382 чел., а лиц старше трудоспособного возраста — 781 492 чел.¹¹ В последующие годы разница в численности между поколением, выходящим на пенсию, и поколением, входящим в трудоспособный возраст, будет возрастать. Следовательно, будет увеличиваться производственная демографическая нагрузка на трудоспособную часть населения.

Ухудшение демографической ситуации и миграция наиболее активной части молодого поколения в города обострили проблему обновления кадров на селе и замещения выбывающих поколений. Сложилась парадоксальная ситуация: при значительном дефиците профессиональных кадров в сельскохозяйственных организациях уровень молодежной безработицы в возрастной группе 20—29 лет достигает 37,1 %¹². Незанятость молодого поколения в сфере социально-трудовых отношений меняет качественные характеристики трудовых ресурсов: уровень профессиональной компетентности, квалификацию, трудовые навыки. Недостаток численности молодых специалистов на сельскохозяйственных предприятиях восполняется в основном за счет работников с низким уровнем профессионального образования (из лиц, проживающих на селе, высшее образование, имеют 5,5 %, среднее профессиональное — 19,8 %, не имеют общего 5,8 %)¹³.

Включаясь в систему социальных взаимоотношений, человек идентифицирует себя с определенной группой, обеспечивающей защиту его личностных и профессиональных интересов. Смена сельской идентичности на городскую у молодого поколения способствует утере социального опыта и культурных традиций, разрыву преемственности поколений.

Личность формируется путем освоения социокультурного опыта, накапливаемого в системе стереотипов человеческой деятельности, представлений о них и способов их обозначения. Закрепленные в культурных традициях виды человеческой деятельности выражают исторический опыт общности. Передача информации, которую несут традиции, осуществляется с помощью обычаев, подробно объясняющих то, что следует делать в той или иной ситуации. Преемственность способствует установлению и укреплению социальных связей и отношений между людьми разных поколений. Ослабление звеньев в цепи духовной преемственности обостряет межпоколенные противоречия, снижает значение духовных и нравственных ценностей в молодежной среде. Увеличивается роль участия других социальных институтов в регуляции механизма преемственности поколений.

Изменения в механизме межпоколенной преемственности корректируют направления социальной деятельности молодого поколения и деформируют процессы социальной адаптации. При выборе способов и методов достижения жизненного и профессионального успеха молодое поколение руководствуется скорейшим повышением статусных позиций, основанных на минимизации времени достижения желаемых жизненных целей, направленных на удовлетворение материальных потребностей.

Демографические, экономические и социокультурные аспекты перемещения молодежи из села в город имеют последствия в виде изменений численного и качественного состава трудовых ресурсов на селе.

Реализация федеральными и республиканскими властями существующих государственных программ по поддержке агропромышленного комплекса возможна только посредством повышения квалификации имеющихся на селе кадров и более активного привлечения молодых специалистов различных сельскохозяйственных профилей.

Выявление факторов, определяющих профессиональный и жизненный путь сельской молодежи, позволит, на наш взгляд, разработать ряд мероприятий, способствующих снижению миграционных потоков из села в город и привлечению молодых квалифицированных специалистов в аграрный сектор экономики республики.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Демографический ежегодник России. 2008: стат. сб. / Росстат. М., 2008. С. 34.

² См.: Статистика Республики Башкортостан. 2009 г. URL: <http://www.bashstat.ru/bashdigital/region1/default.aspx> (дата обращения: 25.01.2010).

³ См.: Республика Башкортостан. Доклад о развитии человеческого потенциала за 2008 г. / под общ. ред. Р.М. Валиахметова, Ф.Б. Бурхановой, Г.Ф. Хилажевой. Уфа: Изд-во «Восточная печать», 2009. С. 47.

⁴ См.: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2009: стат. сб. / Росстат. М., 2009. С. 110.

⁵ Ахиезер А.С., Коган Л.Б., Яницкий О.Н. Урбанизация, общество и научно-техническая революция // Вопросы философии. 1969. № 2. С. 44.

⁶ См.: Статистика Республики Башкортостан. 2009 г. ...

⁷ См.: Итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2006 года: в 9 т. / Федер. служба гос. статистики. М.: ИИЦ, 2008. Т. 2. С. 256.

⁸ См.: Министерство сельского хозяйства Республики Башкортостан. URL: <http://www.mcxrb.ru> (дата обращения: 25.01.2010).

⁹ См.: Ганиев А.М., Утяшева И.Б. Современные миграционные процессы в Республике Башкортостан // Миграционные процессы в Республике Башкортостан. Уфа, 2007. С. 43.

¹⁰ См.: Федеральная служба государственной статистики. Предположительная численность населения РФ до 2030 года: стат. бюлл. URL: http://www.gks.ru/wps/PA_1_0_S5/Documents/jsp/Detail_default.jsp?category=1112178-611292&elementId=1140095525812 (дата обращения: 29.01.2010).

¹¹ См.: Статистика Республики Башкортостан. 2009 г. ...

¹² См.: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2009 ... С. 135.

¹³ См.: Казакбаев Р.Х. Проблемы молодежного и кадрового обеспечения села // Междунар. с.-х. журн. 2005. № 3. С. 28.

Поступила 01.02.10.

**Л. В. ПУСТЫННИКОВА РАЗВИТИЕ МОЛОДЕЖНОГО
ОБЩЕСТВЕННОГО ДВИЖЕНИЯ
НА ТЕРРИТОРИИ ГОРОДСКОГО
ОКРУГА г. САРОВ**

Ключевые слова: молодежь, молодежное общественное движение, организация, материальные и духовные потребности, знания и умения

Key words: youth, youth social movement, organisation, material and moral needs, knowledge and skills

Поколение молодых, живущих в период глобальных вызовов и рисков, характеризуется повышенной активностью и разнообразием интересов. В то же время молодые люди живут ожиданием, занимая пассивную, иждивенческую позицию. Ждут от государства и общества удовлетворения своих материальных и духовных потребностей. Действовать и решать поставленные задачи можно лишь при объединении усилий, именно здесь важна роль детских и молодежных общественных объединений, в которых создается возможность для молодого человека проявить свои лидерские качества и организаторские навыки, получить те знания и умения, которые пригодятся во взрослой жизни.

Исследование мнений детей и молодежи в г. Сарове позволило выявить, что большинство из них хочет состоять в каких-либо организациях: сверстников по интересам (53,4 %); спортивных (39,5 %); досуговых (32,9 %); профессиональных (30,2 %); информационных (17,5 %); политических (8 %). Молодые люди (14—18 лет), участники социологического исследования «Молодежь Сарова», считают, что для решения своих проблем и защиты своих интересов следует объединиться в сильную организацию (43,4 %). На вопрос «Что привлекает в общественном объединении?» ответ «общение с друзьями» указали 28 %, «могу найти друга» — 26 %, «здесь всегда поддержат» — 20 %, «меня ценят как человека» — 12 %; «могу научиться тому, что мне нравится» — 9 %; «могу делать полезное дело» — 6 %. Иными словами, в общественное объединение молодой человек приходит, чтобы

ПУСТЫННИКОВА Лариса Владимировна, заместитель директора департамента по делам молодежи и спорта администрации г. Сарова.

чувствовать себя защищенным, являться носителем не абстрактной функции «воспитанник», «студент», «работник», «член общественной организации», а быть личностью.

Современный этап развития молодежного движения г. Сарова характеризуется многообразием общественных объединений: по составу, структуре, организационному строению, программному содержанию, формам и методам деятельности, степени включенности в социальную практику. В Сарове действуют 25 детских и молодежных общественных объединений (4 из них имеют статус юридического лица различной направленности), объединяющих более 5 300 чел.

Система общественных объединений представлена как субъект различных сфер жизнедеятельности: социальной, образовательной, культурной, спортивной. Классифицировать все общественные объединения города можно по задачам, которые ставят перед собой дети и взрослые, молодежь. В особую группу можно выделить молодежные физкультурно-спортивные объединения (лига пешей ходьбы «Феникс», мото клуб «VAGABONG MC», клуб роллеров «Sarov Style» и т. д.); гражданско-патриотические объединения (военно-патриотический клуб «Мужество», Саровский союз ветеранов Афганистана и Чечни, отделение Всероссийской общественной организации ветеранов «Боевое братство», военно-патриотический клуб «Витязь», военно-спортивный клуб «Гром», военно-патриотическое объединение «Юнармеец», ассоциация ролевого моделирования и реконструкции).

Поддержка талантливой молодежи, развитие художественного творчества являются основными направлениями в деятельности общественных объединений эстетического профиля: клуб самодеятельной песни «Поиск», городская лига КВН, общественное объединение «Детский театр моды „Русь“», городская юношеская газета «Нескучный парк», общественное объединение «Молодежный музыкальный центр», «Саровские Рейтинги» и т. д.

Убежденность молодежи в необходимости повышения конкурентоспособности на рынке труда, создание условий для занятости молодежи, содействие профессиональной ориентации свидетельствуют о тенденции роста количества профессиональных объединений: Ассоциация компьютерного спорта, Ассоциация студентов СарФТИ, молодежное объединение «Детские сады Сарова», профсоюзные организации, в

которых работают комиссии по работе с молодежью; Совет молодых ученых и специалистов ВНИИЭФ; общественное объединение студентов Саровского медицинского колледжа «Vita». Социально-лидерское направление представляют Союз старшеклассников «СтаТУС» (Старшеклассники Творят Узнают Создают), Союз детских организаций, городской клуб волонтеров «Инсайт», объединение молодежи с ОВЗ «Лотос», автономная некоммерческая организация «Родник» и т. д.

Долгое время у Сарова не было истории из-за особого режима секретности. В настоящее время город начинает играть более заметную роль в духовном и культурном возрождении России. Это связано с расположенным в городе памятником федерального значения — монастырским комплексом «Саровская пустынь», подвижнической деятельностью преподобного Серафима Саровского. Тема возрождения монастыря в Сарове волнует многих горожан. Одни радуются восстановлению исторической цепи развития, другие за этим настороженно наблюдают. Молодежь также реагирует на эти изменения. В 2001 г. в городе появилось общественное объединение молодежи, участвовавшей в проекте «Золотое кольцо», а в 2005 г. — религиозное общественное объединение «Витязи».

Желая сохранить себя, некоторые неформальные молодежные объединения замыкаются во внутренней жизни, самоизолируются, отгораживаются от внешних влияний. Это объединения бомберов, готов, представители хип-хоп культуры, скинхеды, эмо, паркур, фрирайдеры. Это малочисленные группы характеризуются неравновесностью. Если при создании позитивных общественных объединений инициатива создания может исходить как «сверху» (от органов государственной власти), так и «снизу» (непосредственно от молодежи), то в случае возникновения молодежных субкультурных объединений органы власти должны оперативно реагировать на их появление и включаться в координацию их деятельности, привлекая их к организации городских праздников, фестивалей, соревнований. У ребят появляется чувство уверенности в себе, обнаруживается общность интересов, рождаются совместные проекты. Так, в городе появились проекты «Урбания» и акция «Внимание, мотоциклист».

Анализ практической деятельности общественных объединений показал, что она состоит в основном из нескольких направлений: организация и проведение коллективно-творческих мероприятий (конкурсов, соревнований, конференций, концертов и т. д.); адаптация детей и молодежи, находящихся в трудной жизненной ситуации в условиях образовательных учреждений (деятельность волонтерских отрядов, акции, молодежная горячая линия, общение с детьми и молодежью, имеющих ограничения здоровья); имитационные и деловые игры, воссоздающие реальные социальные отношения; проведение социально значимых мероприятий (акция «Георгиевская ленточка», «Преодоление», «С праздником, солдат!», «Дети детям», проведение Дня памяти и скорби и т. д.); информирование молодежи о потенциальных возможностях саморазвития и проявления созидательной активности.

С 2005 г. систематически выпускается юношеская газета «Нескучный парк», распространяемая через общественные объединения и передающаяся из рук в руки. Издается студенческая газета «Свой курс». Реализация молодежной политики освещается на городском телевидении и радио. Действует официальный сайт www.dmis/sarov-online.ru, у многих общественных объединений также есть свои сайты. Работает молодежный телефон доверия, на котором регулярно проводятся горячие телефонные линии «Ровесник — ровеснику», опросы по вопросам молодежной проблематики. Для методической помощи руководителям общественных объединений департамент по делам молодежи выпускает информационно-методические сборники.

Задачей органов местного самоуправления является создание условий не только для выявления и удовлетворения различных потребностей и интересов молодого человека, но и их формирования. Каждое общественное объединение стремится привлечь к своей деятельности ребят из других объединений города. Кроме того, есть пять «обязательных» мероприятий, в которых участвуют все общественные объединения (День единых действий, Весенняя неделя добра, День молодежи, молодежный форум, акция «Подарок другу»). Таким образом, с одной стороны, обеспечивается реализация интересов и потребностей молодежи, с другой — общественное объединение способствует формированию у них готовности к совместной реализации социальных функций в обществе.

В 1996 г. на городской конференции «Реализация программ деятельности детских и молодежных организаций» были подписаны первые договоры о сотрудничестве между общественными объединениями и социальными партнерами, которые положили начало долголетней дружбе и эффективному межведомственному взаимодействию. Общественные объединения размещаются на базе учреждений сферы образования, культуры, спорта, молодежной политики. Отношения между учреждениями, на базе которых размещены общественные объединения, с самого начала строились на договорной основе. В договоре определены приоритеты совместной деятельности, разграничены компетенции сторон в отношении друг друга, а также включены организационные, методические, управленческие и содержательные стороны взаимодействия.

В основе механизма взаимодействия государственных и общественных структур лежат заинтересованность каждой из взаимодействующих сторон в поиске путей решения социальных проблем; объединение усилий и возможностей каждой из сторон в преодолении возникающих сложностей, решение которых поодиночке неэффективно; стремление к поиску оптимальных решений образовательных и социальных задач; конструктивное сотрудничество между государственным и общественным сектором; правовая обоснованность совместной деятельности.

В начале 2000-х гг. началось оформление молодежных консультативно-совещательных структур. По инициативе молодежи создан Совет молодежных общественных объединений, в который вошли руководители всех молодежных общественных объединений, специалисты департамента по делам молодежи и его подведомственных объединений. Совет является добровольным, самоуправляемым формированием.

Через три года возникла необходимость скоординировать деятельность структурных подразделений администрации г. Сарова, муниципальных учреждений и предприятий, организаций города, молодежных общественных объединений (федераций, ассоциаций, клубов и др.) по вопросам развития молодежной политики в г. Сарове, найти механизмы включения молодежи в социальную практику, создать условия для участия молодежи в разработке рекомендаций, предложений, нормативных документов для муниципальных и иных

структур, направленных на улучшение работы в области молодежной политики, в том числе по вопросам финансирования. Распоряжением главы администрации создан Совет молодежных общественных объединений и работников сферы молодежной политики при главе администрации. Члены Совета были сформированы по принципу выборности из числа представителей исполнительной и законодательной власти, специалистов, работающих с молодежью, и представителей общественных объединений.

Основными источниками материальных ресурсов являются средства местного бюджета, предусмотренные Программой «Молодежь Сарова». Согласно ст. 31 ФЗ «О некоммерческих организациях», органы местного самоуправления в пределах своей компетенции могут оказывать некоммерческим организациям экономическую поддержку в различных формах, в том числе предоставление льгот; полное или частичное освобождение от платы за пользование муниципальным имуществом; размещение среди некоммерческих организаций социального заказа в порядке, предусмотренном 94-ФЗ от 21 июля 2005 г. «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд»; целевое финансирование отдельных общественно полезных программ и социальных проектов победителей конкурса (гранты); заключение любых видов договоров, в том числе на выполнение работ и предоставление услуг; бюджетным кодексом РФ ст. 69.1 регулируются размеры субсидий некоммерческим организациям на оказание услуг.

Второй источник финансирования деятельности общественных объединений — привлечение спонсорской помощи со стороны бизнеса и участие в различного вида грантовых конкурсах. При этом следует иметь в виду, что потенциальный спонсор будет готов предоставить деньги и другие ресурсы только тогда, когда он увидит перед собой проект, бизнес-план той акции, для которой запрашиваются средства. Органы власти в данном случае могут способствовать проведению переговоров с потенциальными благотворителями, а также содействовать оформлению заявки, направлению рекомендательных писем.

При любом механизме поддержки важно обеспечить конкурсную основу предоставления ресурсов. Именно тех-

нология конкурсного отбора позволят сделать распределение средств прозрачным, а экспертам и спонсорам определить наиболее интересные добровольческие инициативы по решению социальных проблем. Для стимулирования деятельности общественных объединений и поддержки реализации социальных проектов на муниципальном уровне проводится ежегодный конкурс социальных проектов. Это позволяет приучить общественные объединения к проектному оформлению своих инициатив, а также научить профессионально распоряжаться средствами и имуществом. Помимо прямой финансовой поддержки, возможны другие формы поддержки деятельности общественных объединений: предоставление материальных и информационно-методических ресурсов для проведения мероприятий, создание благоприятного имиджа общественного объединения.

С целью поддержки социальных позитивных инициатив проводятся конкурсы «Молодость Сарова», «Лидер XXI века», слет Союза детских организаций «Сияющие звезды», сбор клубных активов и волонтерских отрядов, профильная смена для лидеров Союза старшеклассников «СтаТУС» и Ассоциации Студентов. Наличие системы работы по поддержке добровольчества ставит вопрос об оценке результативности деятельности. Существуют три основные направления оценки: количественная оценка (количество мероприятий, привлеченных добровольцев, благополучателей); финансовая оценка (количество привлеченных средств, структура источников финансирования); оценка обществом (участие и победы в областных, межрегиональных, всероссийских мероприятиях и акциях, награды и поощрения (грамоты), признание власти).

Общественные объединения Сарова нашли свое место в социальном пространстве, они не подменяют социальные и образовательные учреждения, учреждения культуры, спорта как социальные институты, а через присущие им формы и методы работы создают необходимые условия для самореализации и саморазвития личности юных горожан, апробации приобретенных ими знаний в реальной жизни.

Поступила 03.03.10.

Т. Н. ИВАНОВА

**СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
АСПЕКТЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ
УСТРЕМЛЕНИЙ МОЛОДЕЖИ
(НА ПРИМЕРЕ ТОЛЬЯТТИНСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА)**

Ключевые слова: молодежь, притязания, становление, рынок, самоопределение, устремления

Key words: youth, pretensions, formation, market, self-determination, ambitions

Проблема профессионального самоопределения всегда была весьма актуальной. Значительное внимание уделялось вопросам динамики образовательных и профессиональных планов молодежи, представлений молодого поколения о будущем в профессиональном и жизненном планах, особенностей взаимосвязи ближайшей профессиональной и отдаленной жизненной перспективы.

В процессе профессионального становления молодежи формируются социальные качества нового поколения, его система ценностей и отношения с обществом в целом, личность преследует более или менее отчетливые цели: занять стабильную позицию в конкретной сфере жизнедеятельности, достичь определенного статуса и определить свою социальную роль.

Профессиональную принадлежность с учетом квалификационных, образовательных и иных характеристик можно рассматривать как показатель, характеризующий социальное положение человека в обществе. Техничко-экономические и организационные перемены в мире профессий влекут за собой определенные социальные последствия. Меняются характеристики социального статуса и сам социальный статус многих профессий, изменяются социальные отношения между

ИВАНОВА Татьяна Николаевна, доцент кафедры социологии Тольяттинского государственного университета, кандидат социологических наук.

профессиональными группами и категориями работников. Изменения в содержании труда выдвигают особые, подчас противоречивые требования к носителям определенного профессионального статуса. В настоящее время эта тенденция усиливается, поэтому, на наш взгляд, профессиональное самоопределение представляет собой сознательное, активное выявление и утверждение собственного статусного и ролевого положения в системе социальных отношений и общественного распределения труда.

Взгляд на профессию как на выбор социальной роли предполагает высокую активность личности и подводит нас к мысли об индивидуальной иерархии факторов выбора профессии, присущей каждому индивиду. Факторы являются лишь возможностью, а какие из них и в какой последовательности они окажут влияние на реальный процесс выбора, зависит от особенностей конкретной личности.

В октябре 2008 г. кафедрой социологии Тольяттинского государственного университета было проведено социологическое исследование по проблемам развития гуманитарного образования.

Объектом исследования были студенты 1-х курсов Гуманитарного института Тольяттинского государственного университета (ТГУ), обучающиеся по специальностям «социология», «история, теория и практика преподавания иностранных языков и культур», «журналистика», «психология», «перевод и переводоведение», «филология». Объем генеральной совокупности составлял 150 чел., величина выборки $n = 112$ чел. Сбор эмпирической информации проводился путем группового (аудиторного) анкетирования студентов по месту учебы в целевой аудитории. Анализ и обработка данных были проведены с использованием программного обеспечения «Детерминационный анализ. 5 версия».

В процессе исследования выявлялись факторы, влияющие на принятие решения о получении гуманитарного образования. Возможность поступления в прочие учебные заведения рассматривали 43,8 % респондентов, 55,4 % подобных возможностей не рассматривали. Это говорит о высокой популярности Гуманитарного института в городе, для большей части опрошенных выбор был более чем очевиден. Согласно субъективным оценкам респондентов, выбор учебного заведения был произведен сознательно (76,8 %),

менее категорично ответили 17 %, затруднившихся с ответом оказалось 6,3 %. С учетом этого можно говорить о высокой степени сознательности поступающих в ТГУ, что также может свидетельствовать о довольно высоком уровне удовлетворенности институтом.

Главной причиной выбора Гуманитарного института ТГУ как места обучения являлось стремление получить интересующую специальность (71,4 %), чтобы в будущем иметь высокооплачиваемую должность (32,1 %). Прочие варианты ответа «получить высшее образование вообще, а там видно будет», «чтобы учиться именно в ТГУ», «чтобы пожить студенческой жизнью» заметно менее популярны (25 %, 18,8 % и 14,3 % соответственно). Это говорит о том, что поступающие в Гуманитарный институт в большей степени заинтересованы в предмете обучения, статусе получаемой профессии, в значительно меньшей степени — материальных выгодах в профессиональной деятельности. Прочие варианты ответа представляют менее сознательные модели поведения.

Наиболее популярными вариантами ответов на вопрос о факторах, повлиявших на выбор ТГУ в качестве места обучения, были ответы, связанные с выбранной (гуманитарной) специальностью. Так, «целенаправленно поступал в Гуманитарный институт на интересующую специальность» и «мне всегда были ближе гуманитарные специальности» отметили 64,3 и 58 % респондентов соответственно. Прочие варианты ответа были значительно менее популярны. Особо следует отметить 20,5 % отметивших большое значение развитой внеучебной деятельности. Большинство студентов твердо уверено в высоком качестве получаемого образования (65,2 %), не столь категоричны 31,3 % опрошенных. Затруднились ответить на этот вопрос 3,6 %.

Основными источниками информации, откуда первокурсники узнали о Гуманитарном институте ТГУ, являются «знакомые и родственники» (29,5 %) и «день открытых дверей ТГУ» (24,1 %). Меньшее число в качестве источника информации указало сайт ТГУ (17 %), газеты и журналы указали 10,7 %, а 7,1 % отметили агитаторов Гуманитарного института. Таким образом, наиболее значимым источником информации о Гуманитарном институте ТГУ являются личные контакты со знакомыми и родственниками, сарафанное радио. Как правило, в Гуманитарный институт поступают

сознательно, получив необходимую информацию из первых уст, отсюда и высокое значение дня открытых дверей. Наиболее популярными ответами на вопрос о том, «что вам больше всего понравилось на дне открытых дверей», были подробная информация о специальностях в буклетах и на стендах (25,9 %), театрализованное представление в исполнении студентов (17,9 %), вежливость и обходительность в общении работников и студентов вуза (17 %). Треть респондентов (33,9 %) затруднилась с ответом. Можно сказать, что день открытых дверей воспринимается в большей части как информационное мероприятие, прочие аспекты менее весомы, хотя также имеют значение.

Оценки информационного наполнения сайта Гуманитарного института ТГУ в большинстве своем положительны: отрицательных оценок всего 1,8 %, а 17,9 % затруднились с ответом. Более 80 % опрошенных отметили достаточность информации на сайте ТГУ, но большинство оценок не было категоричным: 38,4 % категорично положительных оценок к 42 % «сомневающимся». В целом наполнение сайта Гуманитарного института ТГУ в оценках первокурсников можно признать приемлемым, но нет предела совершенству.

На вопрос о необходимости рекламы Гуманитарного института ТГУ большинство первокурсников ответило положительно: «сторонников» рекламы оказалось 47,3 %, противников — 25,1 %, затруднились с ответом 28,6 %.

Наиболее приемлемым форматом рекламы Гуманитарного института были названы телевизионный ролик (40,2 %), «посещение школ студентами, целенаправленная агитация» (32,1 %). Менее популярными оказались реклама в Интернете (20,5 %), создание профориентирующих центров для школьников при Гуманитарном институте ТГУ (18,8 %), газетная публикация (17,9 %), презентация или выставка (14,4 %). Наименее популярен радиоролик (5,4 %).

Оценки популярности Гуманитарного института среди студентов-первокурсников по институтам ТГУ в большинстве своем положительные. «Условно негативных» оценок оказалось 7,1 %, «нейтральных» — 11,6 %, «положительных» — 77,7 %. Затруднились с ответом 3,6 % респондентов. Из ответов видно, что значительная часть студентов-первокурсников (42,9 %) стояла перед выбором нескольких специальностей Гуманитарного института, 53,6 % перед подобным выбором

не стояли. Вместе с тем значительная часть абитуриентов, определившись с направлением и местом обучения, испытывает некоторые сомнения в выборе специальности. Можно предположить, что у большинства студентов гуманитарного образования присутствует желание изучать специальности смежных гуманитарных направлений, в рамках факультетов или в рамках второго высшего образования. Наибольший интерес для студентов представляют специальности «журналистика» (19,6 %), «психология» (12,5 %), «перевод и переводоведение» (9,8 %). Прочие варианты ответа значительно менее популярны.

Большинство опрошенных считает специальности Гуманитарного института интересными, актуальными для города (67,9 %). Сомневаются в этом 16,1 %, 16,1 % респондентов затруднились с ответом. Чаше прочих наименее актуальной дисциплиной называлась история (15,2 %), значительно реже — социология (5,4 %), филология (3,6 %) и прочие дисциплины (2,7 % и реже). Затруднились с ответом 69,6 %. Наиболее перспективными специальностями ТГУ были названы «журналистика» (42,9 %), «теория и методика преподавания иностранных языков и культур» (25,9 %). Прочие специальности назывались примерно с одинаковой частотой (15,2—17,9 %).

Значимой для города считают свою профессию более 75,9 % студентов, незначимой — 3,6 %. Сложной для освоения считают свою профессию более половины опрошенных (55 %), примерно равное число (немногим более 20 %) считает свою профессию (обучение) несложной (или возникло затруднение с ответом).

Относительно перспектив работать по специальности по окончании университета были получены в целом оптимистичные ответы: почти 70 % респондентов ответили на этот вопрос утвердительно, отрицательно — 4,5 %, затруднились с ответом более 25 % опрошенных.

На вопрос о важности и перспективности работы в сфере получаемой специальности 46,4 % дали ответ «очень важная и перспективная». Неважной и неперспективной считают свою профессию 4,5 %, затруднились с ответом 23 %. Большинство студентов (почти 80 %) твердо уверено в выборе своей профессии и даже при наличии шанса «начать все с начала» ничего не стало бы менять. Затруднились с ответом 7,1 %, хотели бы что-то изменить 6,3 %.

Результаты исследования показывают необходимость инновационных социально-экономических подходов в развитии профессионального самоопределения молодежи. Мерой инновационного потенциала, жизнеспособности и жизнестойкости общества становится его способность обеспечивать образовательное пространство для созидательной, творческой деятельности людей, адекватной оценки ее продукта, принятия результатов этой деятельности. Примером использования новых подходов является разработка индекса развития социально-трудового потенциала молодежи. Концепция развития социально-трудового потенциала ориентирована на повышение качества жизни, расширение возможностей человека во всех областях общественно-полезного труда. Развитие именно социального потенциала необходимо брать за основу оценки уровня развития молодежи. Критериями оценки при этом являются продолжительность жизни, уровень образования, валовый внутренний продукт.

Профессиональное самоопределение молодежи детерминировано процессом глобализации. За последнее время жизненный путь каждого человека оказался накрепко связан с судьбой мира и планеты. Наша планета «уменьшилась» благодаря развитию транспорта и средств коммуникаций через системы электронной связи, спутникового телевидения и Интернет.

Не менее важными факторами являются общественное устройство и государственная идеология, которые влияют на процессы социализации, вырабатывающие образцы социальных ролей. Условия социализации зависят не только от уровня экономического развития, но и от особенностей социально-профессиональной структуры общества. Одной из характеристик развитого общества является вертикальная социальная мобильность, определяемая возможностями различных членов общества перемещаться из одного социально-профессионального слоя в другой, более высокий по социальному статусу. Весьма важна для личности в процессе профессионального становления реальная оценка возможности перехода благодаря повышению своего образовательного и профессионального уровня. Не менее значимы также инициативы в реализации личностных качеств.

Поступила 15.10.09.

Ю. В. ЗЕТКИНА

СОЦИАЛЬНАЯ ПРОФИЛАКТИКА НАРКОТИЗМА В РЕГИОНЕ

Ключевые слова: социальная профилактика, наркомания, наркотизация, наркотизм, наркопотребитель, наркопрактика, молодежь, межведомственное взаимодействие, антинаркотическая политика, Республика Мордовия

Key words: social prophylaxis, drug addiction, drugs consumer, addiction, drug practice, youth, inter-institutional interaction, anti-drug policy, the Republic of Mordovia

Масштабы распространения наркомании в современной России среди подростков и молодежи, ее опасные социальные, экономические, правовые и нравственные последствия определяют необходимость противодействия этому явлению. Степень опасности этой формы девиантного поведения осознается на всех уровнях государственной власти. Так, в Стратегии государственной молодежной политики в Российской Федерации до 2016 г. среди основных направлений отмечается интеграция молодых людей, оказавшихся в трудной жизненной ситуации, в жизнь общества, в том числе лиц, оказавшихся в зависимости от употребления психоактивных веществ¹. Широкое обсуждение получил проект Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации², предлагающий комплекс мер по сокращению предложения и спроса на наркотики и совершенствованию организационного и правового обеспечения антинаркотической деятельности.

Исследователи отмечают, что распространение и потребление наркотических средств имеет явную и скрытую формы³. Явная форма выражена в официально зарегистрированной части подростков и молодежи. Это лица, находящиеся на

ЗЕТКИНА Юлия Владимировна, научный сотрудник сектора социально-экономических программ Научно-исследовательского института регионологии Мордовского государственного университета.

учете в учреждениях здравоохранения в связи с прохождением лечения, а также уличенные в наркопреступлениях соответствующими подразделениями ОВД. Анализ ситуации, связанной с потреблением подростками и молодежью наркотических средств, свидетельствует, что их явная часть (число состоящих под диспансерным наблюдением), как правило, составляет четверть от общего числа злоупотребляющих. Истинное число приобщающихся к потреблению наркотических средств и больных наркоманией известно лишь в самых общих чертах, поскольку сюда входят те, кто лечится неофициально или самостоятельно, и те, кто вообще не выявлен.

Состояние криминальной обстановки в совокупности с различными социально-экономическими, общественно-политическими факторами в значительной степени влияет на наркоситуацию. Несмотря на то, что Мордовия имеет самый низкий в ПФО уровень преступности (1 135 преступлений на 100 тыс. чел. населения, ПФО — 2 116 на 100 тыс. чел. населения, РФ — 2 111 на 100 тыс. чел. населения) и уровень наркотизации населения — 163 чел. на 100 тыс. чел. населения (в ПФО — 370), наркоситуацию в регионе нельзя назвать благополучной⁴.

В органах здравоохранения Мордовии состоят на учете 1 359 чел., допускающих немедицинское потребление наркотических средств. Рост потребителей наркотических средств в 2009 г. по сравнению с 2008 г. составил 5,6 %. Диагноз «наркомания» поставлен 761 чел., из них 89 % — это люди в возрасте от 18 до 39 лет. По данным Министерства здравоохранения РМ, в 2008 г. зарегистрированы 582 чел., пробовавших наркотические вещества. Отмечается отсутствие на протяжении последних трех лет документированных фактов смертельных отравлений наркотиками, что говорит о проблемах в организации мониторинга наркоситуации⁵.

В ходе социологического исследования «Отношение населения к потреблению наркотиков в Республике Мордовия», проведенного в октябре—ноябре 2009 г. НИИ регионологии Мордовского государственного университета были выявлены весьма показательные тенденции, а также получена информация, не попадающая в реестр официальной статистики. Целью исследования было изучение масштабов и природы распространения потребления наркотиков в Мордовии, степени

тяжести последствий потребления наркотиков (медицинских, юридических, социальных). Объем выборочной совокупности составил 1 197 чел. Из них 594 — это мужчины (49,6 %) и 603 — женщины (50,4 %), среди которых 213 чел. — лица от 11 до 15 лет, 190 чел. — от 16 до 20 лет, 234 чел. — от 21 до 25 лет, 560 чел. — от 26 до 40 лет. Объем выборочной совокупности студентов, обучающихся в высших учебных заведениях Мордовии, составил 381 чел. Среди них 188 чел. (45 %) — мужчины, 193 чел. (55 %) — женщины. В эту совокупность входили студенты очной, заочной форм обучения Мордовского государственного университета, Мордовского государственного педагогического института, Саранского кооперативного института, Саранского филиала Современной гуманитарной академии, Средне-Волжской Российской правовой академии Министерства юстиции РФ (г. Саранск), Мордовского гуманитарного института.

Исследование показало, что 5,9 % опрошенных регулярно употребляют наркотики, из них 97,2 % — мужчины, 2,8 % — женщины. Регулярное потребление наркотиков локализовано преимущественно в возрастных группах 21—25 лет (28,2 %) и 26—40 лет (42,3 %).

Кроме того, опрос показал, что почти половина опрошенных (49,96 %) экспериментировала с наркотиками (разовые пробы). Регулярные потребители и «экспериментаторы» отметили, что им довелось попробовать марихуану и гашиш (55,9 %), экстази (30,9 %), маковую соломку (13,2 %), героин (4,4 %); по 1,5 % опрошенных пробовали опий (ханку) и винт; 5,9 % отметили другие наркотики.

Наибольший уровень наркопотребителей в молодежной среде выявлен среди студентов (7 %). Отличительными чертами этой группы можно назвать тесное взаимодействие субъектов, а также собственную динамику развития, основанную на общих нормах, ценностях, определяющих поведение каждого в отделимости члена группы. Э. Дюркгейм утверждал, что внутри одной и той же социальной группы происходит нивелировка сознания, в силу чего все думают и чувствуют одинаково⁶. Особенно это актуально для студенческого коллектива, члены которого склонны к подражанию. Следовательно, велика вероятность того, что появление в студенческой группе индивидов, мысли и поступки которых противоречат общепринятым нормам и

правилам, приведет к быстрому распространению девиантных форм поведения среди остальных членов группы. Так, в частности, исследование выявило, что среда, в которой находятся студенты, подвержена наркогенному заражению. Среди непосредственных причин первичного приема наркотиков основное место занимают любопытство и гедонизм (60,9 %). Установкой «в жизни надо попробовать все, а остановиться можно в любой момент» воспользовались 26,1 % опрошенных. Потребность выйти из состояния подавленности, уход от повседневных проблем отметили 4,3 % опрошенных студентов.

Большинство студентов, употребляющих наркотики (70,8 %), указало, что принимает марихуану и гашиш, 29,2 % — другие наркотические средства (курительные смеси и наркотики кустарного производства), 4,2 % — маковую соломку. В ходе проведенного опроса многие студенты не связывали свое пристрастие к «травке» с риском заболевания. Новой наркопрактикой в молодежной среде стало употребление курительных смесей («спайсов»), которые находились в открытой продаже до вступления в силу Постановления Правительства РФ от 31 декабря 2009 г. № 1186 «О внесении изменений в некоторые постановления Правительства Российской Федерации по вопросам, связанным с оборотом наркотических средств». В соответствии с ним эти вещества включены в Список I Перечня наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в РФ, а также определены их крупные и особо крупные размеры и запрещено культивирование⁷.

В ходе опроса была поставлена цель выяснить, каким источникам информации о наркотизации доверяет молодежь. Наиболее интересны и вызывают доверие у студентов материалы, предлагаемые СМИ (44,4 %). Причем большее доверие вызывают материалы СМИ у девушек (50,3 %), чем у юношей (37,3 %) (таблица). Не уменьшая широких возможностей СМИ в профилактике наркотизма, следует отметить негативное влияние сообщений о потреблении наркотиков людьми, добившимися успеха или славы в обществе; об огромных прибылях, которые могут быть получены от незаконной торговли наркотиками; об уличной стоимости конфискованных партий наркотических средств и др. Н. Смирнова указывает на возможности медиа трансли-

ровать во взрослый мир «„размытое чувство беспокойства” по поводу молодежной наркомании: „Что с этим делать?», „Кто виноват?», „Когда это закончится?”. „Взрослый” медиа-дискурс, содержащий панические и устрашающие картины повального увлечения наркотиками в молодежной среде, не способен позитивно влиять на изменение ситуации и может привести к возникновению общественной реакции в форме моральной паники в мире взрослых и способствовать росту наркомании в молодежной среде»⁸. Девушки (54,9 %) более склонны, чем юноши (28,5 %), доверять врачам-наркологам, которые, очевидно, приводят достоверную статистику и делятся своим опытом общения с наркоманами. 18,8 % студентов доверяют мнению преподавателей и ученых; 13,7 % опрошенных прислушиваются к мнению друзей и знакомых; 12,5 % доверяют родственникам. Правоохранительным органам доверяют лишь 8,5 %. По мнению социологов, это происходит из-за формальности и бессистемности лекций и бесед, отсутствия учета возрастных, индивидуальных характеристик учащихся со стороны работников правоохранительных органов, отвечающих за профилактическую работу⁹. Тревожная информация, преподносимая без соответствующей корректировки, формирует неправильное понимание наркотизма. В результате у молодежной аудитории возникает так называемый феномен «эмоционального выгорания» или «усталости сострадать»¹⁰. Эта ситуация может привести к негативным последствиям (игнорированию информации, пассивному участию в антинаркотических программах). Только 3,1 % опрошенных студентов доверяют информации, исходящей от людей, испытавших на себе действие наркотических веществ.

Молодежная наркотизация — это база развития этого явления во взрослой среде и поэтому существенно ослабить наркотизацию взрослого населения можно лишь, добившись значительных успехов в борьбе с наркотизацией молодежи. М. Мацкевич предлагает различать борьбу с молодежной наркоманией, осуществляемую, главным образом, органами здравоохранения, борьбу с нелегальным производством и распространением наркотиков, реализуемую силовыми структурами, и профилактику наркотизма, осуществляемую на этапе формирования ценностно-нормативных структур личности (ее социализации) не только в семье, но и при

участии соответствующих социальных систем и организаций просвещения и образования¹¹.

Таблица

Распределение ответов на вопрос «Кому Вы доверяете и прислушиваетесь в первую очередь, когда речь заходит о наркотиках?», %*

Вариант ответа	Пол	
	Мужской	Женский
Средствам массовой информации	37,3	50,3
Врачам-наркологам	28,5	54,9
Учителям, преподавателям, ученым	20,3	17,6
Работникам правоохранительных органов	9,5	7,8
Родственникам	13,9	11,4
Друзьям и знакомым	14,6	13,0
Людям, употребляющим наркотики и алкоголь	3,2	3,1
Не доверяю никому	10,1	3,6
Другое	3,8	3,1
Затрудняюсь ответить	5,7	1,6

* Сумма ответов в столбце превышает 100 %, так как респондент мог дать несколько вариантов ответа.

Под *социальной профилактикой наркотизма* мы понимаем научно обоснованную систему мероприятий, направленных на выявление и устранение причин и условий, способствующих приобщению индивидов или групп риска к наркотическим веществам. Характерной особенностью профилактики наркотизма среди молодежи является то, что в ней участвует множество субъектов (организаций, отдельных лиц). Это не узковедомственная профессиональная, а массовая социальная деятельность. Массовый характер профилактической деятельности ставит задачи по ее организации, координации, управления.

В структуру субъектов, занимающихся профилактикой молодежного наркотизма в Республике Мордовия, входят органы государственной власти; учреждения здравоохранения, образования, социальной защиты, культуры, физической культуры, спорта и туризма; комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав; специализированные учреждения для несовершеннолетних, нуждающихся в социальной реабилитации; СМИ; общественные организации; религиозные организации. Также в профилактической деятельности участвуют правоохранительные органы (УФСКН РМ по РФ и МВД РМ).

Законодательной базой, регулирующей профилактику наркотизма в регионе, является Закон РМ от 4 февраля 2009 г. № 11-З «О профилактике алкоголизма, наркомании и токсикомании в Республике Мордовия», в котором обозначены основные задачи и принципы профилактики наркотизма, а также определены полномочия органов государственной власти, местного самоуправления, министерств и ведомств, прочих организаций в этой сфере¹². Однако функции, предписанные нормативным актом, во многих случаях имеют формальный характер и не всегда реализуются на практике. Это связано с тем, что субъекты профилактики не обладают достаточными силами и средствами для их выполнения. Более того, недостаточно регламентирован механизм осуществления этих функций.

Для координации деятельности и объединения усилий органов исполнительной власти и местного самоуправления, общественных и религиозных объединений региона по реализации государственной политики противодействия распространению наркомании Указом Главы РМ № 4-УГ от 9 января 2008 г. создана Антинаркотическая комиссия, которая разрабатывает меры, направленные на профилактику незаконного оборота наркотиков. Она также рассматривает в установленном законодательством РФ порядке предложения о дополнительных мерах по социальной реабилитации лиц, больных наркоманией. Взаимодействие между субъектами профилактики наркомании и правонарушений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, осуществляется посредством обмена данными мониторинга наркоситуации, создания межведомственных антинаркотических комиссий и координационных советов, работа которых организуется по территориальному принципу на основе программно-целевого метода¹³. Комиссия осуществляет свою деятельность во взаимодействии с Государственным антинаркотическим комитетом, аппаратом полномочного представителя Президента РФ в федеральном округе, территориальными органами федеральных органов исполнительной власти, органами государственной власти субъекта РФ, органами местного самоуправления муниципальных образований, общественными объединениями и организациями. В состав антинаркотической комиссии в регионе входят высшее должностное лицо (руководитель высшего исполнительного органа государственной

власти) субъекта РФ (председатель комиссии), начальник территориального органа ФСКН России (заместитель председателя комиссии); главный федеральный инспектор по субъекту РФ; представитель законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта РФ (по согласованию); начальник территориального органа МВД России; начальник территориального органа ФСБ России; начальники таможенных органов, регионом деятельности которых определена территория субъекта РФ; руководитель органа здравоохранения в субъекте РФ; руководитель органа образования в субъекте РФ¹⁴.

В Мордовии реализуется республиканская целевая программа «Комплексные меры противодействия злоупотреблению наркотиками и их незаконному обороту» на 2010—2014 гг., которая предусматривает осуществление комплекса мероприятий, направленных на обеспечение системного подхода к осуществлению противодействия распространению наркомании, развитие межведомственного взаимодействия, совершенствование форм и методов профилактики наркомании, активизацию антинаркотической пропаганды и антинаркотического просвещения, повышение эффективности деятельности учреждений, решающих проблемы наркомании и наркопреступности.

Н. Кремнева отмечает, что существенным недостатком реализуемого в настоящее время межведомственного подхода является то, что принцип сотрудничества даже на уровне документов распространяется прежде всего на непосредственно подконтрольные государственным органам власти учреждения¹⁵. По-прежнему основными акторами реализуемых программ являются учреждения образования, здравоохранения, внутренних дел и наркоконтроля. Именно эти учреждения, согласно документам, реализуют основную долю антинаркотической активности и, соответственно, выделяемого финансирования. На наш взгляд, представляется необходимым рациональное использование растущего потенциала гражданского участия в решении актуальных социальных проблем, в том числе и наркотизма. Опыт работы системы социального партнерства в нашей стране (в том числе с зарубежными организациями) показал эффективность данного подхода, основанного на комплексности мер и приоритете образовательных технологий, ориентированных

на воспитание позитивного и адекватного мировоззрения. Этот акцент весьма важен, поскольку мотивация молодежи по применению психоактивных веществ в настоящее время имеет четко выраженный мировоззренческий и нравственный характер.

В настоящее время в профилактическую активность в Мордовии включаются многочисленные общественные организации, деятельность которых следует поддерживать. Однако в своем большинстве их работа носит стихийный и недостаточно квалифицированный характер. Необходимо предпринять усилия по упорядочиванию и консолидации деятельности этих организаций, подготовке работающих в них специалистов, постоянной координации деятельности государственных и общественных структур.

На наш взгляд, одним из недостатков реализации практики межведомственного взаимодействия в процессе профилактики наркотизма является то, что эта деятельность не пролонгируется до организации работы на уровне конкретного муниципального образования. Такая деятельность может быть осуществлена посредством программ «Образовательное учреждение — микрорайон (муниципальное образование) — семья» при непосредственном участии социальных педагогов образовательного учреждения, специалистов по делам молодежи, учреждений культуры, спорта и туризма, сотрудников правоохранительных органов, общественных организаций.

Анализ современного состояния ситуации, связанной с злоупотреблением наркотическими средствами, их незаконным распространением в РМ, убеждает в исключительной сложности этой проблемы. Эффективная профилактика требует разработки и использования новых социальных и управленческих технологий, основанных на антинаркотической политике, положительном опыте реализации отечественных и зарубежных антинаркотических программ, мониторинге наркоситуации и теоретическом осмыслении проблемы наркотизма. Антинаркотическая деятельность должна соответствовать политике профилактики наркотизма, т. е. целенаправленному курсу действий, которому следует группа заинтересованных лиц или организаций, направленных на решение проблемы, связанной с немедицинским употреблением наркотиков.

В основе планирования антинаркотической деятельности должен быть анализ достигнутого, т. е. мониторинг наркоситуации. Основной задачей мониторинга наркоситуации является выявление факторов (причин), определяющих наркопотребление в регионе. Согласно многочисленным социологическим исследованиям, приобщение к наркотикам происходит преимущественно у лиц с определенным набором социально-демографических характеристик и поведенческих проявлений. Именно на выявление этих характеристик, которые являются причинами наркопотребления, и направлены исследования. Мониторинг наркоситуации позволяет определить «мишени» профилактической деятельности: социальные группы, в отношении которых должен осуществляться дифференцированный методологический подход (дети, молодежь группы риска, молодежь в целом, родители), и территории осуществления профилактики (школа, вуз, семья, работа, территориальная общность). Также с помощью мониторинга возможно не только отслеживать динамику процессов, касающихся незаконного распространения и потребления наркотиков, но и оценивать эффективность всей антинаркотической деятельности.

Профилактическая деятельность должна осуществляться на основе комплексного использования теорий наркотизма. Опираясь на них, субъекты профилактической деятельности должны грамотно использовать правило каузальности, т. е. исходить из анализа причин явления, подлежащего регулированию и управлению.

Существует широкий спектр моделей профилактики зависимостей. Зарубежными и отечественными исследователями накоплен значительный теоретический и эмпирический материал в разработке принципов построения профилактических программ, анализе условий выбора перспективных моделей. Сочетание позитивной зарубежной и отечественной практики построения антинаркотических программ позволит сконструировать перспективную региональную программу профилактики наркотизма.

Таким образом, учитывая особенности антинаркотической политики, положительного опыта реализации отечественных и зарубежных антинаркотических программ, мониторинга наркоситуации и теоретического опыта осмысления проблемы наркотизма, возможно формирование эффективных

антинаркотических программ, способных не только изменить отношение к самому феномену потребления наркотиков, но и обеспечить для молодежи легальные пути личного самовыражения и роста.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Распоряжение Правительства РФ от 18 декабря 2006 г. № 1716-р «Об утверждении Стратегии государственной молодежной политики в Российской Федерации» // Собр. законодательства Российской Федерации. 2006. № 52 (ч. III). Ст. 5622.

² См.: Проект Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации. URL: <http://www.stratgap.ru/pages/strategy/project/index.shtml> (дата обращения: 25.12.2009).

³ См.: Оценка наркоситуации в среде детей, подростков и молодежи // Нет наркотикам (информационно-публицистический ресурс). URL: http://narkotiki.ru/research_5658.html (дата обращения: 15.12.2009).

⁴ См.: Итоги работы УФСКН России по Республике Мордовия за 2009 год // Управление Федеральной службы по контролю за оборотом наркотиков. Управление по Республике Мордовия. URL: http://www.ufsknrm.ru/?id_refer=521 (дата обращения: 18.01.2010).

⁵ См.: Выступление и.о. заместителя руководителя аппарата Государственного антинаркотического комитета — начальника управления по Приволжскому федеральному округу С.А. Васильева по вопросу «Об эффективности работы антинаркотических комиссий, расположенных в пределах Приволжского федерального округа, в 1 полугодии 2009 года» (23 июля 2009 года) // Управление Федеральной службы по контролю за оборотом наркотиков. Управление по Республике Мордовия. URL: http://www.ufsknrm.ru/?id_refer=444 (дата обращения: 25.12.2009).

⁶ См.: Дюркгейм Э. Самоубийство: социологический этюд. М.: Мысль, 1994. С. 93.

⁷ См.: Постановление Правительства Российской Федерации от 31 декабря 2009 г. № 1186 «О внесении изменений в некоторые постановления Правительства Российской Федерации по вопросам, связанным с оборотом наркотических средств» // Интернет-портал Правительства РФ. URL: <http://www.government.ru/gov/results/8945> (дата обращения 12.01.2010).

⁸ Смирнова Н. Паника или Знание? Конструирование проблемы роста потребления наркотиков среди подростков и молодежи в местной прессе // Научно-исследовательский центр «РЕГИОН». URL: <http://www.regioncentre.ru/resources/books/geroin/geroin11> (дата обращения: 13.01.2010).

⁹ См.: Бемова С.О. Наркотизм в студенческой среде как социальная проблема российского общества: на примере г. Казани: дис. ... канд. социол. наук. Казань, 2007. С. 135.

¹⁰ См.: Кинник К., Крутман Д., Камерон Г. «Усталость сострадать»: коммуникация и чувство опустошенности в отношении социальных проблем //

Средства массовой коммуникации и социальные проблемы: хрестоматия. Казань, 2000. С. 216.

¹¹ См.: Мацкевич М. Исследования наркотизма и проблемы профилактики. URL: <http://www.narcom.ru/publ/info/593> (дата обращения: 15.01.2010).

¹² См.: Закон Республики Мордовия от 4 февраля 2009 г. № 11-З «О профилактике алкоголизма, наркомании и токсикомании в Республике Мордовия» // Управление Федеральной службы по контролю за оборотом наркотиков. Управление по Республике Мордовия. URL: http://www.ufsknrm.ru/?id_refer=446 (дата обращения: 18.01.2010).

¹³ См.: Указ Главы РМ № 4-УГ от 9 января 2008 г. «Об Антинаркотической комиссии Республики Мордовия» // Изв. Мордовии. 2008. 11 янв. С. 3.

¹⁴ См.: Указ Президента РФ от 18 октября 2007 г. № 1374 «О дополнительных мерах по противодействию незаконному обороту наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров» (вместе с «Положением о Государственном антинаркотическом комитете», «Положением об антинаркотической комиссии в субъекте Российской Федерации»). URL: <http://www.consultant.ru/online/base/?req=doc;base=LAW;n=71872> (дата обращения: 18.01.2010).

¹⁵ См.: Кремнева Н. «Программное» решение проблемы наркомании // Научно-исследовательский центр «РЕГИОН». URL: <http://www.regioncentre.ru/resources/books/13step/13step2> (дата обращения 13.01.2010).

Поступила 12.04.10.

К. В. ДЕМЕНТЬЕВА

П. Ф. ПОТАПОВ

РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПРЕССЫ И ВЛАСТИ

Ключевые слова: региональная пресса, официальные издания, регулирование общественного мнения, властные структуры

Key words: regional press, official editions, public opinion regulation, power bodies

Выпускать солидное издание, способное быть эффективным посредником в диалоге между властью и обществом, чрезвычайно сложно. В связи с этим весьма интересен анализ того, каким образом пресса Республики Мордовия освещает на своих страницах действия властных структур.

Основное внимание в печатных изданиях уделяется местным и региональным властным структурам. Гораздо меньше на их страницах публикаций посвящено власти федерального уровня. Конечно, редакции СМИ можно критиковать за это. Подчеркивая, что основными носителями информации

ДЕМЕНТЬЕВА Ксения Владимировна, преподаватель кафедры современной журналистики и общественного мнения Мордовского государственного университета.

ПОТАПОВ Павел Федорович, заведующий кафедрой современной журналистики и общественного мнения Мордовского государственного университета, доктор филологических наук, профессор.

в регионах являются СМИ местного уровня, однако следует отметить, что «к сожалению, местная пресса, как правило, замыкается в локальных проблемах, меньше внимания уделяя общероссийским и, тем более, международным... Такой подход способствует не только регионализации страны, информационной фрагментации России, но и в значительной степени уменьшает возможности самой местной прессы»¹. Подобной точки зрения придерживается и известный исследователь журналистики Е. П. Прохоров².

На наш взгляд, региональным и местным печатным СМИ следует уделять чуть больше внимания политическим общефедеральным проблемам. Однако приоритетным направлением в их работе, безусловно, может быть качественное освещение региональных проблем. Мысль о том, что районная газета должна обращаться не только к местным, но и к общефедеральным, мировым событиям и явлениям, представляется нам несколько надуманной, опирающейся не на жизненные реалии, а на абстрактные представления об едином информационном пространстве и роли местной прессы в его формировании. Современные реалии таковы, что сейчас даже у жителей маленьких поселков есть телевизоры и радиоприемники (проводное или эфирное радио), не говоря уже о жителях городов. Эти СМИ позволяют узнать и об основных общероссийских и мировых проблемах. Поэтому муниципальной газете нет необходимости акцентировать на них пристальное внимание. Ее важнейшей задачей является умение в условиях ограниченного объема, формата и периодичности качественно осветить основные события и явления своего города, муниципального района и региона. Например, в первой половине 2010 г. газета «Известия Мордовии» 11 раз посвящала статьи проблемам общефедерального характера, газета «Столица С» — 34 раза (выборка состояла из публикаций свыше 100 строк). Остальные материалы освещают события и проблемы региона и г. Саранска.

Закономерен вопрос «Какое место в повестке дня региональной прессы должно отводиться деятельности власти?». Некоторые исследователи утверждают, что СМИ уделяют органам государственной власти неоправданно большое внимание, забывая о многих других важных структурах и проблемах. В частности, С. Г. Корконосенко пишет: «Вопросы политики, власти и управления по-прежнему пре-

обладают в тематической структуре изданий (свыше 20 %), отодвигая на следующие места производство и экономику (16,1 %), духовно-культурную жизнь (15,2 %). С другой стороны, организация сбора информации — как редакционная, так и индивидуальная — настроена на прочную зависимость от органов власти и управления, особенно на уровне региональных и местных СМИ»³. Именно к ним чаще всего обращаются журналисты в поисках фактов, а стало быть — и информационных версий социальной действительности, тогда как сведения от частных лиц, информационных центров, общественно-политических организаций и бизнесменов интересуют корреспондентов во вторую и третью очередь. Такая ситуация, как нам кажется, приводит к «самоизоляции журналистики от общества». Акцентирование внимания на деятельности и позициях власти может привести в перевесу официальных мнений и отходу от мнения общественного. Как правило, вслед за этим понижается тираж «проправительственного» издания. Поэтому заикливаться на деятельности власти, забывая обо всем остальном, местной прессе не стоит. Хотя, безусловно, необходимо уделять достаточное внимание информированию населения о ее основных решениях и планах.

Важнейшей задачей региональной прессы является объяснение того, как те или иные действия власти могут отразиться на жизни людей. Наше исследование показало, что лучше всего с этой задачей справляются официальные газеты («Известия Мордовии», «Эрзянь правда», «Мокшень правда»). Газеты — «независимые партнеры», они меньше обращаются к официальному мнению, причем некоторые материалы, посвященные деятельности органов государственной власти, не объясняют, как эта деятельность может отразиться на жизни граждан. Наиболее часто при освещении деятельности власти проанализированные издания используют информационные жанры (например, рубрика «Прямая речь» в газете «Столица С»). Иными словами, прежде всего они просто информируют население о деятельности властных структур. На втором месте стоят аналитические жанры (корреспонденция, статья).

Многие официальные газеты активно работают с редакционной почтой, публикуют письма читателей, связанные с деятельностью органов власти, приглашают читателей к

обсуждению важных вопросов. Это рубрика «Глас народа» в газете «Известия Мордовии», отдельные публикации — в других изданиях. Газеты этой группы рассматривают на своих страницах не только «глобальные» политические проблемы, но и обращаются к проблемам конкретных людей, связанных с деятельностью органов власти; отслеживают (хотя и не всегда) ответную реакцию представителей власти. Затрагиваются самые разные проблемы: благоустройство квартир и домов, ремонт детских площадок, озеленение города, плата за жилищно-коммунальные услуги и др. Следует также отметить, что освещение официальными печатными изданиями деятельности органов государственной власти не всегда можно назвать объективным, оно иногда бывает тенденциозным и «однобоким». Вместе с тем для таких газет не характерны постоянные хлесткие «выпады» против политических оппонентов.

Все проанализированные газеты предоставляют людям возможность опосредованно обратиться к власти со своими проблемами и возможно получить конкретную помощь. Например, публикации в газете «Столица С» о многолетней матери-одиночке, оставшейся без жилья, завершили только после того, как «мать троих детей обрела крышу над головой... После публикаций в „Столице С” жилищный отдел администрации Саранска предоставил ей комнату в общежитии...»⁴. В январе—апреле 2010 г. выходила серия материалов в газете «Известия Мордовии» о сиротах Тане и Викторе Волобцовых. «Глава РМ Н. И. Меркушкин, прочитав материал о сироте, дал поручение помочь Тане, взять ситуацию на особый контроль»⁵, однако проблема еще долго отслеживалась журналистами газеты. Это позволяет охарактеризовать печатные СМИ региона как посредника между властью и обществом. Таким образом, в отношениях между властью и прессой политический диалог возможен, если работники редакции осознают его необходимость и являются профессионалами своего дела. На наш взгляд, тесная связь с властью, с одной стороны, препятствует осуществлению сотрудничества, с другой — создает некоторые преимущества, дополнительные возможности в оказании помощи людям.

Выполнение задач официальных СМИ, заключающееся в подробном информировании населения о принятых властью

решениях, законах, постановлениях, указах и в предоставлении компетентных комментариев к нормативным актам, мы видим, в частности, на страницах ежедневной республиканской общественно-политической газеты «Известия Мордовии». Другим важнейшим направлением деятельности официальных СМИ является оперативное обнародование позиции представителей государственной власти по поводу тех или иных событий. В частности, коллектив редакции «Известия Мордовии» хорошо понимает, что от добросовестного решения этих задач во многом зависит эффективность взаимодействия власти и прессы в регионе.

Не менее важной задачей в деятельности региональных СМИ является отражение различных, в том числе противоположных точек зрения на актуальные проблемы. Представители государственной власти обычно воспринимают официальную прессу как «рупор», позволяющий доносить до населения исключительно официальную точку зрения, создавая тем самым власти положительный имидж. Поэтому дискуссионные публикации в республиканских газетах — редкость.

При грамотном построении политического диалога представители властных структур и журналисты печатных изданий должны помнить, что только совместные усилия государственной власти и прессы могут привести к эффективному выполнению СМИ функции регулирования общественного мнения, что жизненно необходимо развитию гражданского общества.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Система средств массовой информации России / под ред. Я.Н. Засурского. М.: Аспект Пресс, 2003. С. 14.

² См.: Прохоров Е.П. Журналистика и демократия: учеб. пособие для вузов. М.: Аспект Пресс, 2004. С. 11.

³ Корконосенко С.Г. Основы журналистики. М.: Аспект Пресс, 2009. С. 148.

⁴ Ярцев В. Крышу над головой обрела мать троих детей // Столица С. 2010. 22 марта.

⁵ Замотаева Н. Руководство Мордовии поможет сироте устроить жизнь в селе // Изв. Мордовии. 2010. 20 янв.

Поступила 15.02.10.

Л. И. НИКОНОВА

В. П. САВКА

А. И. КАРЬГИН

СВЯЗУЮЩАЯ НИТЬ ПРОШЛОГО И НАСТОЯЩЕГО: К ИСТОРИИ ПЕРЕСЕЛЕНИЯ МОРДВЫ НА ДАЛЬНИЙ ВОСТОК

Ключевые слова: единение, мордва, диаспора, народы, Дальний Восток, переселение, традиционная культура

Key words: solidarity, Mordva, diaspora, peoples, the Far East, migration, traditional culture

Единение — тесная связь, основанная на единстве взглядов, целей, интересов; сплоченность, солидарность. В этнографическом смысле единение — это процесс объединения, слияния, взаимодействия на принципах равноправного партнерства и уважения различных этнических групп, имеющих общие цели и интересы, в единую общность. Оно может быть успешным только при полномасштабном

НИКОНОВА Людмила Ивановна, заведующая отделом археологии и этнографии Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, доктор исторических наук, профессор (г. Саранск).

САВКА Виталий Профирович, соискатель отдела археологии и этнографии Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (г. Саранск).

КАРЬГИН Александр Иванович, заместитель министра по национальной политике Республики Мордовия, кандидат социологических наук.

национальном, этнокультурном многообразии. Единение общности проявляется в наличии общей ментальности, консолидирующей разнообразные этносы. Потому единение олицетворяет собой идейно-нравственную и культурную целостность, суть которой, однако, лежит гораздо глубже, так как речь идет также об экономическом, политическом и идеологическом общении внутри общности. Общности экономических, социальных и иных интересов объединяющихся этносов способствует государство, оно же придает их союзу более прочную форму.

Единение мордовского народа с народами российского государства было сложным и длительным процессом. Оно складывалось в процессе совместной жизни, защите и развитии Родины, постепенно преодолевая этническую разобщенность¹. С момента возникновения русской государственности ее единство основывалось на этническом разнообразии населения. В России мирно уживались многие этносы, и та уживчивость, толерантность во все времена была отличительным признаком Российской империи среди всех других империй. Большую роль в развитии процесса единения играет становление новой исторической общности — российского народа, который характеризуется экономическим и идеологическим единством, широким использованием русского языка в общении между нациями и народностями, многочисленными общими чертами культуры и быта, а также связанным с этим самосознанием².

Научно-исследовательский институт гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия в своей деятельности целенаправленно продолжает работу по изучению этнической культуры мордвы, расселившейся по регионам РФ. Согласно данным переписи 2002 г., ее численность составила 843,3 тыс. чел., из них в границах Мордовии проживает треть всего мордовского населения страны. В связи с этим вопросы миграции мордвы, ее переселения в другие регионы страны, адаптации к новым условиям, а также сохранения традиций, уклада жизни на новом месте не могут не волновать ученых-исследователей. Поэтому возник проект «Мордва России», в рамках которого издано несколько монографий³. Одна из связующих нитей прошлого и настоящего — история переселения мордвы на Дальний Восток.

Физическая адаптация мордвы, как и любого другого народа, к новым природным условиям требует длительного времени, часто она протекала довольно сложно. Так, мордовские переселенцы на Дальнем Востоке долгое время привыкали к местным климатическим условиям: к низким температурам, большой влажности воздуха, сильным ветрам, постоянным землетрясениям и т. д. Долгая и порой неполная адаптация объясняется тем, что мордовский этнос пришел в районы Дальнего Востока из региона с иными природными условиями. Это стало оказывать большое влияние не только на здоровье переселенцев, но и на устойчивость их культурно-бытовых традиций. Поэтому можно предположить, что мордва, как и другое приезжее население, могла чаще подвергнуться заболеваниям, чем народы, давно проживавшие на этой территории. Что касается культурно-бытовых традиций, то мордовские переселенцы старались сохранить некоторые традиционные элементы в приготовлении пищи, строительстве жилищ, ведении хозяйства и т. д., несмотря на то, что они начинали жить в совершенно другой природной среде. Были и другие метеоусловия (например, землетрясения, штормы и другие, не характерные для Мордовии явления)⁴.

Миграция мордвы на Дальний Восток проходила в несколько этапов. В период капитализма миграция связана с развитием капиталистических отношений в деревне, классовым расслоением сельской общины и явлениями относительного аграрного перенаселения, в результате которых часть крестьян «выталкивалась» из деревни. Для России было характерно развитие капитализма не только «вглубь», но и «вширь», т. е. стихийные миграции сельского населения не только в города, но и в малоосвоенные районы страны, в основном в Сибирь и на Дальний Восток⁵. На момент Всероссийской переписи населения 1897 г. в городах проживали всего 1,3 % мордовского населения страны. В материалах переписи 1897 г. наиболее полно отражены общие результаты заселения Приморья во второй половине XIX в. по численности и этническому составу жителей. Выборка сделана по Южно-Уссурийскому и Уссурийскому округам Приморской области. В результате на этой территории числились 160 чел. мордвы, из них родным языком назвали мордовский 0,2 %⁶. Других данных по численности мордвы Дальнего Востока того времени нет.

Миграция мордовского населения в первые годы советской власти была связана с разорением крестьянского хозяйства во время Первой мировой и Гражданской войн, а также с голодом 1921 г., поразившим население Поволжья. В период восстановления народного хозяйства страны и в последующие годы наблюдалось усиление миграции мордовского населения. Первопричиной существенных изменений численности сельского населения было аграрное перенаселение Мордовии, возникшее еще до Октябрьской революции. В 1927 г. в городах Мордовии проживали 60,2 тыс. жителей, в 1939 г. — 82,4 тыс., т. е. городское население за 13 лет увеличилось всего на 22,2 тыс. чел. Слаборазвитая в городах промышленность не могла обеспечить крестьян работой, поэтому большинство из них было вынуждено мигрировать за пределы Мордовии⁷. В районах Сибири и Дальнего Востока в тот период наблюдалась противоположная тенденция — быстрый рост населения. Так, с 1926 по 1939 г. он увеличился более чем втрое⁸. По переписи населения 1926 г., в Сибири и на Дальнем Востоке было 11,9 млн жителей. После 1926 г. рост населения Сибири и Дальнего Востока усилился, что было связано в основном с развертыванием работ по освоению природных богатств этих районов, в первую очередь полезных ископаемых⁹. По данным Всесоюзной переписи 1926 г., в дальневосточном крае числились 2 712 чел., или 0,2 % от общего числа населения страны. Больше всего мордвы проживало на территории Амурской области — 1 640 чел., или 0,4 %, а на территории Хабаровского края — 475 чел. (0,25 %). Неизвестно число мордвы, проживавшей в Приморском крае, Сахалинской и Камчатской областях: в переписи не указано место проживания оставшихся 597 чел. В 1930-е гг. продолжалась сезонная миграция крестьянства, в основном на сельскохозяйственные работы в крупные аграрные регионы. Этот процесс начался в конце XIX — начале XX в. и имел форму отхожих промыслов. Теперь его характер изменился: крестьяне чаще уходили работать в города, часть их не возвращалась в родные села и деревни¹⁰.

Определенное значение имели насильственная коллективизация и политика ликвидации кулачества как класса, в условиях которых немало сельских жителей были насильственно выселены за пределы Мордовии. Однако не следует забывать,

что была и организованная миграция, в процессе которой значительные массы населения, в основном сельского, выезжали за пределы республики. В 1930-е гг. по так называемому «организованному набору на крупные и ударные стройки страны из Мордовии» было направлено более 270 тыс. чел. Они работали на строительстве Турксиба, Урало-Кузнецкого комбината, Уралмаша и на многих других предприятиях, важных для индустриального развития СССР¹¹.

В предвоенный период продолжалась смешанная (вынужденная и добровольная) миграция населения, в основном сельского. Мордовия в то время отставала в социально-экономическом развитии от передовых регионов страны, вследствие чего часть населения покидала пределы республики в поисках более обеспеченной жизни и квалифицированного труда. Майский (1939 г.) пленум ЦК ВКП(б) обязал ЦК компартий союзных республик, крайкомы, обкомы партии, Советы народных комиссаров союзных и автономных республик, крайисполкомы и облисполкомы провести до 15 августа 1939 г. обмер всех приусадебных земель, находящихся в личном пользовании колхозников. Все излишки против норм, установленных в п. 2 Устава сельхозартели, прирезались к общественным колхозным землям. Обмер проводили специальные комиссии, назначенные райкомами партии и райисполкомами для каждого сельсовета. В результате обмер приусадебных земель был закончен к началу октября 1939 г. (99,8 % колхозных дворов и 99,5 % хозяйств единоличников). Всего по стране приусадебные участки были обмерены в 22 616 тыс. дворов. Поскольку многие колхозы в малоземельных районах были уже не в состоянии наделить приусадебными землями колхозников по норме, предусмотренной Уставом, намечалась организация переселения колхозников из малоземельных районов в многоземельные — Поволжье, Омскую, Новосибирскую, Челябинскую области, Алтайский край, Казахстан, на Дальний Восток¹².

Переселенческое управление при СНК СССР писало, что «по материалам, полученным от начальников эшелонов, проверивших целый ряд колхозов, а также по материалам Переселенческих отделов отмечается исключительная активность переселенцев по приезду в колхозы вселения. Как правило, переселенцы немедленно включаются в самую активную производственную жизнь колхозов, полностью все

выходят на работу и многие из них на второй-третий день по приезду в колхозы вселения выдвигаются на руководящую работу в колхозы»¹³.

Одна из групп переселенцев, прибыв на Дальний Восток, писала: «Встретили нас как дорогих, желанных гостей, — уже на вокзале нас встречали представители рабочих организаций, руководители города и района. За несколько дней до нашего приезда в колхозах для нас приготовили квартиры, подвезли к ним дрова, сено, мы получили коров, скот, птицу. О нас заботятся, нас любят, нам создают все условия»¹⁴. Несмотря на то, что в тот период сельскохозяйственное переселение в целом носило плановый характер, все же были случаи и неорганизованных переездов. По неполным данным, в 1940 г. в районы Дальнего Востока и ряд других во внеплановом порядке переселились более 16 тыс. хозяйств. Поскольку «неорганизованные» переселенцы не пользовались льготами, то в Переселенческое управление поступали многочисленные просьбы о предоставлении им соответствующих льгот. Уже в 1940 г. на хозяйства внеплановых переселенцев Приморского, Хабаровского, Алтайского и Красноярского краев, Бурят-Монгольской АССР, Читинской, Иркутской, Новосибирской, Омской, Челябинской, Оренбургской, Свердловской и восточных областей Казахстана были распространены льготы, предоставлявшиеся «организованным» переселенцам¹⁵.

Война привела к тяжелым потерям, значительному сокращению населения, в том числе мордовского. В послевоенные годы значительно выросла роль деревни как источника пополнения городской рабочей силы. В условиях огромного объема восстановительных работ промышленность, строительные и транспортные предприятия испытывали острую потребность в рабочей силе. Постановление Совета Министров СССР от 21 мая 1947 г. «О порядке проведения организованного набора рабочих» намечало пути дальнейшего совершенствования оргнаборов с учетом более рационального размещения производительных сил страны. Оно предусматривало заключение трудовых договоров с колхозниками для работы в промышленности, на транспорте, в строительстве наряду с другими категориями трудящихся. В течение 1946—1950 гг. по оргнабору в промышленность, строительство и на транспорт было привлечено около 4 млн рабочих¹⁶. В мае 1954 г. для оказания помощи гражданам, изъявившим желание

переселиться в колхозы, правительство приняло постановление, в котором устанавливались дополнительные льготы и преимущества переселяющимся в восточные районы, в том числе и на Дальний Восток. Переселение велось с учетом исторически сложившегося интереса крестьян определенных областей Центра к Сибири и Дальнему Востоку. Это приводило к тому, что в новых местах складывались землячества, в значительной мере способствовавшие закреплению прибывшего населения. В многоземельные районы, которые впоследствии стали районами освоения целинных и залежных земель, за 9 лет (1945—1953 гг.) переселились 23 970 семей, или в среднем по 2 663 семьи в год, за последующие четыре года (1954—1957) — 55 924 семьи, или по 13 981 семье в год, т. е. более чем в 5 раз. В 1954—1955 гг. в Казахстан переселились 20 тыс. семей, а в Сибирь и на Дальний Восток за 1954—1956 гг. — более 60 тыс. семей. По данным переписи 1959 г., на территории Дальнего Востока мордвы насчитывалось 42 943 чел. Ее численность была наибольшей в Приморском крае — 15 260 чел. (или 1,3 %), чуть меньше в Хабаровском крае — 13 792 чел. (1,1 %). В Сахалинской области мордвы насчитывалось 10 826 чел. (0,9 %). Несмотря на то, что льготы были увеличены, наименьшее число мордвы было зафиксировано в Камчатской области — 3 075 чел. (0,3 %)¹⁷.

В 1960—1970-е гг. динамика численности переселяющегося населения из мордовского края в районы Дальнего Востока представлена в табл. 1.

Таблица 1
Динамика численности мордвы в районах Дальнего Востока за 1960—1972 гг.¹⁸

Год	Переселено, семей	Переселено по оргнабору, чел.	В том числе на сезонные работы, чел.
1960	516	1 582	9 017
1961	547	1 288	6 426
1962	505	1 133	5 313
1963	302	1 205	4 363
1964	362	1 144	2 765
1966	300	2 969	1 867
1967	351	2 313	1 354
1968	352	1 995	789
1969	301	1 941	980
1970	253	2 225	1 236
1971	206	2 157	1 241
1972	204	2 073	1 121

Из табл. 1 видно, что с 1961 по 1972 г. численность мордовского населения сокращается. Следует отметить, что в 1970—1980-е гг. динамика численности переселенческими отделами представлялась в несколько иной форме, более полной, где уже стали указывать не только численность, но и качественные показатели: пол, национальность, уровень образования и т. д.

Во Всесоюзной переписи 1970 г. отмечалось сокращение мордовского населения, на тот период — 35 334 чел., или 3,0 %. Наибольшая численность вновь была в Приморском крае — 11 847 чел. (1,0 %). Следующими по численности мордвы шли Хабаровский край — 10 234 чел. (0,9 %) и Сахалинская область — 7 941 чел. (0,6 %). В остальных областях она составляла более 2 тыс. чел.: в Амурской области 2 971 чел. (0,3 %) и Камчатской области — 2 341 чел. (0,2 %). В 1979 г. численность мордвы сократилась до 30 908 чел. (2,8 %). В Приморском крае она составила 10 233 чел. (0,9 %), в Хабаровском крае — 8 977 чел. (0,8), в Сахалинской области — 6 710 (0,6 %). На территории Амурской области мордвы проживали 2 518 чел. (0,2 %), а в Камчатской области — 2 290 чел. (0,2 %).

Следует отметить, что за межпереписной период с 1970 по 1979 г. численность мордвы снизилась. Это продолжалось и в последующие годы. Перепись 1989 г. зафиксировала 27 901 чел. (2,6 %) мордвы на Дальнем Востоке, в Приморском крае — 9 193 чел. (0,9 %), Хабаровском — 8 977 чел. (0,8 %), здесь бассейны р. Кур и Урми называются местами мордовского расселения¹⁹. Меньше всего мордовского населения числилось в Амурской области — 2 518 чел. (0,2 %) и Камчатской области — 2 356 (0,2 %). По данным переписи 2002 г., численность мордвы на Дальнем Востоке составила 13 077 чел. (1,6 %). Так, в Приморском крае проживали 4 307 чел. (0,5 %), в Хабаровском — 3 399 (0,4), в Сахалинской области — 2 943 чел. (0,3 %). В Амурской области численность мордвы упала до 1 258 чел. (0,1 %), в Камчатской области — до 1 170 чел. (0,1 %).

Таким образом, по переписи 1926 г., в дальневосточном крае числилось около 3 тыс. чел. мордвы. Она в основном проживала на территории Амурской области и Хабаровского края. Согласно статистическим данным, численность переселявшейся мордвы на Дальний Восток до 1959 г. повыша-

лась, но с 1970 г. начала снижаться. По переписи 1989 г., она немного увеличилась, что было связано с освоением природных ресурсов восточных районов страны. Согласно переписи 2002 г., численность мордвы в исследуемых районах сократилась почти вдвое. Одной из основных причин этого является этническая ассимиляция. В связи с этим происходит увеличение численности лиц одной (ассимилирующей) национальности и сокращение — другой (ассимилируемой)²⁰. Мордва на протяжении всей истории проживания в дальневосточном крае подвергалась ассимиляции преобладавшим русским населением, которая особенно усилилась во второй половине XX в. Это привело к тому, что к началу XXI в. численность мордвы в районах Дальнего Востока заметно сократилась²¹.

Развитие ассимиляционных процессов среди некоторых групп мордовского населения объясняется рядом объективных причин. Среди них одно из первых мест занимает смешанный характер расселения мордовского народа, особенно проживание мордвы в смешанных селениях. Материалы переписей показывают, что процент мордовского населения, признавшего мордовский язык родным, уменьшается по мере возрастания смешанного характера расселения.

Следует отметить, что уровень сохранения национального языка в сельской местности значительно выше, чем в городской. Известно, что жители основной этнотерритории каждого народа сохраняют национальный язык лучше, чем представители того же народа, проживающие за ее пределами. Как правило, доли людей, сохранивших этнический родной язык, самые высокие в старших возрастных группах и самые низкие — в подростковых. Это подтверждается нашими полевыми наблюдениями и данными всесоюзных и всероссийской переписей населения. Материала, касающегося распределения мордвы по владению родным языком по 1926 г. и 2002 г., не имеется, поэтому сделаем анализ, начиная с 1959 г.

От переписи к переписи понижается число лиц мордовской национальности, считающих мордовский язык родным, и наоборот, увеличивается число людей, владеющих русским языком. Причем это наблюдалось повсеместно на всей изучаемой территории (табл. 2).

Таблица 2

Распределение мордвы по владению родным языком
в районах Дальнего Востока, чел. (%)²²

Регион	Всего	Владеют родным языком	Владеют русским языком	Владеют другими языками
1926 г.				
Амурская область	1 640 (0,4)	—*	—	—
Камчатская область	—	—	—	—
Приморский край	—	—	—	—
Сахалинская область	—	—	—	—
Хабаровский край	—	—	—	—
1959 г.				
Амурская область	—	—	—	—
Камчатская область	3 075	1 238 (41,2)	1 837 (61,2)	—
Приморский край	15 260	5 830 (38,3)	9 419 (62,0)	11
Сахалинская область	10 826	5 100 (47,2)	5 724 (53,0)	2
Хабаровский край	13 782	5 125 (37,4)	8 655 (63,1)	2
1970 г.				
Амурская область	2 971	1 271 (44,0)	1 699 (59,0)	1
Камчатская область	2 341	953 (41,4)	1 388 (60,3)	—
Приморский край	11 847	4 334 (36,7)	7 511 (63,6)	2
Сахалинская область	7 941	3 273 (41,4)	4 666 (59,0)	2
Хабаровский край	10 234	3 748 (36,7)	6 485 (63,6)	1
1979 г.				
Амурская область	2 68	968 (37,2)	1 730 (66,5)	—
Камчатская область	2 290	839 (38,1)	1 451 (65,9)	—
Приморский край	10 233	3 332 (32,6)	6 897 (67,6)	4
Сахалинская область	6 710	2 130 (31,7)	4 580 (68,3)	—
Хабаровский край	9 877	2 816 (28,7)	6 156 (62,8)	5
1989 г.				
Амурская область	2 518	779 (31,2)	1 731 (69,2)	8
Камчатская область	2 356	719 (31,3)	1 623 (70,6)	14
Приморский край	9 193	2 575 (28,2)	6 566 (72,1)	52
Сахалинская область	5 641	1 798 (32,1)	3 832 (68,4)	11
Хабаровский край	8 193	2 339 (28,9)	5 791 (71,5)	63
2002 г.				
Амурская область	1 258	(9 + 2)**	1 258	—
Камчатская область	1 170	(10 + 1)	1 170	—
Приморский край	4 307	(87 + 10)	4 303	—
Сахалинская область	2 943	(11 + 1)	2 941	—
Хабаровский край	3 399	(18 + 6)	3 396	—

* Данные отсутствуют.

** Данные переписи 2002 г.: первая цифра в скобках — владеют русским и мокшанским языками; вторая цифра — владеют русским и эрзянским языками.

Миграция увеличивала территориальное рассредоточение мордвы, ускоряла ее этническое сближение с инонациональным, особенно русским, населением. Результатом миграции

мордовского населения из пределов Мордовии стал чрезвычайно смешанный характер расселения мордовского народа. Это нашло отражение в понижении процента мордвы в общей массе населения, сокращении размеров сплошных ареалов мордовских поселений и в увеличении количества селений, где мордва проживает вместе с другими народами. Основная масса мордовского населения на Дальнем Востоке проживала в селениях, где составляла меньшинство. Соседями мордвы были, как правило, русские, украинцы, чуваша и татары. Данные полевых экспедиций показывают, что в настоящее время смешение мордовского народа усиливается в результате урбанизационных процессов, характерных в целом для РФ и для исследуемого региона. В то же время часть мордвы сохранила свою самобытность. Из своей родины на новые места она перенесла навыки и культурные традиции, которые со временем изменялись под воздействием природных и экономических условий, взаимовлияния различных национальных групп.

Мордовский народ принес на Дальний Восток высокую земледельческую культуру средней полосы России, ряд новых, неизвестных местным жителям пород скота и видов сельскохозяйственных растений. Для мордовских переселенцев характерна стабильность пищевого комплекса. В результате переселения в традиционном питании мордовского этноса определились два направления в развитии модели питания: восстановление традиционного питания и пополнение рациона за счет местных производительных ресурсов и кулинарного опыта народов, населяющих Дальний Восток. Однако основная традиционная пища мордвы сохранилась с преобладанием зернобобовых и кисломолочных продуктов, а также растительных и мясных, но при этом возросло употребление продуктов рыболовства. Верность культурным традициям своего народа, их сохранность на протяжении более сотни лет в новых природных условиях и иноэтническом окружении являются ярким свидетельством высокого уровня адаптации, сохранения материальной и духовной культуры мордовского этноса. В жилище и хозяйственных постройках мордвы Дальнего Востока находят отражение общерегиональные атрибуты, в то же время здесь обнаруживаются локальные особенности, отдельные элементы жилища и усадьбы имеют свои этнокультурные корни (от

бесплановой застройки к рядовой и уличной; от простой избы — к избе с сенями, пятистенке и крестовику).

Высокая адаптивная роль семьи и семейно-бытового уклада в освоении нового региона во многом обуславливалась не только духовными основами, но и высокой приспособляемостью к конкретным условиям и заимствованиями мордвы от соседних дальневосточных славянских, тунгусо-маньчжурских, палеоазиатских и восточноазиатских народов. Выявлено, что мордва на новом месте сумела сохранить некоторые архаические элементы семейной обрядности, но не смогла сформировать обширное культурное пространство с преобладанием традиций какой-то одной региональной группы мордовского этноса. Разновременные, разнонаправленные и неодинаковые по численности и составу потоки мордовского народа обусловили появление здесь зон с преобладанием местных традиций в родильной, свадебной и похоронно-поминальной обрядности. Календарно-обрядовая традиция в хозяйственно-бытовой жизни мордвы занимает важное место. С течением времени она претерпела серьезные изменения, хотя до настоящего времени мордвой-переселенцами сохранены некоторые традиционные календарные праздники, привезенные с собой. Переселенцы, как правило, в новой среде пытались воссоздать традиционные формы жизнедеятельности как в материальной, так и в духовной сферах, что и приводило к вторичной актуализации и консервации определенных традиций в условиях этнической миграции. С другой стороны, в результате совместного проживания с другими народами Дальнего Востока в быту мордвы произошло взаимное обогащение праздничного быта.

Исследование этнического компонента в миграциях должно находиться в центре внимания государства. При этом следует учитывать как современную ситуацию, так и результаты многолетнего процесса накопления российского демографического потенциала на Дальнем Востоке. Необходимо выработка новой системы мер остановки оттока и стимулирования притока российских мигрантов на Дальнем Востоке, а также действенных механизмов контроля над иностранной иммиграцией, среди них — развитие этнокультурных институтов (конфессий, общественных объединений, школ, печати и пр.), играющих важную роль в сохранении этнической идентичности мигрантов; формирование этнопо-

литической элиты и ее роль в социально-культурной жизни диаспорных групп и взаимоотношениях с органами власти. Эффективность изучения обозначенных вопросов зависит от совершенствования материальной базы научных разработок, а также от творческого сотрудничества ученых и представителей органов управления.

Во исполнение Указа Президента РФ «О праздновании тысячелетия единения мордовского народа с народами Российской Федерации» 7—10 апреля 2010 г. в Приморском крае проводились дни Республики Мордовия под названием «Все мы — Россия!». Мероприятие прошло при участии Министерства регионального развития РФ, Администрации Главы РМ, Государственного Собрания РМ, Правительства РМ и Администрации Приморского края. Делегация Мордовии в Приморском крае принимала участие в нескольких деловых и праздничных мероприятиях. 8 апреля в Приморской государственной публичной библиотеке им. М. Горького и Приморском государственном объединенном музее им. В. К. Арсеньева проводилась презентация книги «Мордва Дальнего Востока». Министр по делам национальностей в РМ выступил с докладом «Межкультурный диалог народов России как фактор единения и сохранения целостности многонационального государства». Заместитель министра по делам национальностей в РМ совместно с другими делегатами передал книги по истории, языково-культурным традициям и современному социально-экономическому состоянию Республики Мордовия в фонды библиотеки. С ответным словом от Приморского края выступили старший научный сотрудник отдела этнологии Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, член Совета Ассамблеи народов Приморья, а также руководитель инициативной группы по созданию национально-культурной организации представителей мордовского народа в Приморском крае и др.

На следующий день состоялась встреча делегации Мордовии с С. М. Дарькиным, губернатором Приморского края, и администрацией Приморского края. Проходили и другие яркие массовые культурные мероприятия, которые прошли на высоком уровне, в очень дружественной, теплой обстановке. Это и есть единение, ради которого и прибыли представители Мордовии на Дальний Восток.

Таким образом, единение народов российского государства имело важное значение в развитии полиэтничного российского государства и дальнейшего укрепления его могущества. Единение мордовского народа с Россией было важным этапом в истории создания российского многонационального государства. Единение в целом имело прогрессивное значение. Оно создало более благоприятные условия для социально-экономического, политического и культурного развития народов. Этнокультурные отношения мордвы с другими народами России обогащают и тех, и других. Разнообразие культур может придать новые краски самобытности народа, который делается богаче в этническом и интеллектуальном плане, впитывая ценности тех народов, с которыми непосредственно постоянно связан. Чем богаче и многообразнее культура каждого, пусть самого малочисленного народа, тем больший вклад поступит в сокровищницу мировой цивилизации. Все, что достиг мордовский народ, стало возможным благодаря единению с другими народами.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Никонова Л.И., Биккейкин Е.Н., Зубов И.В., Гусева Т.М., Ильин Д.Ф. 1000 лет единения // Мордовия: наука, инновации, новые технологии. 2009. № 1. С. 27—28, 32.

² См.: Никонова Л.И., Щанкина Л.Н. Мордовская диаспора Дальнего Востока (по материалам этнографической экспедиции 2004 г.) // Мордовия: наука, инновации, новые технологии. 2005. № 2. С. 40.

³ См.: Никонова Л.И. и др. Мордва юга Сибири / под ред. В.А. Юрченкова, Л.И. Никоновой; НИИ гуманитар. наук при Правительстве РМ. Саранск, 2007. 312 с.; Никонова Л.И., Щанкина Л.Н., Шерстобитова Ж.В. Мордва Западной Сибири: в 2 ч. Ч. 1. Село Калиновка: сибирская история и мордовские традиции / под ред. В.А. Юрченкова. Саранск, 2009. 112 с.; Никонова Л.И., Щанкина Л.Н., Охотина Т.Н., Махалов С.А. Мордва Саратовской области: в 2 ч. Ч. 1. Петровский район / под ред. В.А. Юрченкова. Саранск, 2009. 200 с.; Никонова Л.И., Щанкина Л.Н., Авдошкина Н.Н., Савка В.П. Мордва Дальнего Востока / под ред. В.А. Юрченкова; НИИ гуманитар. наук при Правительстве РМ. Саранск, 2010. 312 с.

⁴ См.: Никонова Л.И., Щанкина Л.Н. Мордовская диаспора Дальнего Востока ... С. 8.

⁵ См.: Козлов В.И. Расселение мордовского народа в середине XIX — начале XX вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1956. С. 11.

⁶ См.: Ващук А.С., Чернолуцкая Е.Н., Королева В.А., Дудченко Г.Б., Герасимова Л.А. Этномиграционные процессы в Приморье в XX веке. Владивосток: «ИИАЭ ДВО РАН», 2002. 227 с.

⁷ См.: Разживин В.Ф. Динамика сельского населения Мордовской АССР (1926—1979 гг.) // Сельское хозяйство и крестьянство Среднего Поволжья в условиях развитого социализма. Чебоксары, 1982. С. 66.

⁸ См.: Козлов В.И. Национальности СССР: этнодемографический обзор. М., 1982. С. 81.

⁹ Там же. С. 105.

¹⁰ См.: Мордовия в период Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Саранск, 2005. Т. 1. С. 83.

¹¹ См.: Кичев Л.М. Руководство КПСС формированием и развитием рабочего класса в автономных республиках и областях в годы первых пятилеток. 1928—1937 гг. (на примере Мордовской АССР): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1980. С. 4.

¹² См.: История крестьянства СССР. История советского крестьянства. М., 1987. Т. 3. С. 24—25.

¹³ Там же. С. 28.

¹⁴ Там же. С. 29.

¹⁵ Там же. С. 28—31.

¹⁶ Там же. С. 148.

¹⁷ См.: Козлов В.И. Национальности СССР ... С. 107.

¹⁸ Таблица составлена по: Центральный государственный архив Республики Мордовия, Ф.Р-473, Оп. 1, Д. 183, Л. 32; Д. 296, Л. 273.

¹⁹ См.: Лаллукка С. Восточно-финские народы России. СПб., 1997. С. 106—107.

²⁰ См.: Тавадов Г.Т. Этнология: учебник для вузов. М.: Проект, 2004. С. 216—217.

²¹ См.: Всесоюзная перепись населения 1926 г. М., 1929. Т. 9. С. 79; Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. М., 1963. С. 334—336; Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. М., 1973. Т. 4. С. 71, 75—77, 91, 117, 328; Национальный состав населения РСФСР. По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. М., 1990. С. 147—149, 151; Национальный состав и владение языками, гражданство. Итоги Всесоюзной переписи населения 2002 г. М., 2004. Т. 4. Кн. 1—2. С. 1876—1887; Национальный состав населения Республики Мордовия. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года: стат. сб. Саранск, 2005. № 932. С. 93—94.

²² Таблица оставлена по: Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. 9. С. 79, 106—107; Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. С. 334—336; Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. Т. 4. С. 71, 75—77, 91, 117, 328; Национальный состав населения РСФСР. По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. С. 663—666, 669—673, 684—686, 690—693, 718—719; Национальный состав и владение языками, гражданство. Итоги Всесоюзной переписи населения 2002 г. Т. 4. Кн. 1—2. С. 113—120.

Поступила 15.03.10.

Н. Ф. БЕЛЯЕВА

ЭТНИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА В ПРОЦЕССАХ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ И КУЛЬТУРНОГО ДИАЛОГА¹

Ключевые слова: этничность, идентичность, самоидентификация, поликультурность, толерантность, культура, национальное развитие, культурный диалог

Key words: ethnicity, identity, self-identification, poly-culture, tolerance, culture, national development, cultural dialogue

Современные проблемы глобализации и модернизационной интеграции актуализируют проблему этничности, ее феноменов: этнических ценностей, исторических корней, этнической культуры. Этничность стала важнейшим символом идентичности, консолидирующим фактором. Этническое возрождение представляет собой позитивный социокультурный феномен, но при определенных обстоятельствах оно может способствовать утверждению националистических взглядов, сопровождающихся проявлением нетерпимости и агрессии по отношению к другим народам. В связи с этим особое значение приобретает позитивное формирование этничности, призванное исключить этноцентристские тенденции. В качестве основного средства в современном поликультурном обществе рассматривается этническая культура, которая представляет собой совокупность присущих этносу способов освоения условий своего существования, направленных на сохранение этноса и воспроизводство условий его жизнедеятельности². Изучение и знание своей культуры играет важную роль в снижении межнациональной напряженности, выстраивании конструктивного межэтнического и межконфессионального диалога. Человек, знающий культуру своего народа, способен

БЕЛЯЕВА Надежда Федоровна, заведующая кафедрой всеобщей истории Мордовского государственного педагогического института, доктор исторических наук, профессор.

понимать и принимать культуру других этносов, признать право другого быть отличным от него. Порой от непонимания иного способа мышления, менталитета, этических ценностей и возникают конфликты, приводящие к насилию.

Мордва — один из древнейших народов, живущих на территории России, сохранивших свой язык, национальную идентичность, что дает основание назвать ее государствообразующим народом. Культура мордвы сформировалась на обширной территории, где сталкивались различные народности, расы, цивилизации. Она развивалась в тесных контактах и во взаимодействии с культурами других народов, веками оттачивая свой образ мира, нравственные и этические принципы. Наиболее ярким ее выражением является язык. Язык и культура всегда рассматривались как первоэлемент духовного развития нации. В них отразились история народа, его менталитет, идеология, национальный характер. Эта идея весьма ярко отражена в устно-поэтическом творчестве, в частности, в мордовских пословицах: «Где мышление, там и язык. Нет мышления, нет языка», «Рыба сильна в воде, а народ своим языком и традициями»³. Родной язык и традиции издавна служили важнейшими средствами формирования этнической идентичности и этнического самосознания народа. Они являются самой простой и доступной формой трансмиссии национальной культуры и поэтому широко используются как средство укрепления единства социальной группы и коллективного сознания. Показательно, что в 90-х гг. XX в. наиболее популярными идеологемами, формируемыми национальной элитой, были идеологема престижа национальных языков и культуры.

О значимости родного языка как важнейшего компонента и фактора этнической идентичности свидетельствуют и современные этносоциологические исследования. По материалам экспертных опросов 2005—2006 гг., проведенных среди финно-угорских народов, 56,3 % мордвы в ранг этнообразующих признаков поставили родной язык. Среди студентов Мордовского университета таковых оказалось 50 %. Для сравнения отметим, что приоритет родному языку отдали только 39 % студентов русской национальности⁴. Большинство информаторов-сельчан разного возраста и социального положения считает родной язык основным признаком этнической самоидентификации. Например, в мордовских селах

Атюрьевского, Атяшевского, Большеберезниковского, Ельниковского, Темниковского районов Мордовии его значимость подчеркнули 95 % респондентов. Была отмечена необходимость сохранения и дальнейшего развития национальных языков. Языковое поведение можно иллюстрировать ответами «родной язык — язык, завещанный предками, которые сохраняли и передавали его из поколения в поколение»; «без языка нет народа»; «язык — это звезда на небосклоне, чем больше языков, тем больше звезд, и нужно сделать все возможное, чтобы не погасла ни одна звезда».

Материалы анкетирования студентов также показали высокую значимость языка в структуре этнической идентичности. Его выделили 85 % респондентов, 70 % отметили, что потеря языка ведет к понижению роли других элементов этнической идентичности, а в дальнейшем — к этнической ассимиляции. Были высказаны мнения, что язык служит маркером осознания общности происхождения, национальной культуры, традиционных верований. Студенты отметили значимость языка в определении степени этнического самосознания, поставили в прямую зависимость уровень языковой компетенции и самосознание, тем самым язык отождествили с этническим самосознанием.

Важным показателем сохранности и адаптации мордовского сельского населения к современным условиям является языковое общение. Во всех мокшанских и эрзянских селах родные языки выступают в качестве основного языка общения в семье, повседневной жизни и публичной сфере. В национально-смешанных семьях присутствует билингвизм, но в бытовой жизни также преобладают мордовские языки. Иное языковое поведение продемонстрировали студенты. В качестве языка общения даже в моноэтнической среде выступает русский язык: 60 % ответили, что предпочитают общаться на русском, у 18 % присутствует билингвизм, у 22 % — только родной язык. В то же время 72 % студентов мордовской национальности при выборе партнера для совместного проживания в общежитии предпочли представителя своей национальности. Таким образом, в сельском социуме велик статус родных языков, у подавляющего большинства информаторов велико желание передать свой язык следующим поколениям, который выполняет достаточно широкие функции. Что касается студенческой среды, то

здесь наряду с признанием мордовских языков в системе этнической идентичности прослеживается снижение их функций в общении и публичной сфере.

В числе важнейших этноинтегрирующих признаков вторую позицию занимают обычаи и обряды, национальные танцы и музыка. Так, 60 % студентов Мордовского государственного педагогического института свою принадлежность к своему народу ощущают через родные песни, танцы, празднично-обрядовую культуру. В качестве приоритетных также выделяется общность происхождения, чувство малой родины. Эти данные совпадают с материалами экспертных опросов 2006 г.: на вопрос об этнообразующих признаках из 300 респондентов большинство ответило, что это «родная земля, родная природа»⁵. Весьма распространены ответы, в которых обозначены одновременно несколько этнообразующих признаков, что свидетельствует о том, что восприятие у ряда опрошенных критерии родной язык, культура, место проживания являются равноценными. Тенденции возрастания роли общности исторической территории как фактора консолидации и самоидентификации характерны для всех финно-угорских народов. Почти аналогичная картина складывается в ходе беседы с информаторами и анализа ответов о значимости национальной культуры. Большинство положительно и высоко оценило свою культуру и ориентировано на ее сохранение и развитие. О функционировании этнической культуры можно судить по материалам опроса студентов: 70 % отметили, что знают свою культуру хорошо, 20 % — очень хорошо, 10 % — удовлетворительно; соблюдают традиции и обычаи народа 80 % сельчан, 42 % студентов. Гордость за свой народ отметили 95 % сельчан, 80 % студентов, при этом назывались имена выдающихся деятелей культуры, науки, искусства, духовенства (Никон, Патриарх Кирилл), олимпийских чемпионов.

Одним из важнейших составляющих народной культуры являются народные праздники. В них заложен огромный гуманистический потенциал. Они дают возможность познать многообразие культур, нормы поведения, уяснить общее и особенное в традициях, образе жизни. Праздники в значительной степени регулируют эмоциональное состояние людей, формируют и поддерживают чувство общности. Ярким показателем нашей эпохи является возвращение в жизнь

многих культурных ценностей, к числу которых относятся и традиционные народные праздники, так как именно праздник в значительной степени синтезирует все ценное, что накоплено в мировой культуре. Традиционная праздничная обрядность всегда служила мощной этноконсолидирующей силой. Праздник играет определенную роль в процессе социализации личности, осознании ею своего места и отношения к социальным группам. Своим эмоциональным климатом, зрелищностью, необычайностью, часто весельем и изобилием, возможностью воспользоваться благами, недоступными в повседневности, подарками, развлечениями и отступлениями от обычных правил, ограничивающих человеческое поведение, праздник на протяжении тысячелетий привлекает детей и молодежь, надолго остается в их памяти. Он оказывается поводом к самоотжествлению — в дни праздника молодежь часто яснее, чем в других случаях, осознает себя, свое единство с общественной группой. Церемониал, обряд, обычай праздника служат прекрасным уроком культурной традиции, к которой молодежь приобщается естественным и достойным образом — через непосредственное участие в торжествах. Знание праздничного ритуала и обычая является, с одной стороны, условием действительного участия в празднике, с другой — чертой принадлежности к определенной группе и ее культуре.

Издавна в мордовские села на праздники приезжали соседи из русских, татарских и чувашских сел. Многие исследователи отмечали, что русские соседи мордвы участвовали даже в мордовских языческих молениях, при этом начинали повторять у себя отдельные обряды и петь сопровождавшие их песни. В этнографической и исторической литературе немало упоминаний о совместных гуляниях представителей разных этносов. Например, в чувашских акатуях богатырями в борьбе, победителями в скачках, беге и других видах состязаний оказывались мордва, татары, марийцы, башкиры, удмурты⁶. Эта традиция сохраняется и поныне. Так, на праздник Акша Келу (Белая береза), издавна проводимый в Zubovo-Полянском районе, для участия в кулачных боях приезжают из окрестных сел представители русской и татарской национальностей.

Празднично-обрядовая культура сегодня играет огромную роль в формировании менталитета народа, национально-

го сознания. 87 % сельского населения считают народные праздники важнейшим средством сохранения национальной культуры и этнизации. С ними солидарны и респонденты-студенты, которые также отметили их роль в культурном диалоге, формировании толерантности. В настоящее время отмечена тенденция возрождения ряда элементов календарных праздников, в частности, возрождается обычай колядования на Рождество, гадания на Новый год, обряды Пасхи и др. В крупных населенных пунктах, районных центрах отмечается Масленица, проводы весны с использованием традиционных элементов народных праздников.

Составной частью мордовской культуры является песенное творчество. Песня издавна была спутницей мордвы. Ряд исследователей отмечали, что в летнюю ночь, приближаясь к мордовскому селению, уже верст за семь можно услышать поющие голоса. Любовь к песне, пению — одна из отличительных черт характера мокши и эрзи. «...Порадует ли что мордвина, — он радость свою выражает в песнях веселых, приключится ли горе, — и он выльет его в песнях протяжных и заунывных. Не тужит он ни в холод, ни в голод. В летнюю страдную пору, после дневных трудов, он с песней возвращается домой, как с веселой пирушки»⁷.

Народные песенные традиции передавались по наследству. В традиционном быту всегда высоко ценились талантливые исполнители. Слава о них шла по всей округе. И сегодня с большой теплотой и гордостью вспоминают о лучших народных песенниках. Наши материалы свидетельствуют о сохранении в сельской местности песенной традиции. Этому способствует проведение ежегодного фестиваля самодеятельного творчества «Шумбрат, Мордовия!». С каждым годом увеличивается число их участников, молодеет состав. 60 % студентов ощущают принадлежность к своему народу через родные песни, танцы, празднично-обрядовую культуру.

В структуре этнической идентичности важную роль играли морально-нравственные, религиозные, эстетические ценности, что в итоге определяли своеобразие духовной культуры народа. Для общества взаимоотношения с представителями разных возрастных групп, носителями иных идеалов и ценностей всегда были актуальными, поскольку вне системы поколений общественная жизнь невозможна. Многовековые традиции естественной толерантности к старшим, правила

поведения по отношению к ним ярко отражены в устно-поэтическом творчестве. Народная культура имеет колоссальный ресурс возрастной толерантности, который должен быть использован в современной практике при выработке стратегии гармоничного сосуществования различных этнических групп и поколений.

В последние годы повысилось значение религиозного фактора. Следует отметить, что уровень религиозности мордвы был всегда достаточно высок. Это подчеркивали многие исследователи, представители духовенства. В частности, архиепископ Саранский и Мордовский Варсонофий отмечал, что основной процент верующих в мордовских селах и деревнях, а в русских — верующих меньше, и душевно они как-то поскупее⁸. Подавляющее большинство сельских жителей считает себя православными. Но в сознании мордвы веками хранились и бытовали дохристианские верования и обряды. Например, по данным материалов этнографических экспедиций Мордовского государственного университета, проведенных в 1995—2003 гг., 25 % эрзян и 18 % мокшан почитают древнемордовские божества и молятся им наряду с христианскими, 1,5 % молятся только мордовским богам и знают весь пантеон мордовских языческих богов⁹. На волне этнического ренессанса началась оживление дохристианских верований, чему способствовала деятельность ряда национальных движений. Часть его лидеров выступает за возрождение язычества. В их поддержку высказались 12 % эрзян и 8 % мокшан¹⁰. Процесс возрождения дохристианских обрядов проявился в осуществлении религиозной практики. Наиболее интенсивно они проявляются в похоронно-поминальной обрядности. 35 % респондентов отметили бытование традиций народной медицины, поклонение языческим божествам. По их мнению, использование современных химических и синтетических препаратов стало причиной лекарственной зависимости и возросшего количества аллергических заболеваний. Удорожание медицинских услуг и лекарственных препаратов также стало причиной обращения населения к народным средствам, повысился статус знахарей, местных целителей, ворожей, почитаемых сакральных мест. В то же время процент респондентов, назвавших дохристианские верования в качестве существенного приоритета этнической самоидентификации, невелик: 9 % — у сельчан и 0,7 % — у студентов.

Традиционная культура оказывает огромное влияние на формирование профессионального изобразительного искусства. В творчестве многих живописцев, художников нашла отражение национальная тематика: культура повседневности, празднично-обрядовая жизнь, национальная одежда и др. Наиболее ярко жизнь мордвы воплотилась в творчестве Ф. В. Сычкова («Мяльщица льна», «Возвращение с сенокоса», «Учительница-мордовка»), Г. А. Медведева («Плач мордовской невесты», «Мордовская изба по-светлому», «Мордовская изба по-черному»), В. А. Березина («Праздник коня»). Национальная одежда стала основой для картин П. Ф. Рябова «Мокшанка в синем фартуке», «Эрзянка с книгой»; В. Д. Хрымова «Мокшанка у окна», «Мордовка»; И. И. Сидельникова «Мордовские вышивальщицы». Традиционная культура села легла в основу полотен В. А. Беднова «Мордовская ярмарка», «Беление холстов». Религиозные верования мордвы стали объектом картин Д. Д. Ануфриева «Старейшина у священного дуба», «Мордовские старейшины у священного дуба», «Суд старейшин»; А. С. Алешкина «Куд-атя», «Тюштя», «Пакся-Ава», «Каштан-Ава». В настоящее время дохристианское мировоззрение мордвы, предания, праздники и обряды реализуются в лирико-эпических картинах-пейзажах А. Н. Баргова «Эрзянь-озкс», «Праздник первой борозды», «Праздник березки». Таким образом, изобразительное искусство, обладая специфическими особенностями (наглядностью, универсализмом изобразительного языка), способствует сохранению и развитию этнической культуры, возрождению народных традиций. Многие художники рассматривают свое творчество не просто как возвращение к традиционно-этническим формам культуры, но и как наполнение современной культуры национальным содержанием, актуализацию в ней этнического.

Одним из важнейших элементов этнической культуры является материально-пространственная организация жизнедеятельности, включая жилище, пищу, одежду. Однако не все ее элементы в одинаковой степени играют этноидентифицирующую роль. Материалы анкетирования показывают, что самый низкий этнообразующий признак имеют жилое пространство и жилая среда. Только 0,3 % студентов определили их значимость в формировании этнической идентификации. Во многом это определяется большими изменениями,

связанными с формой организации поселений и жилища. Более высокий статус в шкале этнической идентичности имеет национальная пища. 27 % респондентов признали ее в качестве важнейшего признака. Подобный сдвиг приоритета во многом продиктован востребованностью национальных блюд и напитков, их популяризацией в СМИ во время проведения масштабных общественных и культурных мероприятий. В 2009 г. на русском и английском языках издан красочный альбом «Мордовская кухня», получивший признание в широких кругах общественности. Традиционные блюда широко представлены в престижных ресторанах и кафе, на всевозможных приемах.

Заметна тенденция возрастания роли национальной одежды, которая является одним из наиболее ярких элементов этнокультуры. Национальная одежда выполняет не только прикладную, но и дифференцирующую и консолидирующую функцию со своей знаковой системой по этническому, религиозному, территориальному признакам. Хотя основная масса сельского населения ориентируется на городскую одежду, но в ряде мокшанских сел Темниковского, Атюрьевского, Шайговского, Ельниковского и других районах традиционная одежда продолжает функционировать в повседневной и праздничной жизни. Народный костюм ценится не только старшим поколением, но и молодежью. В мордовских селах учащиеся одевают национальную одежду на уроки родного языка, литературы, истории, на различные культурно-массовые мероприятия. Наиболее колоритно традиционная одежда используется на фольклорно-этнографических праздниках, фестивалях и других мероприятиях. В популяризации традиционного костюма большое значение играют национальные центры, занимающиеся изготовлением мокшанских и эрзянских костюмов по лучшим образцам. Мордовская вышивка используется в моделировании современной одежды, в сельском и городском интерьере. Во всех общеобразовательных школах и учреждениях Мордовии имеются комплекты высокохудожественной одежды для фольклорных ансамблей. Роль национальной одежды как фактора самоидентификации отметили 80 % респондентов.

Огромное влияние на этническую культуру оказывает современная культурно-образовательная политика. В последние годы вопросам этнокультурного образования уделяется при-

стальное внимание во всех видах и типах образовательных учреждений.

Повышению росту национального сознания, возрождению национальной культуры способствует проведение широко-масштабных праздников и фестивалей. Одним из наиболее ярких и важных событий стало проведение в 2007 г. в республике I Международного фестиваля национальных культур финно-угорских народов «Шумбрат, Финно-Угрия!», на котором было представлено все богатство национальных культур родственных народов. Это фольклорные коллективы, народные художественные промыслы, декоративно-прикладное творчество, разнообразие национальной кухни, широкий ассортимент учебников и национальной литературы. Мордовия становится важным финно-угорским центром. В г. Саранске находится центральный офис «Ассоциации финно-угорских народов России», успешно функционирует Поволжский центр культур финно-угорских народов. Большую консолидирующую роль в национально-культурном развитии играют Съезды мордовского народа, Исполком межрегионального движения. Благодаря поддержке правительства различных уровней с 2007 г. выходит общероссийская «Финно-угорская газета». В межрегиональном центре финно-угроведения Мордовского государственного университета с 2008 г. издается научно-популярный журнал «Финно-угорский мир».

Росту национального самосознания мордвы способствуют и выдающиеся достижения наших спортсменов-чемпионов и призеров Олимпийских игр в Афинах и Пекине, чемпионатах мира и Европы. Многие из них вышли из мордовской глубинки.

Важным стимулом в развитии культуры мокшан и эрзян стал Указ Президента РФ Д. А. Медведева о праздновании в 2012 г. тысячелетия единения мордовского народа с народами России. В рамках празднования этого события пройдут многочисленные мероприятия в республике и других регионах страны. Они, несомненно, окажут влияние на процессы самоидентификации мордвы, будут способствовать сохранению и дальнейшему развитию этнокультуры, достижению межнациональной стабильности, формированию этнокультурной толерантности.

В то же время следует констатировать, что в связи с урбанизацией, снижением рождаемости наметились серьезные изменения в жизни села, в его инфраструктуре. Низкие демографические показатели приводят к закрытию культурно-образовательных учреждений, в том числе школ. Общеизвестен факт, если нет школы, то нет будущего у села. Еще в начале XX в. Д. И. Тихомиров, внесший весомый вклад в дело народного просвещения, подчеркивал значимость сельской школы в воспитании здоровой духовно-нравственной личности, назвал школу важным культурным центром, «мирским дворцом»¹¹. Изменение инфраструктуры, прежде всего культурной составляющей, ведет к снижению роли народной культуры. Молодые покидают родные места и ищут работу в крупных городах, промышленных центрах. Важной тенденцией становится образование вакуума между поколениями, разрыв преемственности. При наличии носителей традиционной культуры отсутствуют приемники. Традиция предполагает присутствие в социуме того, кто передает, и того, кто ее принимает и передает следующему поколению. Без этой преемственности может быть утрачена самобытная культура этноса. Чтобы не допустить этого, необходимо создать условия для развития села, его инфраструктуры.

Таким образом, наше исследование подтверждает, что этническая культура востребована у значительной части сельского социума независимо от социального и возрастного статуса. Доминирующее значение в формировании этнической идентичности имеют родной язык, народные праздники и традиции. Материальная культура играет роль этнического интерпретатора. Тесно контактируя со всеми другими компонентами этнической культуры, она несет и также выполняет определенные этноидентифицирующие функции.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке НИР № 3.1.2/7007 Аналитической ведомственной программы «Развитие научного потенциала высшей школы 2009—2010 гг.» «Научно-методическое обеспечение профилактики экстремизма и ксенофобии в системе российского образования».

² См.: Садохин А.П. и др. Этнология: учебник для студентов высш. учеб. заведений. М.: Издат. центр «Академия», 2003. С. 201.

³ См.: Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Саранск, 1967. Т. 4. Кн. 1. С. 182.

⁴ См.: Финно-угорские народы России: вчера, сегодня, завтра. Сыктывкар, 2008. С. 115.

⁵ Там же. С. 110—111.

⁶ См.: Волков Г.Н. Чувашская народная педагогика. Чебоксары, 1958. С. 153.

⁷ Ауновский В.А. Этнографический очерк мордвы-мокши // Памятная книжка Симбирской губернии на 1869 г. Симбирск, 1869. С. 87.

⁸ См.: Варсонофий. Отечеству нужны чистые люди // Мордовия. 1994. 18 февр.

⁹ См.: Мокшина Е.Н. Современная религиозная жизнь сельской мордвы // Региональное и глобальное: историко-гуманитарный аспект. Саранск, 2004. С. 213.

¹⁰ Там же.

¹¹ См.: Тихомиров Д.И. Переоценка ценностей // Педагогический листок. 1914. № 6. С. 101.

Поступила 22.03.10.

Н. А. ГАЛАКТИОНОВА

ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННЫХ ПРОЦЕССОВ РЕГИОНАЛИЗАЦИИ И ФОРМИРОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Ключевые слова: полиэтничное сообщество, ценностные установки, гражданская идентичность, региональная идентичность, регионализация

Key words: poly-ethnic community, value systems, civil identity, regional identity, regionalisation

Региональная идентичность является одной из составляющих системы координат социально-политического пространства на региональном и общегосударственном уровне¹. Региональная идентичность базируется на общей истории, культурных ценностях, экономическом потенциале региона, его роли в общегосударственном историческом процессе. М. П. Крылов под региональной идентичностью понимает системную совокупность культурных отношений, связанных с понятием «малая родина». В региональной идентичности сочетаются аспекты пространства и внутренней энергетики, «силы» идентичности, воспринимаемые как «местный патриотизм»².

В региональной идентичности может быть актуализирована политическая составляющая, находящая выражение в солидарности населения в отстаивании региональных интересов. Опыт многих стран показывает, что разные типы идентичностей (общегосударственная, региональная) и более узкая локальная могут «мирно сосуществовать», дополняя друг друга.

Современные региональные процессы можно объяснить как две разнонаправленные тенденции — глобализации и локализации, причем они могут быть вызваны как власт-

ГАЛАКТИОНОВА Нелли Анатольевна, доцент кафедры социологии и социального управления Тюменского государственного университета, кандидат филологических наук.

ными директивами (как в случае недавнего укрупнения российских регионов), так и стихийными политическими или этническими процессами (Косово, Абхазия и т. д.). Перспективы выделения, обособления крупных регионов можно объяснить с позиции синергетики, предложенной в свое время И. Пригожиным³. Синергетика вводит новый принцип соединения частей в целое, который, возможно, объясняет тенденции интеграции, характерные для ЕС, и одновременно тенденции к выделению обособленных регионов на пространстве России: Европейская Россия, Сибирь, Дальний Восток. Теория самоорганизации объясняет естественность колебаний развития: от дифференциации к интеграции, от ослабления к усилению связей.

Применительно к России вопрос о значимости формирования региональной идентичности не имеет однозначного ответа. В истории Зауралья существует несколько примеров негативной идентичности, оформленной в региональной системе координат. Это, в первую очередь, сибирское областничество конца XIX — начала XX в. под эгидой Н. Ядринцева, Н. Наумова, Г. Потанина, которые рассматривали Сибирь как политическую и экономическую колонию России, а сибиряков как особую нацию, что требовало установления автономного статуса Сибири. Как показал опыт развития страны в 90-е гг. XX в., мобилизация регионального самосознания населения может быть использована политическими силами в разных интересах.

Кроме того, в условиях общественной аномии, отсутствия консолидирующих общество идей актуализация форм идентичностей, сфокусированных на регионе или городе, может сопровождаться размыванием идентификации с «большим» сообществом. Об этом свидетельствуют результаты некоторых исследований, проведенных отечественными социологами в 90-е гг. Доля респондентов, ассоциирующих себя только с локальными и региональными общностями, доминировала над долей тех, кто в первую очередь идентифицировал себя с россиянами⁴. Активизация региональной идентичности определяется рядом факторов. Внутри регионов наблюдается относительная культурная однородность, подпитываемая региональными символами, культивированием традиций существования территорий в истории, выделением особых «бытовых» областей — «житница России», «кладовая

природных богатств страны», «черноморская жемчужина» России, «здравница России» и т. д.

Традиция не является единственным источником формирования идентичности. Региональная идентичность культивируется «сверху» усилиями и инициативой творческой интеллигенции и политиками, нередко их можно отнести к категории этнических антрепренеров, ибо в региональной идентичности нередко стремятся выделить именно этноконсолидирующий фактор. Такую картину можно наблюдать в социокультурных и политических процессах Якутии, Бурятии, Северного Кавказа. Исследователи региональных СМИ отмечают, что СМИ тиражируют представления о провинции как акторе возрождения России, подчас это стремление выливается в мифологию, в которой центр противопоставляется конкретному региону, причем последний выступает как полюс порядка, особо подчеркивается сверхзначимость региона для судьбы всей России⁵. В Тюменской области СМИ активно проводят работу по созданию региональной идентичности, вписанной в общероссийский контекст, осмысляя ее как реальную альтернативу этнизации областного сообщества. Активно включились в эту работу как русскоязычные СМИ, так и СМИ сибирских татар — второго по величине этноса области. В печатных и электронных СМИ тиражируются обращения «сибиряки», «тюменцы» (в широком смысле — как жители всей области), «ямальцы».

Региональная идентичность становится актуальной в условиях обострения кризиса общества, когда государство перекладывает часть своих обязанностей на региональные власти⁶. В этом случае самопроизвольные «низовые» процессы отражают ориентацию населения на более устойчивые формы пространственной коллективности.

Результаты исследований в Тюменской области показали, что хотя связь с большим сообществом является несколько размытой, однако в идентификационной шкале населения доминирует общегражданский принцип. По данным исследования Г. М. Заболотной, 53,3 % опрошенных на юге области, 56,3 % респондентов Югры и 63,4 % ямальцев ответили, что для них наиболее важным является «быть гражданином России»⁷. Для трети всех опрошенных другие формы идентичности не являются актуальными. Преобладает смешанная идентичность, построенная на сочетании нескольких

идентификационных позиций. В отличие от респондентов юга области для опрошенных «северян» принадлежность к городской или поселковой общности является более значимой, нежели региональная. На юге области исключение составляет Тобольск — первый исторический, политический центр всей Сибири. Здесь респонденты в большей степени ассоциируют себя с городской, нежели областной сущностью.

Для населения Тюменского региона не характерно гипертрофированное этническое самосознание различных групп, противоречащее общегражданской идентичности, как правило, они дополняют друг друга. Можно выделить несколько основных факторов, влияющих на оформление в области региональной идентичности, включающих в себя в различных иерархических вариантах этническую и общегражданскую идентичность.

Малонаселенность области, особенно ее северных округов. Большинство населения не относится к коренным жителям, если под укорененностью понимать многопоколенное проживание на данной территории.

Этническая мозаичность населения. Проведенное в 2007 г. пилотажное исследование одиннадцатиклассников г. Тюмени свидетельствует о том, что школьники из числа недавних мигрантов предпочитают характеризовать себя в терминах локальной этничности, идентифицируя себя не как «дагестанцев» вообще, а как «рутульцев», «курдов»; не «грузинка», а «кистинка» и т. д. Представители различных национальностей живут в области, вступая в контакты, конкурируя за рабочие места, место в образовательной системе и т. д.

Внешняя миграция. В Тюменской области и округах сформировались крупные диаспоры народов, которые еще в 70-е гг. XX в. не были представлены вообще, либо их численность не превышала нескольких сотен. Существенные различия в культуре (в том числе системе ценностей), структуре потребления могут привести к напряженности, сглаживают их полиэтничный и поликонфессиональный состав местного населения.

Внутрирегиональная миграция. Особенность области по сравнению с некоторыми другими районами России состоит в том, что внутрирегиональная миграция носит положительный потенциал. Тюмень — крупный образовательный

центр, способный предложить широкий спектр специальностей, чего не могут обеспечить другие города региона, поэтому Тюмень стала центром притяжения для молодой, перспективной части населения — студенчества. Многие из получивших высшее образование в Тюмени остаются здесь, занимая высокие властные посты, например, закончивший Надымскую школу В. В. Якушев стал сначала мэром Тюмени, а затем губернатором Тюменской области.

Своеобразие процессов модернизации. Социально-экономическое развитие региона, повлекшее изменение в нормах поведения, морали, не сбалансированы на юге и национальных округах. Народы тюменского севера получили большинство достижений технологического общества, различные материальные блага в готовом виде, а стремительность этого процесса мало повлияла на архаичные нормы поведения. То же самое касается мигрантов из южных регионов, которые, приехав в область из районов традиционной культуры, сложно адаптируются в современном урбанизированном пространстве городов, без привычного механизма социального контроля.

Сильная позиция региональных властей, жесткая политика центра в отношении проявлений этнонегативизма, поддержка с помощью властных институтов региональной идентичности, различных пиар-проектов, контроль над деятельностью СМИ.

Традиции партнерских отношений власти и общественных объединений, в том числе с НКА.

Низкая политическая активность населения Тюменской области. Относительная благополучность жизни не способствует активизации гражданской позиции.

В области в отличие от некоторых других субъектов Федерации отсутствует несколько конфликтогенных факторов⁸. Например, нет негативной исторической памяти, касающейся истории народов, проживающих на территории края. Тюменская область издавна была местом ссылки, поэтому существует опыт взаимоотношений с ущемленными в правах (от Долгоруких, Меньшикова, декабристов до переселенных в 40-е гг. XX в. калмыков, которых старались поддерживать). Коренные народы области не подвергались насильственной депортации, а приход русских на их исконные земли глазами местного населения — до сих пор часть потаенной

истории, некоторые элементы которой можно увидеть в литературе сибирских татар (Я. Занкиев), ханты (Е. Айпин). Относительная молодость и неразвитость местной литературной традиции не позволила появиться псевдонаучным литературно-художественным спекуляциям по этнической проблематике. Напротив, создаваемые тексты способствуют пониманию «русского влияния» как явления благотворного и необходимого⁹. В области единичны случаи проявления религиозного фундаментализма, политизированной формы ислама, возможно, в связи с тем, что есть возможность получения традиционного исламского образования без влияния радикальных элементов — медресе им. Нигматулла ДУМ в п. Ембаево, готовящее имамов, имам-хатыбов.

М. П. Погодиным, С. М. Соловьевым, А. Д. Градовским была выдвинута идея культурной однородности России в пространстве и слабой выраженности территориальной укорененности¹⁰. Попытка модернизировать эту концепцию принадлежит Л. В. Смирнягину, который говорит об «аспиративности русской культуры», обусловившей «ослабленность реакции на пространство» и отсутствие региональной идентичности¹¹. Ряд авторов отрицает существование российской региональной идентичности, говоря о кризисе идентичности, пиаре, отсутствии символического смысла у российских регионов, неструктурированности и отсутствии импульса саморазвития, отсутствии у русских «архетипа дома» и самого понятия «малая Родина»¹². О. И. Шкаратан и М. П. Крылов, напротив, отмечают, что региональная идентичность в России с конца XX в. создается на базе новых городских локальных субкультур путем преодоления экстенсивной культуры и традиционного общества¹³.

Существует мнение, что успех российских реформ возможен только при отрицании укорененности местного самосознания, что провоцирует пространственную и социальную мобильность. Однако исследование депрессивных регионов показало, что их жители не стремятся переселиться в более благополучные регионы¹⁴. Это заставляет определять подобные настроения не как признак стагнации и инерции мышления, а как признак долговременной результативности, внутренней мощи и самодостаточности¹⁵. Исследуя подобные феномены, ученые считают возможным признавать «культуру укорененности» и «культуру мобильности» равнозначными¹⁶,

подобное предложение максимально вписывается в синергетические принципы построения мира.

Особенности процессов, происходящих на территории области (в широком смысле включающую и национальные округа), соответствуют диалектическому пониманию сущего как единства и борьбы противоположностей. С одной стороны, регион максимально «вписан» в общероссийский контекст, что проявляется на уровне официальной политики властей, в прямых заявлениях и декларациях, в иницилируемых на территории области массовых мероприятиях, их социально значимом и ментальном наполнении, в архитектонике созидания областного пространства как «русского», в мироощущении жителей области, в иерархии идентичностей которых присутствует общегражданская. С другой стороны, в регионе культивируется «матрешечная» особость — в педалировании популяризации самоназваний «сибиряки», «тюменцы»; приветствуется мозаичность этнической самоидентификации граждан области; в стремлении выделить «особость» региона на карте России, его особую роль, статус, значение. Эти разнонаправленные тенденции уравниваются благодаря властным усилиям. Большинство населения области, ее аллохтонное и автохтонное население, настроено патриотично по отношению к общероссийским ценностям, а собственную идентичность представляет как особо окрашенный, но необходимый элемент общероссийской картины мира.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Мелешкина Е.Ю. Региональная идентичность как составляющая проблематики российского политического пространства // Региональное самосознание как фактор формирования политической культуры в России / под ред. М.В. Ильина, И.М. Бусыгиной. М., 1999. С. 126—137.

² См.: Крылов М.П. Региональная идентичность в историческом ядре европейской истории России // Социол. исслед. 2005. № 3. С. 13—23.

³ См.: Мельник В.В. Очерки концепции социокультурной бифуркации. Тюмень: Изд-во «Вектор-Бук», 2001. 148 с.

⁴ См.: Дробижева Л.М. Государственная и этническая идентичность: выбор и подвижность // Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современной России / отв. ред. В.С. Магун. М.: Изд-во Ин-та социологии РАН, 2006. С. 10—30; Нечаев В.Д. Региональный миф в политической культуре современной России. М.: РАН Центр цивилизационных и региональных исследований, 1999. 156 с.

⁵ См.: Логунов А. Роль СМИ в развитии процессов регионализации России // Роль прессы в формировании в России гражданского общества. М., 1999. С. 121—130; Малякин И. Российская региональная мифология: три возраста // Pro et contra. 2000. Т. 5. С. 109—122.

⁶ См.: Куцев Г.Ф. Тенденции регионализации высшей профессиональной школы в условиях Российского федерализма // Современный федерализм края, области в составе Российской Федерации. 16—17 сент. 1997. № 2. С. 110—116.

⁷ См.: Заболотная Г.М. Социально-политическое пространство общества и региона. Тюмень: Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2003. 212 с.

⁸ См.: Авксентьев В.А., Гриценко Г.Д., Дмитриев А.В. Региональная конфликтология: концепты и российская практика / под ред. РАН М.К. Горшкова. М.: Альфа-М, 2008. 386 с.

⁹ См., напр.: Галактионова Н.А. Русское влияние на развитие художественного творчества народов севера // Художественная культура Тюменской области. Тюмень, 2006. С. 91—96; Алишина Х.Ч. Грани развития культуры родного народа // Изучение родного языка в полиэтнической Тюменской области. Тюмень: Изд-во ТГУ, 2004. С. 173—187.

¹⁰ См.: Цимбаев Н.И. За горизонтом — земля! (к пониманию истории России) // Вопросы философии. 1997. № 1. С. 18—42.

¹¹ См.: Смирнягин Л.В. Территориальная морфология российского общества как отражение регионального чувства в русской культуре // Региональное самосознание как фактор формирования политической культуры в России. М., 1999. С. 108—115.

¹² См.: Филиппов А.Ф. Гетеронимия родных просторов // Отеч. зап. 2002. № 6. С. 62; Гельман В.Я. Политические элиты и стратегии региональной идентичности // Журн. социологии и социальной антропологии. 2003. Т. 6. № 2. С. 91—95; Глазгачев В.Л. Капитализация пространства // Эксперт. 2004. № 1. С. 100—104.

¹³ См.: Шкаратан О.И. Информационная экономика и пути развития России // Мир России. 2002. № 3. С. 55; Крылов М.П. Социально-экологический подход к феномену российской урбанизации // Урбанизация в формировании социокультурного пространства. М., 1999. С. 228—236.

¹⁴ См.: Мезенцева Б.Б., Косларская Н.П. Бег по замкнутому кругу: уровень жизни, ментальные установки и социальная мобильность жителей России // Мир России. 1998. № 3. С. 141—188.

¹⁵ См.: Мельянцева В.А. Восток и запад во втором тысячелетии: экономика, история и современность. М., 1996. С. 13.

¹⁶ См.: Крылов М.П. Феномен региональной идентичности в Европейской России: концептуальный контекст и опыт количественного анализа // Интеллектуальные и информационные ресурсы и структуры для регионального развития. М., 2002. С. 104—117.

Поступила 23.10.09.

Т. Н. СУКОНКИНА

ФОРМИРОВАНИЕ МУЛЬТИКУЛЬТУРНОГО ОБЩЕСТВА В РЕГИОНЕ

Ключевые слова: мультикультурализм, поликультурность, мультикультурность, этнокультурный плюрализм, самоидентификация, толерантность, межнациональные отношения, полиэтничность, многоконфессиональность

Key words: multi-culturalism, poly-culturalism, ethno-cultural pluralism, self-identification, tolerance, international relations, poly-ethnicity, multi-confessionalism

В последние десятилетия этнокультурная специфика приобретает все большее значение в процессе самоидентификации индивидов и социальных общностей. В этом контексте особо актуальным становится вопрос о бесконфликтном сосуществовании национальных культур в одном государстве или регионе. При этом внимания исследователей требуют не только вопросы индивидуальных взаимоотношений представителей различных культур, но и глобальные проблемы цивилизационного взаимодействия. Существует множество этико-философских, политологических и социо-логических концепций, предлагающих различные способы решения этих проблем. Теория мультикультурализма, предполагающая сосуществование различных культур на основе равноправного диалога, по мнению большинства исследователей, является наиболее адекватным теоретическим ответом на социальные вызовы современности.

Отечественными учеными мультикультурализм рассматривается как либеральная идеология, утвердившаяся в последние десятилетия XX в. в ответ на экономическую, политическую и культурную глобализацию, беспрецедентную

СУКОНКИНА Татьяна Николаевна, научный сотрудник сектора социально-экономических программ Научно-исследовательского института регионологии Мордовского государственного университета.

по размаху миграцию населения (в частности, иммиграцию в страны Запада), кризис национального государства, влияние новейших технологий и глобальных коммуникаций¹.

Проблемы, являющиеся предметом рассмотрения идеологов мультикультурализма, многообразны и зачастую противоречивы. Так, заявляя о провале политики мультикультурализма в Германии и Франции, снижении состояния агрессивности в мультикультурной среде Канады и Австралии или необходимости государственной поддержки этнокультурного образования в РФ, применяются одни и те же термины, но с различными значениями. Очевидно, что здесь происходит путаница не столько в употреблении понятия «мультикультурализм», сколько в интерпретации входящих в его смысловое поле понятий: «поликультурность», «мультикультурность» и «этнокультурный плюрализм».

Для большинства исследователей понятие «поликультурность» применимо к описанию как состояния государства, на территории которого существует множество этноконфессиональных групп, принадлежащих к различным культурам, так и нормам поведения гражданина правового государства. По мнению В. И. Матиса, поликультурность — это «сохранение и интеграция культурной самобытности личности в условиях многонационального общества, что позволяет формировать толерантные отношения между разными национальностями, воспитывать культуру межнационального общения»². Для И. А. Мальковской понятия «поликультурное общество» и «мультикультурное общество» не противопоставляются друг другу, хотя «мультикультурное общество» в отличие от «поликультурного» подчеркивает не множественность существующих культур, а многократность повторения, обмена, квотирования, тиражирования культурных различий. Мультикультурное общество — результат регулируемого обмена различиями³.

В таком случае «мультикультурность» — это такое состояние общества, когда индивид имеет равный доступ к различным культурам и может формировать собственную позицию. Что касается этнокультурного плюрализма, то это сосуществование множества культур в одном государстве, когда при явном доминировании одной культуры представители иных культур не подвергаются угрозе, но и не пользуются государственной поддержкой. В первом случае

мультикультурализм — это идеология, надстраивающая общенациональные ценности над этническими, провозглашающая определенный канон поведения и четко определяющая границы толерантности⁴. Во втором — это практическая реализации права на своеобразие и свободную, ничем не ограниченную самоидентификацию индивида и, соответственно, государственная политика, направленная на поддержание культурного разнообразия⁵. К третьему случаю политика мультикультурализма не может быть применена, так как этнокультурный плюрализм является основой, на которой создаются мультикультурное общество и поликультурное государство.

Основные теоретические и практические аспекты мультикультурализма систематизированы и кодифицированы в ряде нормативных документов. Так, в «Канадском Акте мультикультурализма» (1985 г., с поправками от 21 июля 1988 г.) подчеркивается, что мультикультурализм включает в себя признание и поддержку культурного и расового разнообразия общества. Этот Акт является основной характеристикой наследия и идентичности общества, обеспечивая его дальнейшее развитие; признает свободу всех членов общества; призван сохранять, улучшать и разделять их культурное наследие и т. д.⁶

В Австралии нет формального документа для национальной культурной политики относительно мультикультурализма. Вместо этого правительство определяет общие направления внутренней политики, которые служат основой реализации культурных целей и непрерывно обновляются. Так, в 1989 г. была издана «Национальная повестка дня для мультикультурной Австралии». Через десять лет она была расширена и адаптирована к современным условиям. В этом документе четко прописываются основные принципы реализации политики мультикультурализма⁷.

Но при этом в канадском и австралийском законодательстве подчеркивается, что осуществляемая там политика мультикультурализма исходит из основных ценностей либеральной демократии. Стабильность жизни современного поликультурного общества недостижима без реализации того или иного вида культурной политики. Мультикультурализм как политика обеспечивает поддержание социальной стабильности, межэтнической толерантности и гармонизацию

отношений между государством и этническими, культурными меньшинствами его составляющими, а также урегулирование отношений внутри этих меньшинств. Однако поликультурное общество может существовать и без специально декларируемой политики мультикультурализма (например, в современной России)⁸.

Так, мультикультуралистские тенденции в России, с одной стороны, обусловлены многонациональным составом населения страны, наличием национально-территориальных субъектов Федерации. С другой стороны, мультикультуралистский комплекс проблем актуален для России в связи с иммиграцией из стран СНГ. Проблемы мультикультурализма связаны также с построением в России гражданского общества, которое не может существовать без толерантного отношения друг к другу отдельных граждан и различных социальных групп, их умения приходить к согласию и учитывать взаимные интересы⁹. В Конституции РФ закреплена основная идея мультикультурализма, поскольку, следуя общедемократическим установкам, Конституция запрещает, с одной стороны, пропаганду расового, национального и языкового превосходства, с другой — предусматривает особые права для малочисленных народов, носящих характер преференций (например, для малочисленных народов Севера). Таким образом, реализуются основные постулаты мультикультурализма — защита государством отдельных групп, культурно отличных от основной массы населения. Также своеобразным проявлением мультикультурализма в РФ стал принятый в 1996 г. Закон «О национально-культурной автономии» (НКА), цель которого — сохранение самобытности, языка и культуры народов на федеральном и региональном уровнях. На 1 ноября 2009 г. по России было зарегистрировано 736 НКА по 59 национальностям¹⁰. В 1998 г. создана Ассамблея народов России, региональная деятельность которой вполне соответствует практике мультикультурализма¹¹.

К понятиям, означающим многообразие национального состава, добавляется сегодня понятие «многоконфессиональность». Согласно результатам социологического исследования «Резервы гармонизации социальных отношений в Мордовии», проведенного Научным центром социально-экономического мониторинга Республики Мордовия (НЦСМ РМ) в апреле

2008 г. к православным относят себя 88,2 %, мусульманам — 4,2 %, язычникам — 0,4 %. Ни к какой религии себя не относят 7,1 %. При этом среди русских и мордвы имеются 0,3 % мусульман, а среди татар — 10,6 % православных¹². Это касается не только крупных городов, но и небольших населенных пунктов. Однако наиболее влиятельной конфессией на территории Мордовии по-прежнему остается Русская православная церковь. На территории республики на октябрь 2009 г. зарегистрированы и действуют 353 религиозные организации, представляющие 9 конфессий, в числе которых Русская православная церковь, ислам, евангельские христиане — баптисты, христиане веры евангельской — пятидесятники, адвентисты седьмого дня, Церковь Ингрии, свидетели Иеговы, сознание Кришны (вайшнавизм), иудаизм¹³. Православие действует во взаимосвязи (иногда сложной и противоречивой) с другими религиозными организациями и явлениями, иногда и с язычеством. Оживление традиционных мордовских языческих верований и обрядов, стремление некоторых лидеров национального движения возродить языческую религию следует считать одной из особенностей современной этноконфессиональной ситуации в Мордовии.

Многоконфессиональность и полиэтничность выдвигают на передний план задачу поддержания толерантных отношений между людьми, принадлежащими к различным конфессиям и этносам. Это требование актуально, оно отражает одну из ценностей современной жизни.

Так, в Конституции Республики Мордовия 1995 г. в ст. 43 п. 3 подчеркивается, что культурная политика Республики Мордовия направлена на создание равных условий для сохранения и развития культуры всех проживающих в ней народов. Республика оказывает содействие в обеспечении национально-культурных и образовательных потребностей граждан мордовской национальности, проживающих за ее пределами¹⁴. В Законе РМ от 6 мая 1998 г. № 19-З «О государственных языках в Республике Мордовия» в ст. 8 говорится, что органы государственной власти РМ обеспечивают на территории республики создание системы образовательных учреждений с обучением на родном языке или изучением родных языков. Право выбора языка воспитания и обучения детей принадлежит родителям или лицам, их за-

меняющим, в соответствии с законодательством РФ¹⁵. В ст. 2 Закона РМ от 1 декабря 2004 г. № 93-З «О государственной поддержке национально-культурных автономий» указано, что органы государственной власти РМ оказывают поддержку национально-культурным автономиям в целях сохранения национальной самобытности, развития национального (родного) языка и национальной культуры, в том числе языка и культуры мордовского народа, компактно проживающего в иных субъектах РФ; создания средств массовой информации в порядке, установленном законодательством РФ и РМ; поддержки национальных традиций и обычаев; возрождения и развития художественных народных промыслов и ремесел; сохранения и обогащения исторического и культурного наследия¹⁶.

Население республики не придает принципиального значения этническим различиям в своем социальном поведении, рассматривая их как менее существенные по сравнению с экономическими, классовыми, властными, территориальными, социально-демографическими. Однако потенциальные причины межэтнической напряженности в республике существуют. Хотя этническая неприязнь в республике не имеет массового характера, по данным исследования НЦСЭМ, с ней все же сталкивались около 20 % респондентов, такова же доля опрошенных, декларировавших свою неприязнь к представителям каких-либо национальностей¹⁷. Не в последнюю очередь проявляющаяся напряженность связана с увеличением масштабов трудовой миграции в республику иностранных рабочих из стран СНГ. Население республики в основном игнорирует необходимость привлечения рабочей силы из-за рубежа и относится с предубеждением к мигрантам-иностранцам. Устранение этого предубеждения потребует дополнительных мер в области миграционной и внутренней политики Мордовии.

Все проблемы межнациональных отношений находятся под пристальным вниманием органов государственной власти Мордовии. Их главной задачей является предотвращение националистических и экстремистских тенденций в развитии межэтнических отношений, использования «национальной карты» радикальными элементами любого толка.

Возрастает роль этнокультурных организаций, призванных стать элементом гражданского общества, самостоятельно

решающих вопросы сохранения этнической самобытности, развития языка, образования, национальной культуры. Основными общественными организациями республики являются Мордовская республиканская общественная организация «Общество татарской культуры „Якташлар“» («Земляки»), Мордовский республиканский общественный фонд спасения эрзянского языка, Общественная организация «Союз тавлинских мастеров „Эрьмезь“», Межрегиональное общественное движение мордовского (мокшанского и эрзянского) народа, Городская общественная организация «Народный фронт эрзян», Мордовский региональный финно-угорский общественный фонд культурного и экономического сотрудничества «Масторава», Местная национально-культурная автономия украинцев г. Саранска Республики Мордовия, Мордовская республиканская молодежная организация «Фольклорно-этнографическая студия „Торама“», Молодежное общественное движение мордовского народа Республики Мордовия, Межрегиональное общественное движение мордовского (мокшанского и эрзянского) народа и Некоммерческая ассоциация «Поволжский центр культур финно-угорских народов». Каждое общественное движение республики вносит свою лепту в укрепление межнационального согласия народов республики.

Растет и активность общественных объединений республики в сотрудничестве с финно-угорским миром. В РМ все чаще стали проходить заседания Консультативного Комитета финно-угорских народов, а также проведение международных конференций по линии Всемирного конгресса финно-угорских народов.

Особое значение в республике придается изучению национальных языков в дошкольных учреждениях и школах. В ряде дошкольных учреждений организованы кружки по изучению мордовских языков. Ряд детских садов работает на основе специальных программ, позволяющих детям усваивать основы мордовской культуры. Знаковым событием в этом контексте явилось проведение 31 октября 2007 г. в Поволжском центре культур финно-угорских народов межрегионального семинара-совещания работников дошкольных учреждений по вопросам национально-регионального компонента в учреждениях дошкольного образования.

Органами государственной власти Мордовии принимаются конкретные меры по созданию условий для сохранения единства и творческой самобытности этносов, гармонизации интересов проживающих в регионе этнических групп. Деятельность республиканских властей направлена на предотвращение экстремизма, укрепление межнационального, межконфессионального согласия и сотрудничества во всех сферах жизнедеятельности общества.

Не меньшую роль в гармоничном развитии межнациональных отношений в республике играют национальные СМИ («Мокшень правда», «Ислам в Мордовии», «Татарская газета», «Юлдаш», «Якстерь тяштень» («Красная звездочка») и «Чилисема» («Восход»). В региональной прессе освещаются основные события сферы этнокультурных отношений, но внимание уделяется не только достижениям, но и проб-лемам (например, в сфере национального образования). Печатные издания являются важным фактором формирования национального самосознания мордовского народа, пропагандирующим ценности культуры, достижения в областях науки, сельского хозяйства, строительства, спорта. Развитие системы межэтнической коммуникации посредством СМИ и использование ресурсов массмедиа для укрепления общенациональных ценностей на региональном уровне — одни из наиболее перспективных направлений реализации этнокультурной политики в Мордовии.

В целом межэтнические отношения в Республике Мордовия являются стабильными, с отсутствием выраженного этнического доминирования, сепаратистских тенденций и конфликтов с федеральным центром, массовых социальных движений под этническими лозунгами и вспышек этнического насилия. Можно утверждать, что стабильная межэтническая ситуация в Мордовии является результатом эффективной деятельности организаций гражданского общества и продуманной государственной региональной национальной политики.

Однако действия общественных организаций и власти пока не скоординированы в достаточной мере, не существует прочных связей между различными сферами реализации национальной политики (культурой, образованием, наукой, СМИ), не всегда используется положительный опыт других регионов и государств, до конца не раскрыт потенциал институтов гражданского общества.

Для развития и укрепления мультикультурных ценностей в Мордовии важной представляется разработка региональной концепции мультикультурного развития, которая задавала бы четкие ценностные ориентиры дальнейшего взаимовыгодного сосуществования различных национальных культур. При этом в концепции необходимо учесть как теоретические основания мультикультурализма, разработанные в отечественных и зарубежных философских, политологических и социологических концепциях, так и позитивный опыт взаимодействия национальных культур, накопленный в республике. Создание такой концепции возможно при условии тесного взаимодействия государства и широкой общественности. Работа по формулировке основных положений и признаков этого документа способна обозначить основные сферы, где взаимодействие различных общественных сил будет наиболее плодотворным, а также выявить перспективы будущего культурного развития региона. Эта работа особенно актуальна в преддверии тысячелетия единения мордовского народа с народами российского государства.

Таким образом, мультикультурализм, предлагая легитимацию различных форм культурного разнообразия, выраженную формулой «интеграция без ассимиляции», представляется одним из наиболее многообещающих методов решения проблем в этнокультурной сфере. Однако необходим учет всех концепций, идей, ценностей, предложенных в теории мультикультурализма при определении ориентиров национальной и культурной политики региона. С другой стороны, в процессе формирования основ мультикультурной политики России в целом необходимо активно использовать не только зарубежные концепции и нормативные документы, но и свой региональный опыт, в частности опыт межнационального взаимодействия, накопленный в Республике Мордовия.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Куропятник А.И. Мультикультурализм: проблемы социальной стабильности полиэтнических обществ. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2000. С. 7.

² Цит. по.: Федеральное агентство по образованию Российской Федерации. URL: ifl.uspu.ru/.../kafedra_english/tezis2009.doc (дата обращения: 11.03.2010).

³ См.: Мальковская И.А. Глобализация и транскультурный вызов западного мира // Социол. исслед. 2005. № 12. С. 4.

⁴ См.: Борисов А.А. Американские консерваторы и мультикультурализм: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Пермь, 2000. С. 5.

⁵ См.: Kymlicka W. Politics in vernacular: Nationalism, Multiculturalism and Citizenship. Oxford: Oxford University Press, 2001. P. 265.

⁶ См.: Canadian Multiculturalism Act 1985, с. 24 (4th Supp.). URL: <http://laws.justice.gc.ca/eng/C-18.7/20100309/page-0.html?rp2=SEARCHADVANCED&rp3=AD&rp4=bool&rp5=Canadian%20Multiculturalism%20Act&rp6=9&rp7=3&rp16=2010&rp9=cs&rp10=L&rp13=50#idhit1> (дата обращения: 09.03.2010).

⁷ См.: National Agenda for a Multicultural Australia. URL: What is multiculturalism? // www.multiculturalaustralia.edu.au/doc/multoff_1.pdf (дата обращения: 09.03.2010).

⁸ См.: Мальковская И.А. Глобализация и транскультурный вызов ... С. 4.

⁹ См.: Мультикультурализм и этнокультурные процессы в меняющемся мире / под ред. Г.И. Зверевой. М.: Аспект Пресс, 2003. С. 16.

¹⁰ См.: Перечень национально-культурных автономий, действующих в России, по состоянию на 01.10.2009. URL: http://www.minjust.ru/common/img/uploaded/docs/2009.11.30_NKA_na_01.10.2009.xls (дата обращения: 11.03.2010).

¹¹ См.: Дерябина С.Р. Россия и опыт мультикультурализма: за и против // Этнопанорама. 2005. № 1—2. С. 15.

¹² См.: Богатова О.А. Религиозность населения Мордовии как фактор гармонизации социальных отношений // Факторы и механизмы гармонизации социальных отношений в Республике Мордовия: моногр. Саранск, 2009. С. 54—55.

¹³ См.: Прокуратура предупреждает об опасности религиозного экстремизма // Изв. Мордовии. 2009. 15 окт. № 155. С. 4.

¹⁴ См.: Конституция Республики Мордовия. Саранск: Тип. «Красный Октябрь», 1997. С. 12—13.

¹⁵ См.: Закон Республики Мордовия от 6 мая 1998 г. № 19-З «О государственных языках в Республике Мордовия» // Изв. Мордовии. 1998. 7 мая. № 82. С. 3.

¹⁶ См.: Закон Республики Мордовия от 1 декабря 2004 г. № 93-З «О государственной поддержке национально-культурных автономий» // Изв. Мордовии. 2004. 7 дек. № 185. С. 3.

¹⁷ См.: Богатова О.А. Гармонизация межэтнических отношений в Республике Мордовия // Факторы и механизмы гармонизации социальных отношений в Республике Мордовия ... С. 150.

Поступила 11.03.10.

В. И. ДОБРЫНИНА, Н. С. КУЛЕШОВА
ЭТНОСОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ГОСУДАРСТВ ПОСТСОВЕТСКОГО ЕВРАЗИЙСКОГО ПРОСТРАНСТВА

Ключевые слова: этнос, этносоциокультурный потенциал, человеческий капитал, общество риска, демографические тенденции, мигранты, адаптация, ассимиляция

Key words: ethnos, ethno-socio-cultural potential, human capital, risk society, demographic tendencies, migrants, adaptation, assimilation

Анализ современных инновативных процессов показывает, что они развиваются достаточно хаотично и во все более ускоряющихся темпах. Это позволяет современные общества характеризовать как общества высокого социального риска, а радикальные изменения — как неадекватные психофизиологической природе человека¹.

Для новейшего этапа развития человечества одной из наиболее значимых особенностей, существенно влияющих на общий ход истории, является современная демографическая ситуация, связанная с общепланетарным сокращением рождаемости и проблемой возрастания стоимости человеческого капитала, необходимого для дальнейшего развития человечества.

Когда население Земли в конце XX в. стало насчитывать свыше 6 млрд чел., демографы увидели, что рост численности населения происходит не за счет высокой рождаемости, а за счет увеличения продолжительности жизни населения. Увеличение средней продолжительности жизни и, следовательно, когорты старших граждан выступает значимым социальным индикатором, свидетельствующим об общем достаточно высоком экономическом уровне жизни общества и

ДОБРЫНИНА Валентина Ивановна, профессор кафедры бизнеса и управленческой стратегии Института бизнеса и делового администрирования Академии народного хозяйства при Правительстве РФ, доктор философских наук.

КУЛЕШОВА Наталья Сергеевна, доцент кафедры истории стран Ближнего и Среднего Востока Московского государственного университета, кандидат философских наук.

об успехах системы здравоохранения. В это же время, как отмечает международная статистика, за последние сорок лет существенно уменьшилась рождаемость по странам и континентам.

Радикальные перемены в новых независимых государствах, возникших после распада СССР и лагеря социализма, существенным образом сказались на рождаемости в этих странах. Так, по данным за 2005 г., рождаемость составляла в Венгрии 1,03; Литве и Румынии — 1,01; Латвии — 1,0; Польше — 0,99; Болгарии — 0,98; Чехии и Белоруссии — 0,97; Словакии и Молдове — 0,96; Словении — 0,94; Украине всего — 0,90. Коэффициент рождений в РФ в 2006 г. был 1,296. Причем в городах эта цифра составляла 1,19, а на селе — 1,61². Таким образом, путь радикальных перемен в этих странах сказался, прежде всего, на рождаемости, росте человеческого или социального капитала, совокупная величина которого и составляет главное богатство любого современного общества, стремящегося к процветанию.

С 1990 г. публикуется индекс развития человеческого потенциала стран, входящих в ООН. Этот комплексный сравнительный показатель качества жизни населения, разработанный на основе учета более ста характеристик, позволяет выявить ряд значимых индексов, значение которых выражается в пределах от 0 до 1. На этом основании рассчитывается рейтинг группы стран с высоким (от 1 до 0,8), средним (от 0,8 до 0,5) и низким (от 0,5 до 0) уровнем развития человеческого потенциала. Этот показатель подсчитывается и публикуется в официальных изданиях ООН как меняющийся рейтинг 175 стран, входящих в ООН, по индексу человеческого развития.

Экономические потрясения и радикальные социально-политические изменения в странах СНГ, трансформация большинства из них из стабильных в общества высоких социальных рисков и хаотической нестабильности во всех сферах социальной практики существенным образом повлияли на рейтинг стран СНГ по индексу человеческого развития. Первое место среди всех стран СНГ занимает Беларусь. Однако это всего лишь 60-е место в мире, Россия существенно отстает от Беларуси, занимая 71-е место, а Казахстан — 76-е место, Узбекистан — 92-е, Киргизия — 97-е, Таджикистан — 108-е³. Эти показатели доказывают,

что стоимость человеческого капитала неизменно снижается в обществе с высокой неопределенностью, в условиях разнообразных природных, техногенных и социальных рисков, при хаотическом воздействии на жизнь человека множества экономических, политических, социокультурных и индивидуально-личностных факторов и обстоятельств.

Происходившие в конце XX в. сложные политические и социально-экономические процессы привели к распаду СССР и возникновению на постсоветском евразийском пространстве ряда независимых государств, которые в лице своих властных структур заявили о стремлении к интеграции в мировое общество, для чего на основе либеральной идеологии начали осуществлять переход к становлению института частной собственности и рыночных отношений, формировать гражданское общество и реализовывать принципы демократии во всех сферах социальной практики. Следует отметить, что по важнейшим геополитическим, технико-технологическим, социокультурным и этнодемографическим характеристикам новые независимые государства уже на старте находились в неравных условиях.

По ряду значимых демографических показателей страны Балтии, Беларусь, Украина и Молдова, а также страны центральноазиатского региона существенно отличались от других государств постсоветского пространства. К таковым относится отрицательная величина прироста населения (депопуляция и старение населения при достаточно высокой продолжительности жизни). Для этих стран характерна сравнительно небольшая численность населения детских возрастов. При наличии кризисных явлений в экономике, создающих трудности на рынке труда для подрастающих поколений, и благодаря включенности в той или иной мере стран Балтии в европейское сообщество возникает и сохраняется высокая миграция наиболее молодой, экономически активной части населения.

Другой значимой составляющей этносоциокультурного потенциала стран Балтии является существенная полиэтничность их населения и отсутствие гражданства у многих проживающих в этих странах. Если литовцы составляли до 80 % населения страны, то в Латвии — 52 % населения, а каждый пятый в Эстонии был русским. Все это существенно осложняло общую социокультурную и политическую

обстановку, особенно стран Балтии, стремящихся войти в общеевропейский дом.

Для этой группы государств характерны свои этносоциокультурные особенности, связанные с исторической судьбой каждой из этих стран, населенной не одним, а многими этносами. Однако, если другие народы составляют в Беларуси 22 % и из них русских 13 %, то в пятидесятиmillionной Украине русские составляют 22 % населения, или 10 млн, 5 % населения приходятся на другие народы. Другими словами, каждый четвертый житель Украины не принадлежит к «титальному этносу». Еще сложнее обстоит дело с населением Молдовы, где молдоване составляют 65 % населения страны, а украинцы и русские в сумме насчитывают около трети всего населения. Характерно, что только в Беларуси официальными языками признаются белорусский и русский языки, в то время как на Украине и Молдавии, где русского населения существенно больше в процентном отношении, русский язык не имеет официального статуса.

Следует отметить, что проблема использования русского языка не только как доминирующего в обыденном общении, но и языка средств массовой коммуникации и официального, на котором пишутся государственные документы и осуществляются юридические, правовые и другие гражданские социальные отношения, приобрела особое значение и стала в этих государствах «козырной политической картой», достаточно успешно разыгрываемой в течение всего периода их независимого существования.

В отличие от других групп новых независимых государств страны центральноазиатского региона отличаются по своему этносоциокультурному потенциалу населения по весьма значимым параметрам, например, положительным приростом населения (от 0,1 до 2,1 % год) и, следовательно, наличием большой по численности группы населения детского возраста, составляющей от 29,1 до 42 % от общей численности населения. Следует подчеркнуть, что эта группа новых независимых государств (кроме Казахстана) в отличие от государств Балтии и других государств на постсоветском пространстве имеет самый низкий показатель ВВП на душу населения в год. Вместе с тем осуществление радикальных перемен в жизни этих государств способствовало развитию кризисных явлений в обществе, в том числе и радикальных

изменений в современных этнодемографических процессах. Так, по официальным данным, в Республике Казахстан коэффициент рождаемости у казахов в три раза превышает коэффициент смертности, а у русского населения смертность вдвое превышает рождаемость. Причем соотношение возрастных когорт в русском населении Казахстана таково, что указанные диспропорции не только сохраняются, но еще и увеличатся⁴.

С 2000 по 2007 г. население Киргизии, Таджикистана, Узбекистана и Казахстана увеличилось более чем на 3 млн, несмотря на мощный поток эмиграции из этих стран преимущественно русского населения. Оставшиеся после развала СССР за пределами своей «этнической родины» более 50 млн советских людей называются теперь, согласно решению Правительственной комиссии РФ, «соотечественниками за рубежом», примерно половину из них составляют люди, исторические корни которых связаны с Россией, и не менее 20 млн из них — русские.

Не следует забывать о том, что в процессе становления этих новых государств показала свою высокую эффективность концепция этнического национализма, в основе которой находятся новое понимание этничности и жесткое следование принципам «свой-чужой», когда власти новых государств заговорили об оккупантах и колонизаторах, начав вытеснение русского языка и традиций русской культуры, используя для этого не только административный ресурс, но и другие методы и способы воздействия на инакомыслящих. Следует отметить, что тезис этнического национализма достаточно успешно использовался многими западными странами, тяготеющими к инструменталистскому пониманию этносов, в основе которого лежит политологическая трактовка межэтнических отношений.

Одной из наиболее актуальных проблем, характеризующих практически все государства, возникшие на постсоветском пространстве, является вопрос этнической идентичности и межэтнических отношений.

Традиции монистического понимания истории предполагают, что первоосновой этнического сознания и самосознания является социокультурное бытие этносов, обусловленное объективными факторами его существования. На основе постоянной совместной деятельности и общения при ком-

муникации формируются специфические для каждого этноса черты культуры, которые передаются из поколения в поколение как совокупность норм, стандартов, традиций, поддерживаемых массовым сознанием этноса в процессе коллективной жизнедеятельности его членов.

Для современного социально-гуманитарного знания является очевидным, что основа классификации народов и этносов базируется не на одном, а на множестве объективно существующих критериев и признаков, которые отличают один народ (этнос) от другого, и при этом различия имеют конкретно-исторический характер. Такими критериями являются в первую очередь этнолингвистические, расово-антропологические и конфессиональные характеристики, в меньшей степени — отнесение народов к определенным этногеографическим областям и хозяйственно-культурным типам, на основе которых у народов складываются ведущие виды деятельности и уклады хозяйствования, а также практика повседневности.

В современном социально-гуманитарном знании содержание понятия «этничность» связывают с общим для всех членов группы наименованием (этноним), а также с общими чертами в их материальной и духовной культуре. Общими представлениями, объединяющими духовный мир этноса, является миф о его происхождении и коллективной исторической памяти, определенной территории и чувстве солидарности, т. е., одним словом, все то, что называется ментальностью. В самом общем виде ментальность определяют как способ мышления, мировосприятия и социотипического поведения личности, группы, этноса, обусловленного экзистенциальным и реальным бытием людей, их биогенной природой и социокультурными составляющими их идеального бытия, которые формируют сущностное или идеальное бытие этноса.

Для современного социально-философского знания проблематика исследования этносов включает в себя анализ разнообразных ресурсов, которыми обладает этнос, так как именно ресурсная база позволяет выявлять возможности и тенденции развития этноса, его историческую судьбу, направление и формы развития. Обращение к истории любого народа доказывает, что в современном мире контроль над ресурсами является основой экономического и, следовательно-

но, политического суверенитета любого современного этноса, определяя вместе с тем жизнестойкость, т. е. физическое, психическое и моральное состояние этноса.

К современной ресурсной базе этноса относятся естественные богатства средств существования (солнечная энергия, атмосфера, климат, земля, ее плодородие, богатство флоры и фауны); естественные богатства средств труда (полезные ископаемые, энергетические ресурсы, географическое положение территории, коммуникационные средства и коммуникативные способы получения, переработки и хранения информации). Важнейшим ресурсом современных этносов является человек, определяемый современным общественным знанием как главное богатство современных обществ — человеческий потенциал, социальный и человеческий капитал.

Если основными атрибутивными признаками, характеризующими любой этнос, являются общие территория, язык, обычаи и традиции культуры, уклады хозяйствования или экономическая жизнь, то национальные черты человек приобретает в рамках конкретного социального окружения. Именно, функционируя во множестве внешних связей, человек осваивает культурные нормы и стандарты, своего рода этнокультурные маркеры, которые, интериоризируясь субъектом, обеспечивают его устойчивость как представителя конкретного этноса. Однако только под влиянием индивидуально-личностного самосознания субъекта, его волевых усилий, направленных на совместную деятельность и общение с другими людьми, происходит этнонациональная идентификация человека, формируются его этническое самосознание, национальный характер, менталитет.

В современном мире в связи с высокой мобильностью населения и миграционными процессами, которые приобрели массовые масштабы, происходит размывание границ этничности, усугубляющееся активной деятельностью современных СМИ, существенным образом формирующих массовое сознание населения государств либо в традициях этнокультурной локализации (культурного традиционизма), либо в принципах транскультурной глобализации, преимущественно североамериканского образца. В связи с этим теоретическое осмысление проблематики этничности приобретает особенное значение.

В этом случае этнос легко интерпретируется как конкретный политический инструмент, сознательно сконструированная политическая иллюзия, используемая политическими силами в борьбе за власть и влияние. Особенно это стало очевидным, когда стали распадаться многонациональные государства — СССР, Чехословакия, Югославия.

Таким образом, при использовании символов этнического саморазличия, современных социальных и политических технологий создаются утилитарные модели этничности, легко внедряемые в этнонациональную среду для мобилизации масс, действия которых в итоге всегда обеспечивают победу конкретных политических сил и властных структур, а не подлинное социальное равенство этносов и народов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / пер. с нем. В. Седелникова и Н. Федоровой; послесл. А. Филиппова. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 384 с.

² См.: Россия в цифрах. Офиц. изд. М., 2007. С. 89.

³ См.: Народонаселение. 2001. № 2. С. 45—52.

⁴ См.: Российская диаспора на пространстве СНГ. М., 2007. С. 107.

Поступила 22.03.10.

Т. Х. САЛЬКАЕВ

СПЕЦИФИКА КОНФЕССИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ПОВОЛЖЬЯ

Ключевые слова: межэтнические и межконфессиональные отношения, Поволжье, традиция, симбиоз, нравственность, ценностные нормы

Key words: inter-ethnic and inter-confessional relations, the Volga Region, tradition, symbiosis, morals, value norms

Среди актуальных проблем современности развитие межэтнических, межрегиональных отношений, культурного диалога остается наиболее важным. Во многом результативность их исследования зависит не столько от социально-экономических факторов, сколько от того, насколько внимательно будут учтены исторические традиции, духовная атмосфера зон межрегионального и межэтнического диалога.

Уникальным по своей специфике, социально-экономическим традициям является опыт Поволжского региона в контексте культурного межконфессионального диалога. Уже в период раннесредневекового государства регион Поволжья был сферой интенсивных этнических контактов между славяно-христианскими и тюркско-исламскими центрами. Интересно по этому вопросу мнение В. О. Ключевского, которое, правда, относится к более северным финским племенам, но, принимая в расчет архетип русского характера, образ жизни русского человека и способ колонизации территории России, оно, вероятно, отчасти (или в целом) верно и по отношению к мордовским племенам, особенно на первом этапе «встречи» двух этносов: «Финские и русские названия сел и рек идут не сплошными полосами, а попеременно, одни с другими. Значит, русские переселенцы не вторгались в край финнов крупными массами, а, как бы сказать, просачивались тонкими струями, занимая обширные промежутки, какие оставались

САЛЬКАЕВ Тимур Хафизович, аспирант кафедры философии для гуманитарных специальностей Мордовского государственного университета.

между разбросанными среди болот и лесов финскими поселками. Такой порядок размещения колонистов был бы невозможен при усиленной борьбе их с туземцами»¹.

Примерно с XIV в. в среду мордвы стало проникать православие. Процесс христианизации мордовского населения был очень сложным. Вначале, вероятно, часть мордвы принимала православие стихийно от проникавшего в ее среду русского населения. С вхождением мордовских земель в состав Российского государства (в середине XIV в.) православная церковь развернула широкую миссионерскую деятельность среди мордвы. С XVI в. на территории Поволжья начали воздвигаться православные монастыри и церкви. Царское правительство наделяло их пахотными, лесными, водными, угодьями и приписывало им мордовские населенные пункты. Крупнейшими монастырями были Пурдышевский, Санаксарский, Саровский и др. Их задачей было утверждение в христианской вере мордвы.

Сохраняла свое осязаемое присутствие и мусульманская религиозная традиция в культуре народов Поволжья. Но отношение к наиболее крупнейшей в России исламской традиции носило дуалистичный характер. Дело в том, что, по мнению многих духовных деятелей того периода в среде русского православия, исламская этика не предусматривает таких исконно славянских категорий морали, как любовь к ближнему, сострадание, милосердие. Лишь в Суре 16-й есть несколько строк о терпении, в 17-й Суре² — о скромности. При этом скромность и терпение не есть уважение и человеколюбие, столь характерные для русских религиозных мыслителей. Однако это не мешало российской власти устанавливать довольно стабильные социально-политические отношения в среде российских мусульман. Следует отметить, что российское правительство довольно рано стало исходить из принципа поликонфессиональности России как эффективного метода управления государством: «...предметом показной идейной гордыни было многообразие племен, вер и языков»³. Для россиян вопросы национальной крови и расизма не являлись насущными, как это было в США или странах Латинской Америки, где часто возникали расистские движения. Для русского человека важны были духовно-нравственные качества личности: «главное, человек был бы хорошим!».

О широком стремлении наладить мирный симбиоз различных конфессиональных культур свидетельствует множество фактов из культурной жизни России XIX — начала XX в. Достаточно широко известен факт веротерпимого отношения русских властей к распространению ислама в Поволжье и развитию исламского просветительства уже со времен Екатерины II, которая своими распоряжениями и указами конституировала положение исламского духовенства в империи. Значительно позднее по протекции русских властей в столице Российской империи открывается соборная мечеть⁴. Эти и другие явления в культурной жизни российского общества свидетельствовали о свойственной российскому самосознанию терпимости в отношении иномыслия и традиций. В то же время русское общество сохраняло свой культурный облик. Можно сказать, что Российское государство, стремясь приспособиться к весьма агрессивному окружению и неудобной близости Запада, не только преодолевало свою специфику, но и стремилось к институционализации такого положения. В условиях «тотальной этатизации» произошло реанимирование общины как социальной формы адаптивного, сплачивающего общения. Эти процессы дали не только социально-экономический, но и социокультурный эффект. Получили развитие коллективистские ценности. Это стало основой героизма русского солдата, оживило царистские настроения и было осознано как духовная ценность. В специфике многих регионов современной России интеграционная культурная компонента играла немаловажную роль, включая Поволжье. В. И. Козлов замечает: «В заселении многих областей приняли участие и колонисты из среды поволжских этносов, что усилило этническую мозаику; так на территории современной Башкирии появились значительные ареалы русских, татар, марийцев и мордвы»⁵.

С. С. Константинова считает, что «Проблема межэтнических коммуникаций является сегодня чрезвычайно важной для России, поскольку на ее территории проживают представители более 120 этносов и этнических групп»⁶. Анализ процессов взаимодействия властных и социально-групповых отношений по вопросам этнической миграции в российские регионы имеет принципиальное значение, так как именно в его рамках закладываются основы социальной стабилизации или ее отсутствия. Проблемы современной духовной

культуры в России связаны, прежде всего, с процессами в нравственном сознании общества и его многонациональной специфики. Следует отметить и воздействие глубоких традиций, обусловивших своеобразие русской проблематики.

У нас нет оснований утверждать «преимущества» социокультурного развития дореволюционной России вслед за многими историками и литераторами, которые перешли к всемерному восхвалению дореволюционных основ жизни российского общества. Однако не подлежит сомнению тот факт, что уже к началу XX в. значительная часть полиэтничного населения России была включена в общественно-образовательные процессы наравне с численно доминировавшим этносом. Так, во второй половине XIX в. среди поволжских татар, бывших одним из развитых этносов региона, стала успешно распространяться школьная система казанского профессора Н. И. Ильминского с преподаванием в начальных школах на родном языке, оживилась религиозно культурная жизнь, в результате чего некоторые группы, ранее обращенные в православие, вернулись обратно к исламу.

Проблема «духовного кризиса» возникла в связи с изменениями, произошедшими к 1917 г. Достаточно странно выглядят высказывания некоторых крупнейших деятелей того времени о негативной роли русского народа по отношению к другим российским народам и т. д. Постоянные гонения на традиционную религиозную культуру россиян в XX в., которая была достаточно прочно связана с духовными ценностями, не способствовали улучшению духовно-нравственной атмосферы российского этноса. Особенностью советского периода является то, что многие решения государственной власти, оказывавшие значительное влияние на те или иные стороны общественной жизни, принимались руководителями страны без какого-либо законодательного обоснования, а иногда и «в обход» принятых законов.

Важным фактором стабилизации региональных этнических отношений является культура социума, ее интегративность. Н. Смелзер отмечал, что «культура — цемент здания общественной жизни. И не только потому, что она передается от одного человека другому в процессе социализации и контактов с другими культурами, но также и потому, что формирует у людей чувство принадлежности к определенной группе»⁷.

На региональном уровне решить проблему современного состояния нравственного сознания российского общества можно посредством устранения психологических барьеров через усиление взаимодействия личности и общества. В современной социальной действительности мы можем наблюдать новые элементы культурного сознания, которые обусловлены динамическими процессами социально-политических и экономических изменений, происходящих в обществе. Всякий срыв социальной устойчивости сопровождается активизацией поисков жизненных ориентиров. Социокультурный кризис — это ценностная катастрофа, разрушение некогда доминировавшей ценностной системы и выработка новой.

Одной из важнейших сторон современной жизни является тенденция возрождения конфессиональных традиций, в том числе и исторического наследия ислама. Здесь оформились три направления интерпретации ценностных основ самосознания личности. Первая точка зрения связана с незыблемостью почитания коранического наследия. В таком подходе заключена логика развития самой религиозной доктрины, и это достаточно характерно для позиции традиционалистов. Вторая точка зрения состоит в том, что религиозные взгляды устарели и не должны играть существенной роли в развитии самосознания человека в современных условиях. Третья позиция пользуется наибольшим влиянием и отстаивается прогрессивной частью общества. Ее сторонники ратуют за взаимное приспособление традиции и современности, при этом сохраняя незыблемыми принципиальные установки религиозной культуры. В истории XX в. тенденции секуляризма стали ведущими. Однако темпы и масштабы этого процесса оказались несколько завышенными. Упорные попытки в советский период сementировать интернациональный и светский модернизм в ценностной системе социализации были существенны, но к окончательной нивелировке факторов этноконфессионального характера не привели.

Применительно к нашей теме вопрос о проблемах «диалога социальных традиций», в том числе и в культуре воспитания, можно сформулировать следующим образом: каково соотношение традиционно-религиозного духовного наследия и науки как неотъемлемого элемента современной общественной жизни в социальном сознании регионов полиэт-

нического и религиозного контакта (Средневожье, Урал, Кавказ и т. д.)?

В свете последних социокультурных перемен не только в российском обществе, но и, например, в Мордовии, представляется особенно важным акцентировать внимание на тот факт, какое воздействие на нравственно-психологическом уровне самосознания личности человека и общества оказали конфессиональная специфика и моральная ориентация молодежи в регионе. В российских условиях при обострении проблем поиска и нравственного самоопределения общества такая акцентуация выглядит как никогда актуальной. Что касается социально-духовного опыта России, то и в дореволюционном, православном варианте, и в коммунистическом, в основе лежал другой образ человека. Здесь превалировало мнение, что человек добр или, по крайней мере, может быть добрым. Господствующей идеологией было доверие. Каким бы суровым советский опыт ни был, все же идеология ориентировалась на высшие гуманистические цели, на то, что «человек — это звучит гордо». Эта идеология оставила следы. В российском обществе все еще высоко котируются служение общему делу, патриотизм, самоотверженность, бескорыстие.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ключевский В.О. Курс русской истории: соч.: в 9 т. М.: Мысль, 1988. Т. 3. Ч. 3. С. 221.

² См.: Христианство и ислам: вечное противостояние или диалог // Наука и религия. 1984. № 5. С. 43.

³ См.: Ерасов Б.С. Социальная культурология: пособие для студентов: в 2 ч. М.: АО Аспект—Пресс, 1994. Ч. 2. С. 166.

⁴ См.: Бякишев В. Первая в столице // Наука и религия. 1987. № 5. С. 30—33.

⁵ Козлов В.И. Национализм, национал-сепаратизм и русский вопрос // Отеч. история. 1993. № 2. С. 56.

⁶ Константинова С.С. Этнология. Конспект лекций. Ростов н/Д: Феникс, 2005. С. 137.

⁷ См.: Смелзер Н. Социология / пер. с англ. М.: Феникс, 1994. С. 62.

Поступила 16.03.10.

А. В. ЛЕБЕДЕВ

РЕЛИГИОЗНАЯ КУЛЬТУРА КАК ТРАНСЛЯТОР ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ ОБЩЕСТВА

Ключевые слова: религия, христианство, Библия, духовность, нравственные ценности, личность, мировоззрение

Key words: religion, Christianity, Bible, morals, moral valuables, personality, ideology

Пусть мир прогрессирует и развивается
сколько ему угодно, пусть все отрасли
человеческого исследования и знания
раскрываются до высшей степени,
ничто не может заменить Библию,
она — основа всякого образования
и всякого развития!

И. В. фон Гете

В современной философии идея стремления человека подчиняться чему-либо значительно большему, чем жизненная данность, высказывалась неоднократно. По мысли Г. В. Ф. Гегеля, человек духовный, в отличие от «естественного», «высшеется» над природой, он умеет познавать мир, различать и понимать добро и зло, а также творить прекрасное. Общечеловеческие духовные ценности, к которым приобщается человек в течение жизни (Истина, Добро, Любовь и Красота), утверждались в человеческом общежитии на протяжении тысячелетий. Эти универсалии Л. А. Шумихина называет смысложизненными, поскольку они «придают бытию любого всеобщий смысл общечеловеческой значимости, без которого наше бытие перестает быть подлинно человеческим, то есть

ЛЕБЕДЕВ Антон Валерьевич, преподаватель кафедры иностранных языков для гуманитарных специальностей Мордовского государственного университета.

духовным... В жизни важна не категория добра, но доброта в значении нравственной характеристики индивидуально-качества конкретного человека, не истина, но верность принципу истины в конкретной познавательной ситуации и не абстрактное суждение о том, что есть красота, а личное чувство прекрасного, способность увидеть, услышать, почувствовать гармонию мира...»¹. Поэтому человек должен вникать в смысл каждой текущей жизненной ситуации и, как считает Г. Д. Гачев, «прозревать смысл каждой вещи, с коей имеет дело». Акт извлечения смысла из жизненной ситуации он именуется «жизнемысль»². Действительно, любой поступок человека определяется смыслом, если нечто лишено смысла, то оно перестает для него существовать. Поэтому важно духовно воспитывать, просвещать человека, пробуждая в нем духовные переживания, открывать доступ к разумному, доброму, вечному.

Нравственно-ценностные доминанты Священного Писания наполняют жизнь человека смыслом, дают силы для духовного созидания. Библия является эталоном этических и нравственных норм, недаром христианство почитает ее как высшую духовную ценность человечества, как эталон мудрости, красоты и благодетельства. Как о «единственной книге, абсолютно неисчерпаемой, книге Бога и человека»³ говорит о Библии Даниель-Роп. Ф. М. Достоевский вложил ту же мысль в уста старца Зосимы из «Братьев Карамазовых»: «Что за книга это священное писание, какое чудо и какая сила даны с нею человеку! Точно изваяние мира и человека и характеров человеческих, и названо все и указано на веки веков»⁴. Л. Н. Толстой утверждал, что «без религиозной основы не может быть никакой настоящей, непритворной нравственности, точно так же, как без корня не может быть настоящего растения»⁵.

Однако значение Библии не ограничивается сферой религии. К. Ясперс заявлял, что «Библия и библейская религия есть источник нашего философствования, постоянный ориентир и источник не подлежащих замене истин»⁶, т. е. речь идет о духовных и социальных ценностях. Библия используется в различных областях общественной жизни и быта, особенно в западном обществе. Так, президент США приносит присягу, положив руку на Библию. Таким же образом принимается присяга от свидетелей в американском суде.

Огромное число богословов, церковных и светских историков, философов, историков литературы непрестанно трудится над изучением библейской тематики. Появляются всевозможные публикации апологетического богословского характера и научные исторические, литературные и критические труды.

Сегодня интерес к Библии пробуждается у поколения, которое утратило связь с христианской традицией воспитания. Очень важные слова произнес Архиепископ Саранский и Мордовский Варсонофий, подчеркнув, что у нас есть великая традиция, богатейшая культура, поэтому «нельзя дать оборваться нитям, которые тянутся из прошлого к будущему. Молодежь — это важнейший стратегический резерв страны. Какая будет молодежь — такая станет и Россия»⁷. Действительно, истинно воспитанный человек призван уважать традиции и обычаи поколений, поскольку в этом суть преемственности между прошлым, настоящим и будущим. За последнее время наметились пути возрождения духовно-нравственных основ современного общества. Характеризуя наше время как «растерянность и дезориентированность», проректор Саранского духовного училища игумен Силуан (Туманов) видит «путь исцеления только в возвращении к вневременной и свободной от моды платформе — Божественному Откровению»⁸.

На территории республики активно идет процесс возрождения духовной культуры. Так, за десять лет отреставрировано множество икон и церковных реликвий, в несколько раз в Мордовии увеличилось количество православных церквей, восстановлено более двухсот храмов, в том числе тринадцать монастырей. В центре Саранска возведен кафедральный собор в честь канонизированного в 2001 г. Ф. М. Ушакова, где могут одновременно собираться более трех тысяч верующих. С именем адмирала связаны и христианские молодежные организации. В г. Темникове с 2000 г. действует православный культурно-просветительский центр имени Ф. М. Ушакова, основными задачами которого являются изучение истории родного края, привитие духовно-нравственных христианских ценностей молодежи. Для первых христиан наиболее популярными названиями Библии были «Писание», «Слово Божие», или «Слово Господа». Эти названия Библии употреблялись в ветхозаветное и новозаветное время. Само же

Священное Писание является своего рода сборником книг, отличающихся по авторству, времени написания, богословскому и культурно-историческому контексту.

История культуры сохранила огромное количество фольклорно-эпических сборников и отдельных произведений, созданных различными этносами: древнеиндийские Веды, гомеровский эпос, исландские саги и Эдду, Махабхарату и Рамайяну, Калевалу и нартский эпос. По своему объему и тематическому охвату, хронологическим рамкам, богатству и разнообразию материала, художественным достоинствам Библия занимает среди них одно из ключевых мест (речь идет о событиях, относящихся к XVII—XVI вв. до н. э.).

Библия является шедевром мировой культуры, ее влияние на различные сферы человеческой жизни трудно переоценить. В ней изложены фундаментальные основы вероучений трех мировых религий (иудаизм, христианство и ислам). Жанрово-тематическое разнообразие Священного Писания обширно: в нем представлены философские диалоги и трактаты, исторические повествования, летописи, биографии великих пророков, царей; рассказ о земной жизни Иисуса Христа. Содержание текста Библии отличается многообразием и разнородностью. Написанные в разное время отдельные части Писания появлялись постепенно на протяжении целого тысячелетия и включают в себя разнородные по характеру произведения. В них входят философские трактаты (Екклесиаст, Иов), сборник молитвенных песнопений — Псалтирь, лирическая поэма — Песнь Песней.

Несмотря на то, что Библия представляет собой собрание разнородных по содержанию, времени возникновения и литературной форме отрывков, «книг», текстов, мыслители христианства и иудаизма долгое время отстаивали положение о единстве Библии как целостного произведения, проникнутого общими идеями и сюжетными линиями. В частности, католический «Словарь библейского богословия» утверждает: «Хотя Библия состоит из целого ряда отдельных книг, в библейской речи имеется некое глубокое единство. Единство Библии утверждается с полной достоверностью только верой, и она одна определяет его границы... Критерий дается здесь только верою»⁹.

Иудейские и христианские толкователи (экзегеты) нашего времени дают многообразные толкования библейского текста,

одной из особенностей которого является имплицитность. Священному Писанию свойственны недосказанность, наличие заднего плана, подчас фрагментарность повествования. Даже для неверующего человека Библия — не простая книга: ее сюжеты, притчи, афоризмы, духовность сильно повлияли на европейскую культуру, глубоко проникли в нее, поэтому знание Библии стало необходимым условием образованности. Кроме того, убежденные атеисты и агностики, употребляя в качестве нравственных аксиом библеизмы («не судите, да не судимы будете», «все суета и томление духа», «нищие духом», «кто не работает, тот не ест»), часто даже не подозревают об их христианском происхождении.

Безусловно, христианская мысль оказала воздействие на различные аспекты человеческого бытия, в том числе культуру, быт и науку. По этому поводу С. Н. Булгаков писал: «Библия вообще есть целый мир, она есть таинственный организм, жить в котором нам удастся только частично. Неисчерпаемость Библии коренится для нас одновременно и в божественном ее содержании, и в этой ее пестроте и многообразии, и, наконец, в нашем собственном, исторически изменяющемся, состоянии ограниченности. Библия — это вечное созвездие светил, горящее над нами в небесах, в то время как мы движемся в мире житейском, созерцая их все в неизменности, но и в новом положении для нас»¹⁰.

Библейский канон являет собой пример одного из уникальнейших в мировой культуре явлений, а именно: литературное, историческое и богословское единство, формировавшееся на протяжении более полутора тысяч лет. В настоящее время существуют три главные формы Священного Писания Ветхого завета. Все канонические книги Нового Завета существовали уже во II в. н. э. В истории составления Новозаветного Канона собраны 27 книг (каноническая Библия состоит из 66 книг). Все книги Нового Завета (Евангелия, Деяния Апостолов, Послания, Откровение Иоанна Богослова (Апокалипсис)) так или иначе связаны с книгами Ветхого Завета. В Новом Завете потеряли силу юридические и церемониальные аспекты ветхозаветного закона. В частности, важные принципы ветхозаветного учения «...истреби зло из среды себя» (смертная казнь за грех) и «око за око» (Втор. 19:21) были заменены в Новом Завете: «Не судите и не будете судимы; не осуждайте и не будете осуждены;

прощайте, и прощены будете...» (Лук. 6:37), «Ибо суд без милости не оказавшему милость; милость превозносится над судом» (Иак. 2:13). Таким образом, суд Божий имеет теперь не правовой оттенок, а духовно-нравственный. С течением времени формы применения нравственных ценностей Библии претерпели некоторые изменения: от буквального принципа соответствия наказания преступлению («око за око») к духовному постулату «прощайте и прощены будете», от совокупности норм и правил поведения к наставлениям о надежде, вере и любви.

Однако неверно предположение, что Ветхий Завет провозглашает лишь страх перед Богом и Его святость, а Новый Завет — только Божественную любовь к своему творению и бесконечное милосердие. Библия представляет Бога как многогранную, разностороннюю Личность, на которую человек может походить лишь в некоторых качествах. В библейском контексте нравственный выбор человека заключается в отношении к Богу, вере в Него. Соответственно, духовные, моральные и нравственные принципы Нового Завета выходят за узкие рамки иудаизма и находят свою репрезентацию в каждой из культур, которая в той или иной мере принимает религиозную, библейскую систему ценностей. Являясь одной из высших форм духовного самоопределения человека, религия может вернуть человеку понимание труда над душой, труда самосовершенствования.

В разных культурах понятие «религия» имеет разную смысловую наполненность. В частности, в древнегреческом языке эквивалентом латинского *religio* является обряд, соблюдение предписаний культа. Однако сравнительное языковедение предлагает еще несколько этимологических источников этого слова. Так, римский мыслитель Цицерон полагал, что это понятие произошло от латинского *relegere* (возвращаться, обдумывать, созерцать), характеризую религию как богобоязненность, тщательное и вдумчивое богопочитание. Христианский апологет Лактанций считал источником слова *religio* латинский глагол *relegare* (связывать, сковывать) — соединение с Богом, служение и повиновение Ему. В исламе используется понятие *din*, первоначальное обозначавшее власть, подчинение, обычаи. Постепенно *din* стало пониматься как иман (арабская вера), ислам (покорность, исполнение религиозных предписаний), исхан

(совестливость, искренность). В санскрите аналог понятия *religio* — слово *dharma* (от арийского *dhar* — утверждать, поддерживать, защищать) обозначает мораль, добродетель, справедливость, закон, порядок мироздания, истину, совокупность правил. В китайском языке, например, эквивалентом европейского понятия «религия» является *chiau* — учение. Отметим, что в русском языке это слово входит в обиход с начала XVIII в. Современные словари дают разные определения термину. Например, толковый словарь С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой описывает религию как «совокупность духовных представлений», «мировые религии (буддизм, ислам, христианство)», «непоколебимые убеждения»¹¹. «Новейший философский словарь» определяет религию как «благочестие, набожность, святость, предмет культа»¹².

Несмотря на различное толкование понятия, в основе любой религии лежит проповедь определенных моральных норм (искренность, любовь, милосердие, смирение и др.), источником нравственно-ценностных доминант, духовных истин является Священное Писание. Именно в Библии заложено христианское понимание этики, заключенное в словах Иисуса Христа и основанное на бытии единого Бога, призывающего: «Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, всею душой твоей и всем разумом твоим». Это первая и самая важная заповедь. Вторая заповедь — «Возлюби ближнего, как самого себя» (Мф., 27:37–39). Выражая свободу человека, христианская вера держится на любви, направленной к каждому человеку: «А теперь пребывает сии три: вера, надежда, любовь; но любовь из них больше» (1-е Коринф. 13:13). Мысли, Его слова полны внутренней духовной силы, они мудры и глубоки, достойны того, чтобы донести смысл этого идеала до каждого человека.

История религии является не только частью истории как таковой, но и частью культуры как неотъемлемой составляющей любой цивилизации. Действительно, без знаний религиозно-богословских компонентов культуры историческая картина России выглядит неполной. Так, недопустимо говорить об изобретении славянской азбуки Кириллом и Мефодием, умалчивая о причине создания алфавита — перевод текстов Священного Писания. Таким образом, воспитательное значение религиозной культуры связано не только с трансляцией национальных духовно-нравственных цен-

ностей, традиций, знаний, но с предоставлением человеку возможности выбирать собственную систему ценностей, соотнося свои представления с нормами, которые сложились в обществе, а также оценивать окружающий мир с позиции высших духовно-нравственных категорий.

Размышляя о необходимости пересмотра личностью своих ценностей, Ф. фон Лилленфельд говорит, что кризис морали «заставляет нас еще раз внимательно оглянуться назад, на пройденный путь, может быть, там мы найдем то, что поможет решить эти новые задачи»¹³. Действительно, изучая прошлое, мы постигаем настоящее, осознаем процессы, которые происходят в современной жизни. Человек «открывает и изменяет мир и самого себя через культуру»¹⁴, вне культуры он не может реализовать свой духовный потенциал. Сфера влияния традиций в культуре меняется, религия становится частью культуры, а потому и судьба русской религиозной философии XIX — начала XX в. становится фактом культурных тенденций эпохи.

С точки зрения настоятеля американской православной церкви о. Дмитрия (Д. Д. Григорьев), русское восприятие христианства — не просто механическое, а глубоко душевное, включающее в себя смирение, кротость, любовь, милосердие. Идея о свободе как отсутствии принуждения занимает особое место в его философской системе. Он ратует за то, чтобы «у всех людей была свобода совести, свобода вероисповедания, чтобы религия насильно не загонялась на задворки, чтобы у человека была возможность верить, если он хочет. И не верить — если он не хочет. Но чтобы и верующие, и неверующие люди, независимо от их религиозных убеждений, могли существовать в общей жизни»¹⁵. Культура не может развиваться в условиях насилия в отношении свободы человеческой личности и совести, «драгоценного дара выбора». Возрождение русской национальной духовности неотделимо от возврата к библейским ценностям и принципам в общественной и религиозной жизни, образовании, искусстве. И. В. Киреевский пытался привнести своим современникам идею русской культуры, которая «не имеет ценности без ценностей духовных и нравственных»¹⁶. Она в основе духовна, убеждал мыслитель, ибо является «культурой духа». Эта духовность имеет всеохватывающее значение, проявляется во всем укладе жизни. Каждому из нас необходимо пере-

осмыслить, пересмотреть свое отношение к жизни, свои ценностные и духовные ориентиры. Эту роль выполняет Библия, трансцендентность которой в мировой и российской культуре выражается в ее значимости как хранителя духовных богатств, нравственных и этических идеалов.

В последнее время проблемы духовно-нравственного воспитания подрастающего поколения волнуют не только ученых, педагогов, но и политиков. Так, Президент РФ Д. А. Медведев, поддерживая идею обучения школьников основам религиозной культуры и светской этики, подчеркивает важность «воспитания порядочных, приличных, терпимых, честных граждан, которые с уважением относятся к взглядам и убеждениям своих сограждан»¹⁷. Председатель Государственной Думы Б. В. Грызлов считает утверждение нравственных начал необходимым условием развития России. Обращаясь к участникам выставки «Библия в России», спикер отметил, что «эти ценности и начала отражены в Библии, Книге книг... и в этом воспитании знакомство с религиозными заповедями может иметь особое значение»¹⁸.

В рамках курса «Основы религиозных культур и светской этики» предполагается изучение основ православной, мусульманской, иудейской, буддистской культур, при этом выбор учеников и их родителей должен быть абсолютно добровольным. Предлагается и альтернативная программа для желающих изучать историю сразу нескольких религиозных конфессий и для учащихся, которые еще не имеют сформировавшихся религиозных убеждений. Эксперимент затронет учащихся 4-х и 5-х классов, для которых разработана учебная программа, рассчитанная на 34 часа. Среди тем по новому предмету на уроках вводятся «Православие в России», «Введение в исламскую духовную традицию», «Буддийский священный канон», «Патриархи еврейского народа», а также «Искусство в религиозной культуре» и даже «Дворянский кодекс чести». Очень важно, что разделы по конкретным постулатам конфессий в основном были написаны представителями Института этнологии и антропологии РАН. Исключение составили только главы по православию и буддизму, которые были подготовлены профессорами Московского государственного университета и другими светскими экспертами. Интерес представляет и раздел светской этики, над которым в настоящее время

работает директор Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований А. И. Бгажноков.

Книга для учителей по этому предмету выдержана в общефилософском, культурологическом плане. Авторы старались представить информацию в таком ключе, чтобы минимизировать споры, воспитать в учащихся веротерпимость, избежать оскорбления чувств верующих. Предполагается, что введение данного предмета повлечет за собой и изменения вузовских педагогических программ для подготовки учителей средней школы.

Пока лишь в некоторых школах Мордовии этот предмет ведется как факультативное занятие. Это связано с тем, что, к сожалению, республика не вошла в число 19 регионов России, где решено было ввести в экспериментальном порядке изучение основ религиозной культуры. Полагаем, что учащиеся всех школ республики нуждаются в понимании того, что история религии является не только частью истории как таковой, но и частью культуры. Они должны не только знать нашу общую историю и культуру, но научиться уважать историю, культуру и традиции всех, кто живет рядом с ними.

У каждой личности есть потребность «внутреннего углубления», когда ей необходимо соприкоснуться с высоким и прекрасным, иначе она теряется в мелочах, растворяясь в вещах для нее не нужных. В определенный момент жизни человек начинает переосмысливать свое место и роль в мире, перейдя от деструктивной потребительской парадигмы к духовному и нравственному созиданию.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Шумихина Л.А. Русская духовность: в 3 т. Екатеринбург: Изд-во Т.И. Возяковой, 2002. Т. 1. С. 20—22.

² См.: Гачев Г.Д. Жизненные мысли // Российская провинция. 1994. № 3. С. 145—146.

³ Daniel-Rops. *Que est ce que la Bible*, Paris, 1955. С. 7.

⁴ Достоевский Ф.М. «Братья Карамазовы». М.: Изд. «Худ. лит», 1972. С. 176—177.

⁵ Толстой Л.Н. Религия и нравственность // Л.Н. Толстой Полн. собр. соч.: в 90 т. М., 1993, Т. 39. С. 3—26.

⁶ Jaspers K. *Der philosophische Glaube*. Munchen, 1952. С. 89.

⁷ Архиепископ Варсонофий. Бороться с грехом труднее, чем строить храм, март 2008 г. // Саранск: Альфа, 2008. С. 1.

⁸ Там же. С. 2.

⁹ *Vocabulaire de Theologie Biblique*, Paris: Editions Du Serf, 1970. 2-me ed. С. 143.

¹⁰ Булгаков С.Н. Православие. Очерки учения православной церкви. Париж, 1962. С. 66.

¹¹ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка / Рос. АН, Ин-т рус. яз., Рос. фонд культуры. М.: Азъ, 1993. С. 413.

¹² Новейший философский словарь: 3-е изд., исправл. М.: Кн. Дом, 2003. С. 265.

¹³ Лилленфельд Ф. фон. В поисках идеала // Вопросы литературы. № 6. 1989. С. 186—198.

¹⁴ См.: Свасьян К.А. Человек как творение и творец культуры // Вопросы философии. 1987. № 6. С. 33.

¹⁵ Григорьев Д.Д. Нам есть что сказать друг другу // Вопросы литературы. № 6. 1989. С. 62.

¹⁶ См.: Мир политической мысли. Хрестоматия по политологии: в 4 ч. Рус. полит. мысль. Кн. 5. XIX в. / под ред. А.К. Голикова, Б.А. Исаева, В.Е. Юстужева. СПб., 2001. С. 31.

¹⁷ См.: «Вести» — Федер. выпуск. 2009 г. 21 июля. С. 12—13.

¹⁸ Борис Грызлов считает утверждение нравственных начал необходимым условием развития России. URL: <http://www.pravoslavie.ru/news/060517113319> (дата обращения: 18.02.2010).

Поступила 16.03.10.

З. Н. ХАБИБУЛЛИНА

**ДИАЛОГ МИРОВОЗЗРЕНИЙ
«ВОСТОК — ЗАПАД — РОССИЯ»
ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ
РУССКОГО КОСМИЗМА**

Ключевые слова: Восток, Запад, русский космизм, цивилизация, идеал, мировоззрение, глобализация, человек

Key words: the East, the West: Russian cosmism, civilisation, ideal, ideology, globalisation, human being

Кризис общецивилизационного характера, все острее ощущаемый современным мировоззрением, заставляет обращаться к поискам альтернативных возможностей развития общества. Сегодня в условиях глобализации поиска новых возможностей цивилизационного развития более актуальным становится диалог культур, интенсивное взаимодействие различных философских идей. Может быть, это и есть начало эпохи великого синтеза духовных традиций Востока и Запада, идеал которого отстаивал В. С. Соловьев и другие русские философы. Долгое время научная рациональность и стратегия технологической деятельности, составляющие доминанту западной цивилизации, противостояли восточному типу мышления и действия. Но во второй половине XX в. в недрах техногенной культуры стали активно формироваться новые мировоззренческие образы, которые стали перекликаться с идеями Востока, хотя и возникали в русле иной культурной традиции.

Речь идет о тех принципиально новых идеях современной научной картины мира, которые касаются представлений о природе и взаимодействии с ней человека. В современной науке сформировалось новое видение природной среды, в

ХАБИБУЛЛИНА Зияла Наилевна, докторант кафедры онтологии и теории познания Башкирского государственного университета.

которой протекает жизнедеятельность людей. Природа рассматривается не как механическая система, а как целостный живой организм, преобразование которого человеком может проходить лишь в определенных границах.

Рациональное постижение мира было своеобразной доминирующей программой развития новоевропейской мысли, например, ярко выраженной в гегелевском рационализме или в проектах марксизма, согласно которым можно строить жизнь по некоему проекту, преобразуя социальные объекты и даже управляя развитием личности на основе знания законов социального развития. Эти идеи органично вписаны в рамки культурной традиции, которая породила современную техногенную цивилизацию, ее позитивные достижения и ее негативные результаты (современные глобальные кризисы).

На Востоке существовала иная традиция в понимании радио в деятельности. Здесь господствовал идеал минимального вмешательства в протекание природных и социальных процессов, здесь было развито понимание «дао» как единства истины и нравственности.

После того как сформировались и вошли в научную картину мира представления о живой природе как сложном взаимодействии экосистем, после становления и развития идей В. И. Вернадского о биосфере как целостной системе жизни, взаимодействующей с неорганической оболочкой Земли, после развития современной экологии это новое понимание непосредственной сферы человеческой жизнедеятельности как организма (а не как механической системы) стало научным принципом, обоснованным многочисленными конкретными теориями и фактами.

Новое понимание природы стимулировало поиск новых идеалов человеческого отношения к природе, которые претендуют на то, чтобы стать духовным основанием для решения современных глобальных проблем. Активно разрабатываются идеи, которые рассматривают человека не как властелина природы и центр мироздания, а как существо, включенное в многообразие жизни, как неотъемлемую часть живого, соотносящуюся с другими его частями не на основе конкуренции и господства, а на основе сотрудничества и взаимности.

Представления о мире как едином организме, все части которого влияют друг на друга, можно обнаружить

практически во всех традиционных космологиях Востока. В этих культурах полагался идеал внутреннего единства и гармонии человека и природы. Это единство выражали принцип даосизма и конфуцианства «одно во всем и все в одном» и буддистское учение о дхарме, где все элементы дхармы полагались равносильными и связанными между собой. Мир не воспринимался здесь как дуально разделенный на природный и человеческий мир, а рассматривался как целостный организм, части которого находятся в своеобразной резонансной связи между собой.

В современной научной картине мира, ассимилирующей достижения синергетики, формируется новое понимание взаимодействия частей целого и согласованности их изменений. Ситуация освоения в познании и практике сложных развивающихся систем по-новому ставит проблему демаркации между истиной и нравственностью, целерациональным и интуитивным действием, которые резко различали западную и восточную культурные традиции. Необходимость тесной связи истины и нравственности, возникающая при освоении сложных систем, неожиданно перекликается с традициями древних восточных культур. В этих культурах полагалось, что для того чтобы истина открылась человеку, ему необходимо нравственное самовоспитание.

В поиске новой системы ценностей, в становлении планетарного мышления, основанного на толерантности и диалоге культур, важную роль может сыграть не только восточная, но и русская философская традиция. На современном этапе отечественная мысль предпринимает попытки осуществления анализа этих идей под углом зрения сценариев современного цивилизационного развития. Подтверждением тому является философия русского космизма, которая обладает чертами творчески-созидательного характера социальных проектов — переустройства общества на основе определенного идеала. Такой идеал обладает определенными позитивными и конструктивными функциями, на основе которых осуществляется интенсивный поиск новых ценностных ориентиров.

В современной ситуации перед лицом экологического кризиса поиск «общего дела» как регуляции отношений человека и остального мира уже приобретает важное значение. Особо стоит подчеркнуть совпадение главных принципов философии космизма и многих основных идей современной научной картины мира.

Новые мировоззренческие идеи, возникшие в западной культуре во второй половине XX в. и опирающиеся на современные научные представления об окружающей человека природной среде, перекликаются с мировоззренческими установками восточных культур, а также философией русского космизма. В философии космизма, развивавшей идеи единства человека и Космоса (Н. Ф. Федоров, К. Э. Циолковский, А. Л. Чижевский, В. И. Вернадский и др.), есть немалый эвристический потенциал. В ней, при всем многообразии подходов, можно выделить общие идеи и тематические мотивы, которые оказываются созвучными современным мировоззренческим поискам.

Человек и жизнь на земле рассматриваются как результат космической эволюции. Но развитие человека и его разума на определенном этапе эволюции начинает оказывать всевозрастающее влияние на природные процессы, что позволило русским космистам отстаивать принцип не только прямой, но и обратной связи между человеком и Космосом. В качестве идеала полагалась такая деятельность людей, которая обеспечивает гармонизацию человека и природы. Условием реализации этого идеала русские философы считали единение человечества в планетарную общность и его духовное развитие, основанное на понимании органической целостности Космоса.

Многие из этих идей близки представлениям о человеке и мире, развитым в традиционных восточных культурах. Но в восточных культурах ценность природы доминирует над ценностью человека. Вектор человеческой активности ориентирован не столько вовне, сколько вовнутрь, на самовоспитание и самоограничение, которые призваны обеспечить адаптацию человека к природному целому. Человек не воспринимается здесь как выделенный из природы ее особый компонент, он включен в круговорот Космоса. Человек ориентирован на улучшение самого себя как части мира, на самопознание и поиск гармонии в себе, постижение истины не умом, а духом на уровне, не подвластном рациональному исследованию.

В западной культуре ценность человеческой личности доминирует над ценностью природы. Присуще жесткое отделение умственного и физического труда. Человек рассматривается как особая одухотворенная часть природы.

Вектор человеческой активности направлен вовне, на преобразование окружающего мира и подчинение его человеку. Полагалось, что поле деятельности человека, опирающегося на рациональное знание законов природы, будет прагматичным, целесообразным и безграничным. Познание закономерностей здесь осуществляется в основном путем разумного обобщения и достижения истины в процессе научного исследования.

Философия русского космизма не разделяет целиком ни первое, ни второе понимание, а сочетает в себе эти две тенденции. Это и фундаментальное уважение к миру как самостоятельной реальности, и чувство глубокой включенности в него (Восток), и «величайшая потенция коренного преобразования мира», страстное стремление к действию, активности, базирующейся на уверенности в возможности совершенствования Космоса (Запад). Основанием подобной позиции в философии являются всеединство В. С. Соловьева и идея очеловечивания космоса Н. Ф. Федорова, в науке — методологическая ориентация на мир как целостность, стремление вписать любое конкретное явление в мировую систему у В. И. Вернадского и А. Л. Чижевского. Русские философы настаивают на том, что чисто технологическое отношение к природе имеет свои границы. Вместе с тем предлагаемые русскими философами проекты будущего отнюдь не отбрасывают западную культурную традицию, а используют ее возможности и идеи. Это прежде всего относится к идеям прогрессивного развития человека и Космоса, ценности творческой личности, которые нашли свою оригинальную разработку в русской философии.

Н. А. Бердяев, уделявший большое внимание взаимоотношениям Запада и Востока, западной и восточной культур, считал, что Россия не должна отказываться ни от западных, ни от восточных ценностей. Она должна «явить тип восточно-западной культуры»¹. При этом Россия должна преодолеть западное самодовольство и самомнение. Н. А. Бердяев критиковал позицию несовместимости западных и восточных ценностей. Мыслитель исходил из единства и многообразия мировой истории. В единстве он видел многообразие, а в многообразии — единство.

Космизм возвращает нас к целостному видению мира как единства человека и космоса. Он в состоянии сыграть

позитивную роль в соединении идей западноевропейской культурной традиции и восточных философских систем, где человек изначально рассматривался как неотъемлемая часть Космоса. Как утверждал Н. Ф. Федоров, «...нашей истории нельзя понять без уразумения ее отношений к когда-то тяготевшими над нами Ближним и Дальним Востоком и к ныне господствующим над нами Западом... русская история в буквальном и внутреннем смысле слова — „международная“ в силу географического и исторического положения России...»². Космизм также может помочь в разработке новой метафизики, связанной с новым пониманием отношения человека к окружающему миру.

Острейшие вопросы существования человечества, глобальный эколого-цивилизационный кризис и возможные пути выхода из него нашли подробное осмысление в трудах Н. Н. Моисеева. Развивая теорию цивилизаций, он размышляет о необходимости «новой цивилизации с иным миропредставлением»³. Речь идет о новом понимании возможностей развития техники, взаимоотношений человека и природы, различных цивилизаций. В связи с этим автором высказывается ряд конкретных рекомендаций о выстраивании отношений России со странами Запада и Востока, о стратегии экономического и культурного развития нашей страны.

Идеал, пронизывающий практически все направления русского космизма, — это выход человечества на такой уровень своего развития, когда оно, объединившись в планетарном масштабе, сможет управлять природой как целостным организмом. В условиях углубления глобальных кризисов возможны конфликты разных стран и цивилизаций в борьбе за истощающиеся ресурсы. Однако если будет осуществлен поворот к новому типу цивилизационного развития, обеспечивающему выход из глобальных кризисов, то главной мировоззренческой установкой должна стать ориентация на диалог, учитывающий разнообразие культурных традиций и национальных интересов.

Четкое уяснение специфики новой реальности бытия заставляет по-новому взглянуть на ближайшие перспективы и отдаленное будущее человечества, в широком контексте социоприродной истории определить направления развития науки, техники, производства, общества в целом, определить

стратегию и тактику отношений между государствами, этносами, различными социальными слоями, группами и т. п. Речь идет о необходимости изменения всего способа бытия человека в мире.

Идея космичности человека, космическая установка во взгляде на мир — одна из наиболее привлекательных черт современного русского космизма. Созвучной им является вера в космический прогресс, в могущество человеческого разума, во всемогущие науки. Эти идеи служили основанием уверенности в том, что возможно построить справедливое и нравственное общество.

Становление общества и отдельного конкретного человека посредством мощной геологической силы, способной оказывать влияние на глобальные планетарные процессы, на бытие и ход эволюции биосферы Земли, коренным образом меняет традиционное представление о месте и роли человека в природе и обществе как «винтике» производственного процесса или «песчинке» мироздания, роль которого в планетарном Универсуме настолько ничтожна, что работа, жизнь и смерть отдельного человека никак не влияют на естественный ход истории природы и общества.

Космическая философия предполагает принципиально новое качество мироотношения, которое можно выразить через идею активной эволюции, т. е. необходимости нового сознательного этапа развития мира, когда человечество направляет его в ту сторону, которую диктует ему разум и нравственное чувство. Особый интерес проявляет русский космизм к человеку, проблеме его места и роли во Вселенной. Характерным является то, что речь идет не о человеке вообще, а о человеке, нацеленном на творчески активную деятельность по преобразованию своей настоящей и будущей среды обитания.

Человек для активно-эволюционных мыслителей — это существо промежуточное, находящееся в процессе роста, далеко не совершенное, но вместе с тем сознательно-творческое, призванное преобразить не только внешний мир, но и собственную природу. Человек в своих антропологических, социальных, исторических гранях — существо еще далеко не совершенное, в определенном смысле «кризисное». Вместе с тем существует идеал и цель высшего, духовного Человека, тот идеал, который и движет им в стремлении превозмочь собственную природу.

Русские космисты интуитивно нащупывают нить развития жизни и смело экстраполируют ее сверхэволюционное развитие на всю историю в целом. Футурологический потенциал русского космизма велик и многообразен. Идеи русского космизма не только не устарели, но в свете новых открытий в области науки, техники и развития космоса стали еще убедительнее. Более того, потенциал русского космизма далеко не исчерпан. Русский космизм как целостное мировоззрение, имеющее религиозную, научно-философскую, практическую и художественную значимость, представляет собой самобытное единство отечественной культуры всемирно-исторического значения.

Таким образом, современный поиск новых смысложизненных ориентиров невозможно представить без диалога различных культур, их критического осмысления. Русский космизм, развивающийся в русле русской философской традиции, но сопоставимый по многим положениям с традиционно присущими характеристиками восточного и западного типов мировосприятия, выработал самобытное мировоззрение. Мировоззренческий плюрализм, не отрицающий определенного единства различных культур, наличия в этих культурах своеобразного ядра, образуемого общечеловеческими ценностями, утверждает самоценность культур всех народов. Надо полагать, несмотря на разнообразие культур, традиций и мировоззрений в сегодняшнем глобализирующемся мире, значимость толерантности, поиска согласия и ненасильственного развития становится все более очевидным условием выживания человечества.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Бердяев Н.А. Судьба России. М., 1990. С. 133.

² Федоров Н.Ф. Русская история — международная история // Философия общего дела: соч. в 2 т. М.: ООО «Изд-во АСТ», 2003. Т. 2. С. 386.

³ См.: Моисеев Н.Н. Еще раз о проблеме коэволюции // Вопросы философии. 1998. № 8. С. 32; «Круглый стол» журнала «Вопросы философии», посвященный обсуждению книги Н.Н. Моисеева «Быть или не быть... человечеству?» // Вопросы философии. 2000. № 9. С. 3—28.

Поступила 18.01.10.

**А. А. ЮДИН РЕГИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ
ПРЕОДОЛЕНИЯ
МОРАЛЬНОГО ОТЧУЖДЕНИЯ**

Ключевые слова: отчуждение, мораль, духовная традиция, конфликт, полиэтничность, гражданственность, глобализация, гуманность, социальный капитал, региональная политика

Key words: estrangement, moral, moral tradition, conflict, poly-ethnicity, civil consciousness, globalisation, humanity, social capital, regional policy

Под отчуждением понимают трансформацию деятельности человека и ее результатов в самостоятельную социальную силу, господствующую над ним и враждебную ему. Единой точки зрения на характер, истоки и пути преодоления отчуждения не существует. Оно может рассматриваться как процесс, неустранимый и имманентно присущий любой человеческой деятельности, или как процесс, характерный только для определенного исторического периода. Опыт последних лет наглядно продемонстрировал, что во всех без исключения жизненно важных социальных институтах и сферах жизни российского общества происходит крутая ломка их оснований, сопровождаемая усилением конфликтной ситуации. Иллюзии 15—20-летней давности, будто изменение форм и отношений собственности позволит преодолеть отчуждение, развеялись. Экономические преобразования породили новые формы отчуждения.

Отчуждение мы рассматриваем как комплексный процесс, укорененный во всех сферах общественной жизни, и потому решение проблемы отчуждения не может быть «парциальным». При этом, анализируя пути преодоления отчуждения, основной акцент следует сделать на духовной сфере, поскольку отчуждение есть индикатор гуманности в социальных отношениях. Существуют разногласия по поводу того, на каком уровне может проходить его снятие. Традиционно для этого предлагаются глобальные мероприятия (например, повсеместное обобществление средств производства или демократизация политического режима). На наш взгляд,

ЮДИН Алексей Алексеевич, аспирант кафедры философии для гуманитарных специальностей Мордовского государственного университета.

преодоление отчуждения будет эффективным только в том случае, если соответствующие меры будут приниматься на региональном уровне.

Рамки статьи заставляют нас ограничиться двумя аспектами проблемы — отчуждением в социальной и духовной сферах.

Отчуждение в социальной сфере проявляет себя в виде разрыва социальных связей или конфликта индивидов, социальных групп с другими индивидами, группами или с обществом в целом. Серьезной проблемой современного общества потребления стал гипериндивидуализм, породивший иллюзию свободы, внушив, что цели, диктуемые рекламой и массовой культурой, являются истинными для свободного человека. Эта ситуация привела к дегуманизации человека, его трансформации в вещь, «машину престижного потребления».

Наиболее актуальные для современного общества пути преодоления отчуждения в социальной сфере предложены философами-коммунитаристами. А. Макинтайр призывает к тому, чтобы возродить утерянный моральный контекст, основой чего, по его мнению, являются живая традиция, практика и нарративное единство «Я». Живые традиции, как полагают коммунитаристы, складываются на основе совместной практики, в которой человек может практиковать добродетели. Макинтайр заключает: «На этой стадии важно конструирование локальных форм общества, в рамках которого гражданственность, интеллектуальная и моральная жизнь могли бы пережить века мрака, которые уже постигли нас»¹.

Таким образом, для эффективного преодоления отчуждения в социальной сфере необходимы не глобальные трансформации, а «точечные» меры, проводимые на региональном уровне и заключающиеся в поддержке местных традиций и традиционных практик, культурных и национальных образов жизни, т. е. всего того, что может стать основой конструирования локальных форм общества. Региональное поликультурное пространство представляет собой не только сферу сосуществования различных этнических культур, но и возможность их диалогического взаимодействия. Для поликультурного пространства Республики Мордовия характерен богатый опыт межкультурной коммуникации. Следует

отметить и длительность бесконфликтного сосуществования русских и мордвы. При этом поликультурность является важнейшей составляющей духовной жизни региона.

Отчуждение в духовной сфере охватывает все формы отчуждения человека от культуры. Оно связано с «вымыванием» нравственных начал из основных составляющих духовной культуры: религии, науки, образования, искусства, морали. Современная духовная культура пронизана отношениями отчуждения на всех своих уровнях.

Особое место в духовной сфере занимает моральное отчуждение, которое все больше проявляет себя на современном этапе. Оно с необходимостью приводит к отчуждению от нравственной сущности другого человека. Другой воспринимается как чужой, враг, препятствие или средство. Общество, где распространяется такое отчуждение, быстрыми темпами теряет социальный капитал, который выражается в доверии людей друг другу и к основным социальным институтам. Общество, не скрепленное узами доверия, способно войти в состояние хаоса. Конечно, кроме моральных ценностей, существуют другие узы, способные объединить людей. Утилитаристы, например, указывают на эгоистичный интерес и стремление к выгоде, на которых можно выстроить договорные связи, а консерваторы — на правовое принуждение. Но связи, основанные на доверии, имеют явные преимущества перед договором как своеобразным *modus vivendi* (состоянием взаимных уступок). По мнению Ф. Фукуямы, «членам таких коллективов не требуется подробная контрактно-правовая регламентация их отношений, потому что существующий между ними моральный консенсус является базисом их взаимного доверия»². Если же люди отчуждены друг от друга и от нравственной сущности других, то регулировать отношения в коллективе или обществе можно будет только при помощи внешнего принуждения, страха перед наказанием или экономических стимулов.

Для преодоления отчуждения в духовной сфере необходим социальный капитал, который нельзя накопить в одиночку. Для аккумуляции такого капитала требуются поддержка сложившихся на региональном уровне традиционных связей между людьми, сохранение национальных языков, этнокультурных ценностей. Важно также поддерживать в регионе церковные общины, научные школы, учебные заведения,

народные промыслы. Если в сфере культуры будет потеряно то, что складывалось веками, сформировало региональную специфику и идентичность, то человек останется наедине с глобализированными, отчужденными формами массовой культуры, стандартизированным кинематографом, примитивной музыкой, компьютерными играми и т. д.

Следует отметить, что совокупность проявлений отчуждения в материальной и духовной сферах приводит к *отчуждению человека от природы*. У. Бек утверждает, что «природа уже не нечто заданное и навязанное, она превратилась в продукт истории, стала в процессе естественной репродукции разрушенной, или находящейся под угрозой разрушения декорацией цивилизованного мира»³. Общество и природу уже нельзя противопоставлять, ибо в современном мире они тесно переплетены и взаимозависимы.

Отчуждение от природы, хотя и определено материальными факторами (прежде всего, развитием промышленности), все же имеет глубинные духовные основания, связанные с ценностным, моральным отношением человека к окружающему миру. Ф. И. Гиренок пишет о том, что для преодоления отчуждения требуется менять не столько материальные основания, сколько подход к природе: «Преодоление отчуждения человека от природы требует перехода от цивилизации, создаваемой под знаком полезности, к цивилизации, создаваемой в связи с сущностью человека»⁴.

Как представляется, мечты о создании «новой глобальной цивилизации», которая добровольно и массово откажется от потребительского отношения к природе, утопичны. Есть более реальные (хотя и далеко не простые) пути изменения ценностного сознания человека. У каждого народа в каждом регионе традиционно сложились особые практики отношения к природе, которые отражены в культурных практиках, например, особое отношение к животным, растениям, отдельным участкам дикой природы. По сути, можно говорить о региональных экологических традициях, которые необходимо всемерно развивать и поддерживать. Экологическая деятельность должна быть тесно привязана к региональным традициям и проблемам. Показательно, что лозунг современного экологического движения гласит: «Мыслить глобально, действовать локально».

Даже за пределами области морали как одной из форм общественного сознания можно говорить о моральном от-

чуждении. Нравственное отчуждение можно обнаружить в религии, искусстве, образовании, а также за пределами духовной сферы жизни общества — в экономике, политике, социальной сфере и даже в сфере отношения человека и природы. Можно даже сказать, что все виды отчуждения в обществе в итоге являются одновременно и формами морального отчуждения. Любое отчуждение проявляется там, где ценности отдаляются от общечеловеческих моральных целей. Экономическое отчуждение возникает там, где эффективность и прибыль становятся важнее, чем конкретный человек. Политическое отчуждение возникает тогда, когда власть становится большей ценностью, чем благо народа и т. д. Иными словами, отчуждение ярче всего проявляет себя там, где частные и инструментальные ценности выдаются за терминальные, а человек используется как средство.

Для преодоления отчуждения предлагаются различные меры, которые практически во всех случаях глобальны по своему характеру. Одни из них слишком радикальны, недейственность или опасность других показала историческая практика. Более адекватными для современного этапа социального развития представляются умеренные, реформаторские действия по преодолению отчуждения, учитывающие конкретные региональные и локальные особенности. В социальной сфере это конструирование локальных форм общества, в рамках которого могут поддерживаться ценности гражданственности, интеллектуальная и моральная жизнь. В экономике это эволюция рабочих в сохозяев, расширение возможностей их влияния на вопросы производства и распределения, гуманизация труда и его приспособление к региональным особенностям. В политике это соучастие в политическом процессе через механизмы демократии и участие в региональных ассоциациях гражданского общества. В духовной сфере это накопление социального капитала, т. е. укрепление социальных связей, основанных на доверии.

Во всех этих мерах, несмотря на их разнообразие, присутствует нечто общее. Отчуждение нельзя снять «сверху». Оно нечувствительно к глобальным проектам, общегосударственным программам, революционным трансформациям. Историческая практика показала, что все масштабные преобразования, которые должны были уничтожить отчуждение, возвратив человеку его родовую природу, завершались только усилением отчуждения.

Ликвидация отчуждения на деле всегда идет «снизу». Она начинается на уровне личного морального выбора, кристаллизуется в локальных сообществах и поддерживается мерами региональной политики. Отчуждение преодолевается в действиях органов местного самоуправления, локальных ассоциаций гражданского общества, в мероприятиях регионального уровня. Все действенные меры — это не меры глобального характера, а конкретные региональные мероприятия, которые опираются на живую экономическую, социальную, политическую практику и учитывают сложившиеся в регионе традиции моральных отношений.

Конечно, государство может способствовать снижению отчуждения в различных сферах общественной жизни, но оно может сделать это не при помощи административных мер, а в ходе косвенных действий, к которым следует отнести поддержку локальных сообществ, традиционных практик и образ жизни. При этом такие меры будут тем действеннее, чем серьезнее будет учитываться региональный контекст формирования и функционирования таких сообществ. В сложившихся условиях для нашего государства особое значение приобретает идея возвращения к национальным корням, к *этнической нравственности*, т. е. к такой системе норм, которая основывалась бы на традиционном национальном мировоззрении. Это мировоззрение должно стать основой воспитания нравственной ценностно-ориентированной личности, гармонично сочетающей в себе личностные ценности с этнорегиональными, общероссийскими и общечеловеческими, способной к разностороннему самоопределению и самореализации в современных социокультурных условиях регионов на основе идей гражданственности, патриотизма, уважения прав человека.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Макинтайр А. После добродетели. Исследования теории морали. М., 2000. С. 355.

² Фукуяма Ф. Доверие. Социальные добродетели и путь к процветанию. М., 2004. С. 53.

³ Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М., 2000. С. 98.

⁴ Гиренко Ф.И. Ускользающее бытие. М., 1994. С. 342.

В. А. ЛОМШИН

ДЕНЕЖНАЯ РЕФОРМА 1947 г. И ОТМЕНА КАРТОЧНОЙ СИСТЕМЫ

Ключевые слова: деньги, реформа, карточная система, налоги

Key words: money, reform, card system, taxes

Денежная реформа из-за последствий войны была вынужденной мерой. Во время войны хозяйство воюющей страны, особенно когда на ее территории ведутся боевые действия, приходит в упадок, ее валюта обесценивается в силу упадка товарно-денежных отношений, существенного увеличения спекуляции, отсутствия товаров гражданского назначения и инфляции. К тому же гитлеровская Германия в небывало широких масштабах использовала против Советского Союза эмиссию фальшивых советских денег, пытаясь тем самым подорвать советскую экономику. Война приносит ущерб троякого рода. Одни ее последствия можно изжить сравнительно быстро, восстановив, например, разрушенную дорогу или дом. Другие ликвидируются гораздо медленнее. Чтобы избавиться от них, требуется длительное время. Третьи вечны — это человеческие жертвы. Расшатанность товарно-денежных отношений относится к последствиям второго рода. Нельзя сразу поставить под контроль вышедшую из-под него денежную массу. Характерной чертой того периода является то, что взносы и платежи населения по налогам и займам, сложившиеся во время войны, были чрезмерно высокими. Выросшее денежное обращение вело к обесцениванию рубля.

Одним из важных последствий войны стало расстройство финансовой системы. Инфляционные процессы, усугубляемые критической ситуацией на потребительском рынке,

ЛОМШИН Владимир Александрович, заместитель директора Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве РМ, кандидат исторических наук, доцент.

расширение зоны натурального обмена свидетельствовали о прогрессирующем обесценивании рубля и ставили под угрозу срыва программу восстановления экономики. Наряду с инфляцией на состоянии государственной казны сказывалось постепенное сокращение источников денежных поступлений от населения: с окончанием войны был отменен военный налог, сократилось перечисление компенсации за неиспользованные рабочими и служащими отпуска в качестве специальных вкладов в сберкассы, прекратилось добровольное поступление средств в фонд Красной Армии.

Важной мерой финансовой стабилизации экономики стала денежная реформа 1947 г. Война привела к невиданному росту расходов на оборону страны, и одним из способов покрытия этих расходов стала эмиссия денег: с начала войны по январь 1946 г. в обращение было выпущено 55,4 млрд руб. (денежная масса по сравнению с предвоенным периодом увеличилась в 4 раза). Власть прекрасно понимала, что денежная реформа должна быть приурочена к полной отмене карточной системы, чтобы упразднить множественность цен, так как в стране действовали низкие пайковые цены на товары, выкупаемые по карточкам, и высокие коммерческие, устанавливаемые в государственных коммерческих магазинах и ресторанах. Комиссия по проведению денежной реформы была создана в мае 1947 г. Реформа готовилась в обстановке строжайшей секретности, однако информация о ее подготовке все же просочилась, началась предреформенная лихорадка.

13 декабря 1947 г. в «Известиях» было опубликовано постановление Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) № 3866 от 14 декабря 1947 г. «О проведении денежной реформы и отмене карточек на продовольственные и промышленные товары». В постановлении было сказано, что «в настоящее время перед Советским государством встала задача проведения денежной реформы в целях укрепления курса рубля, а также задача отмены карточной системы снабжения и перехода к развернутой торговле по единым государственным ценам»¹.

Несмотря на условия военного времени, государству удалось сохранять довоенные цены на товары по карточкам. Но сокращение государственной и кооперативной торговли предметами первой необходимости и увеличение спроса на

колхозных рынках привели к повышению рыночных цен в 10—15 раз.

Переходу к открытой торговле по единым ценам мешало большое количество выпущенных во время войны денег, что являлось препятствием отмены карточной системы, так как излишние деньги в обращении взвинчивают рыночные цены, создают преувеличенный спрос на товары и облегчают возможность спекуляции. Ставилась цель недопущения спекулятивных элементов к скупке товаров после отмены карточной системы.

Денежная реформа предусматривала выпуск в обращение новых денег и изъятие из обращения фальшивых и старых денег. Реформа также предполагала, во-первых, обмен старых денег в соотношении 10 руб. старого образца на 1 руб. нового (не подлежала обмену только разменная монета). Во-вторых, денежные вклады в сберегательных кассах и государственном банке переоценивались на более льготных условиях, чем обмен наличных денег, причем вклады до 3 тыс. руб. переоценивались рубль за рубль. В-третьих, проведена конверсия всех ранее выпущенных государственных займов в соотношении 3 руб. в облигациях прежних займов на 1 руб. в облигациях нового единого займа. В-четвертых, при проведении денежной реформы заработная плата рабочих и служащих, а также крестьян от государственных заготовок и другие трудовые доходы всех слоев населения не затрагиваются реформой и будут выплачиваться в новых деньгах в прежних размерах.

Обмен наличных денег затронул все население страны. Власть планировала нанести главный удар по спекулянтам, накопившим большое количество денег и державшим их в «кубышках». Но материальные потери были неизбежны и среди рабочих, и крестьян, последние пострадали больше всех. По официальной версии — это последняя жертва, но потери большинства трудящихся, связанные с обменом денег, будут кратковременны и незначительны, будут полностью компенсированы благодаря отмене высоких коммерческих цен и снижению пайковых цен на хлеб и крупу.

Обмен всех наличных денег предполагалось провести в течение одной недели, начиная с 16 декабря. В период обмена платежи можно было производить старыми деньгами, но из расчета одной десятой их нарицательной стоимости.

Была разработана сложная система переоценки вкладов в сбербанке: вклады до 3 тыс. руб. обменивались без изменения в номинальной сумме, т. е. переоценивались рубль в рубль, а при вкладе свыше 3 тыс. руб. действовала сложная система градаций вкладов, состоящая в том, что чем больше была сумма вклада в старых деньгах, тем дешевле стоил старый рубль по отношению к новому. Первоначально отмена карточек планировалась на 1946 г., и только продовольственный кризис (засуха, недород) отодвинул реализацию этого решения. С 16 декабря 1947 г. была отменена карточная система снабжения продовольственными и промышленными товарами, отменены коммерческие и введены единые розничные цены на продовольствие и промтовары. Продажа продовольственных и промышленных товаров стала производиться в порядке открытой торговли. Введены единые государственные розничные цены взамен существующих коммерческих и пайковых цен. При чем, если на хлеб, муку, крупу и макароны цены были снижены в среднем на 10 % по сравнению с действовавшими пайковыми ценами, то на остальные виды продовольствия цены были оставлены на уровне пайковых. Цены на продовольственные товары были в целом выше довоенных и, за исключением необходимого минимума, недоступными для большинства населения².

Благодаря реформе было усилено значение денег в народном хозяйстве, ненамного, но была повышена заработная плата рабочих и служащих, что нельзя сказать про сельских жителей. Они получали «трудодни-палочки», что не повышало денежных доходов и уровня материального благосостояния крестьянина-колхозника.

В Мордовский обком партии была направлена информационная записка «Об организации в МАССР работы в связи с проведением денежной реформы и отмены карточек на продовольственные и промышленные товары». Основной целью предполагаемой работы было восстановление довоенной прочности финансовой базы и организация финансовой системы таким образом, чтобы она была способна обслуживать неизбежный рост общих расходов после войны и ежегодное увеличение госбюджета. Населению, которое оказалось под основным бременем возросших расходов, следовало внушить, что это «последняя жертва» (выражение И. В. Сталина), принесенная им в ходе восстановления хозяйства.

Из-за соблюдения режима полной секретности проведения денежной реформы документы не оформлялись. Даже Решение Политбюро (декабрь 1944 г.), на заседании которого был изложен подробный план денежной реформы, не было документировано³. Предложения Министра финансов СССР А. И. Зверева предусматривали изъятие миллиардных денежных сумм у сельского товаропроизводителя, крестьянина, доходы которого квалифицировались как «конъюнктурные» и, следовательно, незаконные с точки зрения советской власти. По ориентировочным расчетам Минфина, накануне войны денежные остатки городского населения составляли 7,3, а сельского населения — 7 млрд руб. К 1945 г. соответствующие суммы составляли уже 19,5 и 34,2 млрд руб.⁴ Минфин предложил производить обмен 5:1, что наглядно доказывает проведение реформы целиком за счет населения. При проведении реформы старые деньги обменивались на новые в соотношении 10:1. По данным Госбанка, Правительству путем осуществления ряда мер удалось сократить количество денег, находившихся в обращении к началу реформы, с 63,4 до 43,6 млрд руб.

При установлении единых розничных государственных цен на продовольственные и промышленные товары государство исходило из того, что на хлеб и муку цены будут снижаться в среднем на 12 %, а на крупу и макаронные изделия — на 10 %. На мясо, рыбу, жиры, сахар, кондитерские изделия, соль картофель и овощи цены сохраняться на уровне действующих пайковых цен. На молоко, яйца, чай, фрукты цены были установлены применительно к продовольственным товарам; на ткани, обувь, одежду, трикотажные изделия в городах и рабочих поселках устанавливались цены в 3—2 раза ниже коммерческих; на табачные изделия и спички цены будут на уровне действующих пайковых; на пиво цены снизились в среднем на 10 %, а на водку и вино сохраняются старые цены.

Министерству торговли СССР было поручено установить новые, сниженные государственные розничные цены на продовольственные товары по поясам, а также новые государственные розничные цены на промышленные товары для города и деревни. В Постановлении было оговорено, что цены не распространяются на колхозный рынок и на кооперативную торговлю товарами собственных закупок⁵.

Вслед за объявлением о денежной реформе и отмене карточной системы выходит Постановление Совета Министров СССР № 3867 от 14 декабря 1947 г. «О нормах продажи продовольственных и промышленных товаров в одни руки». В соответствии с ним устанавливались предельные нормы отпуска товаров в одни руки: хлеб печеный — 2 кг; крупа, макароны — 1 кг; мясо и мясопродукты — 1 кг; колбасные изделия и копчености — 0,5 кг; сметана — 0,5 кг; молоко — 1 л; сахар — 0,5 кг; хлопчатобумажные ткани — 6 м; нитки на катушках — 1 катушка; чулки-носки — 2 пары; обувь кожаная, текстильная, резиновая — по 1 паре каждой; мыло хозяйственное — 1 кусок; мыло туалетное — 1 кусок; спички — 2 коробки; керосин — 2 л⁶. Установленные нормы также распространялись и на кооперативную торговлю в сельской местности на всей территории Советского Союза.

После войны время от времени объявлялось снижение цен на те или иные товары. Вокруг этого мероприятия всегда велась широкомасштабная пропагандистская компания. Но в условиях дефицитной экономики особенно страдало село. Централизованное городское снабжение продовольствием (в год на человека) превосходило сельское (с учетом целевых поставок): по муке — в 12—18 раз, крупе — 13—28, рыбе — 10—14, сахару — 8—12, винно-водочным изделиям — 2,5—3, чаю — в 1,5 раза. Мясо и животное масло распределялось на село только по целевому назначению. Снабжение городского населения промышленными товарами превосходило сельское по швейным изделиям в 3—6 раз, по мылу — 3—10, кожаной обуви — 2,5—5, шерстяным тканям — 1,2—8, трикотажу и табачным изделиям — в 5—12 раз. Поэтому вследствие огромного дефицита товаров селу доставались крохи. Кроме того, существовали «гужевые наценки», что автоматически повышало розничные цены⁷.

Денежная реформа в СССР 1947 г. носила конфискационный характер, как и проводившиеся практически одновременно в Западной и Восточной Европе денежные реформы. Однако в определенных аспектах ее условия были мягче и носили более щадящий по отношению к населению характер, чем в других странах.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Решения партии и Правительства по хозяйственным вопросам (1917—1967 гг.). М., 1968. Т. 3. С. 460.

² Денежная реформа 1947 года: реакция населения. По документам из «Особых папок» Сталина / сост. Э.Ю. Завадская, Т.В. Царевская // Отечественная история. 1997. № 6. С. 134.

³ Попов В.П. Сталин и советская экономика в послевоенные годы // Отечественная история. 2001. № 3. С. 67.

⁴ Там же.

⁵ Решения партии и Правительства ... С. 467.

⁶ Денежная реформа 1947 года ... С. 135.

⁷ Никонов А.А. Спираль многовековой драмы: аграрная наука и политика России (XVIII—XX вв.). М., 1995. С. 275.

Поступила 08.04.2010.

В. С. СВЯТОГОРОВА

ТВОРЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ МИФОЛОГИИ МОРДВЫ В ЭТНОФУТУРИЗМЕ

Ключевые слова: мифологическое, этническое, этнофутуризм, постмодернизм в искусстве, провинциальное искусство, искусство мордвы, художественный язык

Key words: the mythological, the ethnic, ethno-futurism, post-modernism in arts, provincial art, art of Mordva, artificial language

Изображение мифологических персонажей в творчестве художников Мордовии является индикатором этнического своеобразия и проявлением этнически окрашенной модной тенденции. Об этом свидетельствуют Международная выставка «ЯЛГАТ», проводившаяся в рамках Международного фестиваля финно-угорских народов «Шумбрат, Финно-Угрия!» (Саранск, июль 2007 г.); I Международный семинар резчиков по дереву финно-угорских народов «Вейсэнъ ундокст» («Единые корни») (август 2008 г., с. Подлесная Тавла Кочкуровского района РМ); этнофутуристические выставки «Этнопараллельные миры» (январь 2004 г., г. Саранск), «Вербась панъжи» («Верба распускается») (апрель 2006 г., Саранск); саранская, йошкар-олинская, московская выставки А. С. Алешкина «По незримому следу» (2009 г.). Мифологическая тема получила развитие и в коллекциях костюма, созданных под руководством Л. Н. Нарбековой («Мордовские амазонки», 2008 г.) и Г. В. Лосевой («Масторава», 2007 г.; «Иненармунь», 2008 г.).

Следует заметить, что своеобразие культуры мокши и эрзи в творчестве мастеров Мордовии в большинстве случаев представлено через изображение мифологических персонажей. Таким образом, понятия «этническое» и «мифологическое» в их творчестве становятся синонимами. Попытка

СВЯТОГОРОВА Варвара Сергеевна, доцент кафедры культурологии Мордовского государственного университета, кандидат культурологии.

измерения истории мифом возможна как художественный проект, что и предлагает мордовский этнофутуризм, логически и генетически вытекающий из системы постмодернистской эстетики, как и все этнофутуристическое движение финно-угорского мира в целом.

Между тем активные участники движения и его теоретики в начале 90-х гг. XX в. отрицали любые связи с постмодернизмом, хотя позднее один из идеологов и авторов манифеста этнофутуризма А. Хейнапуу назвал постмодернизм «благоприятной средой для этнофутуризма»¹. Например, отрицаясь первоначально от постмодернизма, В. Л. Шибанов «приходит к парадоксальному (вполне постмодернистскому заключению!) — этнофутуризм — это не просто обращение современного художника к фольклору, а диалог фольклора (точнее, архаической мифологии) с мировым постмодернизмом. Тем самым (если учесть, что в идеологическом плане постмодернизм представляет собой пустоту) В. Л. Шибанов фактически признает, что этнофутуризм в конечном счете — это диалог с пустотой»². Более того, исследователь видит в этнофутуризме потенциал силы, способной вступить в диалог и с «мифами, обусловленными глобализацией»³.

Именно с этой точки зрения, на наш взгляд, и следует воспринимать весь финно-угорский и мордовский этнофутуризм: не как провинциальное, оставшееся в стороне от столбовой дороги постмодернизма ответвление, а один из возможных вариантов развития. Постмодернизм, исчерпав свои возможности в европейской культурной традиции, получил новый импульс к развитию в российской провинции. Здесь мы предлагаем использовать понятие «провинция» не в уничижительном смысле, а в смысле окраины, хранящей традицию. Этнофутуризм следует оценивать как этническую модификацию постмодернизма в финно-угорской культурной среде. В подобной оценке — не умаление этнофутуризма, а признание за ним силы, оказавшейся способной развиваться в течение почти двадцати лет его традиции.

Исчерпал ли себя этнофутуризм в пространстве финно-угорского мира к началу XXI в.? Ответ на вопрос не является однозначным. В плане теории — да. Примером этому является отсутствие статей с программными заявлениями на сайте этнофутуристов⁴.

Возвращаясь к вопросу о специфическом понимании взаимодействия этнического и мифологического в художественной практике Мордовии, следует отметить, что смешивание понятий — весьма характерное явление для этнофутуризма, к которому вольно и невольно тяготеют и с его позиций оценивают свое творчество большинство известных мастеров республики. Этническое понимается ими зачастую только лишь как изображение черт самобытности культуры народа, идеализация мифологического прошлого, альтернатива и противоположность грядущему глобализму. Задача этнофутуризма состоит в преодолении «рамки выключенной из исторического процесса аграрной резервации»⁵. Это способ остаться самим собой. Однако данное отставание понимается художественной общественностью Мордовии по-разному. Для одних — это попытки сохранить традиционное искусство и традиционный набор образов, впрочем, создавая подчас новые, что характерно, например, для работ «Союза тавлинских мастеров „Эръемезь”»⁶; другие понимают как кардинальную трансформацию традиционного образа, преобразование его до неузнавания. При этом источник вдохновения видят в своем бессознательном, создавая при этом произведения, в которых постмодернистски переплетаются материалы археологии и личные переживания, основанные на узколокальном, узкодиалектном, почти племенном мышлении и знании.

Путь по незримому следу предков стал своего рода брендом ряда мордовских художников. Например, известный этнофутурист А. С. Алешкин большинство своих выставок проводит под таким названием. Персональная выставка, проводившаяся в Саранске в феврале 2009 г., заставляет задуматься зрителя, наблюдающего за творчеством художника. Если в 90-е гг. автор осторожно двигался по этому незримому следу, подчас копируя Онежские петроглифы (как это было в рисунке «Иненармунь») и воспроизводя погребальный инвентарь мордовских могильников, то 2000-е гг. художник копирует свои работы 90-х гг. Следует обратить внимание и на тот факт, что статья искусствоведа Е. В. Бутровой, многие годы изучающей состояние мордовского этнофутуризма и испытывающей большой интерес к творчеству художника, касается лишь раннего творчества Алешкина, что, на наш взгляд, весьма показательно⁷.

Анализируя тенденции развития этнофутуризма в финно-угорских республиках, Н. А. Розенберг обходит молчанием творчество А. С. Алешкина, упоминая среди мордовских художников-этнофутуристов только лишь Ю. А. Дырина и причисляя его к числу тех, кто синтезирует «этнокультурный опыт в перформансах и изобразительном искусстве, „творит мир“ по собственному разумению»⁸.

Конечно, творение мира Алешкиным не достигает такой беспредельности (во всех смыслах), как у Дырина, однако можно не согласиться с широко известным в этнофутуристических кругах культурологом. Творчество Алешкина весьма примечательно в плане творения мира из сплава коллективного и индивидуального бессознательного, поисков нового изобразительного языка. Утрата канонов характерна для постмодернизма, но очень быстро они возникают в творчестве отдельных художников, к таковым относятся циклы Алешкина. Это находит выражение, например, в названиях работ художника «Война и мир племени Водной Птицы», «Люди из племени Водной Птицы оставили знаки и символы, несущие их представления о времени Войны и Тишины», «Сыре Вергиз — Монь бодям» («Старый Волк — мой дед»). Автор словно находится внутри своей родовой истории, будучи не способным вырваться из нее. Однако он компенсирует эту родовую закрытость тем, что размещает в пространстве картин сюжеты, характерные для Онежских петроглифов, изображения с шаманских бубнов хантов и манси, зооморфные фигурки коми. Таким образом, он вписывает древнемордовскую культуру в общий финно-угорский контекст.

Такого рода изображения узнаваемы и близки всем смотрящим. Можно интерпретировать такой прием как контаминацию образов и сюжетов различных финно-угорских народов, как попытку выйти за рамки родоплеменного мышления, как поиск болевых точек в истории этноса, что подчас свидетельствует об исторической безграмотности художника при реализации замысла заполнения некоей видимой только художнику исторической лакуны. Отношение к научному знанию в этнофутуристической среде ярко сформулировано А. Хейнапуу: «Мы не должны учиться у Барта или Лакана, а учить их»⁹. Алешкин испытывает большой интерес к украшениям достаточно далеких от

Мордовии хантов, манси, коми и равнодушен к богатейшему материалу древнемордовских погребений, который с большим успехом мог бы быть использован для того же заполнения пространства картин. Следует отметить весьма прохладное отношение художников Мордовии к данным археологии, относящимся именно к истории мокши и эрзи.

Только украшения средне-цнинской мордвы стали предметом изображения у Л. Н. Колчановой. Современная мордовская и сопредельных республик археология накопила и, главное, обобщила огромный свод материалов, которые доступны, интересны и еще ждут своего иллюстратора-интерпретатора.

В ходе открытия персональной выставки, посвященной пятидесятилетию и проводившейся в сентябре 2009 г. в Москве, художник заявил, что воспринимает ее как «своеобразный экзамен, который он держит перед своими замечательными Учителями, людьми, оказавшими на него большое влияние»¹⁰. Следует отметить, что художник должен выдерживать экзамен и перед своим народом, традиции которого он популяризует. Можно констатировать и тот факт, что в иллюстрациях к «Мастораве: мордовскому народному эпосу» художник А. С. Алешкин экзамен провалил.

Согласно библиографическому описанию, общая идея оформления всего издания также принадлежит А. С. Алешкину, что должно было бы дать нам возможность увидеть квинтэссенцию творчества художника. Ибо оформление эпоса для художника, позиционирующего себя в финно-угорских культурных кругах как ревнителя традиций предков и их презентации, должно было бы стать вершиной творчества, однако даже простое пролистывание рождает мысль о этой работе как проходном моменте в творчестве. Следует оговориться, что в вышеупомянутом издании нам не удалось обнаружить названий работ, поэтому мы будем обозначать их, указывая номер страницы в издании.

«Масторава: мордовский народный эпос», как и прежние работы художника, содержит сюжеты Онежских петроглифов II тыс. до н. э., изображения «золотого века» бронзовой пластики пермского звериного стиля периода ломоватовской культуры VII—IX вв.: медведя в жертвенной позе, парящей в полете птицы с головой человека на груди, а также композиций, объединяющих птиц, человека, животных¹¹. Помимо

сюжетов и образов, характерных для финно-угорских народов, автор вводит элементы кельтского искусства, в песне третьей «Правление Тюшти» белая дама (загадочный образ женщины в головном уборе с фатой, напоминающем головные уборы народов Северного Кавказа, с выбивающимися из-под него прядями волос) на странице 162 стоит на камне, украшенном кельтским крестом из Келлской Библии (конец VIII — начало IX в., Ирландия); тот же крест изображен на рубашке, очевидно, нового правителя в песни четвертой «Выборы нового правителя» на странице 179. В песне третьей «Правление Тюшти» на странице 109 содержится изображение, живо напоминающее Иоанна Крестителя из деисусного чина, о чем свидетельствуют иконописно выписанное лицо, молитвенно сложенные руки и фигура, облаченная в шкуру. С христианской иконографией ассоциируется картина И. Н. Крамского «Христос в пустыне». Такие же ассоциации вызывает фигура одиноко сидящего на скале Бога в песни первой «Рождение земли» со страницы 45. В песне второй на странице 87 изображена мужская фигура перед огромной светящейся птицей с распростертыми крыльями и человеческим лицом на груди. Эта песнь называется «Поиски счастья», а изображение птицы — распространённый образ пермского звериного стиля, который в последние годы трактуется исследователями как украшение шаманского костюма, «шаманский дух, возносящий шамана на небо»¹². Следует ли читателю «Масторавы» понимать этот сюжет так: поиски счастья побудили мокшанина или эрзянина обратиться к шаманам коми или перед ним возникло архетипическое финно-угорское видение?

Изображению на странице 239 можно дать название «Шемаханская царица, обольщающая воина». Это тем более удивительно, что так художник иллюстрирует песнь пятую, имеющую название «Годы бед и страданий». Сказочная дева-птица в малиновых шальварах с перетянутыми полочкой украшенного драгоценными камнями металла сосками словно перелетела с картин Ю. А. Дырина, где ее еще можно было бы встретить. Ни колористически, ни исторически, ни мифологически это проявление индивидуального бессознательного художника Алешкина к мордовскому эпосу отношения не имеет. Как тут не вспомнить строки Е. В. Бутовой: «Черпая вдохновение из собственного бытия, худож-

ник создает в своем творчестве его отражение»¹³. Сложно судить о том, отражением чего являются натуралистически выполненные обнаженные женские фигуры (стоящая перед пологом, из-под которого к лону тянется костлявая рука с длинными грязными ногтями (страница 217), и сидящая перед шайкой (или чаном) в бане (страница 273)), если художник иллюстрирует ими, соответственно, песни пятую «Годы бед и страданий» и шестую «Воссоединение».

В этнофутуристических кругах великая миссия искусства финно-угорских народов представляется попыткой осмысления «финно-угорского мира как особой цивилизации, противостоящей не просто миру русских (это было бы тривиально: так представляли мир эстонские обыватели), но миру индоевропейцев ...поиску того, что действительно уникально и ценно в этом мире.... к поиску поля, на котором финно-угорские культуры могли бы взять реванш за тысячелетие культурного отставания»¹⁴. В своих публичных выступлениях А. С. Алешкин настойчиво повторяет мысль о том, что его искусство содержит большое количество исторической информации, поскольку он обращается к мифологии и традициям предков. Хотелось бы ответить ему словами другого не менее известного в финно-угорском мире художника этнофутуриста П. Г. Микушева: «...Подражательство, иллюстрация мифов — одно... смысл этнофутуризма не в копировании бляшек пермского звериного стиля или каких-то древних изображений, а необходимый способ самовыражения...»¹⁵.

Неизбежно возникает вопрос «Насколько иллюстрации „Масторавы: мордовского народного эпоса” отражают и воплощают дух традиций мокшанского и эрзянского народов, если содержат в себе значительный пласт заимствованных из мифологий других народов, сюжетов, образов, знаков, символов?». Преодоление «культурного отставания» не должно реализовываться созданием произведений в псевдоэтническом стиле. Можно спорить с явной попыткой изображения божеств мордвы в виде и по образу древнегреческих, как это было у Н. С. Макушкина. Однако в его иллюстрациях чувствовалась любовь к изображаемому, стремление оказаться на уровне мировых стандартов. В иллюстрациях Алешкина преобладает торопливость, ибо именно такое ощущение возникает при просмотре иллюстраций. Возмож-

но, так проявилось стремление реализовать какую-то свою концепцию эпического прошлого, но у художника достаточно возможностей для ее презентации: быть иллюстратором эпоса народа мира — значить суметь выразить все то внутренне присущее, проговоренное и интуитивное, что характерно для него, ибо, соприкасаясь с традиционной культурой, мы имеем дело с архетипическими культурными текстами.

Бутрова так описывает творческий механизм художника: «Его герои — некий кукольный народец, или что-то вроде труппы бродячих актеров, выступающих в разных ролях — шамана, воина, волка. А их автор-кукловод разыгрывает с ними разные истории: то грустные, то страшные, а то и мелодраму»¹⁶. Рассматривая изображения «Масторавы: мордовского народного эпоса», начинаешь верить в сказанное выше, только хочется добавить — страшно грустная мелодрама, выданная за этническое искусство. Спору нет, как художник-этнофутурист (постмодернист, представитель art-brut) он имеет право на любые игры, совмещения, контаминации в своем творчестве, на организацию любого, в том числе и провокативного, диалога со зрителем. Однако иллюстрирование эпоса народа мира обязывает художника строить диалог с иллюстрируемым текстом, что должно рождать совершенно определенные логикой повествования коннотации.

Почему искусство Мордовии смешивает понятия «этническое» и «мифологическое», выдавая последнее за первое при презентации своего творчества за пределами республики? На наш взгляд, корни этого явления лежат в самой природе этнофутуризма, а также в том, как он был понят и проинтерпретирован в финно-угорском мире. Попытка взаимозаменения мифологического и этнического может свидетельствовать о двух тенденциях: с одной стороны, об актуальности этой тематики и возможности иметь с этого дивиденды, с другой — кризисном состоянии искусства, в котором доминирует инверсия, где история понимается только как миф, а миф — только как миф о золотом веке. Этнофутуризм как «этнический ренессанс»¹⁷ не может и не должен существовать только как презентация и репрезентация мифологического прошлого. Полифонизм должен быть и в рефлексии относительно прошлого — реального и мифологического, но у интерпретации («творения мира

по своему разумению») должны быть границы, гарантами которых должны стать, прежде всего, научная интуиция, внутреннее чувство меры, граница и предел в самом себе: авторам необходимо иметь внутреннюю цензуру и преодолеть ставшую основой этнофутуризма «травмированность национального сознания»¹⁸.

Эту особенность отметил или, скорее, прочувствовал один из старейших марийских искусствоведов Г. И. Прокушев, крайне негативно отзывающийся о перспективах развития этого направления применительно к живописи, видя в нем утрату профессионализма и «забвение подлинных национальных духовных ценностей»¹⁹.

Мы отмечаем характерные для этнической интеллигенции поиски архаических корней, однако общество и люди искусства, которые всегда должны быть в авангарде мысли, должны видеть перспективы развития хотя бы своего творчества. В сознании же участников движения этнофутуристов произошла инверсия: динамичное развитие подменили мифологическими аллюзиями и реминисценциями, будущее поместили в далекое прошлое. Подобная практика может и должна быть преодолена путем установления конструктивного диалога между академической и художественной общественностью Республики Мордовия.

В науке существуют теории, утверждающие, что жизнь в современном мире наполнена мифологическими иллюзиями²⁰, однако их авторам можно возразить: жизнь ими полностью не исчерпывается, как жизнь этноса не исчерпывается его мифологией.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Хейнапуу А. Первые ливы, или Ливский народ как этнофутуристический проект. URL: <http://suri.ee/etnofutu/3/doc/heina-v.html> (дата обращения: 11.03.2010).

² Цит по: ЭТНО, ФУТУ, ФИННО, УГРО... Круглый стол по проблемам финно-угорского этнофутуризма содержательно оказался близок детской считалочке // День Удмуртии. 2004. № 13. 25 марта. URL: <http://www.dayudm.ru/article.php?id=2084> (дата обращения: 11.03.2010).

³ См.: Шибанов В.Л. Этнофутуризм: между архаическим мифом и европейским постмодернизмом // Вестн. Удмурт. ун-та. Филол. науки. 2007. № 5. С. 163.

⁴ См.: URL: <http://suri.ee/etnofutu> (дата обращения: 11.03.2010).

⁵ Завьялов С. Сквозь мох беззвучия: поэзия восточнофинского этнофутуризма. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2007/85/za24.html> (дата обращения: 11.03.2010).

⁶ См.: Святогорова В.С. Мифологические образы в творчестве мастеров объединения «Эрмезь»: традиции и новаторство // Регион: культура в поисках самоидентичности: материалы Всерос. науч. конф. с междунар. участием, г. Саранск, 2009. Саранск: Тип. «Красный Октябрь», 2009. С. 153—155.

⁷ См.: Бутрова Е. Танец с волком или Terra Altera художника Алешкина // АРТлад. 2008. № 2. С. 154—167.

⁸ Розенберг Н.А., Плеханова Е.О. Этнофутуризм и этническая идентификация в искусстве России конца XIX — начала XXI века // Современные трансформации российской культуры. М.: Наука, 2005. С. 290.

⁹ Хейнапуу А. Первые ливы, или Ливский народ ...

¹⁰ В рамках празднования Дня города. Межнародная культурная акция «Дружба на все времена». Программа ЭТНОАРТ. Проект «Мой древний мордовский народ. По незримому следу». URL: www.mdn.ru/information/events/4-sentyabrya-1600-v-ramkah-prazdno-vaniya-dnya-goroda-mezhnacionalnaya-kulturnaya-akciya-druzhba-na-vse-vremena-programma-etnoart-proekt-moj-drevnij-mordovskij-narod-po-nezirimomu-sledu (дата обращения: 13.03.2010).

¹¹ См.: Маторова: мордовский народный эпос / сост. Г.Я. Меркушкин, В.В. Горбунов, А.Д. Шуляев, А.М. Шаронов; пер. с мордов. В.Ю. Юшкин; худож. А.С. Алешкин. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 2009. С. 211.

¹² См.: Петрухин В.Я. Мифы финно-угров. М.: Астрель: АСТ, 2005. С. 182.

¹³ Бутрова Е. Танец с волком или Terra Altera ... С. 159.

¹⁴ Завьялов С. Сквозь мох беззвучия ...

¹⁵ Цит. по: Кублицкий О. Павел Микушев: в поисках утраченных душ // Финноугория. Этнический комфорт. 2008. № 1. С. 37.

¹⁶ Бутрова Е. Сквозь мох беззвучия ... С. 160.

¹⁷ См.: Розенберг Н.А. Этнофутуризм Поволжья и Приуралья. URL: <http://suri.ee/etnofutu/4/rozenber.html> (дата обращения: 11.03.2010).

¹⁸ См.: Завьялов С. Сквозь мох беззвучия ...

¹⁹ См.: Прокушев Г.И. Этюды о художниках Марий Эл. Йошкар-Ола: Марийское кн. изд-во, 2003. С. 267.

²⁰ См.: Плюто П.А. Концепция аутентичного мифа и анализ социокультурных иллюзий. М.: РГГУ, 2009. 342 с.

Поступила 06.04.10.

Е. М. МЕЛЯКИНА

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ НАРОДНО-ПЕВЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ В РЕГИОНЕ

Ключевые слова: песня, народная манера пения, многоголосие, тембр голоса, народная музыка, фольклор, хоровое исполнение, народный ансамбль, самодеятельное песенное искусство, профессиональное песенное искусство

Key words: song, peoples manner of singing, polyphony, voice timbre, peoples music, folklore, chorus performance, peoples group, amateur singing arts, professional singing art

Народное музыкальное искусство мордвы складывалось на протяжении многих веков в тесном взаимодействии с культурой соседних народов. В нем сохранились архаичные формы, восходящие к финно-угорской музыкальной культуре. Эта общность проявлялась в приемах мелодического развития, ладообразования, структуры стиха и музыкально-поэтической строфы древнейших жанров народно-песенной культуры. Оно представлено вокальными и инструментальными произведениями различных жанров. Им присущи развитые коллективные и одиночные исполнительские традиции. Главной особенностью мордовской народной песни является многоголосный склад мелодики. Характеризуя начальный период развития мордовской народно-певческой культуры, необходимо отметить, что интерес к мордовской народной песне носил побочный характер, так как этнографические задачи преобладали над искусствоведческими.

Первые дошедшие до нас сообщения о мордовских народных песнях относятся к концу XVIII в. Речь идет о печатных трудах участников Академической экспедиции 1768—1774 гг. И. И. Лепехина и П. С. Палласа. Много текстов

МЕЛЯКИНА Елена Михайловна, старший преподаватель кафедры народно-певческого искусства Московского государственного университета культуры и искусства.

песен представлено нижегородским иеромонахом Макарием в 1849—1850 гг. Большой и плодотворный путь пройден мордовской фольклористикой. Начиная с первых записей мордовских народных мелодий, сделанных А. М. Шегреном и Р. Ф. Учаевым, а также трудов видного этнографа и фольклориста М. Е. Евсевьева, в это благородное дело в разное время внесли свой вклад Л. Б. Бояркина, Н. И. Бояркин, Г. Г. Вдовин, Р. И. Греховодов, М. Г. Ильин, Л. П. Кирюков, Г. И. Сураев-Королев, Б. С. Урицкая, М. И. Чувашов, И. М. Яушев и др. Рассматривая начальный период мордовской народной музыкальной культуры, можно отметить, что большие позитивные сдвиги в строительстве музыкального профессионализма преобразили Мордовию.

За четверть века неузнаваемо изменился музыкальный быт народа. Наряду с традиционной песней заметную роль стали играть современная народная песня и зародившаяся профессиональная музыка, в республике была создана сеть культурно-просветительских учреждений и концертных организаций, открыты театры, музыкальные учебные заведения. «В период зарождения в Мордовии регулярной концертной жизни произведения музыкального фольклора использовались на профессиональной сцене без существенной обработки. Особенно широкий размах в это время получило хоровое исполнительство. Это объяснялось тем, что ансамблевый способ интонирования мордовской песни был и остается до сих пор наиболее развитым и распространенным в вокальном быту народа»¹. Во главе коллективов встали подлинными энтузиасты музыкального искусства (Л. П. Кирюков, П. А. Органов, А. П. Трифонов).

Во время Великой Отечественной войны всенародное признание снискало творчество мордовской народной сказительницы Ф. И. Беззубовой. Ей, как и другим известным сказительницам (Е. П. Кривошеевой, С. М. Люлякиной), был свойственен большой интерес к современной теме — защита Родины. Большую популярность получили ее сказы «Поднялась страна величая», «Мое сердце в городе Ленина» и др. Творчество основоположников мордовского сказительского искусства Ф. И. Беззубовой, Е. П. Кривошеевой, С. М. Люлякиной всецело определяется мордовской народной музыкальной культурой. «В богатом по содержанию и разнообразном по жанрам наследии определились важнейшие

музыкально-стилевые черты национального музыкального профессионализма, сложились ведущие традиции, имеющие в основном основополагающий характер. Этнически яркие по музыкальному языку сказы стали первыми образцами народной песни как жанра в мордовской музыке»².

Одной из форм совместной творческой деятельности композиторов и поэтов-песенников в 50-е гг. XX в. стали совместные отчетные выступления перед широкой аудиторией с показом созданных песен. Авторы при этом могли непосредственно наблюдать, как их произведения воспринимаются слушателями.

С середины 60-х гг. в развитии мордовской музыкальной культуры наступает новый этап, характеризующийся важными качественными изменениями. До 60-х гг. композиторы преимущественно цитировали народную песню или создавали мелодии, близкие ей по духу и языку. С 60-х гг. эта тенденция заметно ослабевает. Вместо прямого цитирования связь с народной песней проявляется через глубоко трансформированные мелодико-гармонические и ритмические элементы мордовской народной музыки. Большим достижением в области пропаганды народной музыки является создание мордовской государственной филармонии. Существовало несколько концертных бригад. В них входили ансамбль песни и танца «Умарина», фольклорный ансамбль «Келу», оркестр русских народных инструментов, эстрадный ансамбль «Лайме», а также отдельные исполнители. Плеяду профессиональных вокальных исполнителей составляли мастера мордовского вокального (академического) искусства Р. С. Анисимова, В. С. Киушкин, Е. А. Охотина, А. В. Яшнов, И. М. Яушев. Для пополнения своего репертуара певцы занимались собирательской деятельностью — записывали песенный фольклор³.

Ансамбль песни и танца «Умарина» стал живым и непосредственным пропагандистом мордовского и русского народного песенного и танцевального искусства. Именно этот коллектив воспитал плеяду профессиональных солистов-исполнителей народной песни (М. Н. Антонова, Р. М. Беспалова, Д. И. Еремеев, В. А. Грачева, И. П. Рузманова)⁴. Все они в разное время являлись солистами ансамбля «Умарина». «Заметное место в культурной жизни республики играет фольклорный коллектив „Келу“, быстро завоевавший признание и любовь

музыкальной общественности не только в Мордовии, но и за ее пределами. Под руководством Г. И. Сураева-Королева ансамбль усвоил основные стили традиционного многоголосия и создал целый ряд исполнительских версий произведений народной классики»⁵. Из этого коллектива вышли профессиональные певцы А. Г. Атласова, Л. П. Князькова, Г. Н. Макшева, А. В. Панишева. Они получили широкое признание в творческой среде и у слушательской аудитории в качестве отдельных солистов, пропагандирующих и популяризирующих традиционные мордовские песни и вокальную музыку композиторов Мордовии.

Таким образом, на первом этапе становления и развития народно-певческого исполнительства четко прослеживаются два основных направления: творчество сказителей и профессиональные исполнители мордовской народной песни.

Общение с традиционной песней многим выдающимся исполнителям позволило постичь тайны вокального искусства мордовского народа: традиционная проголосочная манера пения, многоголосие, наличие ангемитоники и диссонансных созвучий. «Артисты Мордовии унаследовали отношение к народному творчеству как к искусству высокого эстетического идеала. По мнению Н. М. Мирской, широкая известность и признание свидетельствует не только об их таланте, но и о значительной роли в развитии мордовской исполнительской культуры»⁶.

В настоящее время развитие народно-певческого исполнительского искусства в республике идет по двум направлениям: развитие самодеятельного и профессионального певческого искусства. Оба направления весьма значимы. Развитие художественной самодеятельности выходит на новый этап. Период, когда художественной самодеятельностью занимались только одаренные энтузиасты, не имевшие музыкального образования, уходит в прошлое. «Подлинная самодеятельность сохранилась в чистом виде весьма в незначительной степени, часто только в школьной, студенческой среде и в сельской местности», — пишет Н. И. Бояркин⁷. Это народный хор с. Кочетовка Инсарского района, Старотеризморский народный фольклорный хор, фольклорный ансамбль «Цёковне» с. Низовка Ардатовского района, ансамбль «Диголя» Чамзинского района.

В настоящее время в самодеятельной творческой среде можно отметить нескольких певцов-солистов народно-певческого направления: И. Имярекова, А. Рябова, И. Сургаев (Краснослободский район); В. Кирдяпкина (Зубово-Полянский район); А. Стенина (Ковылкинский район); А. Яшина, Г. Волкова (Торбеевский район) и др. Они являются лауреатами и дипломантами региональных, республиканских и городских фестивалей и конкурсов. В последнее время в самодеятельном художественном творчестве работают если не профессиональные исполнители, то люди, имеющие специальное музыкальное образование.

Новый этап в развитии народно-певческого исполнительства на профессиональной сцене ознаменован появлением таких певцов, как А. Н. Куликова, Н. В. Маркова, Н. В. Спиркина. Исполнительницы имеют ярко выраженную народную манеру пения, основу их репертуара составляет в большей части мордовская народная песня. Их творческая карьера начиналась в качестве солисток ансамблей «Умарина» и «Келу» и переросла в самостоятельное сольное исполнительское творчество. В начале 90-х гг. на сцене появляются исполнители народных песен, получившие профессиональное вокальное образование: Е. В. Гринина, Н. И. Касаткина, С. В. Колесникова, И. П. Учватова и др. Появляются новые коллективы: театр песни «Россичи», ансамбль казачьей песни «Разгуляй». В это время народная песня получает иную трактовку. Помимо исполнения в традиционной народной манере, она также начинает звучать в эстрадной обработке, что не всегда положительно сказывается на сохранении народно-певческой традиции. С появлением на сцене профессиональных исполнителей народно-певческое исполнительство вышло на новый уровень развития, получило мощный импульс для дальнейшего бытования на эстраде. Народная песня становится разноплановой как по манере исполнения, так и по стилистике сценического воплощения.

Таким образом, пройдя путь становления, народно-певческое исполнительство Мордовии проявило свой, неповторимый и своеобразный почерк. С переходом от аутентичного, традиционного к профессиональному воплощению народной песни на эстраде происходили различные стилистические изменения: профессиональное исполнительство, массовая

пропаганда национального искусства, обращение к фольклорному началу, стилизация народной песни.

В профессиональном народно-певческом исполнительстве можно выделить три категории исполнителей:

1. Яркие представители художественной самодеятельности, ставшие артистами-профессионалами и получившие параллельно специальное образование в различных школах профессионального музыкального мастерства (А. Н. Куликова, Н. В. Маркова и Н. В. Спиркина).

А. Н. Куликова обладает голосом звонкого тембра, в совершенстве владеет народной манерой пения. Сценическая выразительность, творческая индивидуальность артистки, дополненные особой привлекательностью, позволили ей добиться на сцене большого успеха и найти своего зрителя. В интерпретации Н. В. Спиркиной народная песня звучит в более мягкой прозрачно-светлой исполнительской манере, что соответствует характеру самой певицы, ее сценическому образу. Удивительный по гибкости, тембровому богатству голос Н. В. Марковой звучит с проникновенной нежностью, задушевностью. Ее исполнительская манера близка к традиционной проголосочной народной манере пения.

2. Артисты, получившие классическое музыкальное образование — мастера вокального искусства (М. Н. Антонова, Р. М. Беспалова, Д. И. Еремеев, В. С. Киушкин, И. М. Яушев). Они способствовали созданию своеобразной вокальной школы Мордовии, характерными чертами которой стали интонационная сущность национального художественного образа и этнический характер музыкального языка: наличие диссонансных созвучий, опевание определенных интервалов, ладовый окрас, наличие ангемитоники. Благодаря этому сложились традиции исполнения мордовской народной песни.

3. Новое поколение солистов-исполнителей народной песни, целенаправленно занимающихся народной певческой культурой. Это выпускники специализированных музыкальных вузов Е. В. Гринина, Н. И. Касаткина, С. В. Колесникова, И. П. Учватова. Палитра их сценических образов весьма разнопланова: от причета в стиле аутентичного исполнения до патриотического звучания «массовой» авторской песни и своеобразного смягчения стилистики фольклорно-модерновых направлений. С их приходом народная песня получила иную

трактовку. Помимо исполнения в традиционной народной манере, она также начинает звучать в эстрадной обработке. Впитав в себя основы самодеятельного искусства, обогатив их знаниями, синтезировав это с музыкальной современностью, профессиональное народно-певческое исполнительство вышло на новый этап, заняв достойное место на современной эстраде.

Обращение к народному творчеству — постоянно действующая тенденция профессиональной народно-певческой исполнительской культуры в Мордовии. Год от года она набирает силы, обогащается новыми красками. Исполнение народной песни становится все более действенным фактором современной культуры не только республики, но и российской. Сегодня для профессионального народно-певческого исполнительства характерна многоаспектность жанров и стилистики, что согласуется с мировым музыкальным процессом конца XX — начала XXI в.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Бояркин Н.И. Становление мордовской профессиональной музыки. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1986. С. 14.

² Фетисов М.И. Мордовские народные сказительницы. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1953. С. 25.

³ См.: Памятники мордовского народного музыкального искусства / сост. Н.И. Бояркин; под ред. Е.В. Гиппиуса. Саранск, 1988. Т. 3. 334 с.

⁴ См.: Искусство Мордовии: библиогр. справочник / сост. О.В. Пашутина. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1973. С. 47.

⁵ Кобозева И.С. Профессиональное музыкальное искусство Мордовии: программа дисциплины и метод. рекомендации. Саранск: [Б.и.], 2004. С. 19.

⁶ Мирская Н.М. Мастера сцены Мордовии. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2005. С. 100.

⁷ Бояркин Н.И. Музыкальная культура: наболевшие вопросы // Мордовский народ: что нас волнует: сб. / сост. И.П. Долгаев, А.С. Лужгин. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1991. С. 167.

Поступила 18.03.10.

В. В. ЛЕОНОВ

**ОБРАЗЫ ПРИРОДЫ
В МОРДОВСКОЙ МИФОЛОГИИ
КАК ОСНОВА ФОРМИРОВАНИЯ
ПРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ**

Ключевые слова: нравственные ценности, человек, природа, экологический кризис, этнос, мордовская мифология

Key words: moral valuables, human being, nature, ecological crisis, ethnos, Mordovian mythology

Формирование нравственности во многом определяется взаимоотношениями между человеком и природой. Поэтому изучение этих отношений, особенно в условиях глобального экологического кризиса, приобретает особую актуальность. Зарождение научного знания, датированное эпохой Нового времени, сулившее светлое будущее и благо для всего человечества, таило скрытую угрозу глобального масштаба. Дальнейшее развитие науки и изменение ее социальной роли на рубеже XIX—XX вв. послужило источником преобразования и эксплуатации окружающей среды. На алтарь прогресса с его производственными достижениями был положен сакральный прародитель — Природа¹.

Несмотря на то, что технократическая действительность идет с опережением экологического прозрения, начинают предприниматься попытки пересмотра взаимоотношений человека и природы. Подобные тенденции наблюдаются в последней трети XX в.²

Первые попытки глобального прогнозирования, компьютерного моделирования долгосрочных тенденций мирового развития принадлежат Римскому клубу. В 1972 г. А. Печчеи высказался по поводу доклада Д. Медоуза «Пределы роста»: «...При сохранении нынешних тенденций к росту в условиях конечной по своим масштабам планеты уже следующие по-

ЛЕОНОВ Владимир Витальевич, аспирант кафедры философии Мордовского государственного педагогического института.

коления человечества достигнут пределов демографической и экономической экспансии, что приведет систему в целом к неконтролируемому кризису и краху. Пока еще можно... избежать катастрофы, приняв меры по ограничению и регулированию роста и переориентации его целей»³. Таким образом, воззрения ученых и политиков, общественных деятелей и философов, обозначавших в прошлом остроту проблемы экологического кризиса, в настоящие дни возрождаются и дают новый импульс поиску перспективного развития общества.

Цивилизация, использующая блага природы, параллельно была подчинена общим законам окружающего мира. Подобную взаимосвязь человека и природы прослеживает Ш. Монтескье в концепции «географического детерминизма». Он утверждал, что во взаимодействии человека и природы общественные и природные явления подчинены общим, постоянно действующим законам⁴. Он объяснял возникновение и развитие человеческого общества как естественно обусловленный процесс. Монтескье в духе деизма отметил, что Бог признается только лишь «...как создатель и охранитель...», который сотворил мир и не вмешивается в дальнейший ход его развития⁵.

Особое место во взаимоотношениях человека и природы он отводит естественной среде. Поэтому, по словам мыслителя, человек, являясь частью природы, подчиняется ее объективным законам. Поиск достойного и справедливого общественного устройства видится Монтескье в познании «природы мира и природы человека», а также в «эффективности просветительской деятельности»⁶. Особо приоритетным в его концепции «географического детерминизма» является утверждение о влиянии естественных географических обстоятельств на историческое развитие народов, к ведущему числу которых он относит климат, почву, ландшафт, площадь. Климат, почва, состояние земной поверхности, величина территории определяют дух народа, его характер, особенности развития⁷.

Гораздо дальше в теории обусловленности истории человечества географическими факторами пошел Л. Н. Гумилев. История им объясняется как история этносов. В своих воззрениях мыслитель основывается на анализе и синтезе прошлого этносов и окружающей их среды. Свою теорию

этногенеза он аргументировал тем, что «...все необходимое для поддержания жизни люди получают из природы. Значит, они входят в трофическую цепь как верхнее, завершающее звено биоценоза населенного ими региона. А коль скоро так, то они являются элементами структурно-системных целостностей, включающих в себя наряду с людьми, доместикаты... ландшафты...»⁸.

Л. Н. Гумилев выделил два основных параметра окружения (термин Л. Н. Гумилева), которые влияют на ход истории и процессы этногенеза. К первому окружению он отнес пространство (ландшафтное и этническое), которое влияет на формы хозяйства, характер создаваемой культуры, уклад данного этноса, связи с соседями. Время как второй параметр определяет варианты этнических контактов с этническим окружением. Кроме этого, в рамках фактора времени Л. Н. Гумилев выделил уровень научно-технического прогресса, свойственный конкретной эпохе, позволяющий заимствовать уже имеющиеся технические достижения, при создании новой культурной традиции⁹. Обратившись к воззрениям Л. Н. Гумилева, мы обнаруживаем, как глубоко мыслитель раскрывает связь характера, обычаев, нравов и культуры народа с географическими ландшафтами и местностью развития этноса. Вскрыв сущностные основания вышеизложенных различных трактовок концепции «географического детерминизма», становится очевидным то, что природная среда играет немаловажную роль не только в формировании способов производства материальной жизни людей, но также культуры, нравов и обычаев народа, их социальной и национальной психологии, менталитета.

По мнению Н. Ф. Беляевой, «географическая среда во многом определяет хозяйственные традиции, специфичность духовной культуры этноса и его психический склад, что выражается в формирующихся стереотипах поведения, привычках, обычаях, обрядах»¹⁰. Мы согласны с этим положением, однако можно добавить, что природная среда, а именно отношение к ней, в немалой степени влияет на формирование нравственной культуры человека. Таким образом, есть основание полагать, что национальные традиции народа, будучи взаимообусловленными с природным окружением, выступают одним из основных источников формирования положительного отношения человека не только к самому

себе, но и к другим людям, окружающему миру. Подобные отношения формируются в культуре этноса через систему моральных установок. Они предстают в виде универсальных общечеловеческих ценностей почитания природы: запрет на убийство животных, осуждение охоты на птиц, порицание по поводу неразумного использования редких растений и др.

Согласно Р. М. Абакаровой, сущностное содержание этнокультуры составляют нравственные нормы и правила. В недрах этнокультуры в силу своей уникальности, традиционности, самобытности формируются зачатки нравственности¹¹. Нравственные нормы и правила заложены в ценностном отношении к традициям предков, к своей родине, отечеству, земле. «Родной край, — считает В. А. Писачкин, — обязательное условие позволяющее состояться гражданину, самоутвердиться в бережном отношении к земле отцов, ее людям, истории и культуре»¹². Поэтому обращение к традициям мордовского народа как одному из архогенетических этносов уральской языковой семьи, пережившему сложную и длительную историю и сохранившему самобытность религиозно-мифологических традиций, представляет особый интерес¹³. В мордовской мифологии присутствуют элементы, которые послужили источником для возникновения определенных ценностных установок и норм поведения. Будучи первоначальной формой духовной культуры этноса, мифология выступала особой формой мироощущения и миропонимания. Н. Г. Юрченкова определяет мифологию «квинтэссенцией этнического менталитета»¹⁴. Будучи связанными с заветными племенными традициями, мифы утверждали принятую в данном обществе систему ценностей, устанавливали и поддерживали определенные нормы поведения.

Мордовский этнос с древности мыслил себя в теснейшей и сакральной связи с землей своего рода. Образы родной природы, ее пейзажи служат в мордовских мифах не только иллюстративным фоном, на котором разворачиваются определенные события, но и действующим лицом. Своя земля мордовским народом воспринимается качественно и позитивно. Природа в мордовском эпосе не абстрактна, а конкретна, так как окружает то или иное село. Об этом говорят описания того или иного объекта природы (горы, леса, дерева, реки, озера, луга, поля)¹⁵. Наиболее архаичные

пласты мордовского фольклора указывают на синкретичность мира природы и мира человека. Не меньшую ценность во взаимоотношениях мордовского народа и окружающего мира представляет поклонение культу животного. В более ранних формах оно проявляется в тотемических представлениях о зооморфных предках, в убежденном отсутствии принципиальной разницы между человеком и животным. Отголосками древнейшего тотемизма считаются некоторые сказочные мотивы. Мордовские сказки повествуют и о женитьбе животных на девушках, и о выходе животных замуж за парней. Ярким примером в мордовской мифологии выступают мифы о брачных союзах между людьми и медведями. В них нередко упоминается о медвежьей стране, находящейся где-то далеко в лесу, куда не заходят люди и куда уносит медведь свою будущую жену, похищенную девушку. В медвежьей семье девушка рождает детей звериного или человеческого облика, занимается хозяйством, вместе с мужем-медведем навещает родителей. Но однажды братья девушки убивают медведя, и, оплакивая его, она проклинает их за то, что осталась без мужа, а ее дети — без отца-кормильца¹⁶. В этом отрывке прослеживаются элементы нравственного осуждения убийства животного. Являясь культурным животным, медведь для древней мордвы выступал в качестве прародителя, символизирующего чадородие.

Имеющийся этнографический материал дает основание полагать, что мордва — это народ древней земледельческой культуры. Показательно, что в мордовском фольклоре зафиксирован цикл произведений, изображающих процесс утверждения и преобладания земледелия над охотой и рыбалкой как менее продуктивных и рискованных для сельчанина видов деятельности. Одной из ярких героинь в этих произведениях выступает дикая утка. В большинстве мифов утка есть девушка, принявшая облик птицы. Охотник же в зависимости от сюжета положителен или отрицателен. Он может выступать в качестве убийцы утки или избавителя, который может стать ее женихом или мужем. Однако в мифах об утке и охотнике нельзя видеть лишь осуждение бездушного человека, не прислушивающегося к просьбам птицы не убивать ее. Утка в мифах — это, прежде всего, жизнедательница, а уже потом птица. Образ сидящей на яйцах мордовской мифической утки прослеживается в

древней уральской мифологии. Утка отличается необыкновенной красотой оперения, величественным видом, связью с человеческим родом (заколдованная женщина).

Таким образом, в мордовской мифологии утка выступает в качестве птицы верховного бога Нишкепаза (Шкая) или божества леса Виравы. Согласно преданиям, охотник, убивший ее, поражен стоном, количеством крови и пера птицы. В мордовском фольклоре животные и птицы рассматриваются в неразрывной связи с людским родом, убийство одними других никогда не оставалось безнаказанным. Охотник, который все же совершал убийство, получал жестокое возмездие. Охотник в песне-мифе «Утка», не послушав и убив ее, теряет и отца, и мать, и жену, и маленького сына¹⁷.

В прошлом тесные взаимоотношения человека и природы способствовали ценностному восприятию пространства. Языческая культура при этом играла немаловажную роль. Во-первых, ей был присущ принцип анимизма, который предполагал восприятие животного и растительного мира в образной форме, нося при этом природно-сообразный характер. Во-вторых, для нее был характерен принцип синкретизма, где человек мыслил себя неотъемлемой частью великой матери-природы. В-третьих, языческая культура как система этико-эстетических взглядов посредством мифических образов и представлений влияла на формирование моральной оценки, нравственного идеала, ценностного поведения.

Таким образом, мифология как часть духовно-нравственной культуры, существующая в различных формах фольклора, литературы, искусства в наши дни выступает в качестве ретранслятора нравственных ценностей. Эта передача способствует восстановлению культурно-исторических корней, связи времен, поколений, диалогу культур. Нравственные ценности прошлого получают новое рождение и в наши дни. Однако введение утраченного в современную культурную жизнь людей невозможно без целенаправленного взаимодействия государства и гражданского общества. Только совместно намеченные гуманистические, просветительские пути могут способствовать созданию условий для реализации ценностного отношения человека к природе и самому себе. В этом видится возможность преодоления процесса отчуждения человека и природы, человека и челове-

ка и, следовательно, определенная уверенность в будущем человечества.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Писачкин В.А. Природа: разум и милосердие. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1990. 184 с.

² См.: Пестель Э. За пределами роста. URL: <http://a-future.ru/za-pre-delami-rosta.html> (дата обращения: 01.06.2009).

³ Печчеи А. Человеческие качества. URL: <http://a-future.ru/chelovech-eskie-kachestva-a-pechchei.html> (дата обращения: 25.05.2009).

⁴ См.: Грачев М.Н. История политических и правовых учений. URL: <http://grachev62.narod.ru/hrest/chapt15.htm> (дата обращения: 29.05.2009).

⁵ См.: Монтескье Ш.Л. О духе законов // Антол. мировой философии: в 4 т. М.: Мысль, 1970. Т. 2. С. 538.

⁶ См.: Проблема субстанции в философии XVII столетия. URL: <http://allphilosophy.ru/prsuu.php> (дата обращения: 30.05.2009).

⁷ Там же.

⁸ Клейн Л. Горькие мысли «привередливого рецензента» об учении Л.Н. Гумилева // Скепсис: сетевой науч.-просвет. журн. СПб., 1992. URL: http://scepsis.ru/library/id_86.html (дата обращения: 03.06.2009).

⁹ См.: Лавринова Н.Н. Вклад «евразийцев» в развитие культурологической мысли начала XX века. URL: <http://analiculturolog.ru/index.php?module=kop&func> (дата обращения: 02.06.2009).

¹⁰ Беляева Н.Ф. Этническая культура мордвы и традиции воспитания детей: учеб. пособие к курсу по выбору. Саранск, 2003. С. 5.

¹¹ См.: Абакарова Р.М. Роль нравственных традиций в этнокультуре // Этическое и эстетическое: 40 лет спустя: материалы науч. конф. 26—27 сент. 2000 г. СПб.: С-Петербург. филос. об-во, 2000. С. 8—9.

¹² Писачкин В.А. Природа: разум и милосердие. С. 62.

¹³ См.: Мокшин Н.Ф. Мифология мордвы: этнографический справочник. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 2004. 320 с.

¹⁴ См.: Юрченкова Н.Г. Мифология в культурном сознании русского этноса / науч. ред. Н.И. Воронина. Саранск.: Изд-во Мордов. ун-та, 2002. С. 4.

¹⁵ См.: Мокшин Н.Ф. Мифология мордвы ...

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

Поступила 15.12.09.

Е. А. ТИНЯКОВА

МЕМОРИАЛЬНЫЕ МУЗЕИ ПРОВИНЦИИ КАК ЭЛЕМЕНТ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

Ключевые слова: культура, музей, провинция, столица, повседневность, история профессий, память о прошлом, выставки, экспозиции, мемориальный, выдающиеся личности, социальный заказ, фундамент современности

Key words: culture, museum, province, capital, routine, history of professions, memory about the past, exhibitions, expositions, memorial, prominent personalities, social order, foundation for modern age

Каждая эпоха или определенный отрезок времени имеет выдающихся людей, оставивших неизгладимый след в литературе, музыке, живописи, архитектуре, скульптуре или других видах искусства. Вершины культуры обычно связаны со столичными музеями, где представлены наиболее знаменитые и высокохудожественные работы. Восхищение высокими образцами культуры делает неровным культурное пространство, выводя из восприятия почву культуры, из которой выросли знаменитые таланты. Их истоки нередко ведут в провинцию и даже не в малые города, а в далекие деревни. Потом, возможно, эти таланты выросли до лидеров в процессе культуры и стали держать ее эталоны в самом сердце страны. Но о корнях мы забывать не должны.

Мемориальные места людей, которые оставили заметный след в культуре и науке России, представлены несколькими типами. Это мемориальный дом-музей, где хранятся личные вещи, предметы творчества. Чаще такие мини-музеи создаются в том доме, где жил в какое-то время ученый или композитор. В Курском крае это мемориальные музеи композитора Г. В. Свиридова в г. Фатеж, писателя К. Д. Воробьева в с. Нижний Реутец Медвенского района, писателей

ТИНЯКОВА Елена Александровна, доцент кафедры философии Курского государственного университета, кандидат философских наук.

А. П. Гайдара и Н. Н. Асеева во Льгове, Е. М. Чепцова в с. Медвенка, недавно открытый музей В. М. Клыкова в поселке имени Ленина Советского района, музей русского изобретателя Ф. А. Семенова в г. Курске. Есть тип вновь созданного музея, где собираются подлинные вещи, элементы творчества. Например, литературно-художественный музей «Мастер», посвященный писателю Е. И. Носову, который недавно был награжден премией А. И. Солженицына. Этот музей создан в средней общеобразовательной школе № 27, где собраны личные вещи, рукописи, книги, фотографии, репродукции картин Е. И. Носова, потому что он был также и художником. Такого типа музеи играют также роль культурных центров. В литературно-художественном музее «Мастер» проводятся декады, посвященные Е. И. Носову, конкурсы сочинений и рисунков школьников, чтецов. По ул. Садовая в г. Курске оборудуется литературный музей курских писателей, где предполагается собрать литературные традиции Курского края. В сельской школе с. Винникова создан музей выдающейся русской певицы Н. В. Плевицкой¹. Она родилась в этом селе. Однако в дальнейшем стала известна даже при царском дворе: император Николай Александрович называл ее «курским соловьем». Ее ценили С. В. Рахманинов, артисты И. М. Москвин и В. И. Качалов. На Курской земле прошло четыре всероссийских фестиваля исполнителей народной песни. Причем фестивали проводятся среди взрослых вокалистов, организуются детские фестивали.

Некоторые сохранившиеся дома, где хранится память о талантливых людях, имеют лишь мемориальные доски, причем эти дома могут даже использоваться под жилье, например, дом русского физика В. В. Петрова, «отца русской электротехники» в г. Обоянь. Петров преподавал и был профессором в Медико-хирургической семинарии в Петербурге, ординарным академиком, почетным членом Эрлагенского физико-математического общества в Германии, однако Курская земля хранит о нем память.

В музейном деле очень важно иметь так называемый «музейный менталитет», который иногда бывает шире существующей музейной реальности, т. е. возникают такие ситуации, когда нет материальной основы организовывать музей, однако память о человеке, который жил и творил

в этих краях, не угасает. Например, Курская земля связана с именем В. Г. Шварца, русского художника, одного из основоположников русской реалистической исторической живописи. Он учился в Александровском, бывшем Царско-сельском лицее, а с 1859 г. после окончания лицея поступил в Петербургский университет на историко-филологический факультет и одновременно выдержал экзамен в Академию художеств. Он рисовал крестьян Курской губернии, подолгу жил в имении своих родителей в с. Верховое-Белый Колодезь Щигровского уезда Курской губернии. Лошади, люди, природа на его картинах взяты в Щигровском уезде, а тип изб — подмосковный. Его работы можно встретить в Третьяковке, Русском музее, Челябинске, Иванове, Кисленеве, Минске, Одессе, Куйбышеве. Каких-либо личных вещей, подлинных предметов не сохранилось, да и музей организовывать невозможно, потому что крупные музеи его картины не отдадут. Однако Курский край помнит своего талантливого земляка.

Обратим внимание на мемориальные музеи Курской области, имеющие общероссийское значение. Прежде всего, это музей Г. В. Свиридова, ставший памятником федерального значения. В этом доме Свиридов родился в 1915 г., здесь прошло его детство. Мемориальные музеи композитора есть в Москве и Петербурге. Дом-музей Г. В. Свиридова в г. Фатеж занимает трехэтажный дом, первые два этажа отданы музыкальной школе.

На родине известного современного скульптора В. М. Клыкова музей открыт в здании, в котором скульптор намеревался устроить церковно-приходскую школу. Этот музей является филиалом Курской государственной картинной галереи им. А. А. Дейнеки. Более 200 работ В. М. Клыкова разбросаны по России, большинство — на территории Курской области, сотни памятников и поклонных крестов. В музее хранятся личные вещи скульптора и уменьшенные копии работ: памятник святым Серафиму Саровскому, Сергию Радонежскому, а также князю Святославу, великой княгине Елизавете, патриарху Тихону, архимандриту Ипполиту, адмиралу Колчаку.

Знатоки русской литературы знают, что Курский край — родина А. П. Гайдара. Музей детского писателя был открыт в 1973 г. в г. Льгове, там где прошло детство писателя. Дом

принадлежал родителям писателя, учителям Голиковым. В музее А. П. Гайдара хранится 5 000 экспонатов, есть памятник А. П. Гайдару. Здесь собрано много материалов об участии писателя в Гражданской войне, его журналистской работе. Материалы музея могут быть использованы для исследовательской работы. То же можно сказать и о музее поэта Н. Н. Асеева в г. Льгов. Поэт жил здесь до 16 лет. В экспонатах музея сохранилось много личных и подлинных вещей писателя, 7 000 экспонатов ценны для исследовательской литературоведческой работы. Много подробностей мы можем узнать о дружбе Н. Н. Асеева с В. В. Маяковским, которому он посвятил поэму «Маяковский начинается».

Следует обратить внимание и на музеи менее известных людей. Однако знакомство с ними уводит нас в глубины русской культуры, пусть не высшего уровня, но ценного с художественной точки зрения. Это музей Е. М. Чепцова, профессора живописи, заслуженного деятеля искусств РСФСР. По происхождению он из семьи крестьянина-иконописца и образование получил в иконописной школе Киево-Печерской лавры, а затем в Академии художеств. Е. М. Чепцов, совершая поездку в Италию, встречался с М. Горьким. В расцвете своего творчества он преподавал в Московском педагогическом институте им. Потемкина. Дом, отданный под его музей, принадлежал родителям художника и построен в XIX в. В музее сохранилась мастерская художника с некоторыми оригинальными предметами. П. К. Лихин — художник-реалист. Лучшие его картины вошли в сокровищницу российского искусства. Дом-музей П. К. Лихина расположен в г. Суджа.

Мы убеждены в том, что столичное музейное пространство должно уравниваться провинциальным. Это полнее позволит представлять историю культурного процесса в России. При этом понятие «провинциальное» должно отмечать лишь место расположения культурного объекта, а не его качество. Федеральная программа «Культура России 2006—2010 гг.» осуществляется под патронатом Министерства культуры РФ. В рамках этой программы создается общероссийская сеть музейного фонда России, формируется Государственный каталог музейного фонда. В Курской области за последние 3—4 года появились 20 филиалов Центрального областного краеведческого музея. Планируется создать общий регио-

нальный музейный центр, который решал бы музейные проблемы в регионе. За 2007 г. в музеях области проведены 200 тематических выставок.

Существенной проблемой является расширение музейного пространства за пределы здания музея. В Курском областном краеведческом музее из единиц хранения основного фонда демонстрируется только 10 % экспонатов, поэтому планируется расширить передвижные выставки. В самом музее создаются новые экспозиции. За областным музеем следуют другие: военно-исторический «Командный пункт Центрального фронта», «Командный пункт Воронежского фронта», «Юные защитники Родины», музеи в районных центрах Обоянь, Глушково, Фатеж, Коренево, Пристен. Эта тенденция культурного развития музейного дела отражает интерес историков к повседневности. Размышление об истории, опирающееся только на крупные исторические события, не могут привести к объективным выводам, создают противоречия в представлении прошлого. В музейном деле Курской области просматривается тенденция создавать тип музея, где сконцентрировалась бы информация о различных событиях современности. Например, в г. Курске есть музей управления ФСБ по Курской области, музей истории милиции, музей истории автомобильного транспорта, истории электротранспорта, истории локомотивного депо Курск, истории Михайловского ГОКа, музей истории областной клинической больницы, истории образования Курской области, музей Курской битвы, истории противопожарного дела. Таким образом, наполнение истории деталями с широким охватом пространства создает более прочный фундамент современности. Музеи призваны внести весомый вклад в развитие интеллектуального потенциала страны и национального самосознания.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ См.: Левченко В.В., Грива Г.А. Музеи и памятники Курской области: путеводитель-справочник. Курск: Сеймъ, 1996. 256 с.

Поступила 30.04.09.

П. Н. Киричек. Информационная культура общества. М.: Изд-во РАГС, 2009. 208 с.

Феномен информационной культуры общества является одной из «модных» тем современности. Его трудно выявить среди объектов теоретического осмысления прежних эпох. За последнюю четверть века появилось немало специальных исследований, но труд социолога, политолога и культуролога П. Н. Киричека привлекает яркой оригинальностью формы, глубиной содержательного анализа рассматриваемого предмета, соотношением схематического видения коммуникаций и рефлексией, пониманием процессов взаимодействия социальной реальности и ее конструкционистских образов, представляемых миром СМК.

Автор приступает к работе с обращения к проблеме безопасности, в обеспечении которой информационная сфера является важнейшим фактором жизни общества, влияющим на состояние различных сторон активности: от экономики и обороны до быта людей и витальных условий новой эпохи. Он видит в кросс-контакте двух социальных явлений механизм образования информационной культуры как инновационного структурно-функционального конструкта, где в контактнo рождающем поле месторазвития в «идеологическо-технологическую диффузию вступают два специализированных потока, способных преодолеть состояния межкультурья» (с. 7). Это духовная культура и социальная информация. В сегменте их пересечения и возникает феномен информационной культуры. П. Н. Киричек обозначает присутствие информационной культуры в социальной

практике в дихотомическом сочетании качественного состояния системы производства, распространения и потребления социальной информации (на общем социетальном уровне) и свода умений человека оценивать, потреблять, усваивать социальную информацию.

В структуре монографии автор обращается к проблеме контекстуальной функциональности информационной культуры в аспектах массовой коммуникации, массового сознания, социального управления, медийной сферы и государственной службы. Каждый из указанных аспектов рассматривается в рамках отдельной главы.

В главе «Информационная культура и массовая коммуникация» автор схематизирует социально-информационный массив СМК, позволяющий, во-первых, делать человека более знающим и умеющим и кристаллизовать благоприятные условия для самосохранения и развития социума (конструктивная политическая информация), во-вторых, имеющий дело с бесполезной неконструктивной информацией и, в-третьих, с деструктивной, вредной информацией. Каждый пункт находит текстуальное подтверждение данными из ссылок на конкретные тексты и издания, а также данные контент-анализа, состоящие из ряда важных маркеров. П. Н. Киричек выводит три уровня индикаторов состояния информационной культуры в обществе, характеризующих тексты и контексты в перспективах прогресса, стагнации и кризиса.

В главе «Информационная культура и массовое сознание» акцентируется внимание на массовой коммуникации, имеющей «мишенью» массовое сознание в условиях приема-передачи информации, когда при любых обстоятельствах реализуются информационная, экспрессивная и прагматическая функции. При этом принципы и механизмы формирования массового сознания медиасредствами в информационно-культурном поле автор рассматривает в соответствии с формулой В. Д. Попова о трех подходах: тоталитарном, манипулятивном и диалоговом. Первый базируется на методе принуждения, второй — на методе внушения, а третий — на методе убеждения. При тоталитарном подходе формируется сознание человека-винтика государственной машины, при манипулятивном подходе — сознание человека-обывателя, при диалоговом — сознание человека-гражданина, рефлексирующего, уравновешенного, инициативного (с. 55—56). К обозначенной триаде в рецензируемой работе автор добавляет еще два аналога: эклектический подход как синтез метода, дающий на выходе сознание человека-конформиста, равнодушного, пассивного, подверженного социальной апатии с отсутствием какой-либо политической культуры, а также имплантированный подход, прививаемый методами зарубежных технологий, дающий на выходе сознание человека-мазохиста, антипатриотичного и космополитичного, со свойственной для него подменой собственной политической культуры «чуждой мировоззренческой ориентацией» (с. 58).

Критический анализ сложившейся системы массового сознания позволяет автору заключить, что почти вся (90 %) пореформенная пресса ориентируется на информационные интересы элиты. Для коррекции предлагается создание ситуации внесения поправки в модусы информационной политики. Подтверждением служат итоги социологического исследования «Мой ребенок в музее», когда целью музейной терапии была предпринята попытка социальной адаптации детей. Автор приходит к выводу, что результаты исследования были бы более благоприятными, если бы была увеличена доля расходов на духовные потребности людей нашего общества.

В главе «Информационная культура и социальное управление» рассматривается комплекс политических, экономических, культурных, правовых, этнических механизмов. Автор приходит к мысли о том, что наиболее гармонизирующей медиакоммуникативной моделью общества обзаводится в условиях демократического устройства, при порождении плюралистического публичного дискурса.

В результате социального взаимодействия гражданских структур, органов государственной власти, СМИ образуются информационно-коммуникативные отношения устойчивого или неустойчивого характера. Автор выделяет следующие их типы: апологетический, антогонистический, смешанный, сопровождая каждый из них конкретной характеристикой.

Особое внимание П. К. Киричек уделяет проблемам информационного обслуживания, информационного обеспечения и информационного регулирования в оптимизации жиз-

недеятельности социума. При этом возникает проблема информационно-неравенства, в том числе информационный дефолт как фактический отказ государства от юридических обязательств перед обществом, реальная утрата системой СМИ доверия в обществе.

Глава «Информационная культура и медийная сфера» опирается на два концепта. Первый — онтологический, к рамках которого, согласно Н. Луману, современный человек является информационной системой. Второй — эвристический, требующий инновационного подхода в науке. Автор исходит из признания био-социо-психической функциональности человека. В этом информационно-коммуникационном поле формируется культура сознания, обретающая новое содержание и форму путем различных технологий. Мутация личности под воздействием упрощения биогенеза, снижения социогенеза, инфичирования психогенеза означает экстенсификацию материального начала в человеческой жизни. Снижение социогенеза ведет к ослаблению идентификационного начала и уменьшению роли в бытии индивида, а также регрессу духовного начала в человеческой жизни.

П. Н. Киричек делает вывод, что информационный процесс требует экспертно-аналитического подхода со стороны специалистов, в том числе необходим мониторинг как постоянное наблюдение. В работе приводится сравнительная характеристика информационного фона регионов Поволжья, дается анализ состояния информационного неравенства и управления медиасферой.

Заключительная глава монографии «Индивидуальная культура и

государственная служба» позволяет критически оценить информационно-культурный ресурс административных реформ, осуществляемых в стране и ее регионах.

В целом рецензируемая монография отражает состояние информационно-медийного пространства российского общества в совокупности многофакторных «полей и капиталов», если использовать терминологию П. Бурдьё, а также фиксирует вполне доказательные оценки его динамики и тенденции развития. Автор поднимает ряд проблем, связанных с манипуляцией сознания, технологиями социального контроля и несоответствием глубинных целей развития общества и личности с асимметричным характером и реальной практикой массмедиа.

В качестве пожелания по предложенному на читательский суд тексту монографии отметим целесообразность более интенсивного использования средового подхода в анализе «власти-прессы-общества», что не снижает достоинств работы и служит возможным фактором усиления авторских аргументов.

Рецензируемая монография П. Н. Киричека представляет значительный вклад в научную и публицистическую среду. Она одинаково полезна для целей корректировки информационно-политической, образовательной и культурно-просветительной деятельности, оценки их акторов, диспозиций структур общества и формирующейся личности в контексте социальной ответственности.

В. А. ПИСАЧКИН,
доктор социологических наук,
профессор (г. Саранск)

Е. И. Пивовар. Российское зарубежье: социально-исторический феномен, роль и место в культурно-историческом наследии. М.: РГГУ, 2008. 545 с.

Новая книга известного отечественного историка, члена-корреспондента РАН, ректора Российского государственного гуманитарного университета Е. И. Пивовара посвящена одной из важнейших страниц политической и социальной истории России XX в. — судьбам «великого исхода» российской эмиграции в годы Гражданской войны, «русского рассеяния» в различных регионах мира от Парижа до Харбина и Лимы или Асунсьона. Сразу же необходимо отметить, что в отличие от большинства работ предшествующего периода (и в этом видится несомненная заслуга автора) это одно из наиболее масштабных и трагических событий русской истории прошлого столетия логично и научно обоснованно вписано в общий контекст эмиграционных процессов, протекавших в России со второй половины XIX в., что позволяет исследователю совершенно правомерно определять российскую эмиграцию как «мировой исторический феномен».

Естественно, что значительное внимание автор уделяет событиям и процессам 20—30-х гг. XX в., и причина тому — вовсе не сила исследовательской инерции. «В результате исхода 1917 — начала 1920-х годов в США, Европе, на Дальнем Востоке и в других странах и континентах появились новые организационные структуры, сложились

региональные и социальные типы российских диаспор, сформировались идеологические и ментальные основы „другой России“ — возник социально-культурный феномен российского зарубежья 1920—1930-х годов, — отмечает исследователь во введении. — Эмиграция 1920—1930-х годов явилась не просто многочисленной и разнообразной по составу и структуре диаспорой, она создала основу параллельной линии российского исторического процесса. В послевоенные годы возникали новые диаспоры и центры российского зарубежья, постепенно уходили носители дореволюционной и особой эмигрантской культуры межвоенного времени, но само российское зарубежье продолжало существовать, воспринимая вплоть до настоящего времени все наиболее значительные импульсы отечественной истории, обновляясь и эволюционируя под влиянием новых миграционных потоков и событий, происходивших на родине и в мире. Эстафета эмигрантского сознания, обращенного, несмотря ни на что, в сторону России, передавалась новым поколениям эмиграции, формируя, при всей неоднородности и противоречивости характеристик российского зарубежья, некую целостность, объединенную общими истоками, языком, комплексом ментальных и поведенческих признаков и т. п.» (с. 7—8).

Выполнено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 08-06-0688а «Создание энциклопедии „Школа, образование и педагогическая мысль русской эмиграции: 1918—1939 гг.“»).

Обращает на себя внимание принципиальная установка на дополнение традиционного в подобном роде масштабных обзорных исследований хронологического подхода новым. Очевидно, что задачи, которые поставлены автором (переход от историко-проблемного анализа жизни и судеб конкретных фигур и диаспор к комплексному описанию феномена российской эмиграции в целом), требуют этих новых подходов. Однако автор, по его собственному признанию, вовсе не отказывается от хронологического ракурса в определении и описании этапов развития российской эмиграции, но «на первое место ставит принцип социокультурной идентичности российских эмигрантов, объединяющий самостоятельные ветви эмиграции в рамках современного Русского Мира» (с. 12).

Упоминание Русского Мира в процитированном фрагменте представляется более чем показательным, поскольку позволяет определить без труда не только методологические, но и идеологические предпочтения известного историка. Интерпретация истории российской эмиграции в контексте концепции Русского Мира со всей очевидностью позволяет рассматривать его не как локальный, в лучшем случае регионального уровня, процесс, а феномен, развивающийся по законам все более активно глобализирующегося мира.

Рецензируемая монография имеет серьезную методологическую, историографическую и фактографическую основу. Достаточно сказать, что анализу современных теоретических подходов к изучению истории русского зарубежья и некоторых итогов этого изучения посвящены

две из восьми глав книги. В подкупающем своей четкостью и со знательной лаконичностью обзоре Е. И. Пивовар перечисляет основные и, как ему представляется, наиболее эффективные исследовательские подходы, сложившиеся в последние десятилетия. Опираясь на собственные работы методологического характера, коллективные труды по методологии и источниковедению исторического исследования, публикации коллег-единомышленников, автор выступает явным сторонником применения междисциплинарного и интегративного подходов в максимально целостном изучении столь многоаспектного феномена. «В одном исследовании невозможно охватить все исторические проблемы, которые связаны с явлением „эмиграция“ и „диаспора“, даже если ограничиться очень узкими хронологическими рамками. Это объясняется исключительной широтой диапазона вопросов, входящих в круг внимания историка. Действительно, сам термин „Россия № 2“ подчеркивает, что данное явление словно бы дублирует Россию как государственное образование и, следовательно, в нем можно и нужно выделять те же области изучения, что и в государственной истории: экономику, политику, военные, культурные, религиозные и прочие аспекты» (с. 16—17).

Руководствуясь предложенными Б. Лепт в начале 90-х гг. XX в. принципами (введение новых объектов, предметов исследования; введение новых типов источников, необходимых для появления новых знаний и лучшего понимания реальности; совершенствование методики, приемов и моделей, систем объяснения), Е. И. Пивовар предлагает действен-

ный алгоритм изучения русского зарубежья и реализует его в ходе анализа огромного корпуса трудов отечественной и зарубежной гуманитаристики последних десятилетий, посвященных этой проблеме.

Объективный интерес к различным аспектам жизни русского зарубежья, выбор из всего обилия имен и названий (достаточно сказать, что примечания ко второй главе насчитывают 146 ссылок) ключевых, действительно значимых работ для краткой, но исчерпывающей характеристики позволяют очертить круг основных проблем и определить ведущие тенденции в современном изучении русского зарубежья.

Особый интерес вызывает третья, как представляется, центральная часть рецензируемой монографии, посвященная российской эмиграции как «мировому историческому феномену» (с. 68). Последовательно характеризуя основные эмиграционные потоки из России, начиная со второй половины XIX в., количественный и качественный состав российской эмиграции, географию зарубежной России, автор приходит к закономерному, на наш взгляд, выводу, что «к концу XX в. практически все русские диаспоры мира имели многослойный характер, поскольку формировались под воздействием двух-трех и более миграционных волн, дополнившихся перманентным притоком индивидуальной (семейной) эмиграции.

Часть из них находится в угасающем состоянии, другие, несмотря на малочисленность, играют заметную роль в культуре Русского Мира благодаря яркой истории и личностям, представляющим тот или иной уголок зарубежной России

всему международному сообществу россиян <...>. В крупных диаспорах за пределами бывшего СССР (США, Франция и др.) значительно возросла по сравнению с периодом 1960 — середины 1980-х годов динамика движения из России и обратно на родину. С другой стороны, после кратковременного всплеска конца 1980 — середины 1990-х годов это движение утратило пульсирующий характер и развивается в общем ритме международных миграций» (с. 144).

Дальнейшее развитие эти выводы находят в следующих главах, посвященных месту и судьбам российских диаспор в глобализирующемся мире (где стремительно стираются этнокультурные различия, а также растворяются национальная идентичность и самобытность стран и народов, а не только отдельных этнических групп), характеристике важнейших центров российской эмиграции в Европе, США, Северной Африке и на Дальнем Востоке.

Сопоставление российских диаспор, сложившихся на достаточно длительном историческом промежутке за рубежом, при этом последовательно сменяется анализом их системообразующих факторов, детальным описанием процесса адаптации российских диаспор в инокультурной среде. Здесь же прослеживается чрезвычайно важная и до сего времени редко артикулируемая с такой четкостью идея о влиянии российской эмиграции на социальную, политическую, экономическую и культурную жизнь стран-реципиентов. Объем монографии, увы, не позволяет объять необъятное, но ключевые моменты автору обозначить удается достаточно рельефно:

от участия русской эмиграции в движении Сопrotивления в Западной Европе и на Балканах до научных и культурно-художественных успехов ее представителей на протяжении XX в. Еще один существенный момент в истории российской эмиграции конца прошлого столетия, тщательно исследуемый автором, — исход русскоязычного населения с территорий бывшего СССР, охваченных конфликтами, в Россию.

В связи с последним особую значимость приобретает в книге Е. И. Пивовара проблема «эмиграция и власть». Справедливо отмечая, что «после 1917 г. контекст „эмиграция-власть“ существенно усложнился», исследователь указывает, что «многочисленность беженских масс выдвинула на первый план социально-экономический аспект появления их в той или иной стране. Правительства европейских государств в послевоенные годы были в основном заинтересованы в притоке рабочей силы, но желали свести к минимуму негативные последствия притока иностранцев» (с. 302). Действительно, политическая составляющая взаимоотношений российской эмиграции с властными структурами стран-реципиентов заслуживает не просто специального разговора, но комплексного исследования, гораздо более широкого, нежели то, что может описать один автор даже в самой объемной книге. Зависимость «русской политики» стран Европы и Азии от собственной внутривнутриполитической конъюнктуры несложно проследить на примерах довоенных и послевоенных Румынии, Болгарии или Китая.

Отметим, что широкое понимание этой проблемы позволяет исследователю затронуть и эволюцию российской политики по отношению к эмиграции из России (от однозначно враждебного или, по крайней мере, неодобрительного в прошлом до абсолютно индифферентного в последние годы). Автор касается и важнейшего вопроса о выстраивании Российской Федерацией отношений с соотечественниками, проживающими за рубежом (прежде всего с представителями трех волн эмиграции XX в. и их потомками, а также с теми, кто находится на территории бывшего СССР) и составляющими, по выражению Е. И. Пивовара, «Новый русский мир» (с. 268).

«Каким образом российская эмиграция смогла сохранить себя как этнокультурный феномен?» — это еще один вопрос, на который отвечает рецензируемая монография. «Только институционализировавшись», — отвечает на него автор. Возникновение и успешное функционирование общественно-политических, военных, корпоративных, научных, образовательных и культурно-просветительских объединений и организаций оказывается одним из обязательных условий сохранения российских диаспор. Несмотря на то, что пик их деятельности приходится на 20—30-е гг. XX в., сложившиеся в этот период традиции играют важнейшую роль в сохранении «Русского Мира» в последующие десятилетия. Более того, культурно-историческое наследие российского зарубежья с конца 80-х — начала 90-х гг. XX в. становится важнейшей частью культуры, меняющей идеологические и политические ориентиры «метрополии», а концепция «Русского Мира»

занимает все более заметное место среди внешнеполитических приоритетов России, по крайней мере, на уровне официальных деклараций.

Именно в этом проблемном контексте особенно отчетливо видится главная ценность рецензируемой монографии. Масштабное и многоаспектное исследование Е. И. Пивоваром феномена российского зарубежья наглядно показывает пути сохранения и дальнейшего расширения Русского Мира. Только с учетом уроков прошлого и при правильном

их понимании этот феномен будет адекватен вызовам глобализирующегося мира. В противном случае его ждет судьба региональных диаспор, обреченных на постепенную утрату своей идентичности и полную ассимиляцию внутри чужой культуры.

О. Е. ОСОВСКИЙ,
доктор филологических наук,
профессор (г. Саранск)
А. И. ГОРБУНОВА,
кандидат филологических наук,
доцент (г. Саранск)

Памяти ученого

Кто умер, но не забыт, тот бессмертен.

Лао Цзы

Скончался Василий Яковлевич Ельмеев, доктор философских, доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, академик Петровской академии, почетный доктор Мордовского государственного университета.

Родился В. Я. Ельмеев 18 января 1928 г. в с. Сузгарье Рузаевского района Мордовской АССР, учился в Саранском педагогическом училище (1945), на философском факультете ЛГУ (1950), в аспирантуре (1953). С 1953 г. и до последнего времени работал в Ленинграде, сейчас — Санкт-Петербурге, преподавателем философии (1953—1957), доцентом (1957—1965), профессором (с 1965 г.), директором Научно-исследовательского института комплексных социальных исследований (НИИКСИ) (1957—1965), заведующим кафедрой экономики исследований и разработок (1971—1984), заведующим кафедрой прикладной социологии (1984—1993), с 1993 г. — профессором этой же кафедры, преобразованной затем в кафедру экономической социологии.

В. Я. Ельмеев по многим направлениям научных разработок был одним из первопроходцев. Им создан Научно-исследовательский институт комплексных социальных исследований, положивший начало широкому проведению

прикладных социологических исследований. Он организовал впервые в стране кафедру и отделение экономики исследований и разработок, создал кафедру и отделение прикладной социологии, которая стала основой открытия в университете социологического факультета.

В. Я. Ельмеев внес значительный вклад в науку: разработал воспроизводственную концепцию развития человека и общества, дополнившую экономическую теорию воспроизводства материального продукта теорией воспроизводства социального; методологию социального планирования. В последнее время он интенсивно разрабатывал потребительно-стоимостную теорию общественного воспроизводства.

Он был автором более 350 научных работ, в том числе 25 монографий, а также научным редактором 15 коллективных монографий и сборников. Он подготовил более 20 докторов и 70 кандидатов наук. В. Я. Ельмеев — один из инициаторов составления первых программ социального развития промышленных предприятий Ленинграда, за что был награжден золотой медалью ВДНХ СССР (1970).

В. Я. Ельмеева отличали широта взглядов и интересов, простота в общении с людьми, доброжелательность, интеллигентность. Светлая память о Василии Яковлевиче навсегда останется в сердцах его коллег, почитателей его научного таланта и благодарных учеников.

АННОТАЦИИ

К. С. Пузырев. Европейский регионализм: от концепта к реальности.

В статье выявлены различия идеологии проекта «Европы регионов» и реального положения регионов в современной Европе, рассмотрены различные элементы «европейского регионализма», проявившиеся в практике конкретных государств. Доказывается, что именно «европейский регионализм», взятый в качестве интегральной модели, способен преодолеть влияние на процесс общеевропейской интеграции сепаратизма и национализма.

Е. Н. Чернова. Реализация принципа федерализма при переходе России к информационному обществу.

В статье показана взаимосвязь эволюции федеративных отношений и информатизации в современной России. Раскрывается сущность принципа федерализма, показаны трудности его реализации в сложившейся ситуации цифрового неравенства регионов, дается оценка перспектив системной реконструкции российского федерализма в условиях перехода к информационному обществу.

В. И. Гостенина, С. А. Шилина. Коммуникативный код управления субъекта власти: формирование идеостилия.

В статье исследуется проблема идиостиля субъекта власти как проявление коммуникативного кода управления, рассмотрены общие направления исследования коммуникаций как сенсорного (смыслового) кода, который помогает разобраться в отношениях субъекта и объекта власти.

А. Е. Лапин, Ю. С. Санникова. Эволюция нормативно-правового обеспечения разработки программ и стратегий социально-экономического развития субъектов Российской Федерации.

В статье рассматриваются наиболее значимые нормативно-правовые акты, содержащие основные положения разработки программ и стратегий социально-экономического развития региона с 1991 г. до настоящего времени.

В. П. Миничкина, М. В. Якушкин. Мониторинг эффективности деятельности органов местного самоуправления региона.

В статье осуществлен анализ эффективности деятельности муниципальных районов Республики Мордовия по ключевым социально-экономическим показателям, предложены рекомендации по оптимизации деятельности органов местного самоуправления в различных отраслях.

Д. Ю. Файков, О. С. Раткевич. Формирование стратегии развития закрытых административно-территориальных образований.

В статье предлагается алгоритм формирования стратегии развития закрытых административно-территориальных образований, сочетающий государственный и местный блоки. Государственный включает в себя определение общегосударственных целей развития ЗАТО, основанных на геополитической ситуации, местный — определение локальных программ развития, согласованных с градообразующим предприятием.

С. В. Булярский, С. А. Булярская, А. О. Синицын. Правовые основы формирования территориальных экономических кластеров.

На основе анализа действующего законодательства и практики, имеющейся в регионах РФ, показано, что правовой основой создания территориальных экономических кластеров могут служить Федеральный закон «О некоммерческих организациях» и договор стратегического партнерства.

Н. Д. Найденов, Е. Н. Новокшопова. Территориальное распределение инвестиций в регионе.

В статье осуществлен анализ территориального распределения инвестиций в Республике Коми. Рекомендуются расширять инвестиции, вызывающие рост рабочих мест и занятости по территории региона, а также способствующие стабилизации численности населения в регионе.

Н. Н. Семенова, О. И. Еремина. Государственная инвестиционная поддержка сельского хозяйства региона.

В статье анализируется финансирование сельского хозяйства Республики Мордовия за счет средств федерального и регионального бюджетов, а также раскрываются направления участия государства в активизации инновационного процесса в агропромышленном комплексе.

Л. И. Зинина, Т. В. Глухова. Формирование системы регулирования регионального продовольственного рынка.

Рассматриваются проблемы функционирования продовольственного рынка Республики Мордовия в современных социально-экономических условиях. Предлагаются практические подходы к развитию системы его государственного регулирования.

А. А. Дьяконов. Оценка уровня социально-экономического развития г. Кирова в сравнении с административными центрами регионов Приволжского федерального округа.

Осуществлена интегральная оценка уровня развития муниципальных образований городов-центров регионов Приволжского федерального округа. По итогам проведенного исследования делается вывод о том, что муниципальное образование «Город Киров» является городом с невысоким уровнем конкурентоспособности. Однако при этом он имеет определенный потенциал развития.

С. В. Полутин, А. В. Седлецкий. Анализ инновационного потенциала региона.

В статье рассматривается сущность инновационного потенциала, обосновывается необходимость его изучения на региональном уровне. Выявлены особенности целенаправленного развития инновационного потенциала, приводятся основные характеристики инноваций в разных сферах деятельности. На примере Пензенской области дается анализ инновационной деятельности.

О. Н. Владимирова. Проблемы формирования и функционирования инновационной инфраструктуры в регионе.

В статье рассматриваются проблемы формирования и функционирования инновационной инфраструктуры на региональном уровне, анализируется институциональный состав организаций инфраструктуры, рассматривается правовое регулирование. На примере Красноярского края приводится SWOT-анализ инновационной инфраструктуры.

Г. В. Барсуков, В. Т. Смирнов, С. И. Пахомов, Е. Ю. Степанова. Современное состояние и перспективы развития подготовки научно-педагогических кадров в докторантуре.

Осуществлен анализ основных тенденций подготовки кадров высшей квалификации с ученой степенью доктора наук. Выделены проблемы, присущие российской системе послевузовского образования, сформулированы основные направления совершенствования подготовки научных кадров через докторантуру при вузах и научных организациях.

Т. В. Клюкина. Информационная культура и профессиональное творчество студентов-гуманитариев: теория и практика образовательной деятельности в регионе.

В статье анализируется процесс развития информационной культуры личности, совершенствования информационно-технического потенциала студентов-гуманитариев. Рассмотрены процессы взаимодействия и взаимобусловленности профессионального творчества и информационного знания студентов.

Е. Г. Тихонова. Особенности адаптации иностранных студентов в вузе региона.

Выделены основные составляющие адаптации личности в социокультурном пространстве социума. На основе анализа результатов социологического исследования выявлены особенности адаптации иностранных студентов в Саратовском государственном медицинском университете.

М. В. Тингаева. Соотношение денежных доходов населения России и Республики Мордовия.

В статье приводится сравнительный анализ состояния доходов населения России и Республики Мордовия за 2001—2008 гг., среднедушевых денежных доходов населения, реальных располагаемых денежных доходов, их соотношения с прожиточным минимумом, численностью населения, с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума, основных показателей дифференциации доходов и структуры денежных доходов населения, а также показателей заработной платы как основного источника доходов населения.

Р. С. Чумаков. Территориальные аспекты качества жизни в регионе.

Статья посвящена территориальным аспектам качества жизни в Республике Мордовия, показаны различия между понятиями экономического и социального неравенства. С помощью индексов социального благополучия и напряженности проанализировано социальное положение муниципальных образований республики, обоснованы дальнейшие приоритеты пространственного развития Мордовии в области качества жизни.

Е. Е. Горина. Служба занятости: проблемы формирования и оптимизация функционирования.

В статье рассматриваются проблемы функционирования государственной службы занятости в условиях проведения в отношении нее административной реформы, выразившейся в принятии административных регламентов предоставления услуг центрами занятости населению, а также в передаче полномочий в сфере занятости в регионы. Сформулированы предложения дальнейшего развития службы занятости.

Д. М. Борисов. Положение гастарбайтеров в регионе.

На основе результатов социологического исследования анализируется положение иностранных трудовых мигрантов на территории Республики Мордовия.

В. Ф. Юнусбаева. Проблемы обновления трудовых ресурсов на селе.

В статье рассматриваются последствия влияния современных экономических условий на миграционную активность молодого трудоспособного населения и проблемы воспроизводства трудовых ресурсов аграрно-промышленного комплекса Республики Башкортостан.

Л. В. Пустынникова. Развитие молодежного общественного движения на территории городского округа г. Саров.

В статье анализируются деятельность и перспективы развития детских и молодежных организаций г. Сарова.

Т. Н. Иванова. Социально-экономические аспекты профессиональных устремлений молодежи (на примере Тольяттинского государственного университета).

В статье рассматриваются проблемы развития профессионального самоопределения молодежи, проблема выбора профессий молодежью, процессы профессионального обучения и развития профессиональных устремлений студентов Тольяттинского государственного университета.

Ю. В. Зеткина. Социальная профилактика наркотизма в регионе.

В статье представлен анализ современного состояния социальной профилактики наркотизма в Республике Мордовия, рассматриваются проблемы межведомственного взаимодействия субъектов профилактики в регионе, приводятся данные социологического исследования, выявляющего группы риска наркотизации.

К. В. Дементьева, П. Ф. Потапов. Региональные аспекты взаимодействия прессы и власти.

Статья посвящена взаимодействию властных структур и региональных печатных изданий Республики Мордовия. Проанализировано, какие издания (официальные или независимые) лучше справляются с информированием населения о важнейших решениях и планах властных структур, анализом и объяснением населению того, как те или иные действия власти могут отразиться на жизни людей.

Л. И. Никонова, В. П. Савка, А. И. Каргин. Связующая нить прошлого и настоящего: к истории переселения мордвы на Дальней Восток.

В статье представлена история переселения мордовского народа на Дальней Восток. Осуществлена попытка выявить взаимосвязь миграционных процессов прошлого и современного этнического развития в контексте предстоящего тысячелетия единения мордовского народа с другими народами российского государства.

Н. Ф. Беляева. Этническая культура в процессах этнической идентификации и культурного диалога.

В статье осуществлен анализ развития национальной культуры, процесса этнической идентификации мордовского народа в контексте культурного диалога.

Н. А. Галактионова. Особенности современных процессов регионализации и формирования региональной идентичности.

Исследуются современные взгляды на понимание процессов формирования региональной идентичности, рассматриваются варианты конструирования региональной идентичности в Тюменской области в синхронном и диахронном аспектах.

Т. Н. Суконкина. Формирование мультикультурного общества в регионе.

Статья посвящена анализу формирования мультикультурного общества в Республике Мордовия, рассматриваются примеры реализации государственной политики мультикультурализма в современных демократических

государствах. Особое внимание уделяется межнациональным отношениям в республике.

В. И. Добрынина, Н. С. Кулешова. Этносоциокультурный потенциал государств постсоветского евразийского пространства.

В статье рассматривается стартовый этносоциокультурный потенциал, характеризующий особенности народонаселения в государствах, возникших на евразийском пространстве после распада СССР. Показаны качественные различия этнического состава населения, оказывающие существенное влияние на все сферы жизнедеятельности этих государств.

Т. Х. Салькаев. Специфика конфессиональной культуры Поволжья.

Осуществлена попытка анализа конфессиональной культуры Поволжья через межнациональный и межконфессиональный диалог народов, населяющих этот регион.

А. В. Лебедев. Религиозная культура как транслятор духовно-нравственных ценностей общества.

В статье рассматриваются вопросы влияния религиозно-библейских ценностей на современную культуру, а также анализируется состояние духовно-нравственного образования в Российской Федерации и Республике Мордовия.

З. Н. Хабибуллина. Диалог мировоззрений «Восток—Запад—Россия» через призму русского космизма.

Анализируются основные положения философии русского космизма через синтез духовных традиций Востока и Запада, что формирует самобытное мировоззрение, нацеленное на созидательное преобразование в планетарном масштабе.

А. А. Юдин. Региональные аспекты преодоления морального отчуждения.

В статье мораль рассматривается как совокупность универсальных норм, идеалов и правил, важнейшей целью которых является преодоление отношений отчуждения на различных уровнях социальной жизни. В качестве пути выхода из сложившейся ситуации предлагаются не глобальные преобразования, а действия, идущие «снизу», от локальных и региональных процессов.

В. А. Ломшин. Денежная реформа 1947 г. и отмена карточной системы.

Анализируется процесс проведения денежной реформы 1947 г. в СССР, сопровождавшейся деноминацией с конфискацией, отменой карточной системы снабжения продовольственными и промышленными товарами и введением единых сниженных цен на продовольствие и промышленные товары.

В. С. Святогорова. Творческая интерпретация мифологии мордвы в этнофутуризме.

Анализируется мифологическая тема в изобразительном искусстве Республики Мордовия, делается вывод о смешивании и взаимозаменяемости понятий «этническое» и «мифологическое», выявлена природа этого явления в характерной для этнофутуризма исторической инверсии.

Е. М. Мелякина. Становление и развитие народно-певческой культуры в регионе.

В статье анализируется становление и развитие народно-певческой культуры в Мордовии, выделяются его основные направления, а также основы певческих исполнительских традиций и современное состояние певческого исполнительства.

В. В. Леонов. Образы природы в мордовской мифологии как основа формирования нравственных ценностей.

В статье затрагиваются актуальные вопросы формирования нравственных ценностей во взаимоотношениях между человеком и природой, приводятся факты из истории философской мысли, раскрывающие влияние окружающей среды на становление нравов и обычаев народа, а также нравственной культуры этноса. На примере мордовской мифологии прослеживаются элементы, послужившие источником возникновения ценностных установок и норм поведения.

Е. А. Тинякова. Мемориальные музеи провинции как элемент русской культуры.

Представлена сеть мемориальных музеев Курской области, осуществлена их типология, определено место в формировании регионального и общероссийского культурного пространства, намечены перспективы развития.

ANNOTATIONS
K. S. Puzyrev. European Regionalism: from Concept to Reality.

Distinctive features in the ideology of the project «Europe of Regions» and a real status of regions in modern Europe are determined. Different elements of «European regionalism» appeared in practice of some European states are considered. It is proved that «European regionalism» as integral model is capable of overcoming the influence upon the process of general European integration of separatism and nationalism.

E. N. Chernova. Principle of Federalism Application at the Transition of Russia to Informational Society.

Interconnection between an evolution of federative relations and informatisation in modern Russia is represented in the article. The essence of the principle of federalism is brought to light; difficulties in its application in the current situation are shown. Estimation of the perspectives for the system reconstruction of Russian federalism in the conditions of the transition to informational society is presented.

V. I. Gostenina, S. A. Shilina. Communicative Administrative Code of a Power Body: Formation of Ideo-Style.

The problem of ideo-style of a power body as demonstration of communicative administrative code is under research in the article. General trends in the research of communications as sensor (conceptual) code which helps to clarify the relations between an individual and a power body are considered.

A. E. Lapin, Yu. S. Sannikova. Evolution of Normative and Legal Provision of Elaboration of Programmes and Strategies for Social and Economic Development of the Russian Federation Constituent Entities.

Most important normative and legal acts containing general propositions for elaboration of programmes and strategies for social and economic development of the region starting from 1991 until now are considered in the article.

V. P. Minichkina, M. V. Yakushkin. Monitoring of Efficiency of Local Self-Governing Authorities of the Region.

The analysis of the efficiency of activities of municipal districts of the Republic of Mordovia is carried out in the article. Recommendations for optimisation of activities of local self-governing authorities in different spheres are offered.

D. Yu. Faikov, O. S. Ratkevich. Formation of Strategy for Development of Administrative and Territorial Entities of Closed Type.

Algorithm for the formation of a strategy for the development of administrative and territorial entities of closed type combining state and local blocks is offered in the article. State block includes determination of administrative and territorial entities of closed type based on the geo-political situation, local one — local development programmes, co-ordinated with the town-forming enterprise.

S. V. Bulyarsky, S. A. Bulyarskaya, A. O. Sinitsin. Legal Foundations for Formation of Territorial Economic Clusters.

On the basis of the analysis of the acting legislation and practices accumulated in the Russian Federation constituent entities it is represented that federal law «On Non-Commercial Organisations» and an agreement on

strategic partnership may serve the basis for establishment of territorial economic clusters.

N. D. Naidenov, E. N. Novokshonova. Territorial Allocation of Investments in the Region.

The analysis of territorial allocation of investments in the Republic of Komi is carried out in the article. It is recommended to broaden investments promoting increase in the number of working places and employment in the territory of the region as well as those facilitating stabilisation of number of population in the region.

N. N. Semenova, O. I. Eremina. State Investment Support for Regional Agriculture.

Financing of agriculture in the Republic of Mordovia from federal and republican budgets is analysed in the article. Trends of state participation in the process of activation of innovative processes in the agri-industrial complex are described.

L. I. Zinina, T. V. Glukhova. Formation of System for Regional Food Market Regulation.

Problems of the food market of the Republic of Mordovia in the current social and economic conditions are considered. Practical approaches to the development of the system for its state regulation are offered.

A. A. Dyakonov. Evaluation of Social and Economic Development Level of Kirov in Comparison with Other Administrative Centres of the Volga Federal District.

Integral evaluation of the development level of municipal entities of cities — centres of the Volga Federal District regions is carried out in the article. After the results of the research the conclusion that municipal entity of Kirov is the city with a low level of competitiveness is made. At the same time it has a certain development potential.

S. V. Polutin, A. V. Sedletsky. Analysis of Innovative Potential of the Region.

The essence of the notion of «innovative potential» is considered in the article. The necessity for its research on the regional level is substantiated. Peculiarities of the task-orientated development of the innovative potential are traces; basic characteristics for innovations in different spheres of activity are given. After the example of the Penza Region the analysis of innovative activity is made.

O. N. Vladimirova. Problems in Formation and Functioning of Innovative Infra-Structure in the Region.

Problems in the formation and functioning of innovative infra-structure on the regional level are considered in the article; institutional structure of infra-structural organisations is analysed and legal regulation is treated. After the example of the Krasnoyarsk Krai SWOT-analysis of innovative infra-structure is made.

G. V. Barsukov, V. T. Smirnov, S. I. Pakhomov, E. Yu. Stepanova. Present-Day State and Perspectives for Development of Scientific and Pedagogic Personnel Training in the Doctorate.

The analysis of main tendencies in training of personnel of higher qualification with scientific degree of the doctor of science is carried out in the article. Problems characteristic of the Russian system of postgraduate

study are determined; main trends in modernisation of scientific personnel training through the doctorate under universities and scientific organisations are enunciated.

T. V. Klyukina. Informational Culture and Professional Creative Work of Humanist Students; Theory and Practice of Educational Activity in the Region.

The process of the development of informational culture of personality as well as informational and technical potential of humanist students is analysed in the article. The problems of interaction and interdependence of professional creative work and informational knowledge of students are considered.

E. G. Tikhonova. Peculiarities in Adaptation of Foreign Students in the Regional University.

Main components of personality adaptation in the socio-cultural space of the society are determined. On the basis of the analysis of the results of sociological research of foreign students of the Saratov State Medical University are brought to light.

M. V. Tingaeva. Correspondence of Cash Revenue of Population of Russia and the Republic of Mordovia.

Comparative analysis of cash revenue, average income, real disposable income, their comparison with the living wage, number of population and cash revenue lower than living wage as well as wages as main source for population revenue between the population of Russia and the Republic of Mordovia in 2001 — 2008 is made in the article.

R. S. Chumakov. Territorial Aspects of Life Quality in the Region.

The article is devoted to the analysis of territorial aspects of life quality in the Republic of Mordovia; differences between the notions of the economic and social inequality are shown. With the help of social prosperity and tension a social state of municipal entities of the Republic is analysed, further priorities for spatial development of Mordovia in the sphere of life quality are substantiated.

E. E. Gorina. Employment Service: Formation and Optimisation of Functioning.

Problems of functioning of state employment service in the conditions of its administrative reforming are considered in the article. The reform means the adoption of administrative regulations in rendering services by employment centres to population as well as delegation of authorities in the sphere of employment to the regions. Proposals for further development of employment service are made.

D. M. Borisov. Status of Gastarbeiters in the Regions.

On the basis of the results of sociological research the status of foreign labour migrants in the territory of the Republic of Mordovia is analysed.

V. F. Yunusbaeva. Problems of Labour Resources in Rural Area Renovation.

Consequences of the influence of the present-day economic conditions upon the migration activity of young employable population and problems of reproduction of labour resources in the agri-industrial complex of the Republic of Bashkortostan are considered in the article.

L. V. Pustynnikova. Development of Youth Social Movement in the Territory of Sarov Urban District.

Activities and development perspectives of children and youth organisations in Sarov are analysed in the article.

T. N. Ivanova. Social and Economic Aspects of Professional Ambitions of Youth (after Example of Togliatti State University).

Problems in the development of professional self-determination of youth as well as the problem of the choice of profession by youth, processes of professional training and development of professional ambitions of students of Togliatti State University are considered in the article.

Yu. V. Zetkina. Social Prophylaxis of Drug Addiction in the Region.

The analysis of the present-day state of social prophylaxis of drug addiction in the Republic of Mordovia is presented in the article. Problems of inter-institutional interaction of the prophylaxis entities of the region are considered. The results of sociological research determining drug addiction risk groups are summarised.

K. V. Dementyeva, P. F. Potapov. Regional Aspects of Interaction between Printed Press and Power.

The article is devoted to the analysis of interaction of state power bodies and regional printed press in the Republic of Mordovia. It is traced which printed editions are best at informing population about most important decisions and plans of state power bodies, analysis and interpretation of the possible influence of state power bodies activities on the life of the people.

L. I. Nikonova, V. P. Savka, A. I. Kargin. Connecting Thread between the Past and the Present: to the Story of Mordva Migration to the Far East.

The story of the Mordovian people migration to the Far East is presented in the article. An attempt to trace the interconnection between the migration processes of the past and modern ethnic development in the context of the coming millennium of solidarity of the Mordovian people with other peoples of the Russian State is made.

N. F. Belyaeva. Ethnic Culture in Processes of Ethnic Identification and Cultural Dialogue.

The analysis of the development of national culture as well as the process of ethnic identification of the Mordovian people in the context of cultural dialogue is made in the article.

N. A. Galaktionova. Peculiarities in Modern Processes of Regionalisation and Formation of Regional Identity.

Modern views upon understanding the process of regional identity formation as well as variants for construction of regional identity in the Tyumen Region in the synchronic and diachronic aspects are analysed in the article.

T. N. Sukonkina. Formation of Multi-Cultural Society in the Region.

The article is devoted to the analysis of the formation of a multi-cultural society in the Republic of Mordovia. Examples of state policy of multiculturalism implementation in modern democratic states are considered. Special attention is paid to international relations in the Republic.

V. I. Dobrynina, N. S. Kuleshova. Ethno-Socio-Cultural Potential of Post-Soviet States Located in Euro-Asian Space.

Starting ethno-socio-cultural potential characterising peculiarities of population in the states emerged in the Euro-Asian space after the collapse of the USSR is considered in the article. Qualitative differences in the structure of population considerably influencing all the spheres of vital activity of these states are presented.

T. Kh. Salkaev. Specificity of Confessional Culture of the Volga Region.

An attempt to analyse confessional culture of the Volga Region through international and inter-confessional dialogue of peoples inhabiting this region is made in the article.

A. V. Lebedev. Religious Culture as Translator of Moral Valuables of Society.

Issues of religious and Biblical valuables influence on the modern culture are analysed in the article. Present-day state of moral education in the Russian Federation and the Republic of Mordovia are also analysed.

Z. N. Khabibullina. Dialogue of Ideologies «the East — the West — Russia» through the Prism of Russian Cosmism.

Main theses of the Russian cosmism philosophy through the synthesis of moral traditions of the East and the West forming the original ideology aimed at the constructive transformation in the planetary scale are analysed.

A. A. Yudin. Regional Aspects of Moral Estrangement Overcoming.

Moral is treated as an aggregate of universal norms, ideals and rules aiming at overcoming of estrangement relations on the different levels of social life. To overcome the current situation actions coming from «the bottom» — from local and regional processes — instead of global transformations are offered.

V. A. Lomshin. Monetary Reform of 1947 and Cancellation of Card System.

The process of monetary reform of 1947 in the USSR accompanied by denomination with confiscation, cancellation of card system for food and manufactured goods provision and introduction of unitary reduced prices for food and manufactured goods is analysed.

V. S. Svyatogorova. Creative Interpretation of Mordva Mythology in Ethno-Futurism.

Mythological theme in the decorative art of the Republic of Mordovia is analysed. A conclusion on the interfusion and transportability of the notions of «the ethic» and «the mythological» is made. The essence of this phenomenon in the historical inversion characteristic of ethno-futurism is brought to light.

E. M. Melyakina. Formation and Development of Peoples Singing Culture in the Region.

The formation and development of peoples singing culture in Mordovia is analysed in the article. Its main trends as well as foundations of singing performing traditions and present-day state of singing performance are traced.

V. V. Leonov. Images of Nature in Mordovian Mythology as Basis for Moral Valuables Formation.

Actual issues in the formation of moral valuables in the interrelations between the human being and the nature are treated in the article. Facts from the history of philosophical thought uncovering the influence of environment on the formation of morals and traditions of the people as well as moral culture of ethnos are brought to light. After the example of Mordovian mythology elements serving the source for axiological orientations and behaviour norms are traced.

E. A. Tinyakova. Memorial Museums of Province as Element of Russian Culture.

A net of memorial museums of the Kursk Region is presented; their typology is developed; the place in the formation of regional and Russian cultural space and their development perspectives are determined.

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ!

Требования к статьям, предоставляемым для публикации в научно-публицистическом журнале «Регионология»

1) Рецензируемый научно-публицистический журнал «Регионология» публикует результаты оригинальных научных исследований. Статья, предоставляемая в редакцию, должна соответствовать профилю журнала. Изложение материала должно быть ясным, без длинных введений и повторов, с разъяснением узкоспециальных терминов.

2) К статье должен быть приложен отзыв на статью от лица, имеющего ученую степень доктора экономических, философских, социологических, политических наук, а также доктора культурологии (в соответствии с тем научным направлением, по которому писалась статья), из организации, где выполнялась работа. Рецензирующий данную статью доктор наук не может быть ее автором (соавтором).

3) Объем статьи не должен превышать 12 страниц, рецензии — 6 стр. Бóльший объем материалов допускается по решению редакционной коллегии журнала.

4) Статья должна быть набрана в текстовом редакторе Word для Windows, напечатана на одной стороне листа формата А4. Шрифт — Times New Roman, размер шрифта — 14, межстрочный интервал — полуторный. Ширина полей: слева — 3 см; справа — 1,5 см; сверху — 2 см; снизу — 2 см. Абзацный отступ — 1 см. Текст набирается с установленным автоматическим переносом.

5) Все материалы должны быть предоставлены в электронном и распечатанном виде. Несовпадение бумажной и электронной версий статьи не допускается. Распечатка должна быть 100%-ой копией электронного варианта. В противном случае редакция журнала вправе отклонить публикацию статьи.

6) В первой строке указываются инициалы и фамилия автора(ов) (выравнивание по правому краю).

7) Во второй строке приводится название статьи, которое дается заглавными буквами и полужирным шрифтом (выравнивание по центру).

8) В третьей строке указываются ключевые слова статьи (выравнивание по ширине). Каждое ключевое слово отделяется от другого запятой. Ключевые слова приводятся на русском языке.

9) В четвертой строке приводится авторская справка, в которой необходимо указать фамилию, имя, отчество (полностью), ученую степень и звание, должность, город и учебное заведение / место работы, домашний адрес, контактные телефоны, факс, e-mail (выравнивание по ширине). Если авторами статьи являются несколько человек, то информация дается о каждом авторе. Учебное заведение / место работы даются полным названием без каких-либо аббревиатур.

10) Сокращение слов, кроме общепринятых, в статье не допускается. Аббревиатуры включаются в текст лишь после их первого упоминания с полной расшифровкой.

11) Количество таблиц должно соответствовать объему предоставляемой информации. Данные в таблицах не должны дублировать данные графиков, схем и текста, и наоборот. Таблицы должны быть наглядными, иметь название, заголовки должны точно соответствовать содержанию графа. В статье на каждую таблицу должна быть обязательная ссылка. Если таблица в тексте одна, то она не нумеруется.

12) Формулы должны быть набраны в редакторе формул Microsoft Equation и вставлены в текст по формату абзаца. Формулы следует нумеровать. Если формула единственная, то в ее нумерации нет необходимости.

13) Количество рисунков (графиков, схем) должно соответствовать объему предоставляемой информации. Каждый рисунок должен быть четким, иметь нумерацию (если рисунков несколько) и название.

14) В статье должна использоваться международная система единиц СИ.

15) После основного текста через одну строку заглавными буквами печатается слово «примечания» или, если в тексте одна ссылка, «примечание» (выравнивание по центру). Не допускаются постраничные и автоматические сноски. По тексту должна быть сквозная нумерация 1, 2, 3 и т. д., набранная вручную. При цитировании и ссылке на те или иные источники необходимо указывать фамилию автора, начальные буквы его имени и отчества, полное название книги, год и

место издания, конкретные страницы. В противном случае ссылка, а также текст, связанный с ней, будут удалены из статьи. Каждый источник следует напечатать с новой строки под порядковым номером. Нумерация осуществляется по мере цитирования и указания ссылок на источник в статье. За правильность цитирования и приведенных в примечаниях данных ответственность несет(ут) автор(ы) статьи.

16) Примечания следует оформлять по ГОСТ Р 7.0.5–2008. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления. Интернет-сайт: <http://protect.gost.ru/document.aspx?control=7&id=173511> (сайт Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии).

Примеры¹:

14. Экономика и политика России и государств ближнего зарубежья: аналит. обзор, апр. 2007 / Рос. акад. наук, Ин-т мировой экономики и междунар. отношений. М.: ИМЭМО, 2007. 39 с.

16. Валукин М.Е. Эволюция движений в мужском классическом танце. М.: ГИТИС, 2006. 251 с.

28. Содержание и технологии образования взрослых: проблема опережающего образования: сб. науч. тр. / Ин-т образования взрослых Рос. акад. образования; под ред. А.Е. Марона. М.: ИОВ, 2007. 118 с.

12. Ефимова Т.Н., Куракин А.В. Охрана и рациональное использование болот в Республике Марий Эл // Проблемы региональной экологии. 2007. № 1. С. 80–86.

24. О внесении изменений в статью 30 закона Ненецкого автономного округа «О государственной службе Ненецкого автономного округа»: закон Ненец. авт. окр. от 19 мая 2006 г. № 721-ОЗ: принят Собр. депутатов Ненец. авт. окр. 12 мая 2006 г. // Няръяна вындер (Крас. тундровик) / Собр. депутатов Ненец. авт. окр. — 2006. — 24 мая.

Повторные библиографические ссылки

22. Новикова З.Т. История экономических учений. С. 187–192.

34. Бурмистрова Н.А. Производная функция ... С. 36.

77. Правовые основы российского государства. Ч. 1. С. 156–158.

4. Пат. 21974412 Рос. Федерация. С. 2.

¹ Даны примеры затекстовых библиографических ссылок, представленных в ГОСТ Р 7.0.5–2008. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления. М.: Стандартинформ, 2008. С. 16–18. Информация взята с сайта Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии. URL: <http://protect.gost.ru/document.aspx?control=7&id=173511> (дата обращения: 28.01.2009).

Библиографические ссылки на электронные ресурсы

¹ Дирина А.И. Право военнослужащих Российской Федерации на свободу ассоциаций // Военное право: сетевой журн. 2007. URL: <http://www.voennopravo.ru/node/2149> (дата обращения: 19.09.2007).

45. Энциклопедия животных Кирилла и Мефодия. М.: Кирилл и Мефодий: New media generation, 2006. 1 электрон. опт. диск (DVD-ROM).

Библиографические ссылки на архивные документы

42. Полторацкий С.Д. Материалы к «Словарю русских псевдонимов» // ОР РГБ. Ф. 223 (С.Д. Полторацкий). Картон 79. Ед. хр. 122; Картон 80. Ед. хр. 1–24; Картон 81. Ед. хр. 1–7.

17) После примечаний через одну строку приводится краткая аннотация статьи (8–10 строк) на русском языке (выравнивание по ширине).

18) К статье должна быть приложена черно-белая или цветная фотография автора без уголков и дефектов, размер 3 x 4 см. Если статья написана несколькими людьми, предоставляется фотография каждого автора. Электронное предоставление фотографии допускается в формате TIFF или JPEG без предварительной обработки в графических редакторах. Электронная версия фотографии предоставляется отдельным от текста статьи файлом. К печати не допускаются фотографии фривольного характера.

19) Редакция журнала оставляет за собой право не публиковать материалы, содержание которых не соответствует тематике журнала. Статьи, оформленные с существенными техническими отклонениями от изложенных требований, а также статьи с выявленными пассажирами компилятивного или плагиатного характера к печати не допускаются.

20) Статьи редактируются и не возвращаются. По вопросам, касающимся отклонения статьи, редакция журнала дает обоснованный ответ в письменной и устной формах.

Журнал распространяется по подписке.

Технические редакторы *Л. В. Калачина, О. В. Пьянзина*
Макет *Л. В. Калачиной*
Перевод аннотаций и ключевых слов *С. И. Лягущенко*

Журнал зарегистрирован в Министерстве Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ПИ № 77-16450 от 22 сентября 2003 г. Подписано в печать 30.06.10. Формат 60x84 1/16. Усл. печ. л. 21,86. Уч.-изд. л. 20,14. Тираж 1000 экз. I завод — 700 экз. Заказ № 3292.

Адрес редакции: 430005 г. Саранск, ул. Б. Хмельницкого, 39а. НИИ регионологии ГОУВПО «Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева». Тел. (834-2) 47-44-51, 48-07-00; факс (834-2) 47-39-95. E-mail: redreg@mail.ru
Интернет-сайт журнала: <http://regionsar.ru>

Макет выполнен в НИИ регионологии ГОУВПО «Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева». 430005 г. Саранск, ул. Б. Хмельницкого, 39а.

Отпечатано в ГУП РМ «Республиканская типография „Красный Октябрь”». 430000 РМ г. Саранск, ул. Советская, 55а.